

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
УЗБЕКИСТАНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 1932 ГОДА

№ 8

1990 ГОД

Ташкент. Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма

В номере

ПРОЗА

- ИГОРЬ РОГОВ. Горечь полыни. Записки. 12
ЕВГЕНИЙ БЕРЕЗИКОВ. Вхождение в полтергейст. Этюды о непознанном 39

ПОЭЗИЯ

- МУХАММАД АЛИ. Разговор о поэзии с молодым дехканином из Боза. Первая любовь. Царь и поэт. Перевод с узбекского М. Кудимовой. 10
ВАХИД ИТАЕВ. «Сон тяжелый замучил меня...». «Осенний день — осколок рая...». «Я записал старинную легенду...». «Не спеши, голубая планета...». «Какой был сон!...». «Может, не у той звезды...». «Село. Осенний день...». «И демон спрашивал меня...». «Вразвалочку, спокойнo...». 35
АЗИМ СУЮН. Влюбленный. Старый волк. «Я сердцу своему кричу...». Любовь. Перевод с узбекского Е. Субботина. 37
ЭМИЛЬ АМИТ. Моему деду. 81

ПЕРЕСТРОЙКА: ИДЕИ И ПРАКТИКА

- КУЧКАР ХАНАЗАРОВ. В поисках третьей опоры. Полемические заметки. 3
А. ГОЛОВАНОВ. «Эх ты, масса, масса...» К истории крестьянского вопроса в стране. 84

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

- СВЕТА ФЕДОТОВА. «Кубик-рубик в шесть цветов — это жизнь...». «Как неумело мы, люди, живем!...» «Планета-древо...» «Нет, смерть не спросит...». «В звуках времени город тонет...». Не люблю. Памяти папы. «Чей голос предвестит беду?». 100
ЮЛДУЗ МУХТАРОВА. «Если птица не может покинуть гнезда...». «Я ищу голос Ваш...». «Ветер венчает у моря...». Человек. «Как часто встречаем...». 103

ПУБЛИЦИСТИКА

- Д. ОРЕШКИН. «Чего мы не простим Америке, а Америка не простит нам?» Заметки командированного. 106

НЕРАЗГАДАННЫЕ ТАЙНЫ ВОСТОКА

- АНАТОЛИЙ ЕРШОВ. Дорогой тысячелетий. 120

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- СЕРГЕЙ ИСАЕВ. Стереотипы и Творчество. 128

Трибуна писателя

Услышать и понять.	134
----------------------------	-----

Публикации. Документы. Воспоминания

НИКОЛАЙ КРАСИЛЬНИКОВ. Весны возвращаются.	139
---	-----

Книжное обозрение

Х. НУРИДДИНОВ. История любви.	144
И. ТОМИЛИНА. Танец чужих пальцев.	145
ЛЕ ВИНЬ КУОК. Чтобы гомо мог быть и сапиенс.	147

Письма читателей

М. КОСТИНСКАЯ. «Поэта жизнь продлят его стихи...».	148
--	-----

Коран

Сура 10. Йунус.	152
Сура 11. Худ.	156
Комментарии	161

Приключения. Фантастика

П. Д. ДЖЕЙМС. Неженское дело. Р о м а н. Окончание. Перевод с английского Ч. Толстяковой.	165
---	-----

Сатира. Юмор

ЗИНОВИЙ РЫБАК. Сопереживания. Юмористический рассказ.	204
Улыбка художников. Рисунки В. Уборович-Боровского, А. Умярова, М. Кицкотая.	206
О наших авторах.	208

Главный редактор **С. П. ТАТУР**.

Редакционная коллегия: **В. А. АЛЕКСАНДРОВ, И. М. АЛЯБЬЕВА** (отв. секретарь), **А. Ф. БАУЭР, А. Р. БЕНДЕР** (зам. главного редактора), **Е. Е. БЕРЕЗИКОВ, С. А. БРЫНСКИХ, Г. П. ВЛАДИМИРОВ, Н. К. ГАЦУНАЕВ, М. М. МИРЗАМУХАМЕДОВ, Ю. А. МОРИЦ, И. Ф. РОГОВ, Р. А. САФАРОВ, Н. В. СТРИЖКОВ, А. А. УДАЛОВ, Ш. ХАЛМИРЗАЕВ, Н. ХУДАЙБЕРГАНОВ.**

Кучкар Ханазаров,

доктор философских наук

В ПОИСКАХ ТРЕТЬЕЙ ОПОРЫ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Эпоха гласности — это и время открытия горькой правды о самих себе, о своей стране, время критического сравнения с тем миром, который наши идеологи столько десятилетий усердно хоронили. Мы считали, что догоняем, наступаем на пятки Западу в экономической мощи. Оказалось — не только не догоняем, но все больше отстаем. Мы, например, узнали, что один американский фермер производит столько же продукции, сколько одиннадцать его советских коллег.

А может, и не нужно сравнений? Может быть, достаточно того факта, что богатейшая в прошлом сельскохозяйственная держава сейчас посадила свое население на продуктовые талоны? И кто же виноват в этом?

Уж конечно, не западный фермер, которому никакого дела нет до нас, который день и ночь ломает голову, как выжить в жесткой конкурентной борьбе производителей.

Видимо, и нам следовало идти по этому пути, ибо именно конкурентная борьба, как показывает практика, является тем всеобщим стимулятором, который заставляет каждого «выкладываться».

Помнится, лет десять-двенадцать тому назад, в разгар застоя, наш известный журналист В. Стрельников рассказывал со страниц «Правды», как он решил заглянуть в «американскую глубинку» и узнать, как живет рядовой фермер, как он мучается в тисках капитализма. Однако вместо разоблачения капиталистического фермерства получился убедительный рассказ о том, как рачительно хозяйствует на своей земле американец Джон Смит. Оказалось, что у этого самого-самого средненького американского фермера 18 гектаров земли, один трактор с... двадцатью шестью навесными орудиями. Этот трактор работает в среднем восемнадцать часов в сутки: то убирают с его помощью сено, то пахут землю, то готовят силос, то качают воду из колодца, то везут готовую продукцию в пункт сдачи. Журналист выяснил, что трактор иногда работает на автоматическом круглосуточном режиме: например, хозяйева, ложась спать, переключают его на перекачку воды. Семья фермера — сам он, жена, сын и дочь. И каждый умеет все: водить трактор, доить коров, готовить силос и т. д. В дни пика сельхозработ все четверо спят не более шести часов в сутки. Вот такая интенсивность труда обеспечивает и высокий жизненный уровень. Дети не только учатся, но и трудятся.

Мировая практика преподносит миллионы примеров того, как надо хозяйствовать. Но мы с упорством, достойным лучшего применения, на все это закрывали глаза, более того, отвергали как нечто проклятое. Ибо этот опыт исходил от капитализма, отрицаемого нашей непримиримой идеологией. В этой идеологизации экономики, да

и всей жизни, кроется одна из основных причин дискредитации и профанации социализма. Построенный нами социализм мы стали называть реальным.

Но о таком ли социализме мечтали и за такой ли социализм боролись Маркс, Энгельс и Ленин, первые коммунисты и социалисты? Конечно, нет. Их последователи оказались догматиками, боявшимися что-либо изменить, пересмотреть, уточнить в теории социализма. Кругом все меняется, а теоретические положения остаются без изменений, не учитывают требований меняющейся жизни. Эта верноподданническая преданность каждой букве и каждому слову учения привела все страны социализма к кризису и в сфере национальных отношений. Вспомним Тбилиси и Баку, Таллинн и Кишинев, Фергану и Душанбе, Новый Узень и Алма-Ату, Якутск и Цхинвали... Наша печать уже без боязни отмечает, что национальная политика периода сталинизма и застойных лет была политикой ассимиляторской, а местами — неприкрыто русификаторской. Причем проводилась она помимо воли и желания самого русского народа. Сталинская теория слияния наций и национальных языков, выдвинутая «великим вождем всех народов» в отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVI съезду партии¹, имела в виду, что сближение и слияние проходят на основе одной наиболее крупной и развитой нации. Поэтому русский народ, сам о том не думая и сам к тому не стремясь, оказался втянутым в авантюрный сталинский план слияния наций. Этот тезис об особой исторической миссии русского народа оказался, как это ни парадоксально, весьма созвучным самым реакционным теориям дореволюционного нечесаного великодержавного шовинизма и затхлого славянофильства. Многолетняя и упорная пропаганда достигла цели: немалая часть населения в это искренне поверила.

Нечто подобное происходило во всех многонациональных социалистических государствах. Это было неизбежно при командно-административном социализме, при авторитарно-диктаторской системе. Все страны социализма машинально повторяли то, что делается у нас. Мы были первыми, мы подавали пример всем странам и народам, как надо строить и развивать социализм.

В Болгарии проводилась в течение десятилетий неприкрытая политика насильственной болгаризации турецкого населения. Одним росчерком пера турок, всемирно известный тяжелоатлет Наим Сулейман становился Наумом Соломоновым. Чтобы сохранить свою национальную принадлежность, свое турецкое имя и фамилию, этот спортсмен вынужден был эмигрировать в Турцию. Подобных примеров не перечислить.

Не лучше положение в соседней Румынии. Здесь живут два миллиона венгров, они составляют около десяти процентов населения страны. Казалось бы, напрашивается автономия, создание всех условий для свободного развития языка и культуры венгерского населения. Но проводившаяся при режиме Чаушеску «национальную политику» никак не назовешь научной и марксистско-ленинской. Румынскими властями использовались все формы ущемления, урезания, притеснения национального меньшинства. То есть та же политика ассимиляции, румынизации... И не случайно, что бурные события в конце прошлого года, которые смели режим, начались именно в Тимишоаре, административном центре той части Румынии, где сосредоточена основная часть венгерского населения.

Отнюдь не безоблачны отношения между чехами и словаками. Экономически и культурно более развитая Чехия далеко не всегда справедливо верховодила в этой федерации. И в Югославии социалистический строй никак не может найти оптимально-го решения проблемы межнациональных отношений.

Мы пока ограничимся этими фактами. Наука наша пока не располагает достаточно полными материалами, ведь считалось, что в социалистических странах национальный вопрос решен раз и навсегда, справедливо и по-научному, а поэтому незачем тратить время и силы на изучение решенных проблем. Отсюда — скудость и фрагментарность наших знаний о межнациональных проблемах в странах социализма.

Итак, национальный вопрос у нас решен в жестких рамках командно-административного социализма, неотъемлемыми атрибутами которого являются насилие, принуждение, произвол. Классическим примером здесь могут служить насильственная депортация крымских татар, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкар, немцев Поволжья, месхетинских турок, корейцев, причерноморских греков, курдов и других народов. Страдания этих народов на чужбине еще ждут своего летописца, до сих пор обо всем этом в нашей литературе и в прессе сказано мало.

Что же касается народов, избежавших тотальной репрессии, то и они за годы командно-административного социализма были почти лишены национальных признаков. Планомерное уничтожение интеллигенции, запрет на высказывание самостоятельных суждений о нации, ее истории, о чувстве национального достоинства, о национальном самосознании, о гордости за собственный народ — все это коснулось и их. В итоге сформировались нации и народности, одинаковые по заложенным в них идеологиче-

¹ См.: Сталин И. В. Соч., т. 12, сс. 369, 370 и др.

ским установкам, по миропониманию, по убеждениям, опирающимся на принципы командно-административного социализма. Они не могли не образовать единство, не могли не быть сплоченными, они не могли не составлять единую семью, ибо только так можно было спастись от репрессий, депортаций, выселений и других мер наказания за проявление самостоятельности, свободного мышления, творческих устремлений. Это были нации и народности, стесненные политически и духовно, ущемленные в естественном желании развивать культуру и национальный язык, национальные традиции и обычаи, подвергавшиеся всем видам притеснений через постоянное давление бюрократического аппарата, развивавшие экономику по предписанию сверху, а не в соответствии с исторически сложившимися особенностями ведения хозяйства.

В 1932—1934 годах в стране литература издавалась на 86 языках народов СССР, а в 1985 году — на 67 языках. Идет уменьшение количества языков обучения в школах: до войны в школах обучение велось на почти девяноста языках народов СССР, в 1973 году — на 52 языках, в прошлом учебном году — на 39 языках. Обучение в большинстве школ автономных республик, областей и округов Российской Федерации было переведено на русский язык. В них выросло поколение людей, которые не владеют своим национальным языком, слабо знают историю, культурные и духовные ценности своего народа, оторваны от него. Школы с обучением на национальном языке данной автономии оказались оттесненными в дальние районы, слабо связанные с индустриальными и культурными центрами. Престижным стало отдавать детей в школы с русским языком обучения. За 1960—1985 годы в автономных республиках и областях издание книг на национальных языках сократилось почти в два раза. За этот же период в союзных республиках это сокращение составило 17 процентов². Надо при этом иметь в виду, что за указанное двадцатипятилетие население нерусской национальности выросло с 94 миллионов до 124 миллионов человек, то есть на 30 процентов. За эти годы в союзных и автономных республиках, а тем более в автономных областях и округах, стало нелегкой проблемой найти представителей интеллигенции, в совершенстве знающих собственный национальный язык.

Такие же тенденции и в экономике. Республики оказались в еще большем закабалении от Центра, чем это было до революции на соответствующих территориях. В Узбекской ССР более половины промышленной продукции производятся крупными предприятиями союзного подчинения. При этом, например, в Ташкентском авиационном производственном объединении имени В. Чкалова рабочие коренных национальностей составляют не более 20 процентов. Вопрос о росте национальных кадров рабочего класса в республиках Средней Азии стал притчей во языцех. Не перечить постановлений, решений, резолюций, принятых по этому вопросу различными руководящими инстанциями. А воз и ныне там.

Подобная индустриализация отягчает межнациональные отношения. Узбекская ССР, дающая стране две трети хлопка, золото, цветные металлы, каракуль, вдруг оказывается в должниках. В республике сложилось своеобразное национальное разделение труда: русскоязычное население сосредоточено главным образом в промышленности, а значит в городах, коренное население же в основном занимается сельским хозяйством. А ведь узбеки испокон веков славились как искусные ремесленники, снабжавшие своей продукцией всю Среднюю Азию и казахов кочевников. Напомним и о том, что именно русские распахали огромные пространства, умело крестьянствовали. Но вышло так, что русская нация оказалась самой крупной разменной монетой в руках хозяев авторитарно-бюрократической системы. Ею затыкали все щели, ее приносили первой в жертву при проведении любой социальной, политической, культурной фантазмагии. И при этом ее в течение долгих десятилетий убеждали в особой мессианской роли в истории. Поэтому миллионы русских шли на любой абсурдный шаг с чувством гордости, что именно они спасают человечество.

Механика формирования нации-робота проста. Для этого следует систематически лишать ее интеллектуальных сил и потенциала, вовремя из ее среды удалять тех, кто подает признаки самостоятельного мышления и духовного созидания. Эта задача была выполнена блестяще. Чтобы в этом убедиться, сопоставим два исторических отрезка — 1822—1885 и 1922—1985 годы. Это довольно большие исторические отрезки времени, и поэтому случайность здесь исключается. Понятно, почему мы берем эти два шестидесятилетия — в 1922 году И. В. Сталин стал Генеральным секретарем ЦК партии, а в 1985 году началась перестройка. Посмотрим, кого дала русская нация в «стране господ, в стране рабов», в стране голубых мундиров и послушного им народа, — говоря словами Лермонтова. Это — сам Лермонтов, Пушкин, Гоголь, Белинский, Достоевский, Герцен, Островский, Толстой, Салтыков-Щедрин, Гончаров, Тургенев, Чернышевский, Добролюбов и, наконец, Чехов. Это только литература! А кого можно противопоставить этим гигантам из советского периода? Одного Горького. Будем

² Вычислено по данным статсборников «Печать СССР в 1960 году» и «Печать СССР в 1985 году».

объективны и не станем перечислять как равнозначные с ним имена Шолохова, Серафимовича, Бедного, Есенина, Гроссмана, Симонова, Эренбурга, Щипачева, Федина, Фадеева, Леонова и других.

Не оскудела ли талантами и гениями земля русская, народ русский? Конечно, нет! Но имен их мы не знаем. Они погублены, так и не успев выжить себя.

Мы назвали имена только писателей и только тех, кто попал в хрестоматийные учебники для средней школы. Но есть еще музыка — Глинка, Мусоргский, Чайковский, Бородин, Римский-Корсаков... Есть художники — Брюллов, Федоров, Кипренский, Верещагин, Васнецов, Ге, Крамской, Перов, наряду с ними — величайшие фигуры Сурикова, Репина, Левитана...

Такие же грустные списки тысяч погубленных талантов, а может быть и гениев, мы могли бы назвать, вернее, составить для каждого народа, каждой нации и народности. Да, Россия, вся наша страна пережила страшную и непонятную пору длиной в семьдесят лет в своей истории. Страшную потому, что ни во времена Ивана Грозного, ни во времена Николая Кровавого, ни других монархов она не знала столько невинных жертв. Непонятную потому, что это было время небывалых свершений. Ведь вспомним, что до революции Россия выплавляла всего чуть более четырех миллионов тонн стали, а в 1985 году — в сорок раз больше, нефти соответственно добывалось 9,2 миллиона тонн — и более 600 миллионов, то есть в 70 раз больше; каменного угля мы извлекаем из недр больше, чем какая-либо другая страна в мире, — свыше 700 миллионов тонн. СССР выпускает больше всех на свете тракторов, комбайнов, и т. д., и т. п. Какого героического труда это стоило! Мы создали могучую индустриальную и военную державу. И вместе с тем мы остались на уровне 1913 года — и тогда мы были, по определению Ленина, второстепенной отсталой европейской державой, и теперь таковой являемся.

Все это наложило отпечаток на межнациональные отношения. Мы повторяемся, но, как говорится, повторение — мать учения. Мы знали, что коммунизм — это общество изобилия. Там много должно быть всего-всего, думали мы, и, стремясь как можно быстрее его построить, адскими темпами увеличивали выплавку стали и добычу угля, и расширяли хлопковые поля, осваивали целину, и выпускали сотнями тысяч инженеров. При этом игнорировали опыт капитализма как обреченного строя и не задумывались над тем, почему Япония, выплавляя лишь 97 миллионов тонн стали, производит товаров больше, чем мы. Такая наша бесхозяйственность невиданно ускорила разрушение материальных устоев наций и народностей, начиная от чистых рек и озер среднеазиатского региона, сведенных к ручейкам и лужам, и кончая ягельными просторами тундры, стертыми бульдозерами, самосвалами и другой новейшей техникой, переставшими давать корм для северных оленей зимой и летом. Арал же бьется в предсмертных конвульсиях, проклиная человека, так бессердечно обошедшегося с ним. Неужели сам социалистический строй оказался врагом всего национального? Чтобы ответить на этот вопрос, приходится заглянуть в историю марксизма: с чего он начинал, какие вопросы и проблемы он выдвигал на первый план, какие оставлял в тени?

Со дня опубликования «Манифеста Коммунистической партии» прошло более ста сорока лет. Исторический отрезок более чем достаточный для того, чтобы сделать определенные выводы о марксизме как учении. В истории человечества было мало произведений, которые бы оказали влияние, хоть в какой-то мере сопоставимое с «Манифестом». Это учение совершило революцию в сознании людей, в понимании ими законов развития общества. История перестала быть плодом деятельности и прихоти царей, императоров, королей, генералов, маршалов и ученых. Она обрела строгую внутреннюю логику. Выяснилось, что общество имеет объективные законы своего развития, которые не подчиняются ни царям, ни богам и не героям, а, наоборот, эти личности подчиняются объективным законам.

Логика суждений Маркса и убедительность доводов Энгельса были настолько бесспорны, что вскоре начинается победное шествие нового учения вначале по Европе, а затем по всему свету. Они доказали, что переход от капитализма к новой формации — коммунизму — такая же историческая неизбежность, как восход солнца. Но этот переход не может происходить автоматически. Нужна сила, и эта сила — пролетариат.

В эпоху капитализма, писали Маркс и Энгельс, мир совершенно четко разделился на два класса, на две половины, на две противостоящие силы — буржуазию и рабочий класс. Всемирная буржуазия объединилась в одну сплоченную силу благодаря своим общим классовым интересам и совершенствует машину эксплуатации и угнетения рабочего класса. Пролетариату обеспечена рабская жизнь и безудержная, беспросветная эксплуатация, если он не образует свою всемирную организацию труда, если не объединится для борьбы. Так как в руках рабочего класса все средства и орудия производства, то судьба общества, таким образом, в его руках. Значит, говорили они, пролетариат успешно свершит всемирную социалистическую революцию. Для этого необходима организованность и еще раз организованность рабочего класса.

Поэтому Карл Маркс и Фридрих Энгельс вынесли на обложку своего программно-го труда призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Именно этого объединения не хватало для того, чтобы свершить пролетарскую революцию и выйти на путь социалистического развития.

Что означает призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» применительно к проблеме межнациональных отношений? Он означает: «Товарищи пролетарии! Сплачивайтесь на классовой основе! В этом ваше спасение и залог вашего освобождения! Для этого поменьше обращайтесь внимания на свои национальные особенности! Преодолейте национальные границы и предубеждения! Чем дальше вы будете от национальных интересов, тем быстрее произойдет ваше объединение как всемирной армии труда и реальной антикапиталистической силы».

Мы понимаем, что для своего времени, когда многомиллионная армия пролетариата во всем мире задыхалась в тисках усиливающейся эксплуатации и когда почувствовавшая свою силу и финансовую мощь буржуазия (ибо это была эпоха ее восхождения) изощрялась в поиске новых путей и способов выжимания пота, учение Маркса и Энгельса было единственным и наиболее эффективным орудием пролетариата в борьбе за свои классовые интересы. Но согласитесь, что в призыве «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» была и своя слабина: она заключалась в одностороннем выпячивании классового момента в ущерб национальному.

Этот момент, возможно, следовало бы не подчеркивать, если бы только призывом дело ограничивалось. Там же, в «Манифесте», мы читаем о том, что «рабочие не имеют отечества». Да, в условиях стихийного капитализма рабочий выступал носителем физической силы и квалифицированного труда той или иной степени сложности. Страх потерять работу, вечное стремление во что бы то ни стало обрести материальную стабильность толкали рабочего в любую страну, на любой континент. На этой почве происходили небывалый рост миграции, смешение народов и рас, складывались новые территории заселения и проживания человека, новые страны и народы. Для этого достаточно познакомиться с историей Америки, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки.

В. И. Ленин развивает эту идею и неоднократно подчеркивает второстепенную, подчиненную роль национального вопроса в проблеме революции, в объединении рабочих всех наций России. Он отмечал, что «по сравнению с «рабочим вопросом» подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса».³

Эти положения были высказаны основоположниками учения рабочего класса задолго до социалистической революции и поэтому носили характер теоретических выводов, сделанных на основе анализа социальной действительности. Октябрьская революция создала возможности для того, чтобы от этих теоретических выводов и установок перейти к практическим шагам по претворению их в жизнь. После революции партия в своих решениях отмечала, что классовый подход к социальной политике, в том числе к национальным отношениям, выступает важнейшим принципом марксистско-ленинской методологии, которая предполагает подчиненность национального вопроса «интересам классовой борьбы пролетариата, интересам социализма».⁴

Как видим, политика строилась на противопоставлении классового национальному, национальных интересов — социализму. Более того, когда внимательно читаем работы классиков марксистско-ленинизма, решения, принятые в годы Советской власти, то обращаем внимание на то, что пролетариат, рабочий класс все время выступают освободителями наций, дарящими им свободу и равенство. Пролетариат, рабочий класс великодушно идут на этот шаг, выполняя свою историческую миссию. Причем, рабочий класс выступает не составной частью этих подлежащих освобождению наций, а смотрит на все это как бы со стороны. Искусственное вычленение рабочего класса из состава наций, народностей и национальных групп не отражает фактического положения вещей в обществе. Оно таит зародыш будущих обострений межнациональных отношений. Ибо противопоставление рабочего класса всем нациям, народностям и национальным группам, выделение его как привилегированной социальной общности вызывает внутренний протест, недовольство наций. Не надо забывать о том, что угнетенные нации, народности — это прежде всего крестьянство, на котором в течение веков держалось все общество.

Глубокой и серьезной теоретической разработкой проблем межнациональных отношений, развития наций, народностей и национальных групп в условиях социализма объективно мешало еще одно положение, высказанное Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии»: «В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эк-

³ Ленин В. И. ПСС, т. 25, с. 301.

⁴ КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., т. 11, с. 47. М., 1971—1981.

сплуатация одной нации другой. Вместе с антагонизмом классов внутри наций падет и враждебное отношение наций между собой».⁵

Мы шли первыми по пути социализма. Мы первыми пробивали дорогу. И мы цепко держались за высказывания основоположников марксизма. Тем более, что Сталин, как «великий продолжатель дела Маркса-Энгельса-Ленина», строго карал тех, кто смел своевольничать.

Да, решили мы, враждебные классы у нас отсутствуют, имеются только дружественные классы рабочих и крестьян. Поэтому, как сказано Марксом и Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии», у нас нет места враждебным отношениям между нациями, нет ни экономических, ни классовых оснований межнациональной вражды, обострения и углубления трений, столкновений и неприязни между нациями, народностями. В официальных документах страны неоднократно повторялось, что в середине 30-х годов в нашей стране победил социализм, эксплуататорские классы уничтожены. На этой основе был сделан другой вывод, что в СССР восторжествовала идеология дружбы народов, возникла семья единых по своей классовой, политической, экономической и культурно-духовной сущности народов, сплоченность которых растет и укрепляется с каждым годом. Этот вывод самым суровым образом был проверен в годы Великой Отечественной войны.

Но и в оценке опыта войны мы допустили догматизм, решив, что этот опыт снимает всякую почву для колебаний и сомнений о прочности и непоколебимости дружбы народов в нашей стране. Однако после войны нации и народности развивались, росло их национальное самосознание, росли их требования к соблюдению социальной справедливости в сфере межнациональных отношений. Тем не менее, мы продолжали жить по-старому, не проявляли ни последовательности, ни принципиальности в исправлении ошибок и отклонений в области межнациональных отношений, в удовлетворении просьб и ходатайств наций и народностей, национальных групп. Проблемы накапливались, внутреннее напряжение росло, становилось все больше вопросов, которые не решались в течение десятилетий, вызывали недоумение и внутренний протест.

Например, непонятно было, почему крымские татары оставлены на территориях, куда они выселены были в свое время; непонятно было, что по этому вопросу думают в верхах и когда же, наконец, будет восстановлена историческая справедливость. Так же оставалось непонятным, до каких пор выселенные в свое время курды, греки, месхетинские турки, корейцы, советские немцы и другие народы будут оставаться в таком положении, и какова должна быть официальная и научная оценка этих переселений. Более того, вообще было наложено табу на эти вопросы. О них не полагалось ни писать, ни говорить. Бесконечно долго танется тяжба с Нагорным Карабахом, о котором армянская интеллигенция ставила неоднократно вопрос, начиная с 1946 года.

Здесь можно долго перечислять. Каждый из этих вопросов был ударом страшной силы в одних случаях, а в других — тихой сапой разрушал и подтачивал наши завоевания в области межнациональных отношений.

В целом же, опираясь на приведенные выше слова из «Манифеста Коммунистической партии», мы еще в довоенные годы свернули научную разработку вопросов теории нации и национальных отношений при социализме. При этом исходили из того убеждения, что в связи с победой социализма в нашей стране не осталось причин для межнациональных трений. Поэтому мы и сталкиваемся с тем парадоксальным явлением, что после X и XII съездов партии, прошедших еще при жизни Ленина, вплоть до XIX Всесоюзной партийной конференции, состоявшейся в 1988 году, в течение целых шестидесяти пяти лет ни разу национальный вопрос не стоял на повестке дня ни одного съезда или конференции партии, ни на одном пленуме ЦК партии. Нет у нас национального вопроса! Вот и все. Никаких колебаний и сомнений здесь не должно быть! Так писали, мол, сами основоположники марксизма, и это подтверждалось нашим опытом в Великой Отечественной войне! В научных и пропагандистских трудах речь могла идти только о том, как в нашей стране мудро решен национальный вопрос, о том, как укрепляется дружба народов, как происходит дальнейшее сплочение советского народа.

Значение проблемы межнациональных отношений в СССР было сведено к минимуму, в то время как роль производства для создания материально-технической базы социализма, а затем коммунизма возрастала. Особенно это проявилось в период борьбы за коммунизм на основе Программы, принятой на XXII съезде партии в 1961 году. Тогда же усилилась конфронтация с капитализмом. Борьба двух идеологий, двух мировоззрений, двух систем считалась основным содержанием нашей эпохи. Экономика, будучи в шорах идеологии, стала развиваться односторонне, в отрыве от передовой научно-технической мысли развитых стран мира. Таким образом, после более чем шестидесятилетней своей истории наше многонациональное государство держалось на двух худосочных и хилых ножках — на доведенной до иступленного

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 445.

догматизма идее классовости и конфронтации с капитализмом, с одной стороны, и, с другой, — на идеологизированной экономике, лишенной из-за этого возможности использовать научно-технические достижения передовых стран с другим режимом, а потому безбожно отставшей от них.

Видимо, о прочности многонационального социалистического государства можно серьезно говорить только тогда, когда она держится по крайней мере на трех опорах.

Во-первых, должна быть идеологическая определенность и четкость как социалистической страны. Это обстоятельство мы вынуждены подчеркнуть, ибо слишком модно стало философствовать о том, что социалистическая идея и коммунистическая теория не оправдали себя и пора, мол, возвращаться в лоно проверенного практикой и оправдавшего себя капитализма. Особенно много подобных высказываний в странах Восточной Европы. Но приходится напомнить, что тут товарищи путают две принципиальные вещи. Не оправдал себя догматический командно-административный социализм, опасность которого предвидели Маркс, Энгельс и Ленин и от которого предостерегали. Поэтому нельзя извращенный, деформированный социализм выдавать за тот социализм, который имели в виду и за который боролись Маркс, Энгельс и Ленин. Они не уставали повторять, что их учение не догма, а руководство к действию, что каждая новая эпоха вносит и не может не вносить изменения в их учение. Углубляя перестройку, мы фактически выполняем этот совет основоположников нашего учения.

Во-вторых, многонациональное социалистическое государство будет прочным, если будет опираться на мощную и передовую экономику.

Третьим условием прочности многонационального социалистического государства является состояние межнациональных отношений. Здесь основная опасность заключается в том, что из-за слабого знакомства значительного количества населения с исходными положениями национальной политики многие убеждены, что все сводится к экономике. Они рассуждают так: «Будут люди сыты, не о чем будет спорить, все наладится само собой». Экономика — один из аспектов большого и очень сложного вопроса. Межнациональные отношения — это прежде всего чувства. Чувство национальной принадлежности, чувство ответственности перед своей нацией или народностью, чувство гордости за свой народ, его культуру, традиции, за славные дела предков и за его сыновей и дочерей, прославляющих этот малый или большой народ ныне.

Конечно, авторитарно-бюрократическая система и командно-административный социализм за десятилетия своего господства успешно объедали и облапошили все народы нашей страны, обкорнали национальные языки и культуры. Если большие по численности народы были доведены, так сказать, до ручки тем, что в течение десятилетий тянули ляжку коллективизации, выносили на себе основную тяжесть индустриализации, войны, освоения целины, на своих плечах вынесли страну на первое место в мире по выплавке стали, добыче угля и нефти и т. д., то малые по численности нации и народности в своей основной массе оказались под гусеницами все более интенсифицирующейся интернационализации. С точки зрения общесоюзной ведомственной политики, эти малые народы путались под ногами со своими местными запросами и требованиями о своей культуре, традициях и обычаях, мешали скорейшему развороту величественных начинаний по укреплению материально-технической базы развитого социализма и переходу к коммунизму.

...Русские цари иноземным гостям дарили роскошную шубу или накидку из сибирских соболей. Российская пушнина не имела себе равных. На всемирных пушных аукционах она не имела конкурентов. А теперь? Происходит невиданное в истории крупномасштабное истребление всего живого в Сибири, на Севере и на Дальнем Востоке. Ненцы, чукчи, коряки, нанайцы, долганы, ханты — всего 26 малых народностей общей численностью 186 тысяч человек поставлены на край пропасти. И если наша политика не будет в корне пересмотрена, то следующий век эти народности встретят уже на дне пропасти. Наша небрежность в обращении с ними объясняется просто. Нас приучали десятилетиями мыслить крупномасштабно. На этом фоне что могли означать эти 186 тысяч?! Это же, извольте, население одного района Ташкента! А теперь, чтобы спасти их, мы вынуждены создавать своего рода резервации. Иначе затопчут и не заметят!

Значит, в сфере межнациональных отношений у нас пока плохо снизу доверху, от малых до больших народов. Здание советского многонационального государства мы должны основательно перестроить, выработать у всех советских людей высокую культуру межнационального общения, изменить статус автономных образований с тем, чтобы они не пребывали на уровне автономных образований во веки веков, а имели перспективы роста, совершенствования своих государственных форм. Надо превратить наш Союз в подлинную федерацию свободных, равноправных, суверенных государств.

Вот тогда и образуется мощная и крепкая третья опора советского многонационального социалистического государства. Это и будет гарантом стабильности нашего многонационального государства.

Мухаммад Али

***Разговор о поэзии
с молодым дехканином из Боза***

— Боза мертвая земля воскрешена...
Ты, поэт, дехканин из передовых!
Хлопок бел, а борозда черным-черна,
Как в тетрадах беловых и черновых.

Ну, ответствуй, мой коллега из дехкан:
Сколько бросил в эту землю ты семян?

— Это так: пустыню взяли в борозду...
Невозделанных же душ — не перечесть.
Ты, поэт, почти дехканин по труду,
Право слово: что посеешь, то пожнешь.

Сколько душ таких, поэт, освоил ты?
Сколько выклюнулось всходов доброты?

Первая любовь

Я к призракам ушедших лет взываю:
Верните то, чему возврата нет!
Быть может, тем же чувством запылаю
Среди дорог, с которых стерся след?
Но я совсем не этого желаю!

Друзей я однодневных вспоминаю,
Обилье дастарханов, тостов, слов.
Очарованье тех безумств я знаю,
И снова разум потерять готов...
Но я совсем не этого желаю!

Себя воображеньем утешаю,
Волнуюсь и мечтаю, как юнец,
Страшусь разлук, свиданья назначаю...
О чувства! Вы — награда всех сердец...
Но я совсем не этого желаю!

Я лишь о той, что голову мою
Погладила, исполнив душу тайной,
Казнившей и спасавшей на краю,
О первой, неумелой и случайной,—
О той любви тоскую и пою!

Царь и поэт

Чего человек не увидит во сне!..
Мне битва приснилась на поле огромном.
Но я почему-то сидел в стороне
От схватки жестокой, в местечке укромном.
О горе! Я снился поэтом себе...
Беру я бумагу, перо очиняю...
Отряды нукеров¹ редеют в борьбе,
Я, как одержимый, стихи сочиняю.
Ходжа Насреддин будто правит страной.
Он тоже, конечно, на поле сраженья.
Враги накатили могучей волной!..
Чего не привидится нам в сновиденье!
Звон сабель и гулкое ржанье коней,—
Поэт ли пропустит такую картину!
Но кто-то внезапно ворвался ко мне
И кончиком сабли уперся мне в спину:
— Эй! Кто ты такой? Почему не в бою?
Решил в тишине отсидеться, штафирка?
Не мог удержать я улыбку свою:
Был это владыка! Жеребец его фыркал!
— Мой царь, я — поэт!
— Ты от боя бежал!
Бумаги раскинул я:
— Вот моя битва!
— Не вижу ружья! Где меч? Где кинжал?
Перо показал я, что остро, как бритва.
— Коня погоняет бесстрашный нукер.
А я здесь поэму о нем сочиняю.
О Вас, государь, я пишу, например,
А также о славе родимого края.
Мне мысль о народе моем дорога —
И счастье его, и заботы, и беды.
Вот этою строчкой я проклял врага,
И нет мне покоя без нашей победы!
Читайте! Читайте! Зовите рассвет!
От гнева мои почернели страницы...
— Да ты краснобай!.. Но довольно, поэт!
На что-нибудь кроме ты можешь согдиться?
А ну покажи мне, каков ты в бою!
Оставь хоть на время пустые затеи...
— Я отдал бы жизнь за Отчизну мою,
Да только стихи мои осиротеют.—
Взглянул я на лист, вдохновеньем горя,
И мир мне разумным и светлым явился.
Наполнились яростью очи царя,
И твердой рукой он за саблю схватился:
— А коль твоей Родине стать сиротой
Придется? Иль это стишкам твоим лестно?
Кому же ты нужен с бумажной тщетой,
С любовью пустой, человек бесполезный?
В темницу его! Он закон преступил!—
И я увидел палача Макотила,²
И рукопись я как безумный схватил...
Очнулся я. Солнце над миром всходило...

Перевод с узбекского Марины Кудимовой.

¹ Нукер — ополченец.

² Макотил — демоническое существо, здесь: убийца.

Игорь Рогов

ГОРЕЧЬ ПОЛЫНИ

ЗАПИСКИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Вознесенск — город, центр Вознесенского района Николаевской области УССР. Ж.-г. ст. в 187 км. к С.-В. от Одессы. Пристань на Южном Буге...»

(БСЭ, второе издание)

1

На вокзале в Вознесенске меня удивили питьевые фонтанчики, и я без нужды бегал к ним открывать и закрывать краники. Фонтанчики эти и сейчас составляют достопримечательность наших южных городов, и какие только не встречаются, от самых простых, с жестяной пипкой в бетонной тарелке, до величественных, словно монументы, с бронзовыми наконечниками в мраморных чашах. Кстати, готов подарить забавный эпизод для кинокомедии. Пусть герой, желательно нарядно одетый, попробует напиться из туго бьющей струи уличного фонтанчика. Вот смеху будет...

Впрочем, большей частью эти фонтанчики стоят пустыми, с окурками и бумажками из-под мороженого в сухих чашах. Люди, пережившие революцию, вспоминают о великолепном пренебрежении эпохи к повседневной жизни, к быту, который считался не иначе как мещанским. Жили порывом, вдохновением, мечтой: «Даешь Варшаву, даешь Берлин!..» Но порыв прошел, вдохновение иссякло, мечта о мировой революции растаяла в туманных даях. А пренебрежение к быту, к повседневному устройству осталось, превратилось, простите, в обыкновенное разгильдяйство.

Граждане постарше, наверное, помнят эпопею с электрическими часами на улицах. Часы эти — «время, вперед!» — раньше висели чуть ли не на каждом столбе. И в духе эпохи действительно были самыми быстрыми в мире. Случалось, правда, и отставали, но главное, что никогда не показывали правильного времени. Руки не доходили до такой мелочи. И в конце концов они исчезли с наших улиц, так и не научившись точному времени. Но что нам мелочи жизни, когда мы всегда были готовы «на рысях на большие дела...»

Наши вещи погрузили на подводу, влекомую детдомовской лошадкой, а мы гурьбой двинулись вслед, оглядывая места, куда забросила нас судьба. По обеим

сторонам немощной улицы тянулись хаты, наверное, мало изменившиеся со времен «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Чистенькие, побеленные, под соломенными крышами, с плетнями, «журавлями» и садочками, голыми в то время года. Но было солнечно, сухо и тепло, и мы приободрились после затяжного ненастья: неведомый нам городок, казалось, встречал нас с улыбкой.

Ближе к центру пошли дома, более похожие на городские, за оградами, под железными крышами. Перед одним таким зданием с крыльцом под навесом мы остановились. Это и оказался детский дом, точнее, его канцелярия, выходящая на улицу. Сопровождающий, пожилой, повидавший виды мужик, сдал нас директору, в последний раз осматрел наше воинство, безнадежно махнул рукой и ушел. А вместе с ним ушло и последнее, что еще связывало нас с Москвой.

А еще через полчаса я расстался со своим домашним пальтишком с мягким пушистым воротником, и с бархатной курточкой, и с короткими штанами, которые терпеть не мог, и надел детдомовскую одежду, новую и дешевую. И воротник пальто, о который я потерял щеклой, показался мне жестким и грубым.

Мы были доверчивы и наивны. И воспитанники, столпившиеся перед канцелярией, — стриженные, в приютской форме, и все для нас на одно лицо, быстро обратили нас по мелочам. Быстро и как-то по-сорочьи, потому что внимание их привлекали разные мелкие вещицы, захваченные нами из дома: заграничные авторучки, карандашники, точилки, блокнотики... Насилия не было, просто просили дать посмотреть, подержать, поносить, и все это тут же бесследно исчезало.

Дети, как принято говорить, из хороших семей, мы вовсе не знали настоящей жизни, тем более в ее приютском варианте. И нам пришлось поневоле привыкать к этой чужой и непонятной для нас жизни, где надо было спать в общей спальне, и всем вместе ходить в столовую, и готовить уроки в общей комнате, и слушать незнакомых людей, которые называются воспитателями...

Собственно, детдом состоял из двух одноэтажных корпусов — для девочек и для мальчиков. В здании для девочек находилась еще канцелярия, а для мальчиков — кухня и столовая. Кроме того, были медпункт, сапожная и столярная мастерские, гараж с единственной полуторкой, конюшня с полдюжиной лошадей, склад, сеновал и, кажется, все. Да, через дорогу располагался клуб, а за городом был довольно обширный сад.

Все воспитанники делились на три группы: младшую, среднюю и старшую, каждая со своими спальнями. Я по возрасту годился в среднюю группу, но директор, на мой взгляд, поступил мудро, когда не стал отделять меня, девятилетнего, от тринадцати-четырнадцатилетних ребят из Москвы и всех вместе определил в старшую группу. А значит, мы стали жить в одной спальне, и я мог пользоваться покровительством более взрослых ребят.

Как я теперь вспоминаю, детдом наш даже отдаленно не напоминал легендарную колонию имени Горького, однако ж, слава богу, не походил и на Куряж. Это было захолустное, во всех отношениях посредственное и весьма убогое казенное заведение, которое все же давало воспитанникам крышу над головой, худо-бедно одевало и кормило и предоставляло возможность учиться в школе вплоть до седьмого класса.

Пожалуй, главной бедой детдомовского существования была его бескрылость: детям не сулили никакого будущего, не открывали никаких перспектив. После седьмого класса воспитанников отправляли обычно в Одессу, в лучшем случае, в техникум, чаще всего — учеником на завод. Немногие пополняли ряды колхозников: крестьянские дети хорошо знали настоящую цену этой жизни.

Об институте, о высшем образовании, о нестандартных профессиях, о науке и искусстве не было и речи. После шестнадцати лет в детдоме вообще не держали. На моей памяти остался лишь один юноша-десятиклассник. Ребята на него смотрели как на великовозрастного парня, да и он, видно, сам в душе стеснялся есть приютский хлеб и все свободное время пропадал в городе.

Ходить в школу считалось обязательным, но учиться — не более чем желательным, и кто не хотел, тот и не учился. Конечно, были и среди нас ребята честолюбивые, целеустремленные, с характером, решившие во что бы то ни стало избежать уготованной им участи малоквалифицированной рабочей силы. Они усердно учились, старались, тянулись. Но таких было немного, единицы, а большинство жило просто так, изо дня в день, без особых стремлений и надежд, заранее смирившись со своей судьбой низшего сословия.

Как ни странно, но нам не давали и никакого трудового воспитания, не учили никаким ремеслам, как это делали хотя бы в дореволюционных приютах. Сапожная и столярная мастерские обслуживали нужды детдома, но детей не учили. Разве что столяр дядя Тарас, пышноусый, с грубыми, как клешни, подрагивающими руками, что он остроумно объяснял привычкой «хрустеть» в суставах, после четвертинки и пирога с тыквой разрешал выругать из палки саблю.

Воспитатели? Ну что воспитатели. Обычно это были простые, со скромным образованием люди, сами не слишком обремененные грузом воспитания и педагогических знаний, иногда усердные, иногда ленивые, чаще — безразличные и во всех случаях влияющие лишь на внешнюю сторону нашей жизни.

Вспоминаю две полярные фигуры. Одна из них, тетя Соня, пожилая и хорошо пожившая женщина, с черными с проседью волосами и ранними морщинами на лице. В деревенской молодости, как я думаю, — простая девка на баштане, а в бурные городские годы — особа переменных профессий, она, когда морщины сделали ее честной, осела, наконец, в Вознесенске добропорядочной женой и хозяйкой, с мужем, хаткой и садочком. Ребята, донимавшие ее одной и той же присказкой: «Тетя Соня, тетя Соня, вам посылка из Херсона!», считали ее своей, хорошей и даже доброй, хотя я так и не мог понять, в чем, собственно, состояла ее доброта. Жалеть она нас не жалела, была строга и часто без нужды покрикивала на воспитанников, как это делают в общении с детьми неумные люди.

Но популярность, как известно, вещь непредсказуемая. Простонародный Хрущев не пользовался любовью народа. Зато был популярен среди интеллигенции, которую сам не жаловал и с которой публично расплевался. Наверное, народ понимал, что стихийные таланты годятся скорее крестьянскому вожаку, Емельяну Пугачеву, а царю, то бишь руководителю державы, более потребны мудрость и величие, которые в глазах простых людей еще недавно воплощал Сталин. Ну а интеллигенция процала вызывающую некультурность Хрущеву как раз за то, что он развенчал ложное величие Сталина, сокрушил миф о непогрешимости вождей.

Другой, противоположной фигурой на воспитательском фронте был Слюсаренко. Высокий, гибкий, мускулистый, со смуглым, выразительно-некрасивым лицом, жесткими курчавыми волосами и пронизательным взглядом черных глаз, он невольно привлекал к себе внимание. В нем чувствовалась физическая и нравственная сила, способная повести за собой людей, и люди, взрослые и дети, ему охотно подчинялись.

Ребята уверяли, что Слюсаренко — бывший начальник одесского уголовного розыска, пострадавший за правду. Что ж, может быть, ведь в те годы были возможны любые превращения. Во всяком случае, и он иногда показывал старшим воспитанникам разные «приемы», владение которыми тогда было редким, в диковинку.

Никакой особой воспитательной работы среди нас он не вел и вообще к своим делам относился довольно небрежно, с иронией. Но одно его появление действовало благотворно на вечно взбудораженную массу ребят. Слабый чувствовал себя при нем защищенным, сильный — что есть над ним большая сила, спокойная и мужественная, которой стоит подражать. При нем детдомовские нравы никогда не опускались ниже терпимого уровня, и он, пожалуй, был единственным воспитателем, чье влияние простиралось и на спальни, на внутренние отношения ребят.

К сожалению, он исчез от нас так же внезапно, как и появился, и это сразу снизило и без того невысокое качество нашей жизни. И прежде всего обострило чувство незащищенности у ребят: младших перед старшими, слабых перед сильными.

Каждый человек, попадая в новую для себя среду — институт, завод или стройку, сталкивается с уже сложившимися в этой среде отношениями и вынужден им подчиняться. В том числе и отношениям внутри коллектива, которые нынче принято называть неформальными, внеслужебными, внеуставными...

И эта зависимость от неформальных отношений возрастает во сто крат, когда человеку приходится не только учиться или работать в новой для себя среде, но и жить — в детском доме, военном училище или исправительно-трудовой колонии. Потому что истинная сущность этих отношений проявляется вне службы, вне строя, не на работе, а «дома» — в спальнях, казармах, бараках, когда люди остаются одни, наедине друг с другом.

Я немало по свету хаживал. И в каких только казенных заведениях не жил: детском доме, ремесленном училище, ныне забытых спецшколах — артиллерийской и авиационной, артиллерийском подготовительном училище, военном авиационном училище, университете... И всюду — общежития, общежития, общежития...

И вот теперь, оглядываясь на прожитые годы, на длинную череду казенных коек и стриженных голов, я думаю: отчего это люди, взрослые и дети, предоставленные сами себе, как правило, стремятся к отношениям, напоминающим иерархию обезьяньей стаи?

Почему в природе так творится, можно понять: наверное, единоличная, неограниченная власть вожака, «доминирующего самца», способствует выживанию обезьяньего племени во враждебном ему мире.

Но мы ведь люди, не правда ли, к тому же, говорят, разумные? И все же я не встречал такого закрытого учебного заведения, где бы внутри коллектива не было стремления к авторитарному, монархическому устройству. Вообще, мне кажется,

монархическая форма правления является в живом мире природной, первичной, а демократическая, республиканская — производной, вторичной, до которой человечеству еще надо было дожить, дорасти.

И будь я ученым, я непременно написал бы историю нравов наших закрытых учебных заведений, скажем, от кадетского корпуса до суворовского училища. Помимо, преемственность этих нравов просто бросается в глаза. И когда я открываю, например, «На переломе» («Кадетов») Куприна, то тотчас вспоминаю наши родимые спецшколы. Эти средние учебные заведения, прозванные в педагогических кругах «потешными войсками Наркомпроса», были созданы еще до войны для подготовки юношей в военные училища. И едва успев возникнуть, они тут же возродили дух кадетских корпусов, в том числе и засилье старших, «старичков», над младшими и неограниченную власть над учащимися старшины первой, выпускной роты.

Отсюда, собственно, остается один шаг до армейской «дедовщины». И когда теперь спорят о корнях и истоках этого явления — и оглядываются вокруг, я указываю далеко назад, в прошлый век. Читайте графа Игнатьева, Куприна, Помяловского. Да, в «Очерках бурсы» уже содержится почти все, что мы имеем теперь в нашей армии. И что с того, что изменился классовый состав и «черная кость» сменила «белую кость». Осталось главное — дух насилия и покорности, воспитанный сталинизмом, дух традиционного пренебрежения к личности и достоинству человека.

Впрочем, о военных и полуголовных учебных заведениях я еще надеюсь рассказать, а пока вернусь к детскому дому. Говорят, короля играет окружение. Наверное, так, потому что ничего значительного, достойного я в наших местных «королях» не находил. Во всяком случае, Ленки Королева из песни Окуджавы я не встречал. Зато сколько перевидал я всех этих Ленчиков, Сеньчиков, Вовчиков, с челками и без челок, с фиксами и без фикс, с татуировками и без татуировок, разных, но всегда возвеличенных своими вассалами и через них проводящих свою власть.

Обычно это была группа ребят с воровскими замашками, паразитирующая на остальной массе воспитанников. Как правило, это были не настоящие воры, а скорее прибалтанные: со всей расхожей атрибутикой «жуковатых» ребят, вплоть до песенок и ножей, однако без подлинного воровского ремесла, которое ведь требует и умения, и риска.

И вот тот, кто признавался среди них более вором, чем другие, тот и становился «королем». И любопытно, что эти малообразованные подростки в общем-то верно схватывали суть монархической власти, которая заключается не только в неограниченном праве карать, но и миловать. И я не видел, чтобы очередной «король» самолично бил или вообще наказывал своих подданных — для этого у него всегда имелся какой-нибудь мордатый Колян, а вот прощал «монарх» всегда сам и публично.

Только не надо думать, что внутренние порядки в детдоме были устроены на таком же уголовном уровне. Нет, все мы, в сущности, еще были детьми, и самому старшему из воспитанников едва ли исполнилось шестнадцать. Поэтому здесь много было от игры, от подражания взрослому уголовному миру. Так, в параллель с лагерным разделением заключенных на воров и мужиков, или работяг, население детдома делилось на пацанов и не пацанов. Пацаны, а их ядро и составляли прибалтанные, обладали всеми правами и привилегиями, в то время как не пацаны представляли из себя эксплуатируемую массу. Причем эксплуатация эта была не столько материальной, поскольку с воспитанника, как правило, нечего было взять, сколько моральной, так как всегда сопровождалась насилием и унижением. Право же, порядки обезьяньей стаи...

И здесь я снова возвращаюсь к самому, на мой взгляд, тяжелому, что несет с собой сиротство и неприютность — к чувству незащищенности ребенка перед внешним миром. Ребенок, живущий в семье, пусть самой бедной и несчастной, все же имеет свое пристанище, хоть какой-то свой угол, где он может укрыться от чужих людей. И даже когда отец, скажем, пьет, а мать гуляет, когда ребенка бьют и держат впроголодь и детский дом, казалось бы, будет для него только благом, он инстинктивно боится этого казенного заведения. И правильно делает.

Ученые утверждают, что ласку и заботу родителей в воспитании детей ничем нельзя ни восполнить, ни заменить. Я бы добавил к этому, что ничем нельзя заменить и чувство защищенности, которое дают ребенку родные стены, свой дом.

Еще Достоевский писал о том, как плохо человеку, которому некуда пойти, которого нигде не ждут. Так вот, детдомовцу в прямом смысле некуда было пойти, кроме общей спальни, где его койка стояла в ряду других. И где чаще всего царили враждебные ему порядки.

И это чувство зависимости и бесправия, особенно для ребят с достоинством, порой бывало таким нестерпимым, что воспитанники бежали куда глаза глядят, на волю, в белый свет. Но ведь и на воле — на базарах и вокзалах, в подвалах

и подъездах, приемниках и изоляторах царили те же обезьяньи, а то и волчьи законы...

И вот я думаю, может быть и невпопад, — а как отразилось на нравах и обычаях, на самом духе народа это временное и кочевое, беспорядочное и неустроенное жите-бытье, которому мы предаемся уже без малого семьдесят лет. Гражданская война: беженцы, эмигранты, беспризорники... Индустриализация — поднятая из глубин России огромная армия наемных кочевых рабочих. За ней коллективизация и страшный голод — и снова несметные толпы переселенцев и беженцев. Массовые репрессии тридцатых годов — переселение миллионов людей в тюрьмы и лагеря, а их детей — в колонии и детские дома. Война: новая гигантская волна беженцев, а также депортация целых народов. И наконец, «великие стройки коммунизма», целина, Байкало-Амурская магистраль. И всюду казармы, бараки, общаги, вагончики, землянки, манчжурки, балки...

Рождались, выросли, старились и умирали поколения людей, не знающих ни отчего дома, ни родного очага. Без корней и истоков, привязанностей и традиций, беспечные и подвижные, ничего и ни о ком не жалеющие и ничто не берегущие, готовые отдать последнее, но и снять последнюю рубашку с чужого плеча, верные товариществу, пока оно не распалось, привычные к штурму и авралу и оставляющие после себя экологическую пустыню, — эти людские волны до сих пор, как общественная стихия, перекатываются по стране.

Говорят, мы раскрестьянили крестьян. По-моему, мы сделали больше — разродили народ...

2

Среди воспитанников детдома больше всего было крестьянских детей, что, впрочем, немудрено для сельского юга Украины. Дети погибших при раскулачивании и выселении, умерших от голода, они в свое время обильно пополнили детские дома. С тех пор прошло несколько лет, иные из них выросли, а те, что оставались, создавали в детдомовской жизни устойчивые антисоветские настроения, так что и в стенах нашего заведения, можно сказать, продолжалась классовая борьба.

Мы, дети коммунистов и революционеров, конечно, были горой за Советскую власть и презирали и сторонились этих кулацких сынков. А некоторые из этих ребят — здоровые, грубые, невежественные степняки, по-местному — глоты, даже физически напоминали нам образы кулаков, какими в ту пору их изображали газеты. Так, что посмотришь и сразу скажешь — кулацкая морда...

Помню, группа старших ребят даже написала письмо с жалобой на антисоветские выходки враждебных элементов, начиная с обзывания пионерского галстука хомутом и кончая оскорблением портретов вождей. Не знаю уж, куда они отправили письмо — в НКВД или Наробраз, только была комиссия, после которой некоторые воспитанники исчезли, а с ними и директор. А вместо него руководителем пришел суровый мужчина в командирских усах, френче и бурках.

В свою очередь, крестьянские ребята с неприязнью и даже враждебностью относились к нам, детям начальников, чьи родители, по их мнению, были виноваты в пережитых ими бедах. Они, правда, не писали писем-доносов и в спорах больше надеялись на силу кулака, но наша небольшая команда благодаря пролетарской, а скорее — дворовой сплоченности, как правило, успешно отражала стихийный крестьянский натиск. В общем, мы так и не сошлись, хотя мы от них научились ругаться, а они от нас приемам бокса.

И вот теперь, оглядываясь назад, я думаю: почему так получилось, что мы, равно несчастные и обездоленные дети, оказались, условно говоря, по разные стороны баррикад? Ну, прежде всего, дело состояло, видимо, в том, что мы, москвичи, были несравненно более развиты, в том числе и идейно. Такие понятия, как Ленин и Сталин, партия, революция, коммунизм или Коминтерн, Тельман, Рот Фронт, были для нас с малых лет дорогими и близкими, личными духовными ценностями, которые не могли поколебать никакие случайности.

Могу засвидетельствовать, что духовной драмы наше поколение тогда не знало: мы продолжали свято верить в идеалы социализма и необходимость борьбы с классовыми врагами. В виновность собственных родителей, разумеется, почти никто не верил, но каждый относил это на счет случайности, недоразумения, ошибки, которая непременно будет исправлена.

И наконец, родителей наших брали тихо и поодиночке, в то время как «кулацкие» дети прошли сквозь массовые публичные насилия, не оставляющие, я думаю, никаких иллюзий относительно характера власти. Да и терять мы пусть и хо-

рошие, но казенные квартиры, а они кровное и свое — землю и хозяйство, нажитые тяжким трудом поколений...

Хуже всего приходилось в детдоме еврейским детям. Мелкие росточком, черненькие, кудрявые, большеглазые, они так и манили какого-нибудь парубка схватить жиденка за горло и повелеть: «А ну, скажи «кукуруза!»» Бедные местечковые детишки безвинно страдали за свое задненёбное «р», в просторечии именуемое картавостью и свойственное даже не еврейскому, а немецкому языку, откуда оно и перешло в идиш.

В детдоме я впервые столкнулся с антисемитизмом, который вызвал у меня удивление и недоумение. В нашем доме не было никакого деления на национальности и расы. И я искренне радовался злоключениям мистера Твистера, который, как известно, не любил цветного народа — «негров, китайцев и прочего сброда» (правда, потом мне со вздохом приходилось повторять другую строчку из этого стихотворения, о том, что «мы не в Чикаго, моя дорогая!»).

Я думаю, сам факт массового участия евреев в революции вызывал уважение в нашей семье. Знакомые евреи — это были коммунисты, революционеры, боевые товарищи, с которыми была возможна не более чем дружеская шутка.

А здесь? Нет, это было непонятно. И я, естественно, сочувствовал еврейским ребятам. Впрочем, сами они, кажется, страдали меньше, чем я ожидал. Жизнь с малых лет приучила их приспосабливаться к любой среде, научила не слишком переживать от унижений, и, едва вырвавшись из лап какого-нибудь глота, они тут же становились бодрыми и даже задиристыми. Это сочетание слабости и задора вообще нередко встречается у детей, но у евреев, по-моему, составляет национальную черту, которую многие, впрочем, воспринимают за дерзость, а то и наглость.

Потом я не раз встречался с антисемитизмом разного толка и оттенков, вплоть до нынешнего, интеллигентского, с его разоблачениями якобы международного сионистско-массонского заговора. А тот, первый, был скорее патриархально-крестьянским. Доставшись мирным селянам и землепашцам от вольного казачества, Запорожской сечи, он потерял свою воинственную свирепость и превратился в домашнюю зависть к соседу-еврею, торговцу и шинкарю, который всегда ведь кажется живущим лучше, богаче.

Но все это до поры до времени. Вспоминая довоенные годы, я, наверное, как и все, жившие в ту пору, невольно соотношу их с сорок первым. Дед забрал меня из детдома в июне сорокового, ровно за год до начала войны. Но большинство воспитанников встретило ее в Вознесенске, который немцы захватили в первые дни войны. И домашний антисемитизм обернулся для несчастных еврейских детей государственной политикой третьего рейха.

Одни воспитанники пошли в газовые камеры, а другие — в полицаи и каратели. Я не оправдываю предателей. Но ведь Сталин сам посеял в сердцах «кулацких» детей семена злобы и ненависти к созданному им строю. И эти семена взошли...

Добрый прибежищем, тихой пристанью был для нас, домашних ребят, корпус для девочек. Там всегда ждали нас жалость и участие. Но в девять-десять лет со сверстницами не дружат. Слабый пол. Это приходит позже, в четырнадцать-пятнадцать лет. А девочки постарше, что нас жалели, жили другими, чем мы, интересами. Для мальчешеских игр они не годились. И сидеть целый день возле участливой юбки не станешь.

И наконец, через дорогу, возле нашего небольшого клуба, находилось еще одно отделение — для самых маленьких. Мы, воспитанники, его не касались и никаких дел с ним не имели, но говорили, что дети там были совсем беззащитные.

А однажды из окна клуба я видел, как детки трех-четырёх лет ели во дворе кашу. И вот один из малышей, съев свою кашу, огляделся и, недолго думая, трахнул соседа ложкой по лбу. Тот заревел, а малыш придвинул себе его миску и стал доедать чужую кашу. Человеческое дитя, низведенное до уровня звереныша. Так режим растил своих слуг, своих рабов...

Тягостным было наше вхождение в детдомовскую жизнь, начиная, пожалуй, с языка. Смесь украинского с русским и еврейским и еще бог знает какими языками, на которой говорили и воспитанники, и воспитатели, показалась нам, москвичам, каким-то испорченным русским языком и поначалу вызвала смех и пересмеивание, особенно сакраментальное: «Якого?», обычно сопровождаемое воинственной позой.

А к этому добавлялись еще и специфические детдомовские словечки, где «дунуть» значило — наябедничать, «стукнуть» — подражать, а «грубой пацан» — хороший, свой пацан, который стучается и не дует.

Кстати о драках. В детдоме они были обычным делом. Избежать их было невозможно, да и не имелось другого способа утвердиться среди сверстников, если, конечно, ты не соглашался на роль изгоя, которым все помыкают. Существовали

некоторые правила, ограничивающие жестокость ритуальных драк. Так, дрались всегда в присутствии свидетелей, только на кулаки и обычно до первой крови.

Скажу сразу, что я был крупным, хорошо с детства кормленным и не трусливым из самолюбия мальчиком, и в общем-то без особого труда отстоял свое место в ребячьей иерархии. Труднее, конечно, приходилось с глотами. Помню, один такой здоровый придурок с широким, вечно сонным лицом ворвался к нам в спальню и, не говоря ни слова, двинул мне кулаком в лоб, так что искры посыпались из глаз. Я вскочил на кровать, бросился на него, повалил, но он оказался много сильнее, сгрел меня и стал бить лицом о свое толстое колено. На этом драка должна была закончиться, так как у меня из носа хлынула кровь. Однако когда он меня отпустил, я схватил с тумбочки карандаш и ударил его в висок. Я испугался, что сейчас он меня убьет, но он вдруг завопил, присел на корточки и закрыл лицо руками.

— Молодец, пацан, так ему надо, глоту,— одобрительно сказал мальчик постарше меня, наблюдавший нашу драку, и повел в умывальник смывать кровь. Так я познакомился со своим будущим другом Олегом Квятковским.

А придурку этому в медпункте зашили рану, и больше он ко мне не подходил. Потом ребята говорили, что подослал его очередной «Вовчик». Не думаю, чтобы я перед ним провинился, скорее, просто хотел испытать новичка. Надеюсь, он остался доволен. Конечно, я ударил не по правилам, но и этот жлоб бил меня не по закону. И признаться, с тех пор, когда меня пробовали бить ребята постарше и явно сильнее, я стал отбиваться от них чем попало, что под руку подвернется. Иногда мне за это крепко доставалось, но бывало, что обидчик и отступал перед камнем или дручком.

Вообще, нравы в детдоме были диковатые. Провинившемуся, особенно, если он «дунул», пацаны могли устроить темную или поставить «велосипед». Последний заключался в том, что жертве во сне вставляли между пальцами ноги гребешок и поджигали. Спящий непроизвольно начинал дергать ногой и, если вовремя не просыпался, дело могло кончиться серьезным ожогом.

Или процветала такая игра. Добровольцу завязывали на шее полотенце, так, чтобы узел приходился на сонную артерию, и начинали потихоньку сдавливать. Через некоторое время испытуемый впадал в транс, род безумия: с невидящими глазами бродил по комнате, налетал на стулья, мог разбить окно, ударить чем попало подвернувшуюся жертву. Не знаю уж, сколько здесь бывало от притворства, от игры, но ребята порой становились действительно опасными, так что все разбегались. Считалось ведь, что человек в таком состоянии ни за что не отвечает. Проходило это безумие внезапно, и испытуемый, по его словам, ничего не помнил.

Дворовые игры все имели свою цикличность, или сезонность. Естественно, их никто не предсказывал, но тем не менее они строго выдерживались, так что знающий человек мог заранее предсказать время «чижика» или лапты. Кстати, говорят, что знаменитый бейсбол произошел от нашей лапты, некогда завезенной в Новый Свет русскими поселенцами. Очень может быть. Во всяком случае, я, как человек, в детстве игравший в лапту, а теперь узревший на экране телевизора наш советский бейсбол, могу подтвердить их удивительное сходство.

Да, а первого сентября, в день начала учебного года, начинался сезон лянги. Для непосвященных скажу, что лянга — это круглый кусочек кожи, чаще всего овчины, со свинцовым грузиком, который надо было подбрасывать вверх особым ударом ноги. Существовали разные способы этих ударов, и тот, кто быстрее других выполнял все фигуры, и становился победителем.

И вот ранней осенью повсеместно — во дворах и скверах, на улицах и площадях — можно было увидеть группы ребят, играющих в лянгу. Были мастера, которые на спор могли подбрасывать лянгу до тысячи раз. Непростое, знаете ли, искусство, вызывающее у ребят искреннее уважение. А педагоги, воспитатели смотрели на лянгу с неодобрением. Она не входила в перечень пионерских игр и считалась уличной, чуть ли не хулиганской забавой. А на мой взгляд, так это была настоящая детская игра с ярко выраженной состязательностью, столь милой мальчишескому сердцу. И ее никто не выдумывал, не разучивал и не вносил в «детскую среду». Сама родилась, как все народные игры.

И, конечно, король всех игр — футбол. Он один обнимал почти все сезоны, от ранней весны до поздней осени, — было бы только чем играть. В годы моего детства мальчишки из провинции любили играть в футбол не меньше столичных ребят, даром, что они и в глаза не видели настоящего стадиона. В лучшем случае — районная спортплощадка с двумя-тремя рядами скамеек и воротами без сеток, а обычно — так просто выгон с коровьими лепешками на вытопанной траве.

Не беда, годился любой пустырь, было бы, повторяю, хоть какое-то подобие мяча. Настоящий футбольный мяч — несбыточная мечта нашего детства! Нет, у нас на даче под Москвой как раз были любые мячи и даже взаправдашние ворота с сет-

кой — подарок отца. Только игроков было всего двое — я и брат. Он бил мне по воротам, я бил ему. Занятие это нам быстро надоело, и бесхозные мячи валялись на траве.

Эх, хоть один бы такой мяч нам сюда, в детдом! Если и бывала камера, то латанная-перелатанная. Чаще всего просто играли покрышкой, набитой тряпьем, на худой конец, годилось и тряпье, зашитое в стрый чулок. В общем, за мяч сходило все, что имело подобие шара и хотя бы символически катилось по земле.

Никакого судьи, само собой, на поле не было, и правила существовали самые условные, так что по поводу каждого забитого мяча поднимались споры и гвалт. Совсем как в настоящем футболе. Говорю это со знанием дела, потому что не раз сживал на стадионах у кромки поля. И боже мой, да мы не знали и сотой доли из того лексикона, который употребляют в игре современные футболисты!

Скудное, убогое детдомовское существование. А в играх все забывалось: и пропавшие родители, и безрадостная нынешняя жизнь, и неизвестное, необеспеченное будущее. Может быть, мы так много, так отчаянно и играли, чтобы отвлечься, забыться?..

А сейчас я живу в шестнадцатизэтажном доме. Сто двадцать квартир, десятки детей. Они бегают по лестницам и площадкам, по неблагоустроенной, как водится, территории вокруг дома и... ни во что не играют. Во всяком случае, я не видел у них ни одной организованной детской игры. Мне кажется, они их просто не знают. Конечно, они кричат и шумят, но это совсем не похоже на крики детей, возбужденных коллективной игрой. Нет, это крики одиночек, занятых самими собой. Я не говорю уже о лапте или казаках-разбойниках, но ребята нашего дома не играют даже в лягу. Да, по-моему, у них и нет чувства общего дома, чувства товарищества. И я думаю, что это не есть здорово.

И еще одно существенное отличие я могу назвать между нами, детьми тридцатых годов, и нынешним, как принято говорить, подрастающим поколением. В нашем, казалось бы, сплошь политизированном обществе дети, на мой взгляд, мало интересуются внешней политикой, международным положением. В мое время интерес к международным событиям был постоянным и повсеместным, в том числе и среди ребят. Лекции о международном положении, впоследствии не раз комически обыгранные в кино, собирали полные аудитории, и в первых рядах и даже просто на полу неизменно сидели дети.

Интерес этот и у лекторов, и у слушателей всегда был подчеркнута классовым: социализм и капитализм, Советский Союз и буржуазный мир; а в этом мире прежде всего Германия. Ненависть к Гитлеру, к фашизму была искренней, страстной, непримиримой и стопроцентно пролетарской.

Товарищи в тюрьмах, в застенках холодных,
Мы с вами, вы с нами, хоть нет вас в колоннах...

Антифашистские фильмы, — «Болотные солдаты», «Профессор Мамлок», постоянно сопровождалась демонстрацией солидарности зрителей. Даже такой, казалось бы, далекий от наших дней фильм, как «Александр Невский», впрочем, в полном соответствии с замыслом Эйзенштейна, воспринимался нами прежде всего как антифашистский, а потом уже исторический. И величавые слова князя о бесславной судьбе тех, кто с мечом к нам придет, неизменно вызывали бурю восторга у взрослых и детей.

А меч, между тем, все чаще обнажался в разных концах света. Через все наше детство, отрочество, юность проходят войны, большие и малые.

Сначала была Испания. Помню, еще дома, мы жили тогда в Ленинграде, первые кадры кинохроники, первых испанских детей, которых встречали в порту, шапочки-испанки, наподобие пилотки, быстро вошедшие в моду, дивно звучащие слова — Гвадалахара, Теруэль, Сарагоса, апельсины — дары испанской земли, круглые, ровные, в папиросных бумажках.

И потом, в детдоме. Казалось бы, какое дело нам, приютским заморышам из захолустного городишки, до какой-то там экзотической Гишпании... Но нет.

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать...

Мы болели за Испанию, за Республику отчаянно и самозабвенно. Шумно радовались победам республиканцев, огорчались успехами мятежников. Конечно, мы, ребята, плохо представляли себе реальную картину событий. И как тяжкий удар, отозвалась в наших сердцах весть о падении Республики.

Помню мартовский вечер, с морозцем, со снежком, и мы, в бедных одежонках стоящие под уличным репродуктором. И роковые слова: предательская сдача Мадрида... капитуляция... измена...

Предательство, измена — как нам были знакомы эти слова! Что там Испания, когда в нашей собственной, социалистической стране было полным-полно предателей и изменников, начиная от простого рабочего и кончая наркомом (и чего ему, этому наркому, не хватало?!).

Но вот недавно открываю второй том «Истории Второй мировой войны», кстати, 1975 года издания, и там читаю те же слова, те же оценки, словно у республиканцев действительно оставалась возможность сражаться и защищать город. Ну а что тогда сказать о Севастополе, да, о Севастополе, из которого командование бежало ночью на подводной лодке, оставив на произвол судьбы более ста тысяч бойцов?

Ах, Испания, Испания... «Но пасаран!», интербригады, Долорес Ибаррури, «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!» — романтическая прелюдия новой мировой войны.

Потом началась так называемая финская кампания, ныне, вроде, забытая, а тогда широко освещаемая и даже популярная.

«— Ты мундир мне перешей-ка, — Маннергейм сказал жене. —

Он вот здесь, у перешейка, что-то горло давит мне».

Но поскольку наши войска бесславно застряли на Кольском перешейке, то сообщения в газетах в основном сводились к отдельным боевым эпизодам, где мы, разумеется, постоянно добивались успехов.

Помню, я даже успел посмотреть художественный фильм о финской войне. Остался в памяти такой эпизод: двое наших лыжников подошли к брошенному домику. Один из них было взялся за ручку двери, но второй вовремя его остановил: мины! Они привязали к ручке веревку, отошли за деревья и дернули. Естественно, раздался взрыв.

Так мы, зрители, знакомимся с реалиями современной войны, ведь ничего такого ленты о гражданской войне не знали. И все эти доты, дзоты, надолбы тоже вошли в нашу лексику из финской кампании.

Но, конечно, главным событием стала для всех нас новая мировая война. Разгром панской Польши не вызывал у нас, московских ребят, особого сочувствия: мы знали, что еще со времен гражданской войны она считалась враждебной нам страной. Зато вызвал энтузиазм так называемый освободительный поход Красной Армии на земли Западной Украины и Западной Белоруссии. Плакаты, изображающие красноармейца, который обнимается с вислоусым крестьянином в вышитой сорочке, смотрели на нас со страниц газет, со стен домов. И мы радовались: еще один народ освобожден из-под гнета помещиков и буржуев.

Зато за Англию и Францию мы все болели. И не столько из-за симпатии к этим капиталистическим странам — классовому подходу мы были обучены с малых лет, — сколько из ненависти к фашистской Германии. Австрия, Чехословакия, Испания, Польша — должны же, в конце концов, ее остановить! Видимые победы фашизма казались нам противоестественными, просто оскорбительными.

Нам всем очень хотелось, чтобы Англия и Франция победили. И только один нашелся в нашей группе, который был уверен в победе Германии. Этот мальчик Роберт, худощавый, лобастый, светловолосый, с прической на боковой пробор, казался выходцем из антифашистских фильмов, не хватало только галстука и гетр. Да он и был таким подростком, сын немецкого коммуниста, политэмигранта и деятеля Коминтерна.

Каждому из нас время от времени выдавали по рублю на стрижку. И мы, как правило, старались постричься попроще, чтобы сберечь хоть копеек двадцать-тридцать на леденцы. И только Роберт всегда стригся на полновесный рубль, на пробор, сохраняя тем самым свою индивидуальность.

А еще у него сохранился изящный блокнотик в кожаной обложке и золоченый карандашик к нему, и он каллиграфическим почерком заносил туда, на немецком языке, надо полагать, свои сокровенные мысли.

Так вот, Роберт утверждал, что Германия победит. Мы с ним спорили, возмущались. Он лишь пожимал плечами. Наша детская логика была ему непонятна: при чем здесь правда-неправда, фашисты-антифашисты, просто Германия гораздо сильнее Франции, а Англия ей на суше плохой союзник.

И он оказался прав, этот образцовый немецкий мальчик, гораздо лучше нас знающий силу своей страны. Франция была разбита в позорно короткий срок. Каждый день мы бегали к газетному стенду на сквере и смотрели, как быстро продвигается к Парижу линия фронта. А потом Париж пал, и она исчезла. Оставался лишь небольшой кружок вокруг незнакомого нам города Дюнкерка. Дюн-керк,

Дюн-керк... Кружок с каждым разом уменьшался, а потом и он, и вся карта Франции пропали со страниц газет.

Фашисты снова победили. И несмотря ни на какие слова, это было дико и непонятно. Но не менее непонятным казалось поведение нашей печати. Она как будто радовалась поражению Франции, словно была довольна успехами Германии. Не стану утверждать теперь задним числом, что я тогда разобрался в наших договорах с Германией или тем более был критически к ним настроен. Скажу больше: они в общем-то прошли мимо моего детского сознания.

Но вот изменение тона нашей прессы по отношению к фашистской Германии я схватил сразу. Да этого и нельзя было не заметить: слишком уж отличался нынешний благожелательный, почти дружественный тон сообщений и публикаций от еще вчерашнего откровенно враждебного настроения.

Помню, я прочитал рассказ о том, как сражались две эскадры — английская и немецкая. Сначала немцы побеждали, но потом подоспела еще одна английская эскадра с двумя новейшими линкорами, и они издали, за пределами дистанции вражеского огня, расстреляли немецкую эскадру. Сообщение кончалось сожалением о том, что-де английская техника оказалась сильнее мужества и боевой выучки немецких моряков.

Получалось, что мы должны сочувствовать немцам. Но мы не сочувствовали. Все наше существо восставало против того, чтобы считать фашистов друзьями. Мы теперь знаем, какое смятение и растерянность вызвала эта перемена фронта в мировом антифашистском движении, в коминтерновских кругах. Но простой народ, мне кажется, не колебался в своем неприятии новоявленных друзей, хотя и принужден был молчать, как в те времена, когда и война, и мир считались «государевым делом».

В то же время это свидетельствует о том, как мало считался Сталин с мнением народа, заключив с Гитлером договор о дружбе и границах. Можно сказать, совсем не считался. Его знаменитая фраза: «А сколько у папы римского дивизий?» — показывает всю меру презрения тирана к нравственной силе убеждений. По сходному поводу Наполеон однажды заметил: «Большие батальоны всегда правы!» Итак, насилие и еще раз насилие — пусть ненавидят, лишь бы боялись. Право же, все диктаторы одинаковы.

И вот прошло двадцать лет, и другой правитель без ведома народа и согласия верховного органа государственной власти поставил страну на грань ядерной войны в дни так называемого Карибского кризиса.

И прошло еще почти двадцать лет, и новый правитель опять же без ведома народа и согласия высшего органа государственной власти втянул страну в афганскую авантюру, из которой мы едва сумели выбраться.

Поразительно, но ведь никто из этих людей, вроде бы таких разных, по-видимому, никогда не сомневался в своем праве на неограниченную власть. А возникла эта уверенность в своем праве, думается, из убеждения, что Октябрьская революция навсегда дала власть одной партии и очередной глава этой партии автоматически становится властителем и вождем нации. Но тогда спрашивается, стоило ли свергать наследственную монархию и совершать революцию, чтобы получить от нее в подарок, может быть, худший вид самодержавия — самодержавие случайных людей?

Кажется, Стендаль, рассуждая о сравнительных достоинствах монархии и республики, в конце заключил, что лично он предпочел бы кланяться королю, чем своему сапожнику. Нет, я не монархист. Но еще менее я хотел бы кланяться сапожнику или сыну сапожника.

3

Вспоминая теперь, какими мы были, я вижу нас, детдомовских детей, стриженными под машинку, худыми и неухоженными, с обкусанными ногтями и дыпками на руках, в заношенном белье и казенной одежде мышиного цвета, по которой нас безошибочно узнавали на улицах, с вечно настороженными защитно-воинственными физиономиями, которыми мы также выделялись в городе.

Иметь настоящую прическу, более или менее приличную одежду и вообще проявлять индивидуальность могли позволить себе немногие, как правило, те, кто верховодил в детдоме. Помню, как мы все бросились к окнам, когда увидели нашего Вовчика, который в красивой матроске и на настоящих коньках, привинченных к ботинкам, выходил на дворовый каток. Положим, и каток-то был замерзшей лужей, и матроска у него была с чужого плеча, но для нас это было видение из ушедшей домашней жизни.

Между прочим, сравнение уездного городишки, куда мы попали, со столицей,

родного дома с приютом и вообще всей прошлой счастливой жизни с нынешним прозябанием долго преследовало нас. Но говорили мы об этом, как правило, в своем кругу, так как быстро убедились, что попытки поделиться нашими впечатлениями с местными ребятами чаще всего вызывали у них недоверие и насмешки.

Дети крестьян, ремесленников, мелких служащих, они не в силах были поверить, что советский человек может жить так — в отдельной шестикомнатной квартире, с ванной и туалетом, центральным отоплением, газом и горячей водой. Тот уровень элементарного комфорта, которого мы лишь теперь добились в городе и еще мечтаем о нем в деревне, тогда, в тридцатые годы, был для громадного большинства граждан не только недостижим, а попросту непредставим. Обыденное сознание связывало все эти личные автомобили и теплые клеветы с заграницей, с зарубежным бытом, где буржуи, как известно, с жиру бесятся, а у нас в стране — с перерождением начальства, которое давно оторвалось от народа.

Вообще, массовое убеждение, что богатый, удачливый, преуспевающий, словом, хорошо живущий человек — это враг, проходит через всю нашу жизнь. Казалось бы, эта мелкобуржуазная уравнительная тенденция, прямо ведущая к «казарменному коммунизму», должна быть чужда нашему научному марксистско-ленинскому сознанию. Но нет, именно она фактически утвердилась после революции и благополучно дожила до наших дней. Надо полагать, не без умысла властей, чтобы оправдать и возвысить таким образом сплошную бедность трудящихся в стране победившего социализма.

Неисчислимы беды, которые принесла нам всеобщая уравниловка. И прежде всего, по моему убеждению, тем, что лишила силы лучшую часть народа, обрекая ее на застой и прозябание. Конечно, всегда находились творческие души, готовые работать бескорыстно, ради идеи. Но в массе своей инициативные, предприимчивые люди вовсе не идеалисты и не склонны забывать свой интерес. Думаю, что это совершенно естественно, в порядке вещей. Говорят, Америку создал индивидуализм. Индивидуализм и личный интерес. Мы много лет пытаемся хотя бы приблизиться к Америке по уровню жизни. Уверен, что для этого надо по меньшей мере перестать насиловать природу людей. «Обогащайтесь!» — призывал в свое время Бухарин. «Обогащайтесь!» — готов я снова повторить старый призыв. И добавить словами классика марксизма: в этом Моисей и пророки...

Но суть не только в конечной цели, в личном обогащении, которое в цивилизованной форме всегда ведет и к умножению общественного богатства. Дело еще и в живом, увлекательном, творческом процессе, который являет собой настоящая предприимчивость. Ведь однообразие и пресность нашей жизни во многом проистекают от того, что мы давно забыли такие слова, как конкуренция, риск, азарт, процветание и крах, фортуна и фарт. Мы хорошо знаем слово «борьба», но утратили слово «игра». Совет: «Живите-ка смеясь...» — не про нас, мы вечно серьезны и озбоченны. Целый век отстаивая свободу своей страны, мы никак не можем дать волю каждому отдельному гражданину. Я был поражен, когда прочитал, что в результате опроса большинство народных депутатов СССР высказалось за благотворность паспортов и прописки. И куда ни кинь взгляд, везде торчат унылые шлагбаумы — ставка, оклад, тариф...

Польский писатель Веслав Гурницкий в своей известной книге «Песочные часы» писал, размышляя о природе успеха «культурной революции» среди китайской молодежи: «То, что предлагала тогдашняя действительность молодым людям на всю оставшуюся жизнь, было прежде всего скучно. Ведь даже европейское толкование коммунизма, в распространенном его понимании, сводилось к тому, что после завоевания власти надо добросовестно трудиться, старательно приумножать созданное и заботиться о сохранении личных и гражданских добродетелей». Воистину скучно, как скучен был приснопамятный «моральный кодекс строителей коммунизма». Могут возразить: мы блюли чистоту идеи, охраняли наши социалистические ценности. Но, может, мы поймем, наконец, что добродетель, которую нужно охранять, не стоит того, чтобы ее охраняли.

Если говорить честно, то и сегодня, в годы так называемой перестройки, скука обыденной жизни преследует нас, как наваждение. Так и не научившись толком работать, мы менее того научились отдыхать. Праздничные дни, да еще встык с выходными, — бич божий для большинства граждан, поскольку им попросту некуда себя деть. И не говорите о том, что для людей, особенно для женщин, выходные дни — это возможность переделать домашние дела. Генеральная стирка или большая приборка квартиры, простите, не отдых, как водка — не развлечение.

Все, кто бывал на Западе, в один голос говорят, что в той же Европе, от Мадрида до Осло, настоящая жизнь начинается после двенадцати часов ночи. А у нас? Помню, лет десять назад я читал, как одно государственное лицо на вопрос иностранного корреспондента: есть ли в Москве ночная жизнь? — нравоучительно ответило, что советским людям не нужна изнуряющая их ночная жизнь.

Похоже, что с тех пор ничего не изменилось. Пройдитесь по вечерним улицам наших городов. В десять часов они уже пусты, словно в стране круглогодично действует комендантский час. Да и куда пойти свободному человеку? В заводской клуб, в районный парк, которые в своих традиционных формах давным-давно изжили себя, а настоящая индустрия развлечений у нас в лучшем случае находится в зачаточной форме. Впрочем, вам, может быть, нравится бег в мешках? Помните, знал я в младые годы двух компанейских ребят из ЦПКИО: Васю-тирщика и Мишу-самолетчика. Годы идут, а они, похоже, все на своих боевых постах...

Наверное, отчасти потому, что мы совершенно не умеем отдыхать и развлекаться, что «планета» наша для веселья мало оборудована, народ, как только представилась возможность, сплошь ударился в политику. Посмотрите кругом: что ни семья, то конвент, что ни компания, то парламент. Бабы в очереди судачат о плюрализме и консенсусе, мужики в подворотне толкуют о депутатском корпусе и ротации кадров. Однако в последнее время все эти разговоры о перестройке, о демократизации и гласности тоже начали приобретать налет утомления и скуки. Потому что получается: «Шумим, братцы, шумим...», но ничего не меняется, а если и меняется, то не к лучшему. Правда, пока еще популярным зрелищем, занимательным представлением остаются съезды народных депутатов страны, сессии Верховного Совета СССР. Но ведь тоже до поры до времени...

Однако я, кажется, порядочно отвлекся. Вознесенск моего детства был захолустным южным степным городком, сплошь одноэтажным, в абрикосовых садах, с традиционным еврейским местечком за Бугом. Ничего не осталось в нем от того воинственного казацкого поселения Соколень, из которого он, по преданию, вышел. Разве что в песнях, в думах еще поминалась казацкая воля, да острая сабля, да конь удалой, впрочем, всегда в соседстве с турецким ятаганом и татарской петлей...

И если бы мне предложили выбрать символ Вознесенска да и всей уездной степной Украины, я бы назвал белую акацию. Собственно нас, ребят, это вездесущее дерево интересовало главным образом весной, когда цвело и его сладкий карамельный запах заполнял все улицы. Тогда мы бродили от дерева к дереву, высматривали лучшие гроздья, и то ели их как виноград, обрывая лепестки, то пропуская через кулак и сразу отправляя в рот целую жменю.

Сколько я помню, нас, детдомовцев, всегда преследовал вкусовой голод. И чтобы утолить его, добрать недостаток витаминов в скудной казенной пище, мы постоянно паслись на подножном корму. Сначала шла акация, потом шелковица, потом абрикосы, и так до осени, до каштанов и поздних сортов винограда. А зимой все ели чеснок. И не было, казалось, лучшего лакомства, чем горбушка, натертая чесноком и посыпанная солью.

После комковатой манной каши и скользкого перлового супа, после клейких макарон и водянистого пюре, после неизменной деревянной котлеты зеленый огурчик или налитый соком помидор казались чудом натурального живого продукта.

И нам, ребятам, чтобы разжиться тем же огурчиком, надо было его добыть, достать, изъять, а попросту украсть. И набеги на сады и огороды, на базар, который мы называли балочкой, были обычным делом. Правда, при тогдашней дешевизне и простоте нравов отрясти яблоки в чужом саду или унести кавун с воза не считалось воровством и не особенно преследовалось. Разве что дедок на баштане пальнет в нашу сторону солью из старенького ружья, да и то, чтобы попугать, как галок или ворон.

А еще мы постоянно страдали от безденежья. Ребенок, живущий в семье, пусть самой бедной, хоть изредка, хоть по праздникам, да имеет от родителей рубль-другой на кино и мороженое. Нам же карманные деньги вовсе не полагались. А конфет хотелось, а ситро хотелось, а того же мороженого хотелось и в кино тянуло, может, даже больше, чем домашних ребят.

И вот мы бродили по улицам и совали свой нос всюду, куда нас не просят, главным образом туда, где пахло сладким. Настоящих витрин во всех этих магазинчиках и ларьках не было, товар лежал, что называется, в открытой выкладке, в лучшем случае, прикрытый марлей от мух. Тактика была простая: надо было дожидаться, когда продавец займется покупателем, и по возможности быстрее набить карманы конфетами или пряниками. Нередко, впрочем, приходилось спасаться бегством. Если ловили, то младшим драли уши, а старшим давали по шее. О том, чтобы за горсть леденцов овести в милицию, никто и не думал. Да и знали — что с нами, с детдомовскими, милиция сделает?

Однако все это не давало живых денег, чтобы сходить в то же кино. Некоторые попрошайничали, но нам с Олегом это было противно. Немногие пытались воровать по-настоящему, но мы не умели, да и совесть не позволяла. А возможности заработать денег почти не было, впрочем, как и у нынешних ребят.

Летом мы ловили на Буге рыбу, в основном бычков, и продавали хозяйкам за

рубль, а то и за полтинник. Иногда ходили в соседнюю воинскую часть. Молоденьких красноармейцев не пускали в город, и они через забор давали пацанам деньги на покупки, обычно не больше рубля и с одним и тем же наказом: купить дешевых папирос, а на сдачу пряников. За каждую такую ходку нам полагалось копеек пятнадцать-двадцать, так что приходилось побегать, прежде чем заработать на билеты в кино.

Бедные стриженные ребята! Через год они все полягут здесь, в степи под Херсоном, и не видать им больше ни пряников, ни папирос... А через много лет я, офицер, буду стоять в гарнизонной лавке и смотреть, как молоденькие солдаты на свое месячное денежное «довольствие» просят у продавца одно и то же: десять пачек «Севера», на остальное — пряников, десять пачек «Севера», на остальное — пряников... Да меняется ли хоть что-нибудь в этой стране?!

Необычным для нас, москвичей, были немцы на улицах Вознесенска. Немцы и собаки. Немцы были наши, советские. Они приезжали из своих колхозов, с хуторов по делам, за покупками или так — погулять, и были вроде такие, как все люди. Но мы их все равно узнавали, словно меченых, и смотрели на них, ну, не знаю как... А когда проходили мимо, то мы с Олегом обычно провозглашали: «Рот Фронт!» и сжимали кулаки, как это делали антифашисты в кино и на плакатах. И немцы отвечали — «Рот Фронт», и улыбались нам, и кивали головами. Хорошие немцы, советские немцы. Но немцы...

Собак в городе было видимо-невидимо, и, наверное, сам черт не разобрался бы, какие из них дворовые, а какие — бродячие. Мы, при случае, с удовольствием гоняли их по улицам. Но с еще большим удовольствием, прямо-таки с остервенением травили мы «собачников».

Время от времени на улицах появлялась повозка с большой деревянной клеткой, где обычно уже сидело и лежало с полдюжины собак. Один дядька с вожжами шел о бок повозки, а другой сзади, чтобы пацаны, чего доброго, не открыли дверцу и не выпустили добычу.

И худо было той собаке, что зазевалась на своих товаров в клетке, или задремала в тени под плетнем, или увязалась за чужим возом. Дядька тотчас снимал с повозки здоровенный сачок, наподобие тех, какими ловят бабочек, и начинал красться к собаке. Псина настораживалась — и открывалась потеха! Впереди обезумевший от ужаса пес, а за ним — осатаневший собачник со своим орудием в руках. А вслед им крик, свист, камни...

Но ошибается тот, кто думает, что нынче бродячие собаки исчезли из наших южных городов. Ничуть не бывало, они только попрятались. Но пройдите глубокой ночью по улицам такого мегаполиса, как Ташкент. Бетон и асфальт, металл и стекло и, как ни в чем не бывало бегущая по тротуару стая собак, от широкогрудого, с могучим загривком вожака до облезлой собачонки, ковыляющей в хвосте. Бегут они либо вслед за сучкой, либо за пропитанием к ближайшей свалке, и на случайных прохожих, как правило, не обращают внимания. Но лучше их тоже не трогать.

А еще на улицах Вознесенска встречались дурачки, что тоже было приметой довоенных южных городов. Обычно они были смирными, как наш квартальный дурачок Пепка, здоровый мальчик с вечно отвисшей нижней губой и кончиком языка, прикушенным между зубами. Взрослые его сторонились, но дети нередко изводили своим приставанием и назойливыми выкриками: «Пепка-дурак!» Тогда он приходил в неистовство и начинал беспорядочно швыряться камнями, а ребята в неподдельном испуге разбегались, чтобы через день снова дразнить несчастного Пепку. Привечала его только мать, простая уборщица в школе, которая вечером за руку отводила сына домой. Много я их перевидал на своем веку — дурачков, блаженных, слабоумных, и всех их было жалко, бедных детей рода человеческого. Но, говорят, им, скорбным духом, и есть царство небесное...

4

К сожалению, не получается у меня связного рассказа. Что делать, записки они и есть записки. И память подсказывает лишь отрывочные эпизоды из нашего детдомовского житья.

Вот ясное утро начала лета. Я сижу на крыше жилого корпуса. Я люблю здесь сидеть в одиночестве и мечтать. На крыше приятно пригревает солнце, и тихо, и с соседнего сада лезут ветки абрикосов.

Вдруг смотрю, ко мне пробирается мой новый знакомый — Олег. Он садится рядом, и некоторое время мы молча едим абрикосы и приглядываемся друг к другу. Плоды еще зеленые, но мы все равно едим их с удовольствием, до оскомины.

А потом лежим на крыше, смотрим в голубое небо, и я неожиданно для себя начинаю рассказывать Олегу про дом и про отца. И немножко, конечно, при этом хвастаю. Что мой отец был комкором и носил три ромба (на самом деле два — комдив). Что он был награжден орденом Красного Знамени и медалью «XX лет РККА» (ордена не было). И что у него был именной маузер с серебряной дощечкой и надписью «За борьбу с басмачами», из которого я, между прочим, стрелял (даже в руки не давали)...

И Олег тоже начал рассказывать, что его отец был полковником, и носил четыре шпалы, и был награжден орденом Красного Знамени, и воевал в Испании...

Казалось, ничего не изменилось в тот день в мире и не прибавилось в нем, вроде, ни добра, ни зла, но только мы с Олегом в этот день стали друзьями. Кто скажет, с чего начинается дружба? Наверное, как и любовь, с озарения. Когда вчера еще чужой человек, лицо в толпе, вдруг становится для тебя самым близким и дорогим. Правда, мы не давали клятву на Воробьевых горах в виду всей Москвы и вообще никак не провозглашали нашу дружбу, но она согрела все мои детдомовские годы и долго еще светила в дали времен. А переписка наша оборвалась в самом начале войны, и больше о своем друге я ничего не слышал...

А вот сияющий полдень, но уже середины лета. Мы с Олегом сбежали из пионерского лагеря и двадцать километров идем до города пешком. Собственно, в Вознесенске нам делать нечего, и никто нас там не ждет, и спать мы станем где придется, и есть как удастся, и в пионерском лагере не так уж плохо, но сладкое слово «свобода» влечет нас в дорогу. Иные лихие ребята бегут на лето и дальше — в Одессу, Киев и даже в Москву, но мы с Олегом, наверное, слишком домашние дети, чтобы решиться на такие путешествия.

Мы идем по пустынному шляху, среди поспевающих хлебов с венчиками подсолнухов по краям полей, и время от времени оглядываемся назад: не пылит ли дорога? Но нет, чисто, в разгар летнего трудового дня никто не станет без крайней нужды гонять в город редкие в ту пору машины.

Мы идем долго, и в степи тихо, жарко и сонно, и пятки наши становятся словно каменные, и хочется пить, и мы почти бежим, заведев колодец с «журавлем» на развилке дорог.

Мы не удерживаемся и бросаем в колодец по камушку. И кружок воды внизу трескается, как разбитое зеркало. А потом вытягиваем полную бадью, с которой срываются и шлепаются вниз тяжелые капли, и пьем, припадая к воде. А когда поднимаем головы, то вдруг появляется ветерок и приятно холодит лицо...

А потом мы благополучно добрались до города, остаток дня загорали и купались на Буге, а вечером пробрались в детдом, где шел ремонт, и заночевали на сеновале. И через несколько дней той же дорогой вернулись в пионерский лагерь.

Но окрыляющее чувство свободы, когда мы вольными странниками шли по степи, осталось у меня в душе. Летний полдень, божий мир, верный друг и свобода...

Или сырой весенний вечер. Воздух наполнен влагой, словно это не степные края, а морское побережье. И виной тому наш тихий Буг, вдруг ставший совершенно ровным по весне. Еще недавно мы бегали на реку смотреть, как взрывают лед, чтобы он не снес опоры железнодорожного моста, а теперь Буг разлился так широко, что затопил пригородные сады и хаты* и подступил к нашему детскому дому.

Нас перевели жить в школу, где все перемешалось, так что мы с Олегом оказались соседями одного хлопца лет четырнадцати. Хлопец был хворый, ни с кем не дружил и все в одиночестве посиживал на солнышке, подставив лучам свое бледное, незагорающее лицо. Но говорили, что он замечательный рассказчик, правда, только по настроению и в небольшой компании.

И вот в этот ненастный весенний вечер он нам стал рассказывать. Мы думали, что он будет вспоминать народные сказки, а он начал взволнованно шептать, как однажды ночевал на хуторе в пустой старой хате. И как взошла луна, и он увидел в темном углу волчок, который быстро-быстро крутился. И вдруг от этой юлы к нему потянулась рука. Кулак на ней медленно разжимался, и к его лицу стали приближаться скрюченные пальцы с железными когтями. Стояла мертвая тишина. И в тишине в неурочный час закричал на хуторе петух. И он очнулся и сам страшно закричал. Залаяли собаки, замычала скотина. И рука начала удаляться, а потом волчок завизжал и пропал...

Он немало во время наводнения успел рассказать нам историй, и страшных и комических, этот парнишка, наделенный живым языком и артистической душой. И я вспоминаю его теперь среди немногих в моей жизни людей, которые владели даром речи в нашем царстве всеобщего неумения говорить.

Или еще одно, совсем нерадостное воспоминание. Тусклый зимний день. Мы с Олегом катаем по льду деревянные кругляши величиной с карманные часы. Одна сторона у них выпуклая, а другая гладкая, вот мы и соревнуемся, чей «голыш» дальше прокатится по льду.

Мы озябли, и запускать кругляши нам уже надоело, но еще менее нам хочется возвращаться в свой постылый детдом, поэтому мы продолжаем нехотя играть.

Вдруг я чувствую резкий рывок за шиворот и оказываюсь лицом к лицу с нашей заведующей учебной частью. Не говоря ни слова, она яростно трясет меня, а потом толкает так, что я падаю в снег.

Теперь она принимается за Олега. Он старше меня и сильнее, но, обескураженный, тоже не сопротивляется и мотается в ее руках, как тряпичная кукла.

Наконец она оставляет Олега, бережно собирает со льда кругляши, резко бросает нам: «Марш за мной!» — и направляется к школе. Мы плетемся следом.

Она заводит нас в пустой класс и начинает злым шепотом допрашивать, как мы посмели глумиться над гербами союзных республик? Да, эти кругляши не просто деревяшки, а изображения гербов, которые висят на стенде в вестибюле школы. Сегодня после уроков мы с Олегом увидели, что один герб валяется на полу. Мы стали пробовать другие и убедились, что они легко отрываются...

Конечно, это было глупо, нехорошо, легкомысленно, и мы начинали было каяться в дурацком озорстве, но завуч перебивает нас и в ужасе заявляет, что это было не озорство и даже не хулиганство, а политическое преступление! Ее панический ужас передается и нам, и мы чувствуем грозную тень беды над своими головами.

Но пронесло. Завуч берет с нас клятву, что мы никому не будем рассказывать об этой истории, и отпускает. Думаю, что она не донесла на нас только потому, что сама боялась пострадать, ведь с нее спросили бы за вверенную ей школу.

Ну а что было бы, если бы дело получило огласку, можно только гадать. Во всяком случае, с режимом шутки были плохи. Могли и в детскую колонию отправить, и в лагерь. Помню, у нас в военном училище молодецкий курсантик разрядил винтовку в караульном помещении, нечаянно выстрелил и попал в портрет Сталина на стене. Бедный курсантик получил двадцать пять лет, и то лишь потому, что на ту короткую пору в стране была отменена смертная казнь.

И напоследок мирная, почти благостная картина. Морозный зимний вечер. Мы с Олегом сидим в читальном зале городской библиотеки. В небольшом помещении тихо, тепло и почти безлюдно. Я поднимаю голову от книги и с сожалением бросаю взгляд на стенные часы. Скоро библиотека закрывается, и из этой почти домашней обстановки нам придется возвращаться в недобрый мир детского дома.

Что мы читаем? Неважно. Ну, хотя бы сочетание занимательного с полезным — Жюль Верна. Мы с Олегом давно уже прошли путь начинающих читателей, которых расспрашивают о содержании прочитанного и потчуют рекомендательной литературой, и теперь пользуемся полным доверием библиотекаря и правом самим выбирать книги на полках. Читаем мы запоем и безо всякой системы, разве что, добравшись до одного из авторов, прочитываем все его книги, которые имеются в библиотеке.

Признаться, раньше я не очень любил читать. Впрочем, как и большинство детей, для которых игра всегда интереснее книги. И вдруг мне в руки попало сочинение, которое перевернуло всю мою читательскую жизнь. Это были «Три мушкетера»...

Знаю, серьезная критика всегда относилась к творчеству Александра Дюма с некоторой снисходительностью. Дескать, не исторично. Легковесно и поверхностно. И вообще, не Бальзак.

Да ладно, можно подумать, что ходульная мелодрама «Шуаны» — это вершина исторического романа. Бальзак, конечно, гений, но по совокупности всей своей «Человеческой комедии».

А о Дюма я как раз говорю не обо всем его творчестве, а только о «Трех мушкетерах». Эта блистательная книга, я думаю, переживет века. Герои романа уже давно стали во всем мире человеческими типами, именами нарицательными. Не говори — благородный, скажи — Атос. Не буду перечислять все достоинства произведения, скажу лишь главное: в «Трех мушкетерах» заключена тайна, которую трудно выразить словами, и эта тайна есть обаяние. Я бы сказал, обаяние молодости. Эта книга всегда будет молода.

И, наверно, не случайно, что «Двадцать лет спустя» уже не имеют того очарования, которое исходит от «Трех мушкетеров». Постарели герои, устал автор...

Для меня, ребенка, «Три мушкетера» были еще и формой бегства от жизни. Передо мной открылся чудесный, захватывающий мир приключений, где умные, смелые, благородные герои, верные долгу, преданные любви и дружбе, с весельем и отвагой побеждали своих врагов и преодолевали все препятствия, и как же этот прекрасный мир отличался от той тусклой, скудной, безрадостной жизни, в которой мы жили! Скажете, иллюзии, пустые мечты? Что ж, говорят, человек рождается и умирает без волос, без зубов и без иллюзий. А пока он жив...

После «Трех мушкетеров» я начал читать все подряд и очнулся, наверно, только лет через десять, перечитав все собрания всех встреченных мною biblio-

тек. Вероятно, это не способствовало воспитанию во мне чувства реальности, того, что называют приспособленностью к жизни. Но что поделаешь, за все надо платить, а книги, как и добродетель, ведь сами по себе награда. И вслед за Горьким я могу повторить, что всем хорошим во мне я обязан книгам.

5

Итак, мы жили в захолустном степном городишке, десятки несчастных, обездоленных ребят, лишенных дома и родителей и насильно собранных под крышей казенного заведения. Но глубоко заблуждается тот, кто полагает, что мы просто жили этой убогой жизнью, просто существовали на белом свете, коль скоро судьба дала нам случай родиться.

Нет, все мы были участниками и объектами великого исторического процесса, который назывался воспитанием нового человека. Пишу эти строки без кавычек и без иронии, потому что воспитание нового человека было провозглашено одной из главных целей революции и построения коммунизма.

Воспитанию, а по необходимости и перевоспитанию, перековке, подлежали все граждане страны от мала до велика и вне зависимости от их желания и согласия. Лозунг «Кто не с нами, тот против нас» проводился в воспитательной практике так же решительно, как и в других сферах жизни. Несогласных отлучали от общества и посылали на трудовое перевоспитание за колючую проволоку, предвосхитив тем самым педагогические методы нацистских, маоистских, полпотовских и прочих лагерей, колоний и коммун.

Не берусь перечислить все добродетели, которыми должен был обладать советский человек, но основных качеств было два: первое — преданность делу Ленина-Сталина, и второе — ненависть к их врагам. На этих двух китах покоилось все идеологическое мироздание, на них сходились все воспитательные начала и концы.

Преданность делу Ленина-Сталина требовалась безусловная и безоговорочная, а лучше всего — фанатичная, вплоть до немедленного и радостного самопожертвования во имя этого дела. А сами они, Ленин и Сталин, были для нас идеалом нового человека, к которому надо было стремиться всю жизнь. (Новый тип человека — такой подзаголовок сделал Анри Барбюс к своей книге о Сталине).

Правда, теперь мы усиленно стараемся развести эти две исторические фигуры в противоположные стороны, отделить, так сказать, идеал от идола, но в дни моей молодости эти имена всегда стояли или рядом — Ленин и Сталин, или вместе, Ленин-Сталин, где Сталин выступал не только продолжателем, но и живым продолжением Ленина. «Сталин — достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в партии, Сталин — это Ленин сегодня», — читали мы в его «Краткой биографии».

Но как бы в действительности ни были далеки друг от друга эти фигуры (хотя каждый из них долгие годы боролся за власть и достиг ее вершин), но в одном их судьба оказалась схожей: оба они, один посмертно, а другой при жизни, удостоились обожествления и религиозного поклонения.

Правда, с той разницей, что культ личности Сталина был в конце концов развенчан, а культ личности Ленина не только устоял, но как бы заново возрождался при каждой смене власти. В этом смысле можно сказать, что свой Ленин был у Хрущева и Брежнева, Андропова и Черненко. И даже нынешний глава партии и государства не решился от своего имени провозгласить приоритет общечеловеческих интересов над классовыми, а сослался на авторитет Ленина и вообще назвал перестройку возвратом к ленинским принципам социализма. Как тут не вспомнить мусульманских фундаменталистов с их призывом вернуться к заветам пророка Мухаммеда и истинным ценностям раннего ислама. Скажете, то вероучение. А это не вероучение?

Преданность делу Ленина-Сталина непременно требовала веры в мировую революцию и коммунизм. Именно так и в такой последовательности, потому что, как было сказано, в одной, отдельно взятой стране невозможно добиться окончательной победы коммунизма. А значит, для его полной победы нужна «земшарная республика Советов».

Сейчас лозунг мировой революции может показаться лишь романтическим атрибутом Октября с его сабельными походами и боевым кличем «Даешь Варшаву, даешь Берлин!» Но это не так, далеко не так. Смею уверить, что идея мировой революции жила в нашей стране всегда, независимо от того, содержалась ли она в партийных документах, лозунгах и призывах или исключалась из них по тактическим соображениям. И прежде всего потому, что она согрела сердца людей, придавала их жизни высший смысл, поднимала над трудным и убогим бытом.

И одна из первых взрослых истин, которую мы усваивали в детстве, состояла в том, что грядет мировая революция, а вместе с ней и социальное освобождение всех трудящихся. Вера в мировую революцию пережила и трагические тридцатые годы, и Коминтерн, и сороковые-роковые. Война с ее обескураживающим началом, когда немецкий классовый брат пошел на русского брата, вместо того, чтобы повернуть оружие против общего врага, хотя и развеяла многие былые иллюзии, но все же не убила до конца эту веру. И она вновь возродилась после войны, в особенности с созданием так называемой мировой социалистической системы.

Вообще, после войны идея мировой революции претерпела довольно сложную метаморфозу. С одной стороны, публично, официально мы отреклись от нее и провозгласили принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем. А с другой, поспешно оговаривались, что само мирное сосуществование есть не более чем специфическая форма классового борьбы между этими государствами. И, таким образом, прогнав мировую революцию в дверь, мы тут же возвращали ее через окно.

Такого рода двойственность, качательность, желание как прослыть знаменосцем мира, демократии и социального прогресса, так и не поступиться дорогими сердцу революционными принципами, ощущается, например, во всей Программе КПСС, принятой на XXII съезде партии. Так, с одной стороны, предлагались принципы равноправия, взаимопонимания и доверия между государствами, учет интересов друг друга и невмешательство во внутренние дела чужих стран, а с другой, недвусмысленно заявлялось, что «КПСС и весь советский народ... считают своим долгом поддерживать священную борьбу угнетенных народов, их справедливые освободительные войны против империализма». Более того, прямо провозглашалось, что сам «империализм» есть загнивающий и умирающий капитализм, канун социалистической революции, и что **«мировая капиталистическая система в целом созрела для социальной революции пролетариата».**

Но если капитализм не более чем смердящий труп, если мировая революция пролетариата стоит на пороге, то стоит ли на самом деле считаться с независимостью других стран, с суверенитетом отдельных наций? Брежневская теория «ограниченного суверенитета» еще не успела родиться, как мы уже совершили вторжение в Венгрию в 1956 году. За ней последовала Чехословакия — в 1968 году и Афганистан — в 1979 году. И каждый раз мы облекали свои державные амбиции в одежды братской солидарности и пролетарского интернационализма.

Похоронена ли сейчас в наших сердцах идея мировой революции? Народное восстание в Румынии в 1989 году вроде бы позволяет утвердительно ответить на этот вопрос. Во всяком случае, мы, кажется, впервые удержались от соблазна вмешаться в революционные события, происходящие в другой стране. И все же я не стал бы горопиться с ответом. Слишком долго доктрина мировой революции служила удобным идеологическим прикрытием для имперских притязаний наших правителей. И пока на гербе СССР серп и молот будут распластаны на фоне земного шара, а со страниц газет и журналов не исчезнет лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», призрак мировой революции не перестанет маячить на горизонте.

Что же касается коммунизма, которому поклонялись поколения советских людей, то сейчас можно сказать, что в лучшем случае он неизвестно что значил. Разумеется, существовала так называемая теория научного коммунизма и все такое прочее, но она не давала никакого конкретного, живого представления об этом понятии, и в конечном счете всяк был волен мечтать о светлом будущем на свой лад.

Обычно коммунизм понимали как жизнь, где будет вдоволь всех благ. Впрочем, это расхожее представление о земном рае не слишком отличалось от научного понимания, выраженного, например, в Программе КПСС, где, если помните, мы обещали, что при коммунизме «все источники общественного богатства пользуются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям».

Наверное, это особенность всех наших представлений о добре и зле, где зло, как правило, бывает предметным, многоликим и живописным, а добро — расплывчатым, туманным и одномерным. Вспомните хотя бы те же христианские представления о рае и аде: скучная сладенькая небесная жизнь и мощное темпераментное загробное царство. Поистине, небо и земля!

Помню, в начале шестидесятых, когда была принята новая Программа КПСС, когда на улицах и площадях висели заповеди «Морального кодекса строителя коммунизма», а по радио пели о том, как «в коммунистических бригадах мы к коммунизму держим путь», я по журналистским делам однажды побывал в Ангрене. И секретарь парткома угольной шахты мне с гордостью рассказал, как у себя в коллективе они устроили «День коммунизма». Суть его состояла в том, что в тот день

шахтеры сначала бесплатно поработали, а потом бесплатно пообедали. Ну, был оркестр, художественная самодеятельность. Такой вот день...

Конечно, легче всего сказать — опошление идеи. Допустим. Но пусть тот, кто знает, скажет тем, кто не знает: что такое коммунизм? Только, пожалуйста, без общих слов, без «бурного потока» благ и рога изобилия, а конкретно, в лицах, звуках и красках. Что, нет желающих? Тогда что же, спрашивается, нам сулили все эти годы? Нечто и туманную даль?..

И все же я никак не хотел бы опорочить саму идею коммунизма. Рожденная великими умами, она стала одной из светлых идей человечества. И, право же, заслуживают уважения те, кто искренне верил в эту мечту и отдал за нее свою жизнь.

А кроме того, меня, как, наверное, и многих в стране, тревожит потеря общей идеи. О коммунизме мы предпочитаем сейчас даже не вспоминать. Это и понятно, еще не забыт бесславный провал хрущевской программы строительства коммунизма. Но если не коммунизм, то что за общество мы создаем, ради каких целей стараемся, для чего живем?

Я понимаю, вопросы эти могут нынче показаться праздными, неуместными. Довольно, мол, тешиться понятиями, играть в названия. При каком только социализме мы ни жили — реальном, зрелом, развитом, а слаще нам от этого не становилось.

Так-то оно так, но что, допустим, мне делать, если все мои предки были людьми идеи и жить не могли без высшей цели? Да и общество в целом, я уверен, не сможет долго прожить без общей идеи. Разложение морали, падение нравов, распространение пьянства и наркомании, рост преступности, в особенности немотивированной, по мнению ученых, прежде всего свидетельствуют об утрате идеалов. Вроде бы у каждого своя, личная причина для пьянства и разгильдяйства, халтуры и воровства, а все вместе они дают зловещую картину потери общественных ценностей.

Правда, сейчас нам предложена новая общая идея: во внешней политике — это мир, основанный на превосходстве общечеловеческих интересов над классовыми, и во внутренней — строительство гуманного, демократического социализма. Но если во внешней политике наш фактический отказ от классовой борьбы, а следовательно, и от глобальной вражды с капитализмом был благожелательно встречен в мире и уже принес первые успехи, то во внутренней народ скорее выжидательно принял новую концепцию социализма. И немудрено: люди устали и изверились. И успех перестройки будет в большой мере зависеть от того, как мы сумеем преодолеть этот наш проклятый разрыв между словом и делом, теорией и практикой, мечтой и действительностью.

И последнее по счету, но не по значению, на чем нас всех воспитывали, — это была ненависть к врагам социализма, противникам дела Ленина-Сталина. А врагов было много, несть числа, причем на месте разбитого и поверженного супостата тотчас возникал новый противник. И со всеми ними война шла не на жизнь, а на смерть.

Это были народники, легальные марксисты, «экономисты», меньшевики, эсеры, левые и правые, анархисты, кадеты, октябристы, монархисты, ликвидаторы и отзовисты, богоискатели и богостроители, махисты, троцкисты, социал-шовинисты и национал-шовинисты, «левые» коммунисты, белогвардейцы, «военная оппозиция», демократические центристы, буржуазные националисты и национал-уклонисты, «рабочая оппозиция» и «новая оппозиция», фашисты и социал-пацифисты, социал-патриоты и социал-империалисты, а также шпионы и диверсанты, вредители и саботажники, террористы и кулаки, правые и левые капитулянты, паникеры и крикуны, нытики и малOVERы... Все это я взял из незабвенного «Краткого курса истории ВКП(б)». А ведь после войны были еще и сионисты, и вейсманисты-морганисты, и безродные космополиты, и врачи-убийцы...

А кроме того, всегда были империалисты, поджигатели войны. Помню, как в военном училище наш преподаватель истории партии, невысокий полный и подвижный майор, вбегал в аудиторию и, отмахнувшись от рапорта дежурного, начинал декламировать, мерно поднимаясь на носки: «Всем неизвестно, что англо-американские империалисты готовят новую мировую войну, новую мировую бойню!..»

Многоликий образ врага преследовал нас от рождения до смерти, и ненависть его также полагалось с пеленок до гробовой доски. Помнится, однажды в детдоме карапуз из младшей группы приволок найденную где-то почетную грамоту с портретами Ленина и Троцкого по углам. Воспитательница тотчас собрала вокруг себя малышей и повелела каждому целовать портрет дедушки Ленина и плевать в сторону предателя Троцкого.

Вообще, власти очень любили шумные, массовые, публичные сборища как для восхваления вождей, так и для поношения врагов. И если мы, дети, на пионерских сборах клялись быть «всегда готовыми» к борьбе за дело Ленина-Сталина, а на

уроках прилюдно вымарывали из учебников портреты вчерашних героев революции и гражданской войны, то у взрослых для клятв и проклятий служили собрания, митинги и демонстрации. Поистине, власти ничего не оставляли на самотек ни в ненависти, ни в любви!

И вот теперь, глядя на старые фотографии в журналах, на испуганные, растерянные, подневольные лица людей, послушно одобряющих очередной смертный приговор «троцкистско-зиновьевской фашистской банде», я вижу среди них и себя, то подростком, то юношей, то молодым человеком, то взрослым мужчиной. И неважно, что лично я в зрелые годы сбегал с собраний и не ходил на митинги, все равно, это с моего молчаливого согласия народ поддерживал и одобрял, возмущался и проклинал.

И не следует думать, что «культ врага» процветал только при Сталине. Ничего подобного. Образ врага был необходим каждому новому властителю, и кажется еще вчера политический обозреватель «Правды», профессиональный борец за мир, со звездой героя на груди и руками, по выражению моей матери, пухлыми, как у владыки, клеймил с телеэкрана то американских империалистов, то югославских ревизионистов, то германских реваншистов, то израильскую военщину, потрясая в знак вещественных доказательств письмами трудящихся.

И только в самые последние годы, медленно и непоследовательно, мы стали, наконец, избавляться от пресловутого «образа врага». Впрочем, на этом пути преуспело главным образом гражданское общество, а что же касается военных, то для них существование «вероятного противника» все еще является, грубо говоря, вопросом хлеба насущного.

Я не собираюсь перечислять все табельные добродетели, которыми должен был обладать новый человек (в последний раз они, помнится, были записаны в «Моральном кодексе строителя коммунизма»), но один принцип я все же хотел бы вспомнить. Это так называемый принцип коллективизма. Наши словари трактуют его как «один из основных принципов коммунистической нравственности, раскрывающий взаимоотношения отдельного человека и общества в целом, личности и коллектива» («Словарь по этике», Политиздат, 1975 г.).

Все так, но главное, какой смысл придавался этим взаимоотношениям человека и общества, личности и коллектива. А смысл, впрочем, как и всем принципам коммунистической нравственности, придавался сугубо классовый, где неизменно подчеркивалось, что «социалистический коллективизм в корне противоположен буржуазному индивидуализму» (там же).

Справедливости ради надо сказать, что ученые словари обычно приводили разные оговорки, смягчающие категоричность принципа коллективизма, вроде того, что «признание приоритета общественных интересов не означает безусловного подавления интересов личности» или что «принципы коллективизма не имеют ничего общего с обезличиванием человека, подавлением подлинной свободы личности и ее интересов» (там же).

Но все это были не более чем интеллигентские упражнения в словах. Жизнь не признавала этих оговорок.

В жизни все было проще и грубее.

Когда знаменитый поэт провозгласил:

Единица — вздор,
единица — ноль...

Когда известный педагог-новатор заявил: «Мне нет дела до личности, я имею дело с коллективом».

Когда великий вождь определил нас всех на роль «винтиков».

И на деле весь принцип коллективизма свелся к простейшим формулам типа «Народ всегда прав» или «Воля коллектива — закон», с помощью которых власти в своих интересах манипулировали общественным мнением.

Не знаю, может быть, на свете существует другой, подлинный коллективизм, коллективизм с «человеческим лицом», но я такого не встречал. И всю мою жизнь он служил инструментом рабства в руках тоталитарного режима, орудием подавления воли как меньшинства, так и большинства, как отдельного человека, так и всего общества.

Я говорю — большинства, потому что власти, присвоив себе право выступать от имени его, на самом деле никогда не интересовались подлинным мнением этого большинства. Достаточно сказать, что за всю историю в стране не было проведено ни одного референдума.

Более того, если при Сталине с помощью массовых собраний власти все же пытались симулировать мнение народа, то вконец обленившийся брежневский режим даже не утруждал общество формальной оценкой своей политики. Для этого исправно служили наемные перья и голоса, служила так называемая наглядная агит-

тация. Помню, например, как после очередного повышения цен газеты угодливо писали, что народ принял эти меры «с пониманием и сочувствием». А кто не помнит лозунгов, вроде «Внешнюю и внутреннюю политику партии поддерживаем и одобряем!», раз и навсегда вывешенных на улицах и площадях.

Я двадцать лет жизни потратил на журналистику и должен признаться, что особым лицемерием, я бы даже сказал — цинизмом, отличалось сочинение «откликов». Наши люди с газетной кухней мало знакомы, и поэтому попробую чуть подробнее рассказать, как в мое время (а может, и сейчас) стряпалось общественное мнение.

Допустим, дряхлеющий правитель страны выступил с очередной речью, где высказал дежурную благоглупость вроде того, что «экономика должна быть экономной». В тот же день, еще до публикации речи в печати, мы получаем указание ТАСС, в котором «по решению директивных органов» нам предписывалось выдать эту банальность за открытие.

Иными словами, напечатать хвалебные отклики. А так как сами читатели и не думали их присылать, то за дело брались профессионалы пера. Задание разбрасывалось по отделам: один сочинял за токаря-новатора, другой выступал от имени передового деятеля культуры, третий находил подставное лицо в академических кругах. Особенно не мудрили и обыкновенно перелицовывали прежние отклики, благо, в каждой газете был свой набор фамилий. В заключение полагалось позвонить мнимому автору и получить его согласие на публикацию. Но газетчики тоже люди, и нередко «откликант» лишь на следующий день с удивлением обнаруживал свое имя в газете. Впрочем, я не помню ни одного случая протеста.

Да и сейчас, в годы перестройки, мы, в сущности, мало что знаем о воле большинства и желании меньшинства. Разумеется, народ в наше время отнюдь не безмолвствует, но, с другой стороны, наверное, только ленивый не вещает нынче от его имени. Выборочные опросы общественного мнения не дают полной картины, тем более, что мнение народное находит в них лишь косвенное отражение: «А вы спросили народ?» — бросил упрек своим оппонентам на Съезде народных депутатов СССР Николай Иванович Рыжков. Положим, не спросили. А он спросил? И кто — спросил?

Выразить волю народа по важнейшим проблемам страны могли бы референдумы, но, похоже, правительство просто боится непредсказуемости их результатов. Вместо этого нам предлагают такую удобную для властей форму, как всенародное обсуждение. Но ведь ясно, что отбор и оценка предложений в этом случае целиком находятся в руках правительства, позволяя ему по своему усмотрению манипулировать общественным мнением.

Возможно, я несколько отвлекся от принципа коллективизма, но ведь он толковался у нас чрезвычайно широко и охватывал буквально все стороны жизни. И прежде всего общественную, где подавлял всякую индивидуальность, всякую личную предприимчивость и инициативу. Коллективистский лозунг «Каждый за всех, все за одного» очень быстро переродился в форму «Каждый как все, все как один». Между прочим, это выражение «Все как один» (встанем, поднимемся, дадим отпор и т. д.) еще недавно было ритуальным заклинанием на разного рода собраниях и митингах.

Стремление всякого тиранического режима к единообразию и порядку, исполнительности и послушанию, мне кажется, находило свое моральное оправдание именно в принципе коллективизма. Делай как все, не высовывайся, единица — вздор, единица — ноль, сначала общественное, потом — личное, воля коллектива — закон, кто не с нами, тот против нас, народ всегда прав, меньшинство подчиняется большинству, солдат партии, простой советский человек, — все эти прописи воспитывали у людей чувство собственной неполноценности, чувство покорности и самоунижения, дополняя таким образом физическое рабство рабством духовным, рабством по нравственному убеждению. «А сейчас пойдут бараны», — говаривал Иосиф Виссарионович, глядя с Мавзолея на подступающие колонны демонстрантов.

Говорят, величие империи заменяло римлянам чувство личного бессмертия. Или, как это у нас поется: «Жила бы страна родная, и нету других забот»? Вот уж, поистине, полное торжество коллективного над личным.

В результате мы получили застой и полное торжество посредственности, за силье его сверху донизу, от столичных чиновных столпов до мелкого провинциального служаки.

Лично я всю жизнь страдал от засилья коллективизма. Дело в том, что по природе я индивидуалист. Если угодно — эгоист, и всю жизнь я подвергался тираническому давлению коллектива.

В частности, вся система нашего воспитания построена так, что человек уже с детства не чувствует себя индивидуальностью. В школе, например, всех детей

одевают в одинаковую форму. И кто разумно может объяснить, зачем в наши дни нужна единая школьная форма, обезличивающая детей?

Я начал протестовать против обезличивания, наверное, лет с трех, когда, помнится, в детском садике посылал с голов малышей одинаковые панамки и побросал их в отхожее место. И вот с тех пор коллектив обратил на меня внимание и более уже не выпускал из своего поля зрения.

Волею судьбы, я полжизни провел в общежитиях и казармах, полжизни носил разного рода форму, от детдомовской до офицерской, и полжизни меня в коллективе воспитывали и перевоспитывали. Не помню уж, последовали ли «репрессалии» тогда, в детском садике, но с тех пор меня великое множество раз прорабатывали, распекали и поучали, делали замечания и ставили на вид, поднимали с места и выводили из строя, наказывали по гражданской части и подвергали взысканиям по военной за так называемый индивидуализм и «противопоставление себя коллективу».

А когда я в смущении поднимал глаза к ученым книгам, то читал: «Индивидуализм — буржуазное воззрение, противопоставляющее эгоистические интересы отдельной личности (индивидуума) интересам общества, ставящее личные, своекорыстные интересы выше общественных; социальной основой индивидуализма является наличие антагонистических общественных классов, частная собственность на средства производства, капиталистическая эксплуатация трудящихся и конкуренция» («Словарь иностранных слов», Государственное издательство иностранных словарей, Москва, 1955).

Не буду врать, я никогда не был героем-одиночкой, борцом за личную свободу, никогда не старался сознательно противопоставить себя коллективу, не стремился заслужить клеймо индивидуалиста. Более того, я искренне хотел приспособиться, стать как все, слиться с массами, раствориться в коллективе.

Но не получалось. Природа брала свое, душа бунтовала. И я начинал, как мог, защищать свои права, свою личность, свою индивидуальность. В ответ коллектив немедленно усиливал давление. Наверное, в колонии Макаренко меня просто бы сломали. А так дело обычно кончалось тем, что меня ставили на место.

После этих стихийных протестов оставалось чувство вины. И я, вероятно, половину жизни прожил с комплексом вины перед коллективом.

И только в зрелые годы это наваждение, этот дурман неполноценности стал наконец рассеиваться. И я постепенно начал понимать, что я ни в чем не виноват и никому ничего не должен: ни коллективу, ни обществу, ни государству.

Я осознал, что индивидуализм, эгоизм, любовь к себе есть естественные, природные качества человека, основа всякой личности, и что нет нужды ни стыдиться этих свойств, ни оправдываться за них перед людьми. И я не удивился, прочитав недавно у нашего знаменитого хирурга Н. Амосова: «В нашей литературе есть несколько ошибочных, на мой взгляд, представлений о человеке. Вот они... «Коллективизм в человеке сильнее индивидуализма. Как раз наоборот, человек прежде всего эгоист. Однако альтруизм ему присущ и воспитуем» (Н. Амосов, академик АН УССР. «Реальность, идеалы и модели». «Наука и жизнь», 15, 1989 г.).

Что же касается альтруизма и гуманизма, этих якобы противоположностей эгоизму, то я считаю, что свободный, независимый человек, любящий себя, но уважающий чужие права и сознающий пределы своей свободы в свободе других людей, как раз и являет собой пример человечности и бескорыстия. Более того, как научно доказал известный американский философ и психолог Эрих Фромм, чья книга недавно издана в нашей стране, любовь к другому человеку начинается именно с любви к себе. Человек, не любящий, не уважающий себя, не признающий своей ценности и уникальности, не способен на любовь к другому человеку.

Ну, положим, американский философ нам не указ. А сама Америка? Та самая Америка, которую мы столько лет оплевывали, а теперь вдруг открыли заново и узрели в ней вождельный пример богатства и благоденствия. А ведь эта богатая, процветающая Америка, как признают наши исследователи, создана себялюбцами, индивидуалистами. Да и сейчас индивидуализм является самой сильной чертой американского общества.

А коллективизм... По моему мнению, принцип коллективизма в своем последовательном, логическом продолжении ведет прямиком в маоцзедуновские коммуны времен «культурной революции» и даже еще дальше — в полпотовские коммуны с их абсолютной обезличенностью людей.

Я не задавался целью воспитать индивидуализм. Так получилось. И не только по здравому размышлению, но и из чувства протеста против всеобщего разгильдяйства и безответственности. Посмотрите кругом: мы превратились в нацию иждивенцев. Никто ничего не хочет и ничего не желает делать. То есть, все, конечно, хотят всего, и притом немедленно, но, странным образом, мало кто связывает эти вождеденные блага со своими личными усилиями, с делом своих рук. Вынь да положь...

По опросам социологов, только двадцать процентов крестьян хотят стать фермерами (сторонники колхозного строя уверяют — пять процентов). Еще двадцать — против и сорок процентов — выжидают. Но самое замечательное, на мой взгляд, это оставшиеся двадцать процентов жителей села, которым решительно все равно, потому что они никогда не работали, не будут работать ни при каких условиях. Это лодыри, бездельники, пьяницы, разгильдяи, рвачи, по-старому — голь, голытьба, «гулящие люди», по-научному — люмпены, деклассированные элементы, наглые, нахрапистые, всегда готовые взять все и поделить, «порох революции», однако же не способные ни к какому мало-мальски созидательному труду. И вот такую «прослойку», такую устрашающую прорву паразитов и нахлебников породила наша система колхозного, то есть коллективного хозяйствования на земле.

А в городе разве лучше? И кто знает, сколько миллионов наших соотечественников нашли себе прибежище в «экологической нише», где мало работают и мало потребляют. И что самое удручающее, не хотят никаких перемен.

«Как работаем, так и живем», — говорит нам правительство. Это верно, но лишь отчасти. Потому что и управляем мы из рук вон плохо. И в результате совокупных усилий скверного труда и дурного управления через пять лет после начала перестройки живем едва ли не хуже, чем в так называемые застойные годы. И дело не только в медлительности, нерешительности, половинчатости политических и экономических реформ. Все более заметным становится, я бы сказал, прогрессирующий паралич власти, паралич управления. Когда в кризисных, экстремальных ситуациях, будь то стихийное бедствие, забастовка или массовые волнения, органы на местах проявляют слабость, а порой просто беспомощность, легко уступая не только инициативу, но даже саму власть разного рода комитетам, союзам и фронтам.

Пример, я думаю, у всех перед глазами, ну, хотя бы полное падение авторитета и влияния местных органов во время тбилисских событий в апреле 1989 года, забастовка шахтеров летом и осенью того же года. И приходится признать, что каждый раз, когда низы демонстрируют нежелание жить по-старому, верхи проявляют неумение управлять как по-старому, так и по-новому. В общем, как управляем, так и живем...

Как всегда в годы кризисов и смут, выдвигается немало теорий, как спасти страну и вывести ее на светлый путь. Осмелюсь и я высказать свое мнение. На мой взгляд, наше спасение в личной предприимчивости и инициативе. Чтобы люди перестали наконец надеяться на вождя, правительство или там местные власти и поверили в собственные силы. Чтобы каждый стал надеяться прежде всего на самого себя. Убеждение, что моя судьба находится в моих руках, сразу придаст людям чувство уверенности, независимости и достоинства. И потребует личных усилий, активности, действия.

Уверен, что в стране немало энергичных, инициативных, предприимчивых людей, хотя мы, кажется, в своей истории использовали все возможности, вплоть до «аргумента Калашникова», чтобы сжить их со свету. И теперь людям дела надо дать наконец волю или, по крайней мере, не мешать им, чтобы они не уходили в теневую экономику.

Интерес и собственность правят миром, и у нас, полагаю, тоже нет других средств на пути к богатству и процветанию. Я согласен с теми, кто утверждает, что не существует ни капиталистического, ни социалистического рынка, а есть просто рынок, и при создании рыночной экономики нам не избежать признания частной собственности, по меньшей мере, равноправной с другими формами собственности. Более того, я присоединяюсь к тем, кто предлагает легализовать теневую экономику, чтобы в современной, цивилизованной форме включить ее в сферу свободного предпринимательства...

После этих слов, наверное, следует остановиться и спросить самого себя: за социализм я или за капитализм? Отвечу так: я за общество всеобщего благодеяния. А как оно будет называться, не имеет значения. Равно как не имеет значения, что за люди будут населять это общество. Я имею в виду, по их социальной принадлежности, по их классовому положению.

И здесь я снова возвращаюсь к так называемому новому человеку. Призванный венчать собой коммунизм, или бесклассовое общество, он, однако, мыслился прежде всего как существо классовое, а именно — рабочее, пролетарское, с сугубо классовой моралью, в основе которой опять же лежала революционная мораль пролетариата.

Героем нашего времени и стал революционер, убежденный в своей правоте и уверенный в себе («нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять»), человек действия, смелый и решительный, равно владеющий словом и оружием, всегда готовый пожертвовать собой во имя правого дела и непримиримый к врагам («...а паразиты никогда!»).

Сколько их, Павлов и Максимов, в кожаных куртках и кавалерийских шинелях

лях, прошло перед нами на экранах и книжных страницах, сколько их, «комиссаров в пыльных шлемах», склонялось во снах над нашими изголовьями. Но и в этой галерее новых героев выделялся образ чекиста, стража революции, крепкого, подтянутого, неустрашимого.

Юноше,
 обдумывающему
 жизнь,
решающему —
 сделать бы жизнь с кого,
скажу,
 не задумываясь:
 — Делай ее
с товарища
 Дзержинского.

А теперь я хочу спросить: вы хотели бы делать свою жизнь с товарища Дзержинского? Я — нет. Скажу более, я его боюсь, этого железного Феликса. И не только потому, что вообще боюсь железных людей, не ведающих ни страха, ни сомнений.

Дело ведь, в конечном счете, не в личных качествах того же Дзержинского, хотя, как мы теперь знаем, был он не столь уж «железен и жилист», и многое в его каноническом образе шло от риторики, от позы, от игры на массы.

Дело, мне кажется, в тех родовых чертах, среди которых я бы прежде всего выделил жажду власти и готовность ради нее на любые насилия, что отличали всю эту шеренгу вчерашних героев, рыцарей революции. Сталин победил, потому что оказался аморальнее всех, но ведь и его соперники в борьбе за власть не блистали ни порядочностью, ни чистотой. Жестокость и нетерпимость, безнравственность и бесчеловечность проступают ныне сквозь благообразные лики многих недавних народных кумиров, больших и малых вождей. Но ведь для нас они все были как раз теми самыми новыми людьми, истинными героями нашего времени, кого следовало брать за образец и кому надлежало подражать. Всесоюзный староста Калинин, железный нарком Каганович, первый маршал Ворошилов... Ну и конечно, сам великий вождь товарищ Сталин...

Господи, подумать только, сколько было принесено людских жертв, сколько загублено жизнью, сколько сломлено судеб, сколько пролито крови и слез ради несбыточной мечты, книжной теории, кабинетной утопии — создания нового коммунистического человека. И сколько лет мы все жили в грехе гордыни и чванства, когда искренне верили, что мы лучше всех на свете и что «последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства» (И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии.)

Долго мы, простите, носились с тем новым человеком. И даже в последней Программе КПСС — том кладбище несбыточных надежд — было записано: «В период перехода к коммунизму возрастут возможности **воспитания нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство**».

Благие намерения... И все это провозглашалось в тоталитарном государстве, лишь слегка обновленном хрущевскими реформами. Ничего не изменили в этом отношении и мертвящие годы брежневского правления, где царило все то же высокопарное пустозвонство о грядущем пришествии нового человека.

И только в самые последние годы мы, кажется, отказались наконец от бесплодных попыток осчастливить мир искусственным существом и вернулись, как говорится, к старому способу. И никто вроде бы не заметил этого исторического крушения наших претензий на исключительного человека. Что ж, дай-то бог, чтобы духовные ценности, выработанные всем человечеством, — гуманизм, совесть, красота — помогли вылечиться нашей больной стране. А пока наше общество, рожденное насилием и возросшее на насилии, продолжает сотрясаться от насилия. И нам остается надеяться, что на этот раз оно выполняет лишь роль повивальной бабки при рождении нового общества.

Бахид Итаев

* * *
Сон тяжелый замучил меня.
Всю ночь черный демон,
Как плащ, мою душу
Набросив на плечи свои,
Носился над нашей планетой.
И что он хотел показать?
Какую подсказывал думу?
Со злом ли знакомил меня.
Или тешил себя моей мукой?
А может, носил он меня
Куда-то еще,

* * *
Осенний день — осколок рая.
Магический и дивный свет
Струит свои волшебные потоки.
О, как природа торжествует!
В движеньях своих нежен ветер.
Как осторожно, чуть дыша,
Он трогает парчу осеннего дня.

* * *
Я записал старинную легенду:
Когда-то
Не знали мы ни злобы, ни вражды
И жили мирно на земле,
Как ангелы в далеких небесах.
Но в черный день судьбы
Вдруг вторглись в небо чуждые племена
И дали нам напиток злобы,
И меч вложили в руки.
С тех пор
На брата брат и поднял меч.

В другие, не наши миры?
Да, да, что-то было такое,
Чего на земле не бывает:
Было странное море,
И лица, безгрешные лица,
Как будто не знавшие горя...
И музыка, звуки которой
Воистину были волшебны.
Да, сон был тяжелый.
Не весь, нет, не весь.
Лишь начало терзало меня.
А конец я смотрел бы и дальше.

Сегодня все могло б случиться:
Могло б родиться вечное слово.
Могла б, не выдержав такого торжества,
Сойти с орбиты матушка земля.
И мог бы Бог сойти на землю.
Но пусть не будет ничего такого,
А будет этот чистый, чистый день,
Осенний день — осколок рая.

О, если это правда,
Как нас ограбили они,
Как высшую правду бытия
Убили в нас жестоко.
А если не в легенде суть,
А в нас самих все беды,
Тогда...
Тогда ужасно все,
И нет прощенья человеку.
Он сам ограбил свою душу.
И полный высших благ сосуд
Опустошил до дна.

* * *

Не спеши, голубая планета,
Мне так грустно сегодня мечтать.
Не спеши...
Все равно нам от рыжего Солнца
И вовек никуда не сбежать.

Не дано нам во веки веков
Смерть костлявую хитро надуть,
С теплой кровью, бегущей по жилам,
Добежать до великого круга,
Богу что-то земное сказать.

Там звонко поют дороги Вселенной.
И вечность проста, как роса.

Там тайны плывут по пространству,
Как листья по светлой воде.
Там время давно догорело.

Но увы! Но увы! Но увы!
Не гостить нам с земными страстями
У далеких и царственных звезд.
Не ходить в той долине, где вечность
Воскрешает погибшие души.

Не спеши, голубая планета,
Мне так грустно сегодня мечтать.
Не спеши...
Все равно нам от рыжего Солнца
И вовек никуда не сбежать...

* * *

Какой был сон!
Какая женщина прошла
По лунному лучу на небо!

Как сердце вслед рванулось ей!
Вернись, вернись, прекрасный сон,
Я не желаю пробуждаться.

* * *

Может,
Не у той звезды мы оказались.
Может,
И планета нам чужая.
Может,
И галактика не та.

Может,
И Вселенная не наша.
Может,
И в трехмерное пространство
Мы попали просто заблудившись.
Может...

* * *

Село.
Осенний день.
А за селом распаханное поле.
И редкий мокрый снег.

И над всем безмолвием
Голос глупого щенка.
Не ропщи, душа, на этот мир,
Пока в другом не поживешь немножко.

* * *

И демон спрашивал меня:
— Самый чистый голос мира?
— Молчание,— ответил я.
— Самый мудрый голос мира?
— Молчание,— ответил я.
— Самый подлый голос мира?

— Молчание,— ответил я.
Да, молчание...
Нельзя молчать,
Когда молчат другие.
Но и не стоит говорить,
Когда все хором говорят.

* * *

Вразвалочку, спокойно,
Как хозяин вотчины,
Пешком по парку бродит
Черный ворон, друг печали.

И не пойму я, почему
Такому пешеходу
Природа-матушка дала
Еще и крылья для полета.

Азим Суюн

Влюбленный

ГАЗЕЛЬ

Кто от любви пылает так? Да это — я. Да это — я.
От горя кто сгорает так? Да это — я. Да это — я.

Был на песке высокий дом, и рухнул он — мечта моя.
А кто гордился, строя дом? Да это — я. Да это — я.

Как в небесах души темно! Там кружит птица черная.
Совсем один на свете кто? Да это — я. Да это — я.

Кто в сердце сам себе вселил надежду, маясь и скорбя,
Ища цветы, от терний выл? Да это — я. Да это — я.

Дела заброшены... Но как мне душу вырвать из огня?
Кто пощадил соперника? Да это — я! Да это — я!

Кто языком влюбленных стал, для них — бездомный — домом стал,
Сам над собою хохотал? Да это — я! Да это — я!..

Безумна, беспрестанна боль — любовь неразделенная...
Кто бросил миру тайный вопль? Да это — я! Да это — я..

Старый волк

Ныне не нравится волку зима:
Снега избыток и лютый мороз.
Он же, ослабленный, —
Немочь сама,
Убыли силы,
А голод возрос.
Тихо и пусто окрест
И — до звезд.
Тварь ни одна не оставила след.
В воздух морозный
Воткнул он свой нос, —
В мире — ни звука,
Ни запаха нет...
Голод проклятый назойлив и жгуч.
Этот сугроб...
Околеет он тут...
Некогда был он красив и могуч,

Ныне же
Ноги его не несут.
Шаг — через силу...
Еще один шаг.
Издали тени слетались к нему.
И повалился он —
Бывший вожак —
В белый сугроб,
Как в кромешную тьму...
Голод!
Но невыносимей всего
Мука безмолвия,
Тишь пустоты...
Ныне покинула стая его,
И — навсегда.
Замело и следы...
А ведь когда-то по снежным следам

25.01.

Евгений Березиков

ВХОЖДЕНИЕ В ПОЛТЕРГЕЙСТ

ЭТЮДЫ О НЕПОЗНАННОМ

Таинство жизни —
в таинстве общения.
Автор

О ДУХЕ ПРИРОДЫ

Сколько живет человек на земле, столько думает он о мироздании. Ибо как бы ни был насыщен пищей земною, потребность в духовном сильнее плоти. Отсюда и мысль о Вселенной, о всем том, что остается для него непознанным и будоражит живой мозг. Это и есть таинство, которое делает человека загадкой природы — несомненное свидетельство того, что Дух его постоянно ищет выхода за пределы обыденного, мыслимого. И в то же время кажущаяся странность, пугающая обыденность являются нормальным состоянием человека — высокоорганизованного существа природы. Ибо в этом находит свое подтверждение один из важнейших библейских постулатов духовности: «Не хлебом единым жив человек». В этом случае Дух, что живет в каждом человеке, вырывается наружу и делает все вокруг сущим.

В силу этого у кого-то в жизни наступает такой период, когда он внезапно встречается с чем-то таким, что заставляет его вдруг изменить весь образ жизни своей, весь образ мыслей своих и, не колеблясь, следовать за тем, что ему является. Такое необычное состояние за последние годы все чаще стало посещать и меня, тем самым ввергая мое сознание в своеобразное состояние неземного видения, не являвшегося мне ранее ни в образах, ни в мыслях, ни в ощущениях. И приходило все это вовсе без моего на то согласия, проецируя на меня какую-то зачарованную трепетность и страстную жажду познать запредельное.

Но открылось все это мне не вдруг, а по малой толике, словно посылаемой мне из существующей где-то закономерности. Это странное состояние я в себе, что называется, с ходу не зафиксировал, не сделал на этом акцент. Но интуитивно ощущая что-то нехарактерное для нормального состояния человека.

Может быть, это происходило во мне оттого, что первые ощущения непознанного приходили ко мне в раннем детстве, но тогда не оставили заметного следа, и это было естественно: ведь детское восприятие не закладывает прочно все то, что не следует одно за другим и одно из другого вроде бы не вытекает. К тому же — где уж там в детстве разбираться в причинах и следствиях?

Но вот сейчас, в зрелом возрасте, я осмелился взяться за перо и рассказать, что же побудило меня к размышлениям.

Дело в том, что в последнее время все чаще и чаще стало происходить в при-

роде нечто загадочное. Непознанные явления явно не укладывались в рамки нашего четырехмерного восприятия окружающей действительности. Я все это не связываю со сверхъестественными силами, а воспринимаю как логическое развитие физической Субстанции, присутствующей в нас, существующей как в нас самих, так в живом и неживом окружающем мире. Ибо Субстанция, создавшая такой высокоорганизованный вид, как Человек, сама должна быть еще более высокоорганизованной. Это однозначно — так же, как «часть не может быть больше целого».

Во всем мире это явление — выход за пределы четырехмерности — обозначено таким понятием, как «полтергейст» — «игра духов».

Поло — коллективная игра. Но в то же время здесь присутствует загадочное обстоятельство, связанное с этимологией самого слова «поло». Оно в английский язык привнесено с Тибета. Видимо, здесь тоже есть какая-то закономерность! Ибо мы знаем: Тибет загадочная, непознанная до конца страна, где существует одна из самых своеобразных и тоже загадочных религий — ламоизм. А ведь издавна существует мнение, что тибетцы наиболее близки к осмыслению сущности человека как творения природы. И может, далеко не случайно слово «поло» в английский пришло как символ коллективного поиска непознанного, который мы вкладываем в понятие «полтергейст». За этим понятием — загадочная «игра духов», то есть страстное желание познать, открыть новое, что является к нам в жизнь давно, но по крупицам. В этюдах о непознанном я пытаюсь свести воедино все, что на протяжении почти сорока лет моей жизни настойчиво требует выхода. Возникла потребность облечь эти наблюдения в логическую систему. Взявшись за обоснование связей реального и потустороннего, хочу последовательно рассказать о том, что со мной произошло на этом пути, начиная с того самого момента, когда я впервые ощутил вселение в мой организм загадочной энергии.

Всякий человек, рожденный на земле, есть своеобразная субстанция, способная до беспредельности воспринимать и познавать окружающий мир. Но, видимо, что-то должно произойти в человеке, чтобы эта способность в нем реализовалась. Но что? Пока — загадка.

Я же однажды почувствовал вселение в мой организм необычной энергии, позволившей мне выходить за пределы обыденного восприятия окружающего мира.

Вслед за первовселением в мой организм энергии я почувствовал, что вхожу в какой-то новый канал восприятий окружающего меня мира. Это состояние я назвал первопереориентацией. На этом этапе мне стал доступен переход из одного временного пласта в другой. В силу каких-то новых открывшихся мне обстоятельств я получаю зримую информацию об объектах и событиях, происходящих за пределами нашего времени.

Затем был первостресс. Так я назвал состояние, испытанное мною при переходе к вселенскому видению. Затем — первоcontact, то есть непосредственное вхождение в неизвестное, запредельное.

Но коль скоро был первоcontact — значит, это явление существует для меня. А уж коль скоро существует оно для меня — значит, существует оно и в Природе.

Я уверен, что все эти явления происходили и с другими людьми, но кто-то об этом умалчивал, а кто-то принимал как некую... чертовщину. Но, видимо, настал в мировом процессе такой момент, когда слились Душа и Мысль в человеке и можно сказать слово о Духе Природы. Ведь не случайно к теме контактов с непознанным в последнее время все чаще обращаются пресса, телевидение, писатели-фантасты.

Думаю, что настало время осмыслить все эти «потусторонние» явления, подсказать наиболее безопасные пути вхождения в полтергейст, сделать серьезную попытку преодолеть предвзятость мнений о запредельном и непознанном. Опыт человека, ощутившего эти состояния, будет полезен.

Так вот: за первоcontactом последовал выход в беспредельность. Это означало, что физически и умозрительно я оказывался в ином ирреалистическом состоянии, связанном с выходом за пределы реально существующего мира.

Трудно передать словами, что испытал, когда я, земное существо, побоялся входить в запредельную систему, хотя до этого мне уже довелось много своеобразного увидеть и испытать. Предложение перейти в новое для меня состояние, впервые последовавшее от неизвестного адепта, я побоялся воспринять. Что тогда со мной произошло — сейчас сказать не могу, это состояние я назвал первоотказом, о чем расскажу по ходу повествования. А начну свой рассказ с того момента, когда начал входить в новое состояние, обозначенное мною как вхождение в полтергейст.

Когда мы сегодня, по прошествии многих веков и даже не одного тысячелетия жизни разумного существа на планете, задаем вопрос «Что есть человек?», то мы, разумеется, не соотносим это с библейским текстом: «И сказал Бог: сотворим человека по образу нашему и подобию нашему». Точно так же, как мы всерьез не воспринимаем библейского сказания о том, что «...вначале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безводна и пустынна, и тьма над бездною, и дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет, и стал свет, и отделил Бог свет от тьмы, и назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро». Все это, разумеется, мифология, все это память человеческая, которая искала истоки сотворения нашего мироздания. И мыслители древности записали в своих сказаниях это. И если абстрагироваться от самой сути природы, то можно сказать, что мироздание сотворено, как сказано в священном писании: и был день, и была тьма, и была Земля, и была вода, затем возникло все живое, это живое развивалось по законам природы. Наша же трактовка возникновения всего живого на земле так же далека от истины, как библейская. Если глубоко вникнуть в суть вопроса и искать истоки всего живого и неживого не только традиционными методами, а встать на путь «космической» логики — и пусть этот поиск окажется сложным, трудным и многоплановым, — результат же этого поиска может оказаться неожиданным. А когда найдет человек тайну мироздания то, может, не столько обрадуется, сколько огорчится, потому что он этим открытием, может так стать, приблизит свою гибель: ведь все будет зависеть от того, кто этим открытием распорядится.

Удивительно, еще вчера так вопрос не стоял. Человек чувствовал себя властелином природы, он летал над планетой, радовался этому, постигал Вселенную. А сегодня пришло прозрение: мы частица природы и, следовательно, властелином ее быть не можем. Может быть, это и есть подтверждение того самого божественного начала, о котором говорят нам священные писания — Библия, Талмуд, Авеста, Коран, индийские учения. В них говорится, что Бог велик и Бог един, и человек его дитя. Так вот сегодня, видимо, и пришло время, когда у человека появилась потребность встать на свое истинное место и четко определить, что есть он на самом деле — сын ли божий, или частица природы? Но если человек суть природы, то в этом смысле и Бог суть природы. Значит, важно познать эту самую суть, найти место человеку в природе, но не переходить ту грань, не переступить черту. Но грань нам эту знать пока не дано. Мы только познаем ее.

Люди в своем развитии прошли три периода совершенствования себя как мыслящего и высокоорганизованного существа, способного понять окружающий мир и выйти за пределы земные.

Первая ступень — утро человеческого. Определим этот период как монопериод, и человека, жившего в те далекие времена, — моночеловеком, потому что Он и Природа были едины. Человек не отделял себя от окружающего мира: ни от земли, ни от неба, ни от космоса. Он подсознательно считал себя лишь частицей мироздания, потому что не мог осмыслить и выделить себя из него. И в нем человек познавал себя, окружающий мир, пространство, являясь субстанцией для наполнения духовным, понятийным — той суммой знаний, которая постепенно позволяет ему мыслить абстрактно. Но это уже происходит на следующем этапе, когда человек начинает искать первопричину, но не в природе, не в себе, а в сверхъестественном: раз он живое существо — значит, есть что-то такое, что является высшей его ступенью, и это высшее над собой и природой он называет Богом и воспринимает его как естественную высшую субстанцию по отношению к себе и природе. И невдомек ему, что существует целое мироздание, глобальный космос, и дух Бога, каким бы он ни был великим, не в силах создать то, что создано природой, потому что он-то и есть сама природа — никем не сотворенная и никем не в состоянии быть уничтоженной, потому что сама есть материя, а материя вечна и бесконечна, как вечен и бесконечен космос, как вечна и бесконечна мысль человеческая. И пусть мой список не гарантирует окончательного осмысления всего того, что с нами происходит в сущем мире, но я все же делаю попытку. То, что явилось мне, — есть логическое закономерное развитие живой природы, человечество на грани Двадцать первого века оказалось способным принимать запредельную информацию, а значит — человечество стоит в преддверии новой эры, нового значительного витка в своем развитии.

Итак, перехожу к моменту «первоисселения» — так, как я его ощутил, от этапа к этапу, созная все, что со мной происходит. Все началось с того, что я как ребенок сначала не осмыслил, а воспринял это как естественное для себя состояние, ибо по-другому окружающий мир не видел и не мог его соотносить с другим. Впрочем, как всякий ребенок. И тут, прежде чем вернуться к моменту первоисселения, хочет-

ся рассказать о том, что предшествовало этому, какое детство прожил я, мальчик, родившийся в малонаселенном таежном хуторе села Бароковка. Вокруг Сибирь, необозримые таежные просторы до самого Ледовитого океана. Сибиряки народ своеобразный, больше общающийся с природой, чем с себе подобными, и отсюда у них своеобразная психика, своеобразное отношение к окружающему миру; они свободно общаются с природой, не таясь от нее, а постоянно чувствуя себя ее частью.

Таежная заимка, где мне суждено было родиться, состояла из единственного дома с надворными постройками. Леса вокруг в основном были сосновые — пихта, ель. Но попадался и березняк. Дом дед Андрей срубил еще в прошлом веке. Для этого ему понадобилось уйти подальше от людского жилища, найти себе небольшую поляну, а затем сжечь примерно около пяти гектаров леса, потому что в Сибири свободной от тайги земли почти не бывает, если не считать лишь небольших полей вдоль лесных речушек или каменистых мест.

В год, когда я родился, деда Андрея уже не было в живых. В 1932 году поговору он был арестован и по дороге в районное НКВД сбежал из-под стражи и покончил жизнь самоубийством, повесившись в лесу. Его нашли на дальнем зимовье лишь через четыре года. Дед не перенес неправды и предпочел такой для себя конец. Ну что ж, в этом тоже проявился характер, характер человека, воспитанного сибирской тайгой. А сколько таких судеб в те годы было по России. Людское сердце, открытое революцией к радости, столкнулось с массовым злом, творимым от имени революции.

В семье у деда на хуторе осталось пять сыновей, две дочери и жена Татьяна, то есть бабушка моя. Семья после трагедии с заимки не съехала, а продолжала свое крестьянское дело, сеяла рожь, возделывала картофель, трепала лен и жила своим небольшим хуторским хозяйством.

После окончания учительского института приехал молодой учитель Ефим Березиков, основал здесь, в селе Бароковка, школу и стал первым ее директором. Так вот, учитель собрал всю деревенскую молодежь и пригласил к себе в школу. В первый класс пришли сразу около пятидесяти человек от восьмилетнего до двадцатилетнего возраста. Там оказалась и моя будущая мать Клавдия. Ей было в то время девятнадцать лет, она была очень привлекательной, страстной певуньей, очень общительной, так что ничего удивительного не произошло, когда учитель Ефим и его ученица, полюбив друг друга, поженились. И в одна тысяча девятьсот тридцать пятом от этого брака суждено было мне появиться на белый свет. Отца через несколько лет из села Бароковки перевели учительствовать в город Новокузнецк. В то время там, в Восточной Сибири, зарождался крупнейший энергетический и металлургический центр страны. Отец возглавил большую городскую школу, а мы с матерью остались жить в своем таежном хуторе с бабушкой. Первые пять лет я счастливо провел в сибирской тайге — общался с природой, познавал жизнь через лес, его звуки, через птиц, чащобу, лесные тропинки, через все живое, что окружало меня на хуторе. Вот это общение в детские годы с природой, видимо, и определило натуру на всю жизнь. Ибо человек, только общаясь с природой, способен понять ее красоту, насладиться ее благоуханием. Человек берет дары природы, но иногда вступает с природой в борьбу за право существования. И тут человеку следует не переходить грань, за которой наступает катастрофа для самого человека, когда природа оказывается в ущербе.

Вспоминая свой первый приход в лес для его завоевания, мой дядя Василий рассказывал: «Когда горел лес и огонь едва не подступил к вековому кедру, дед Андрей сказал: «Довольно рушить природу. За этим кедром вековым — лес, на который мы не имеем права покушаться. Все, что мы взяли от природы, этого нам вполне достаточно. А дальше — ее владения. Ведь она наша матушка-кормилица, ей тоже чем-то дышать надо».

Дед, говорят, любил ходить к тому кедру — «совет держать». А когда нашли труп деда Андрея, то и привезли его на заимку и похоронили возле векового кедра.

Почти каждый день бегал я к этому кедру — благо, что находился он в двухстах-трестах метрах от дома. Трава была высокая, и когда я бежал по своей тропке, то был как раз вровень с той царственной зеленью. Помню, однажды, торопясь к таежному исполину, я пытался обогнуть небольшую лесную речушку и впопыхах не заметил, как попал ногой в муравьиный гущу. В тех местах очень много муравьиных колоний было. Помню, как мою ногу обожгло муравьиной кислотой и как нестерпимо было больно. И вместо того, чтобы припуститьсь домой, я со всех ног помчался к своему спасителю — кедру. И когда я прибежал туда и сел на дедовскую скамью, мне вроде бы стало легче. А кедр зашумел. Зашумел своими могучими ветвями. Видимо, он дает человеку силы. Ведь мы не знаем тайства, которое существует между природой и человеком. Это великая река — река природы, которая берет начало где-то там далеко, за много миллионов лет, и течет, вбирая и нас

в себя. И благо тому человеку, который понимает, что он есть составная часть этой реки. Он входит в эту реку, чтобы стать ее течением.

И вот эти детские воспоминания: часами сидел я под могучим деревом и вслушивался в пение птиц, в треск ветвей под завывание ветра, который, словно прибой, бил по верхушкам — а здесь, внизу, было тихо и спокойно. И я в это время разделял природу на царства. Царство, которое высоко над моей головой, там, где яростно трещат ветки от ветра, и царство внизу, где покой, где произрастает шелковистая трава, где бегают, не боясь за свою судьбу, земные букашки, муравьи, жучки, паучки.

Каждый человек, родившийся на свет, должен в детстве погрузиться в необъятное царство природы. И мне повезло: первые пять лет своей жизни я провел в непосредственном общении с природой. Таежный хутор явился прекрасным фоном для формирования детского восприятия окружающего мира. Не помню уж, в каком возрасте я почувствовал, что все живое живет где-то во мне, внутри меня. Скорее всего это было именно в те годы. В сороковом мы с мамой волею судьбы оказались в селе Буланиха, что на Алтае. И хотя я никогда больше не возвращался в родной таежный уголок — но всю свою жизнь, во сне и наяву, сотни, десятки, тысячи раз возвращался в мир своего детства, на ту тропку, которая вела меня к вековому кедру, к той самой скамейке, к тому месту, где похоронен был дед мой Андрей. В человеке живет связь времен, поколений. И каждому должно знать, что он есть звено огромной цепи, которая называется — Жизнь.

Алтай — тоже прекрасный, интересный край, запомнившийся мне с детства. Там произошел на свет мой отец. Там была его родина, его судьба, его биография. Его жизнь вошла в меня и стала частицей моего «Я». Ее я познал, а затем продолжил своей жизнью, приехав на родину отца. Не было здесь ни городских поселений, ни даже сел в нашем понимании. Алтайцы селились небольшими родовыми племенами, разводили домашний скот, промышляли охотой, занимались земледелием. Их стойбища, как правило, располагались вдоль небольших речушек. Жилищем служили юрты, чумы. Но с приходом русских переселенцев в восемнадцатом и в большей степени девятнадцатом веке стали строить капитальные дома, в основном рубленные из бревен. Так возникло на реке Белой, притоке великой сибирской реки Обь, село Буланиха, откуда пошел род Березиковых.

Возник этот род при весьма странных обстоятельствах. В числе иных переселенцев из Владимирской области в эти края пришла семья, состоящая из нескольких братьев, и самый младший из них был Матвей. Высокого роста, крепко сложенный парень, но замкнутого характера, он сразу увлекся охотой и ушел с местными алтайцами на промысел зверя. И зиму и лето он обычно проводил на промыслах. Живя в охотничьей среде алтайцев, он влюбился в красивую молодую шаманку по имени Ойя. Но, несмотря на то, что русские переселенцы, особенно братья, были против брака Матвея с молодой шаманкой, да и ее родственники были не в восторге от того, что Ойя выбрала себе в спутники жизни белокурого пришельца, любовь все-таки победила. Свадьба была сыграна, и Матвей вместе со своей смуглолицей, скуластой, узкоглазой молодой срубил на краю Буланихи избу и прочно обосновались в этом селе. Но перед свадьбой родственники молодой шаманки поставили перед Матвеем одно неперемное условие: он непременно возьмет себе прозвище их рода, рода Березиковых, и позволит жене заниматься шаманством.

У Матвея выбора не было, ибо — любовь есть любовь. Он был наследник, что род Березиковых берет свое начало от главного шамана по имени Хана. Он якобы произошел на свет от небесной девы, которая устроила ему люльку под березой так, чтобы березовый сок капал ему прямо в рот и с ним вливалась бы в него мудрость природы. С тех пор береза в этом роду стала фамильным деревом, и где бы ни ставился очаг шамана, рядом с юртой прежде всего высаживалась молодая береза, а потом уж было все остальное. И непременно — изображение орла, символизирующего дух, причастный к деторождению.

Вот так, по мифологии алтайцев, это происходит. Орел — родоначальник и творец всех шаманов, алтайцы совершенно конкретно представляют себе эту божественную функцию. Орел съедает душу ребенка, предназначенного быть шаманом, уносит ее в поле и тут же на специально возвращенной березе высиживает яйца, затем спускает вылупившегося ребенка в колыбель, стоящую у основания дерева. Высиженный и воспитанный потом птицей-матерью — святой девой, этот младенец становится шаманом или шаманихой. Происходит вселение в него сверхъестественных духов, которые позволяют отправлять культовые обряды.

Шаман при помощи духов мог якобы предвидеть будущее, лечить болезни, призывать удачу в делах, поражать врагов. И многое другое мог. Мог все, чего ждут от него охотники, скотоводы. И вообще — все приходящие к шаману на таинство общения с духами. Что ж, шаманизм имеет право на существование так же, как и другие религии, пусть она, эта религия, и низшего порядка. В каждой религии

есть своя закономерность и выражается она в том, что люди через ту или иную религию ищут пути познания жизни. А затем — мироздания. Но это уже высшая ступень человеческой мысли, когда человек научился абстрагироваться и взаимодействовать с окружающей его жизнью.

Всякая религия (христианство, ислам, буддизм, иудаизм или любая иная) — это поиск Бога, поиск Высшего Духа Природы. Но всякая религия в поиске этого Высшего Духа Природы идет своим путем: то ли внутренним абстрагированием от природы, то ли абстрагированием от внутреннего состояния этого духа, то ли — как у шаманов, когда они путем доведения себя до экстаза вызывают духов, а затем эти духи вселяются в них. Какое чувство ведет человека, когда он решает стать священником, муллой, ксендзом, раввином или шаманом? Не исключено, что человек сам не определяет свою судьбу; не исключено, что в нем заложена вера от природы; не исключено, что что-то свыше указывает путь человеку в его общении со сверхъестественной силой, в данном случае — с Богом.

А если это не Бог? Ведь никто не знает, что есть Бог. Естество ли природы, дух ли какой-то обособленный? А может, это физиологическая сторона нашего бытия, о которой мы пока ничего не знаем? Никто не может отрицать, что в мироздании, возможно, существует субстанция, которая осмысливает все процессы, происходящие в окружающем нас мире, и в то же время не является подобием человека. То есть является непознанным, что интересует человечество на протяжении многих столетий и чем занимались не только религии, достигшие могущества, но и религии, которые обслуживали небольшие племена. Ведь и в шаманской мифологии речь идет о так называемом белом шамане — шамане небесного солнечного существа, то есть Бога.

Если брать за источник сегодняшнюю науку как альтернативу священному писанию, то мы примерно подойдем к той же трактовке, хотя в первом случае в ней сплошная символика. Действительно, миробразование происходило по вечным законам материи, по вечным законам природы, которая развивается по закономерной цикличности. Но это не проясняет до конца существа вопроса о природе, потому что не раскрывает самой логики сущего, не раскрывает внутренней взаимосвязи в природе, не проявляет мотивов, побуждающих все мироздание вести себя так, а не иначе. Склонен думать, что все, что существует в многообразии, — разумно и подчинено «всемирному разуму». Об этом говорил Гегель. Но он до конца не смог вывести ту логическую систему, которая четко определила бы сущий мир. Следовало выйти за пределы понимания духа — с одной стороны, и восприятия существующей действительности — с другой. Но человеческая история знает попытки осмысления и, может быть, даже видения логической взаимосвязи всего сущего в природе, выходящие за пределы наших представлений. Так, пророки Иисус Христос, Заратустра, Мухаммед, Будда, Моисей, видимо, знали что-то гораздо большее. Им явилось что-то такое, чего не мог получить, увидеть и ощутить обычный человек. Происходило это не потому, что они обладали божественной святостью. В их организме была невероятная концентрация энергии, которая позволяла им воспринимать информацию, выходящую за пределы обычного четырехмерного восприятия природы. Обладая этой энергией, они совершали чудеса. Люди называли их пророками, провидцами божьими. Это принималось за чудо. Но чудо, как абстрактная вещь, тоже в природе не существует. Ведь мы не принимаем за чудо сон, а считаем его естественным логическим состоянием мыслящей матери, работой мозга. Этот процесс мы осмысливаем и поэтому даем ему оценку, хотя в то же время до конца не знаем логики наших поступков во время сновидений. А что происходит при чтении мыслей на расстоянии? Идет раскодирование мысли. Кому-то из людей это дано, но не как сверхъестественная сила, не как благодать, а просто конкретная личность имеет в себе центр, который способен аккумуляровать то, что позволяет ему, конкретному индивиду, вступать в запредельную контактную систему. Непознанные биополя и иные информационные неразгаданные нами структуры действуют в природе по своим внутренним законам и способны проникать во все живое, имея свои рецепторы и включая их в действие. Таким образом, наполняя информацией или, наоборот, снимая информацию, эти непознанные поля подчинены присущим им внутренним законам, которые мы не можем расшифровать, а значит — и оценить.

И то, что происходит с человеком во время вхождения его в полтергейст, — разве не загадка? Ведь это вступление человека в связь с так называемой потусторонней силой. На самом же деле это, может быть, вовсе никакая не потусторонняя, а самая что ни на есть объективная сила, существующая в природе по своим законам и взаимодействующая с окружающим миром согласно им. «Святой» называют эту силу служители религий, потому что не находят иного объяснения; но человек, который верит в беспредельность познания, не может признать это непознанное состояние «святостью», поклоняясь ей и не продолжая поиска.

В поисках истины вернемся на Алтай, в Буланиху, в семейство охотника Матвея и его молодой шаманки. Было у них четверо детей. Старшую дочь они по-русски нарекли Екатериной, она стала матерью моего отца. Почти через столетие я, пятилетний ребенок, ведомый рукой матери, прибыл в это алтайское село, в дом своей прапрадительницы.

Наше пребывание в Буланихе совпало с родительской неделей. И на второй или третий день все село пошло на кладбище поминать своих родственников, усопших в разные времена. Мать пошла за село вместе с молодежью и бабами, а меня за руку взяла бабка Екатерина, которой в то время было уже под девяносто. Все, естественно, ушли быстрым шагом, а мы, отстав и неспешно передвигаясь, тихим шагом шли к кладбищу.

Не доходя примерно с полкилометра до того места, где было кладбище, бабка Екатерина, вся сторбленная от тяжести лет, упершись суковатой палкой в землю и дернув меня за руку, сказала:

— Внучек, пойдём я тебя покажу то место, где покоится прах и витает дух моей матери Ойи.

Я, естественно, не мог возразить и спокойно последовал за ней.

Мы отошли от центральной проселочной дороги, которая вела на деревенское кладбище, и ступили на узкую, давно заброшенную тропинку, уводящую с перелеска на каменистую местность.

У нависающей над землей скалы я увидел сухое, пораженное молнией дерево, под ним стояла высокая, скрепленная проволокой и кожаной тесьмой лестница. Трудно было представить, что по ней кто-то мог забраться на это дерево, и тем не менее эта лестница стояла прислоненной к высохшей, почерневшей березе. Внизу под березой высился небольшой холмик, увенчанный плоским черным камнем. Поверхность его была так отполирована дождями и ветрами, что на нем отчетливо просматривалось отражение сухих ветвей. Бабка подошла к камню, привязала к ветке яркую тесемочку, опустила на колени и низко припала к камню. А затем, поднявшись, сказала:

— Внучек, поклонись прабабке своей, великой шаманке нашего рода. Сказав это, сама отошла в сторону.

Я послушно встал на колени, точно повторяя бабушкины движения. Но когда я принял лицо к камню, то, к своему удивлению, отчетливо увидел изображение человека, который как бы оттуда, изнутри, из-под холма, смотрел на меня. Это было изображение женщины, но вовсе не старой, а молодой, хотя бабка Ойя, как мне сказали, ушла из жизни на восемьдесят пятом году. Но сейчас на меня смотрела женщина лет тридцати. На женщине было своеобразное одеяние, состоящее из множества перьев, а сама она была стройной и строгой. Мне вдруг показалось, что шаманка мне что-то шепнула. И всего этого я не испугался, не закричал, не отпрянул тут же и не побежал вдогонку за бабкой Екатериной, которая в это время уже удалялась от могильного камня по направлению к дороге, ведущей на деревенское кладбище. Я не спешил покинуть это место, где замер коленопреклоненно. Всмотривался в изображение молодой красивой шаманки, которая меня притягивала к себе. Руками она никаких движений не делала, но я чувствовал невероятную силу, с которой она притягивала меня. И в таком состоянии я пребывал некоторое время, не в силах оторваться от плиты. Но как только я поднялся на ноги, изображение исчезло бесследно. Сказать, чтобы видение меня потрясло, не могу. Просто все увиденное вергло меня в волнение из-за того, что все мое тело охватила сильная дрожь. Было у меня такое состояние, будто попал я на трясущиеся жернова. Я этого состояния до конца не осознал. Но, видимо, лицо мое было таким, что бабка Екатерина, увидев, не могла не протянуть мне руку. Я понял ее жест так, что она хотела поддержать меня.

— Что, внучек, увидел шаманку Ойю?

Я ей ничего не ответил, но она все поняла.

— Да, да, шаманка Ойя является лишь избранным, — буркнула она себя под нос. И больше я на эту тему ни с кем никогда не говорил и к этому черному камню под скалой у сухого дерева в Буланихе никогда не возвращался.

Примерно через месяц мы с матерью из Буланихи выехали на Украину в город Артемовск. Там нас и застала война. Тут же последовала эвакуация. Двадцать дней мы продвигались в железнодорожных вагонах. По дороге случилась бомбежка, и я оказался в детском доме города Ачисай.

Естественно, что во всей этой круговерти мне не довелось вспоминать ни села Буланихи, ни черного камня, ни явления шаманки Ойи, потому что жизнь в мое детское мироощущение, в мое сознание вселила свои события и они полностью заняли все детское существо. Я ощутил на себе эту самую бомбежку, взрывы, горящие, скрежещущие вагоны. Помню, видел плач женщин, детей. Кровь видел и страх людей. Во всем этом кошмаре исчезла моя мама, а я остался один в об-

щественном приюте для осиротевших от войны детей. Живя здесь долгие военные годы, рядом со многими детьми и в то же время в тоскливом одиночестве среди чужих людей, я время от времени, как зов родных, вспоминал сибирский таежный хутор, село Буланиху, маму, а также бабушку Екатерину. А когда я засыпал на своей детдомовской жесткой кровати, то во сне общался со всем тем, что моему детскому воображению было особенно дорого.

Эти ночные сны открывали мне мир, который остался позади, там, далеко, где-то в иных краях, на неммыслимо отдаленных от меня расстояниях.

Может быть, то, что произошло со мной в Буланихе, под скалой у черного камня, постепенно стерлось бы из детского сознания, если бы на жизненном пути я неоднократно не сталкивался с подобного рода явлениями. Они-то вновь и вновь возвращали меня к тому черному камню и к встрече с шаманкой Ойей.

ЭТЮД ВТОРОЙ. ПЕРВОПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ

Мы, умудренные люди земли, живя в последнем десятилетии двадцатого века, не воспринимаем богов греческой мифологии так, как их воспринимали молодюди Греции. Не можем всерьез поверить в средневековое реальное существование чертей, привидений, домовых и прочей нечистой силы. Но тем не менее до нас дошли литературные памятники и мифы, сказания, а также конкретные произведения великих творцов планеты — Гомера, Эзопа, Петрарки, Данте. Да и Николай Васильевич Гоголь не преминул населить свои произведения миром нечистых духов.

Размышляя над этим фактом, я умышленно сделал упор на том, что мы всерьез не воспринимаем богов, чертей и всю остальную запредельную силу, дабы закрепить наше отношение ко всему нереалистическому. Но в то же время я не могу себе отказать в мысли: а не существовали ли в действительности для тех же греков, майя, ацтеков, египтян их боги в реальной их жизни? Ибо у нас нет оснований не верить мифологическим утверждениям: все это передается с такой правдивостью, достоверностью и убедительностью. Не в том ли здесь секрет, что боги греков, майя и ацтеков — это совсем иное видение. И жизнь та, которая до нас дошла в литературных памятниках и мифологии, действительно являлась нормальным состоянием, и ничего в этом для них необычного не было. Боги были не боги, а обладатели силы Духа, иной Субстанции. Может быть, это были неземные существа? Может быть, это были внеземные пришельцы? Да и сам человек, земного ли он происхождения? В самом деле — не являлись ли внеземные существа, именуемые тогда богами, пришельцами из космоса, только более высокой ступени развития, чем наши предки? Но настал такой период, когда боги изжили себя: может быть, та же сила, которая внедрила их на землю, вернула их к себе? Такие мысли в книге «Семь сказаний о конце темной эпохи» высказал Николай Рерих — удивительный человек, живший рядом с нами на планете Земля. Его с полным основанием можно назвать пророком: «Молятся люди каким-то неизвестным и непонятым богам. А о существовании наших Старших Братьев сейчас почти никто не знает».

И все же в памяти человеческой боги Греции остались. Они прочно вошли в мировую мифологию.

Обратите внимание: «Живущие на светлом Олимпе бессмертные боги первый род людской создали счастливым». Итак, все-таки боги, жившие на Олимпе, создали род человеческий. Ну что ж, может быть, это действительно было так. У нас нет оснований категорически отрицать, что боги, жившие на Олимпе, как высшие существа, пришедшие откуда-то из вселенной на землю, могли синтезировать и создать род человеческий. И мы-то, люди, живущие в двадцатом веке, уже понимаем законы мироздания и можем делать выводы. Вот еще одна цитата из греческой мифологии: «Был золотой век. За золотым веком следовал серебряный, но людской род уже не был столь счастливым. Люди серебряного века не были равными людям золотого века ни силой, ни разумом. За серебряным последовал третий век — век медный, когда люди уничтожили друг друга. Боги создали и четвертое царство — царство равных богам людей: полубогов-полугероев. Но и этому царству пришел конец». И последний, по мифологии, век — век пятый, представляющий, как мне кажется, для нас интерес. «Последний, пятый век и род людской, — железный. Он продолжается теперь на земле, ночью и днем, не переставая, губит людей печальный и изнурительный труд. Боги посылают людям тяжкие заботы. Правда, к злу боги примешивают добро, но зла больше. Оно царит всюду. Не чтут дети родителей, друг не верен другу, гость не находит гостеприимства, нет любви между братьями, не соблюдают люди клятв, не ценят правды и добра. Разрушают города, всюду властвует насилие, ценятся гордость и сила, богини Совесть и Правосудие покину-

ли людей. В своих белых одеждах взлетели они на высокий Олимп к бессмертным богам, а людям остались тяжкие беды».

И удивительно, что это сказано тысячелетия назад. И хотя сейчас у нас на дворе атомный век, но каким же пророческим оказался древний миф. Видимо, человек склонен к порокам, присущим людям, жившим и десять тысяч лет назад, и две тысячи, и сто лет, живущим и сегодня, сейчас. Это общечеловеческое состояние. И, глянув на сегодняшний мир, мы видим, что он ужесточается, все доброе в человеке постепенно вымывается, а остается злокачественное. Человек подводит себя к грани, когда он может перейти в иное качество. По мифологии: «был человек бог», «был человек полубог», «был человек — человек». Новая же стадия в этой цепи просто-напросто непредсказуема.

Мы говорим, что был такой период на земле, когда человек и бог были рядом, когда человек и все земное было рядом с богом, и это было нормальным явлением. Но наступил в развитии человека такой период, когда он стал абстрагироваться от окружающей его действительности, и на этой стадии бог стал от него отдаляться, воплощаться в такое существо, которое живет за пределами осязаемого и осмысливаемого мира. Наступил такой период, когда человек перешел из монопериода в полипериод и соответственно — моночеловек превратился в поличеловека, человека, который в состоянии воспринимать окружающий его реальный мир и в то же время создал себе абстрактный: Бог, потусторонняя сила. Произошло поливосприятие окружающего мира. Поличеловек — это человек, воспринимающий окружающий мир и самого себя как частицу этого мира, абстрагированно от всего остального, но не расчленяя его. Поличеловек мог свободно мыслить о разных категориях мироздания, имея ту или иную сумму знаний. Это очень важно для развития человека как существа природы.

По моему представлению, полипериод включал в себя и древние века, и первые века нашей эры, и средневековье, вплоть до самого двадцатого столетия. А теперь грядет период Абсолюта. Физическое и духовное в человеке станет единым, человек до конца осмыслит свое «я», когда он в простом научится видеть сложное, а в сложном простое, когда для него всевременные состояния станут едиными, когда он свободно научится подключаться к Всемирной субстанции.

Но между полипериодом Абсолюта есть переходный период. Выше я говорил, что для средневековья было характерным наличие сатанинского отродья. Человек, судя по литературе, по анализу того периода, общался и видел чертей, ведьм, нечистых духов, домовых. Он с ними активно боролся, изгонял их. Все это наполняло не только личную жизнь средневекового человека, но и общественную тоже. Об этом свидетельствует история инквизиции, «охота на ведьм». Мы же не будем сейчас полностью отвергать существование этих самых ведьм, ибо одно очевидно: когда человечество еще было на стадии сумеречного развития, они занимали воображение. Люди жили этой жизнью, и довольно длительный период. А может, это была реальная стадия не физического, а духовного общения человека с нечистой силой — с чертями, дьяволами, сатаной, домовыми, лешими, всевозможными болячками кикиморами, морскими чудовищами? Может быть, мировая Субстанция, учитывая степень развития средневекового человека, и нашла ему такую форму подачи символов зла, творимого в жизни самим же человеком? И вот пришел период на стыке восемнадцатого-девятнадцатого веков, когда привидения и нечистая сила стали постепенно угасать в мировосприятии человека и, соответственно, исчезать из литературы.

И вот в двадцатом веке мы все реже говорим и реже мысленно возвращаемся к нечистой силе в буквальном ее понимании. Почти исчезли слухи о встречах с чертями. Но удивительно, и это для меня является своеобразным открытием, что на смену всей этой запредельной дьявольской своре в нашу жизнь пришли дьяволы-люди. Мысль может показаться абсурдной. Но с моей точки зрения, когда в двадцатом веке на этапе высочайшего развития науки и техники человечество взойшло на более высокую ступень осмысления окружающего мира и достигло значительного совершенства, то есть такой стадии, когда познание окружающего мира происходит через открытие законов природы, — так вот, на этой стадии непознанная нами Субстанция могла перейти в новое свое качество, в новый порядок своего состояния — Абсолют, когда в человеке духовное и физическое становится единым. На этой стадии сатанинская сила, с моей точки зрения, пришла к такой форме существования, когда она может вселяться в конкретного человека и через него выражать свою сущность. Ну как иначе объяснить существование таких представителей двадцатого века, как Гитлер, Сталин, Полпот, Бокассо, которым сатанинская сила «вручила» свое сатанинское начало. И вот эти, будем так называть, люди-дьяволы в период своего зловещего правления ввергли человечество в сущий ад. Миллионы жертв, страдания, геноцид — это ли не пример того, что чертовщина в двадцатом столетии перешла в свое новое качество, вселилась в конкретного

человека. Я говорю о людях-дьяволах, которые получили командные высоты. Но в сатанинском отроде не только дьяволы, а и лешие, черти, кикиморы и иные злые духи. Видимо, такая нечистая сила — сила низшего порядка — тоже нашла себе пристанище, вселившись в конкретных, способных на античеловеческие поступки людей. Мир сегодня приносит нам каждодневно факты умышленных убийств, издевательств, изуверств, насилия. То есть совершаются поступки, которые просто не укладываются в рамки деяний высшего и разумного существа природы. Я пришел к выводу, что в этих людей вселилась дьявольская сила, ибо существовать в такой форме, каковую имела она в средневековье, в двадцатом веке уже не могла. Мои размышления не имели бы смысла, если бы я не пытался найти выход ко всему разнообразию вопросов, которые накопились в умах людей: «что есть мироздание?», «что есть человек?», «что есть всемирная мыслящая субстанция?» и другое. Видимо, не следует спешить отвергнуть напрочь мои размышления. Думаю, не я один размышляю так, и существует какая-то закономерность, которая подводит тех или иных людей к возможности такого видения. Как сказал Андрей Тарковский: «Если человек не стремится познать то, что еще не существует, он не современен».

Осмисливая явления, которые со мной происходили в жизни, начиная от встречи в селе Буланиха с моей прабабкой шаманкой Ойя, хочу рассказать еще об одном.

В феврале сорок седьмого я двенадцатилетним подростком убежал из детского дома. Проживание в детском доме стало невыносимым еще и потому, что многих детей забрали после войны родители — кого-то отцы, вернувшиеся с фронта, кого-то матери, кого-то родственники. Я еще не знал о судьбе моей мамы и, живя все эти годы в детском доме, поддерживал себя лишь воспоминаниями тех первых пяти лет, которые провел в Сибири.

И вот с группой ребят я сбежал из детского дома, и мы стали путешествовать по стране на поездах. Дальний Восток затем снова Средняя Азия. Затем Москва и снова Средняя Азия. Все-таки тянуло нас в теплые края, где мы отъедались фруктами, набирались сил и снова пускались в дорогу. Периодически нас задерживала милиция и отправляла в детские приемники, откуда мы снова бежали, объединяясь в группы, и продолжали путешествия.

Однажды, в одной из таких поездок, весь наш состав с головы до самого последнего вагона прошуровала оперативная группа работников милиции и согнала в последний вагон всех безбилетников, бродяг, разных мелких воришек и воров, и в том числе нас, пацанов-беспризорников. Нас было пять человек. А всего оперативники сняли с поезда группу примерно в двадцать-двадцать пять человек. Старший опергруппы, не доехав до станции, сорвал стопкран, остановил поезд и ссадил нас прямо в степи. Уже вечерело. Четыре милиционера, которые ссадили нас с поезда, в основном доглядывали за взрослыми. И когда они зазевались, мы, договорившись, улизнули. Побег наш работники милиции заметили, но в погоню не последовали, потому что им важнее было охранять взрослых. До населенного пункта было приличное расстояние, а тьма окутывала все вокруг. Когда мы наконец-то добрались до него, стали искать, где бы хоть на ночь обосноваться. Ничего подходящего не находили, но вот впереди заметили высокий портал какого-то здания и тут же проникли в него. Внутри было темно и холодно, но все же это было укрытие, где можно было скоротать ночь. Старший из нас шел первым, определяя путь, замыкал шествие я. Одной рукой ухватился за полу пиджака впереди идущего, стараясь не наткнуться на какой-нибудь предмет, а другую отвел в сторону, контролируя свое движение. В какое-то мгновение мы остановились, и я вдруг почувствовал под своей рукой какое-то сильное поле. Я отдернул руку и от неожиданности даже вскрикнул. «Что там с тобой?» — спросили ребята, на что я ответил: «Ничего». А сам еще раз протянул руку вперед и снова почувствовал поле, исходившее от предмета, который был рядом. Меня это удивило, но разглядеть предмет не представилось возможным из-за темноты. Один из впереди идущих обнаружил под ногами какой-то половик и сказал:

— Пацаны, давайте здесь обоснуемся до утра.

Так и сделали. Опустились на пол, под ногами оказался большой ковер. Мы накоротке перекусили, что было у нас в запасе — лепешки, фрукты, — и тут же повалились, чтобы уснуть. Но сразу уснуть я не мог и вдруг почувствовал, что кто-то смотрит мне в глаза. От этого взгляда в меня вселилось какое-то беспокойство, и я крепко зажмурил глаза. А когда вновь приоткрыл, то, к своему удивлению, увидел, что видение не исчезло. Прямо надо мной, а я лежал на спине, в воздухе парило изображение благообразного человека с бородой, он пристально смотрел на меня и, как мне показалось, слегка улыбался. Затем выражение старческого лица изменилось. Оно из доброго стало строгим, но продолжало на меня вопрошающе смотреть, чем-то напоминая взгляд шаманки Ойи. Вскоре видение исчезло. Я без долгих мук вскоре уснул, а когда утром проснулся, оказалось, что мы ночью за-

бредли в мавзолее Хаджи Ахмада Ясави. На мраморной плите было написано, что Ахмад Ясави суфийский поэт, родился в одна тысяча сто пятом и скончался в одна тысяча сто шестьдесят шестом. Больше никаких сведений о поэте мраморная плита не сообщала. Меня поразило то, что я поэта воочию увидел во всем его обличье, когда еще не спал. Но больше всего меня поразило то, что утром, встав возле гробницы, я увидел, что все вокруг меня выглядело так, будто я попал в какое-то иное царство, иную эпоху. Помещение было заполнено людьми, коленопреклоненно совершающими молитву. И одеты они были странно: полосатые и разноцветные халаты, чалмы на голове. Там не было людей, одетых в телогрейки и пилотки. Я понял по виду мальчишек, что они ничего этого не видят, стоял растерянный, и они это заметили.

— Женька, что с тобой случилось? Ты что, дернутый!

Легенда гласит: «Когда пришел последний час Мухаммеда, по милости Аллаха, основателя ислама, то пророк призвал к себе своих приближенных и сказал: «Я умираю, кто может принять мой аманат — символ ислама, и продолжит мои идеи?!» Из толпы отозвался некий Арслан-бааб, мудрец, которому в ту пору было уже триста лет. Он был знаком с основами тридцати трех религий, но окончательно признал лишь ислам. Получив согласие мудреца на принятие аманата, Мухаммед удалился для беседы с Аллахом и лишь с его одобрения передал аманат Арслану. По истечении пятисот лет Арслан-бааб, проезжая по степи, встретил одиннадцатилетнего мальчика Ахмада и, обратившись к нему, сказал: «По воле Аллаха я столько лет искал, кому бы передать символ ислама, принятый мною из рук самого Мухаммеда, и вот я нашел тебя. Бери этот символ, да будет славным во имя Аллаха мое и твое имя». Ахмад Ясави стал видным проповедником ислама, писал стихи, в которых призывал людей быть добрыми, учил презирать стяжательство и алчность. В поэтическом диване «Сокровение» Ахмад Ясави излагает основы суфийского учения, дает различные житейские советы, рассуждает о бренности богатства, выступает в защиту справедливости. Слава Ахмада Ясави возросла еще больше, когда он получил «Ишрад» — право объяснять «Путь к познанию истины». По преданию, Ахмад Ясави в знак траура по умершему пророку, которого считал своим учителем, покинул Бухару, где был главой общины суфиев, и переехал в город Ясы, ныне Туркестан, где поселился в подземной келье и прожил там в молитвах до самой своей смерти. На этом месте и был погребен. Ахмад Ясави считается у местных мусульман вторым после Мухаммеда святым, а город Туркестан — Малой Меккой. Но обо всем этом я узнал намного позже, а тогда мне просто довелось зреть такие видения в мавзолее Ахмада Ясави, каковых я в жизни ранее и не видел. Видения продолжались и тогда, когда мы вышли из мавзолея.

Я увидел одновременно несколько срезов жизни, которая происходила по обе стороны улицы. Видение ввергло меня в состояние временного смещения. Я с большим интересом разглядывал постройки и людей давно ушедшей эпохи и сегодняшней день. Глядел я на все это, как говорится, во все свои детские глаза. И это состояние меня настолько увлекло, что я, кажется, в этот момент забыл, что я бездомный, беспризорный пацан. Затем произошло еще временное смещение, и мне привиделись другие сцены, видимо, еще более ранних эпох. Но как только мы перешагнули железнодорожную линию, все видения исчезли, и я оказался в современной нормальной жизни.

В тот же вечер, сев в один из порожняков товарного состава, я с ребятами уехал из Туркестана по направлению к Семипалатинску. И больше я в этот город за всю свою жизнь не возвращался, а вот видение, которое мне явилось в ту ночь, временами напоминало о себе. Это действительно было странное состояние, оно не могло не удивлять меня, мальчишку. И особенно мне запомнился взгляд человека с бородой, который буквально висел над моей головой. А может быть, в этом взгляде для меня было какое-то предсказание? И еще одна особенность того вечера, о которой я ранее не сказал в своем повествовании, но которая, видимо, имеет важное значение.

Когда мы зашли в помещение мавзолея и, как потом выяснилось, на модельном ковре расположились на ночле, то в это время вокруг нас огромными стаями носились летучие мыши. Я никогда до этого такого количества летучих мышей не видел и не ощущал на себе их воздействия. Но тут, перед тем как заснуть, я почувствовал какое-то странное состояние: внутри меня все гудело. Время от времени о мое тело словно ударялась какая-то волна, и я вскоре понял, что она исходит от летучих мышей. Они в этот момент стаями по десять-пятнадцать особей с шумом и писком пронеслись над нами, низко пикируя и снова подымаясь ввысь. И всякий раз, когда в очередной раз летучие мыши пронеслись над нами, именно в этот момент я чувствовал удар по всему своему телу этой своеобразной волны, а вернее — удар электрического поля. Это я абсолютно четко зафиксировал, потому что со всей очевидностью чувствовал влияние этого поля на себе.

В те годы это событие никак не сказалось ни на моем поведении, ни на отношении к жизни. Я чувствовал себя таким же, каким был ранее. Лишь время от времени вспоминал это событие, как зачарованный сон.

Но последующая жизнь показала: я глубоко ошибся, решив, что видение в Туркестане никак не сказалось на моем восприятии окружающего мира. Вскоре после этого события я обратил внимание на одно странное обстоятельство, которое мне сразу же напомнило о приключениях в мавзолее Ахмада Ясави. Стоило мне впредь правой рукой прикоснуться к какому-нибудь предмету или задержать раскрытую ладонь над ним, я чувствовал, как от него исходит физическое поле. Разумеется, что я тогда всего, что со мной происходит, отчетливо не понимал, но одно уяснил точно — это физическое поле, которое я каждый раз ощущаю от соприкосновения с предметом, напоминало мне ту силу, которую я ощутил в ночь у гробницы в Туркестане, хотя по мощности более сильного заряда, чем в мавзолее, почти никогда не ощущал, за исключением нескольких случаев, о которых рассказу позже.

Теперь, по прошествии многих лет, когда возникла потребность в том, чтобы осмыслить и систематизировать все эти необычные явления, я понял, что вслед за «первовселением», когда в мою душу вселился дух шаманки Ойи, вторым моментом была «переориентация» временных рамок, то есть смещение видений и во времени, и в пространстве. Но я тогда был подростком и, может быть, не обратил внимания на детали, как именно происходил сам процесс переориентации, ибо тогда мною владело детское любопытство. Явления переориентации в дальнейшей моей жизни повторялись не однажды и приходили ко мне уже в зрелом возрасте. И я эти состояния уже стал воспринимать не просто как любопытствующий, стал их изучать, анализировать и соотносить с тем объективным миром, в котором живу, пытался сделать вывод.

ЭТЮД ТРЕТИЙ. ПЕРВОСТРЕСС

То, что природа создала человека, — уникальное явление, но в то же время и одно из очередных, ибо логично то, что во всем мироздании многообразие природы проявляется в разных ее ипостасях. И человек один из таких видов, которому дана многогранность восприятия окружающего мира.

Это делает его отличным от всего окружающего животного мира. Но здесь следует сказать, что и человек не может претендовать на то, что он есть высшая ступень развития природы во всем мироздании, потому что рамки познания все равно замыкаются лишь на его уровне осмысления, и поэтому пока человеку еще не дана возможность воспринимать окружающий мир, находящийся за пределами его органов чувств. И вот сейчас в систему знаний все активнее вводятся такие понятия, как биополярное чувство или биогенное чувство, которые позволяют расширять границы восприятия окружающего человека мира. И чтобы закончить эту мысль, скажу, что, видимо, не все еще исчерпано нашим сознанием об окружающем нас мире и о возможностях и разнообразных формах существования живой и неживой природы, в том числе мыслительного порядка. Вот это и есть та загадка, над которой бьются сейчас великие умы человечества. Конечно, сейчас было бы очень кстати увидеть иные формы проявления высшей жизни. И, видимо, они существуют, иначе материя была бы статична в своем развитии. В этом и есть ее величайший смысл: мироздание многообразно, оно планетарно, оно молекулярно, оно биогенно. И что совершенно естественно — астрогенно, то есть в астральном мире может приобретать иные формы геновой жизни, потому что сам ген для нас является такой же загадкой, каковой является и сама жизнь.

И, видимо, вот здесь и лежит мысль великого естествоиспытателя Чарльза Дарвина, выраженная в итоговом труде «Мое мирозерцание»: «Таинственный вопрос о начале всех вещей для нас остается неразрешимым». Это говорит ученый, который посвятил всю свою жизнь изучению возникновения живой и неживой природы. Почти столетие спустя русский ученый Владимир Иванович Вернадский записал такую мысль, утверждая тем самым логичность астрогенного пути эволюции всех видов, населяющих все межпланетарное мироздание: «Эволюция видов, приводящая к созданию форм жизни, устойчивых к биосфере, должна идти в направлении, увеличивающем проявление биогенной эмиграции атомов в биосфере».

Столь пространственный экскурс понадобился для того, чтобы показать, что ни человек, ни его психика, ни биогенное состояние организма не статичны. И то, что нам дано от природы, не есть законченный логический тип. Когда мы говорим о связи человека с окружающим миром, мы имеем в виду традиционные органы наших чувств. Но в последнее время вводится сюда еще дополнительное биополяр-

ное восприятие, а также восприятие подсознанием. Это значительно расширяет возможности человека в понимании окружающего мира, как это произошло со мной в цепи моего погружения в непознанное — момент первостресса.

А было это в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году. Заметьте, после той временной переориентации прошло уже более десяти лет. К этому времени я был сложившимся взрослым человеком, отслужил армию и вернулся в город Ташкент на постоянное место жительства. За эти годы ничего примечательного со мной не происходило. Была обыкновенная трудовая жизнь, трудные послевоенные годы, разруха, голод. Особенно было трудно человеку в моем положении, не имеющему семьи, своего угла и средств к жизни. Не умереть с голоду в те времена было главной заботой.

После детского дома я целый год путешествовал по стране, а затем два года провел в детской воспитательной трудовой колонии за то, что часто совершал побеги из детских воспитательных учреждений. И в это время меня разыскала мать. Оказалось, что после того, как нас в эшелоне разбомбило, она попала после ранения в больницу, выжила, а затем жила в городе Чимкенте и все эти годы писала в различные учреждения, искала меня. Но лишь в сорок восьмом году она нашла меня и мы поселились в городе Ташкенте.

У меня была неумная жажда к книгам. И где бы я ни находился в свои юношеские годы, я использовал любую возможность проникнуть в библиотеку соседа, товарища, организации. В тысяча девятьсот пятьдесят первом году, помню, попал я во время летних каникул в один из ташкентских колхозов на заработки. В течение лета работал в бригаде по формовке сырцового кирпича для строительства производственных помещений. После очередного замеса глины у меня оставалось свободное время, и я проводил его за чтением книг, которые брал из колхозной библиотеки. И там я прочитал буквально всю художественную литературу, без разбора. Оставались тома Маркса и Энгельса, Ленина и некоторые философские произведения — Гегель, Кант, Фихте, Шиллинг, — правда, не совсем было понятно, как они попали в колхозную библиотеку, но дело не в этом. Так вот и эти книги я прочитал запоем, чем немало удивил местного библиотекаря.

Хотя юношеские годы давно миновали, мне было двадцать пять, тридцать, сорок, я продолжал читать по-прежнему много.

Службу в армии я проходил в танковых подразделениях. Но и здесь все свободное время проводил в библиотеке штаба дивизии, где мне доверили буквально все книжные фонды. Нужно сказать, что библиотека была отличной. Здесь было много энциклопедических справочников, что меня сильно обрадовало, и я буквально зачитывался многотомными энциклопедиями по философии, литературе, медицине, с интересом читал Большую Советскую Энциклопедию, а также литературу по точным и конкретным наукам. Не могу сказать, что я глубоко понимал научную литературу, вовсе нет. Во всяком случае, я старался читать то, что мог понять.

Демобилизовавшись из рядов Советской Армии, я поступил работать на завод гипсовых изделий сначала кочегаром, затем направили меня на курсы экскаваторщиков. Закончив курсы, получил аттестат машиниста экскаватора и в течение нескольких лет работал на заводе, разгружая экскаваторной лопатой вагоны с углем, а также с гипсовым камнем, который приходил на помол и на выварку гипса. Но что было характерно для меня в то время? Окружающие постоянно удивлялись тому, что я после того, как заканчивалась смена, не шел, как большинство, в пивные, на танцплощадку или с ребятами куда-то там в кинотеатры, на вечеринки. Рабочая молодежь в пятидесятые-шестидесятые годы обычно так проводила свободное время. Я же продолжал сидеть над книгами, а позже увлекся живописью, но не в том смысле, что сам стал рисовать или что-то ваять — меня увлекла эта чудесная река искусства — всемирная живопись. Я со страстью стал собирать альбомы с репродукциями великих мастеров, первым в моей коллекции был альбом Франсиско Гойи. И кажется, это не случайно. Гойя великий художник и гениальный философ. Я был без ума от Боттичелли, от его живописных грез, а уже когда попал ко мне в руки альбом Леонардо да Винчи, мое сознание посетило глубокое раздумье. Репродукции с картин Николая Рериха вообще произвели бурю в моей душе.

Машинистом экскаватора я зарабатывал уже прилично и значительно пополнял свою библиотеку не только альбомами с репродукциями, но и художественной литературой. К слову, тогда литература была в большом выборе и продавалась по доступным ценам. Так что большого труда не составляло пополнить библиотеку, был бы только интерес.

В декабре пятьдесят восьмого вновь встретился я с явлением из числа тех, что происходили со мною в детстве, а потом долгие годы не повторялись. Шел, конечно, какой-то душевный поиск, было желание окунуться во что-то необычное; но такое, как это было в селе Буланиха и повторилось в мавзолее Ахмада Ясави, за последние годы меня не посещало, и я, можно сказать, уже забыл об этих своих

состояниях. Но вот однажды в холодную декабрьскую ночь я внезапно проснулся от непривычного и странного состояния: я почувствовал, что лежу на спине, а тело мое приобрело какое-то странное, несоответствующее моему легкому весу состояние. Подо мной не оказалось ни кровати, ни постели, все провалилось в какую-то бездну, а я возлежал горизонтально в подвешенном состоянии на воздушной подушке. Но я четко ощущал, что нахожусь в своей квартире. Мы с матерью вдвоем жили в одной небольшой комнатке, всего восемь квадратных метров, в заводском бараке. В правом углу стояла кровать, где спокойно спала мать. Это я оценивал, внутренне контролируя свое сознание. Главное — понял, что со мной ничего страшного и опасного для жизни не произошло: да, я лежу в комнате и не сплю, четко ощущая окружающую меня обстановку. Наконец я решился открыть глаза и — о чудо! — вместо потолка над головой увидел звездное небо! Это опять не испугало меня, а лишь удивило, ибо я четко ощущал, что нахожусь в комнате в том самом месте, где должна быть моя кровать. Но я видел над собой космическую бездну и чувствовал, что плыву в воздушном пространстве, при этом не предпринимая усилий ни телом, ни руками. Более всего, пожалуй, мной овладело чувство необходимости четко оценить происходящее. Это для человека, находящегося в стрессовом состоянии, пожалуй, самое важное. И вот я начал анализировать происходящее со мной. Я отчетливо почувствовал, что все мое тело наполнено какой-то энергией, и именно она, взаимодействуя с какими-то силами, позволяет передвигаться в пространстве. Вот я почувствовал, что тело мое меняет в полете направление и звездное небо по отношению ко мне постепенно тоже смещается. Однако во время полета как бы ни менялось положение моего тела, кроме звездного неба, я ничего больше не видел. В это время у меня уже не было желания продолжать полет, чтобы увидеть, что со мной произойдет дальше. Меня всерьез охватило волнение, и я приложил все усилия, чтобы вернуться в нормальное состояние — состояние обыкновенного человеческого покоя. Но как это сделать? В таком положении я находился еще какое-то время; страх, который во мне все возрастал, видимо, возмущил мой организм, и я начал буквально физически сопротивляться этому новому своему состоянию. Ничто меня не ввергло ни в какие болевые ощущения, я не слышал ни криков, ни посторонних звуков. Кругом была тишина и таинственное звездное небо. И все же мне хотелось прервать это новое состояние. И вот мои усилия привели к желаемому результату. Я почувствовал вдруг, как весь воздушный поток вокруг меня стих, космическая энергия покинула организм, а мое тело всей своей тяжестью распласталось в постели. К радости, я почувствовал, что нахожусь в своей постели, а глаза мои упираются в потолок и никакого звездного неба, никакого космоса нет. Только лишь холодный пот, увлажнивший все мое тело, указывал на то стрессовое состояние, которое я только что испытал, и оно для организма не прошло бесследно. Сердцебиение было повышено, голова гудела. В таком состоянии я полежал несколько минут, осмысливая, что же это было со мной такое? И не придя ни к какому выводу, я подумал: а не начал ли я сходить с ума? И при этой чудовищной мысли меня охватил страх, который, может быть, был гораздо сильнее того, какой я испытал несколько мгновений тому назад, во время сеанса космического видения. Подгоняемый этим страхом, я встал потихоньку, чтобы не разбудить мать, спокойно оделся и вышел на улицу. Было уже где-то минут десять шестого.

В каком-то сумеречном, неясном состоянии я направился быстрым шагом к телефонной будке. Следуя к ней, я осмысливал все, что происходило со мной, мне казалось, что это состояние сумасшествия, и я ускорил свой шаг. Набрал «03», вызвал скорую помощь. Голос в трубке спросил: «Что с вами? Кому вызываете скорую помощь?» Я ответил: «Мне плохо, я схожу с ума.» На другом конце провода уточнили, где я нахожусь. Я назвал место. В ответ послышалось: «Ждите». И действительно, минут через пятнадцать к назначенному мною месту подошла машина скорой помощи. Я после демобилизации еще ходил во всем солдатском — в сапогах, галифе, бушлате, шапке, и во всем этом одеянии я, видимо, выглядел Bravo. Ибо врач и санитар, увидев меня в нормальном состоянии, спросили:

— Вы вызывали скорую? Это вы — больной?

Я ответил:

— Да, я болен.

Приехавшие на вызов медики не стали со мной вступать в разговоры, а тут же повезли в приемный покой скорой помощи. Как сейчас помню, меня приняла вежливая, но строгая на вид старушка. Она спросила:

— Что с вами?

— Извините, я начал сходить с ума, — несколько волнуясь, пояснил я.

— Хо-ро-шо, молодой человек, значит, вы сходите с ума, тогда давайте сначала я вас осмотрю. — Она измерила мое давление, посчитала пульс, заглянула в зрачки, посмотрела на язык, затем попросила меня встать, вытянуть вперед руки, обстука-

ла суставы молоточком, проверила реакцию на манипуляции, а когда собрала все необходимые ей сведения, спросила меня, что же со мной произошло. Я, понимаю, ничего не скрывая и ничего не придумывая, рассказал ей все, что со мной произошло. И в заключение своего рассказа добавил, что схожу с ума и поэтому вызвал скорую помощь. Старушка — врач, выслушав меня, сказала:

— Молодой человек, так с ума не сходят. Организм у вас здоровый, вы просто переутомились. Идите домой, выпейте горячего сладкого чая и постарайтесь немного отдохнуть. На работу сегодня не ходите. — И еще раз подтвердила: — Вы вполне нормальный, здоровый человек. — И с этим меня отпустила.

Конечно, я был крайне удивлен заключению врача. Я был внутренне готов лечь в больницу, и вдруг это заявление: «Так с ума не сходят». Я часто потом вспоминал эти слова, которые меня, с одной стороны, успокаивали, с другой — удивляли: «Интересно, а как же тогда сходят с ума?» И дальше я размышлял: «Хорошо, так с ума не сходят, этот вопрос ясен. Ну а тогда что же со мной произошло?»

Прилив энергии напомнил мне первовселение духа шаманки Ойи и события в Туркестане, а вот как раздвинулись стены дома, как я оказался летящим в звездную бездну, этого я понять никак не мог и поэтому постоянно находился в сильном волнении. О своих переживаниях и о том, что я вызывал скорую помощь, ни матери, ни на работе никому не сказал. Однако заметно побледнел и похудел. Мать и все окружающие, конечно, это заметили. Я посчитал самым благоразумным взять трудовой отпуск, что я и сделал. Сел на поезд и уехал в Подмоскowie к своему армейскому другу Гришину Анатолию Петровичу. И поездка действительно во многом изменила мое настроение. Когда я вернулся домой, состояние беспокойства у меня постепенно исчезло. Я снова вернулся в нормальное юношеское состояние. Так же продолжал много и страстно читать, так же пытался объять необъятное. Но вскоре наступил такой период, когда я понял, что бессистемное чтение литературы ничего хорошего не сулит. И для себя решил твердо определить примерное направление тех познаний, которые я хотел бы получить, читая книги. Выбрал такие: философия, педагогика, медицина, астрономия, история, наука о земле, о недрах, об ископаемых. Я записался в фундаментальную библиотеку и сам стал собирать интересующие меня книги.

Все это мне позволило опять достигнуть духовного равновесия, и «Звездного» явления я больше ни разу не наблюдал. Но отделаться от вопроса — «что же все-таки это было за явление?» — не мог. Врач сказала, что это не сумасшествие. К тому же я после этого случая немедленно принялся изучать психиатрию и понял, что врач сделала правильный вывод. В то же время в литературе я не нашел ничего, что характеризовало бы явление, которое тогда со мной произошло. Однако я четко понял, что произошедшее со мной лежит в какой-то иной плоскости реального мира, который нас окружает. Но где искать ответ на эту загадку, я пока не знал, и поэтому углубился в познание, в расширение своего кругозора.

Как показала дальнейшая жизнь, на этом мои странные приключения не кончились. Они повторились в новом, более качественном варианте общения с непознанным, но уже через десять лет. Какая-то странная цикличность — 1947, 1958, и вот теперь через десятилетие — 1968 год.

ЭТЮД ЧЕТВЕРТЫЙ. ВЫХОД В БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬ

Не стану утверждать, что эти десять лет для меня были абсолютным пробелом в поисках взаимоотношений с неведомыми силами, потому что я все это время активно продолжал совершенствоваться, продолжал страстно и много читать, углублял свои знания, и, естественно, все это порой порождало во мне своеобразные бури размышлений: я пытался сделать открытия, выйти на новые ступени познания, меня подстерегали неудачи, которые рушили то, что было достигнуто раньше. Но все это, видимо, закономерно. Я так понимаю: только тот человек, который неустанно ищет, может достичь новой цели. Об этом свидетельствуют многочисленные биографии великих людей. В основном эти люди — неумолимые труженики, фанатики, посвятившие всю свою жизнь познанию неведомого, открытию нового, того, что развивает и двигает вперед человеческую мысль. А Человек — это носитель духовной субстанции, это высшее существо природы.

Но, наверное, есть высшее существо-Субстанция, которая находится где-то там, за недостижимым пределом. Так вот, эта высшая Субстанция как раз и побуждает нас неведомыми подсознательными призывами к размышлению и выходит на контакт с теми, кто сам активно идет навстречу непознанному.

Все эти десять лет я ни на один день не останавливался в этом движении, хотя и не ставил перед собой цели повторить «выход» в космос, а даже побаивался этого

состояния. Однако чувствовал продвижение вперед, все в больших и больших порциях воспринимал космическую энергию, а она, наполнив меня, позволяла считать информацию с окружающего живого и неживого мира.

И все-таки наступил для меня такой этап, когда я вновь ощутил знакомое беспокойство. Произошло это в шестьдесят восьмом году, в то время я жил в городе Карши, куда меня из Ташкента за год до этого направили работать вторым секретарем обкома комсомола.

Каршинская степь, обрамленная с одной стороны отрогами Памира, с другой — величавой Амударьей. Этот край меня восхитил, хотя климатические условия здесь оказались тяжелыми. Жара, а она в летние месяцы достигала почти пятидесяти градусов; большие открытые пространства; активная солнечная радиация. Но зато в этих краях чистый, без промышленных примесей воздух и добрейший народ. А это для человека не так уж и мало.

В конце шестидесятых по земле активно пошли гулять магнитные бури, приходящие из космоса. Вот на это самое время и выпал мой второй «выход» в открытый космос. И произошло это и на сей раз в пятом часу утра.

Акцентируя всякий раз на этом предутреннем часе свое внимание, я как-то уже привык присматриваться, прислушиваться к своей душе, к ночным сновидениям и бодрствованиям, которые открывали мне новые состояния, вызывали особые чувства, неподвластные мне в дневное время ни в процессе работы, ни в процессе общения с людьми. И вот в момент перехода от сна к бодрствованию я внезапно почувствовал, что со мной происходит то же самое, что было десять лет назад. Я проснулся и почувствовал то же самое «предстартовое» состояние всего организма. Мое тело опять отяжелело, вновь уплыла куда-то из-под меня постель. Но на этот раз я не испытал страха, сознательно приостановил его наступление, ибо я за эти прошедшие после первого выхода в космос десять лет внутренне готовился вновь встретиться с этим состоянием. И сумма знаний, и крепость организма и духа, и тот энергетический запас, который был накоплен за это время, — остановили страх. Я зафиксировал в себе желание и даже естественную потребность находиться в этом состоянии. И вот после того, как мое тело оторвалось от кровати и передо мной открылось звездное небо, последовала какая-то иная картина, отличная от первой. Вдруг передо мной высоко в небе, там, где находилась плотная синяя мгла и мерцали звезды, в самом центре стало раздвигаться в виде пульсирующего круга яркое свечение, и этот круг стал расширяться и уходить за грань моего обозрения, и передо мной стало открываться пространство, которое выводило меня за земные пределы. Внутри это свечение было холодно-синим и прозрачным. Расстояние впереди было не просто беспредельным, но многослойным. Один слой раздвигался, за ним следовал второй, более светлый. И так открывался слой за слоем. Я почувствовал, что начинаю полет в ускоренном темпе, когда вышел за пределы Земли. Находясь в состоянии полета, я с удивлением смотрел вокруг, и все это меня поражало. Было передо мной лишь открывающееся космическое пространство, которое светилось, излучало и манило к себе. Было чувство огромной радости оттого, что я нахожусь вот в этом состоянии. Что это было — сон или явь, — сказать я не мог. Это было, скорее, неведомое человечеству состояние. Уже много лет спустя после видения — а оно у меня затем повторялось многократно — я неожиданно встретился с близкими мне по духу мыслями, которые принадлежат писателю, ученому и художнику Николаю Константиновичу Рериху, прочтя его книгу «Семь великих тайн космоса», где, к своему удивлению, нашел такие размышления: «Люди, развившие в себе центры высшего сознания, могут принять сознательное участие в жизни тонкого мира». Под тонким миром Рерих понимает состояние, в которое человек погружается после физической утраты тела. При этом сознание человека остается таким же, каким оно было в плотном мире, то есть во всем многообразии земной жизни. Вот человек, приняв участие в жизни тонкого мира, причем возвращаясь после своих отлучек в свое плотное тело, может помнить обо всем достоверно. Далее Николай Константинович говорит, что «для отлучек в тонкий мир не требуется физического времени. Можно совершать самые дальние полеты в мир тонкий, но часы земные отмеряются лишь секундами, настолько измерение тонкого мира разнится от физического».

В этом я убедился сам, на своем опыте, если так можно назвать мои запредельные полеты. Конечно, когда я ощутил, что вернулся назад, в свое изначальное состояние, то я долго лежал и осмысливал, но на этот раз уже не пытался вызвать скорую помощь для того, чтобы привести в порядок свою психику. Я понял, что это новое реальное состояние, открывшееся мне. Я понимал, что должен это ценить. Когда я пришел в себя на следующее утро и вступил в новый день, я был возбужден, но не в отрицательном смысле. Я был полон сил, энергии, бодрости. Я готов был и днем летать над всем миром. У меня появилось страстное желание сделать что-нибудь необычное, совершить сверхчеловеческий подвиг. И я понял, что такое

состояние великое достояние человека, способного это испытать. Это состояние приходило ко мне не по моему желанию. Все, видимо, зависит от той космической энергии, которую накапливает в себе человек, от той запредельной Субстанции, которая может выйти на тебя и управлять твоим состоянием. Скорее всего, это так. Но для вхождения в это состояние еще необходимо особое внутреннее предрасположение человека. Человек должен подготовить себя к контакту с Субстанцией, к выходу в космическое пространство. Кроме того, должны появиться внешние, запредельные, вне человека стоящие условия, способствующие этому.

Всякий раз (а это случилось многократно), попадая в запредельное пространство, я открывал для себя новую информацию. И это непременно сопровождалось вселением великой радости в мой организм, вселением какой-то необычной энергии, которая затем выплескивалась в реальную конкретную жизнь в последующий день, и ее, как правило, хватало на долгое время. Связывая энергию со своеобразным выходом в открытый космос, я в то же время почувствовал и открыл для себя еще одно необычное явление, прочно зафиксированное мною. А состояло оно в том, что моя правая ладонь, в самом центре, начинала гудеть, словно попадала в поле напряжения. Это мне напоминало состояние, когда я впервые получил направленную энергию в селе Буланиха при поклонении черному надгробному камню шаманки Ойи, и позже, когда в мавзолее Ахмада Ясави прикоснулся к надгробью. С тех пор это периодически возникало, но я не обращал внимания. А теперь поступление энергии через руки, особенно правую, стало происходить часто и довольно сильным зарядом.

Особенно чувствителен заряд энергии в горах. Стоит там, в минуты единения с природой, когда остаешься совсем один и никого вокруг, поднять ладони по направлению к космосу, через минуту-две начинает поступать сильный поток энергии.

Позже я научился получать энергию от предметов. Так, стоит подойти к дереву и заключить ствол в объятия ладонями, но держа их от поверхности коры на расстоянии пяти-семи сантиметров, как через некоторое время ко мне начинает поступать энергия, и я четко это ощущаю. Но здесь есть опасность. Каждое дерево, в зависимости от природной характеристики, несет в себе лишь определенную энергию. Поэтому человек, приняв таким образом энергию однажды, должен определить, как это сказывается на его организме, чувствах, психике. И если при этом он убедится, что получает от такого общения прилив сил, энергии — значит, следует ему повторять эти сеансы. Сильный заряд дают камни, родники: они несут энергию земли. Делится энергией и человек, и тут важна совместимость. А может, даже нечто большее, ибо я понимаю под совместимостью в данном случае не житейскую, а некую высшую ее ипостась.

По мере того, как увеличивался прием энергии от объектов и из космоса, уменьшалось потребление пищи. Первой мое внимание на это обратила супруга. Ее, естественно, как жену и мать, заботящуюся о том, чтобы все в доме были сыты, пугало это. Я и сам понимал, что пищи потребляю значительно меньше, чем казалось, бы, это было необходимо для здорового, крепкого человека, но потребности не испытывал. Понимал я и то, что по роду своей деятельности трачу энергии значительно больше, чем восстанавливаю питанием. И сделал вывод: та пища, которую я принимаю во время завтрака, обеда и ужина, необходима для поддержания лишь физического состояния организма, то есть моего тела. А что касается энергии, которую я трачу, то здесь в большей степени я получаю ее из космоса. Она в основном и является мощным энергетическим зарядом.

Есть в моем организме одна очевидная загадка — это мои сны. Видение снов — это обычное состояние человеческого мозга. Сны видит каждый человек. Сны являются в какой-то степени отражением реальной действительности, уже пережитого. Такими были и мои сны. Но вот где-то лет в двадцать я обратил внимание на то, что они стали вещими. Просыпаясь утром и вспоминая сон, думал: «Боже, неужели то, что мне виделось, должно произойти. Не может этого быть! Я бы не хотел, чтобы это случилось!» И тем не менее, все, что я видел во сне, случалось в жизни. Ну просто совпадало все до самых мелочей и в той же последовательности.

Со временем я стал замечать, что эти вещие сны стали проявлять не только обстановку, которая непосредственно окружала меня, но и более отдаленные и масштабные области человеческой деятельности. Например, я стал во сне «прочитывать» события, которые никак непосредственно не соотносились с моей деятельностью и не входили в круг моих забот. Разумеется, первое время меня это удивляло, случалось, что и раздражало, иногда и пугало безысходностью последствий. Тем более, что я со временем стал видеть сны с проекцией на так называемое «планетарное мышление».

Во всем этом меня, прежде всего, занимал вопрос неизвестности источника информации, побудительных сил этих странных состояний. Ну как же это возможно, чтобы человек, просыпаясь утром, вдруг знал за несколько дней, месяцев

о тех событиях, которые произойдут? Кто, по каким каналам, по каким избирательным принципам, с какой целью вселяет в нас эти знания? Нечистая сила? Но тут же напрашивается вопрос: «Какая ей в этом корысть, и занятие ли это для нее!» А может, ангелы, или сам Господь Бог? Я с уважением отношусь к верующим людям, независимо от того, какую они исповедуют религию. Вера для человека — лучше, чем безверие. Вера — это движение от непознанного к познанию. Вера — это познание человеком Всевышнего.

Для нас пока остается загадкой: «Кто или что есть Всевышний?» А не является ли он Вселенской Субстанцией, океаническим состоянием всевременных закономерностей живой и неживой природы?! Высшее существо, Бог, Вселенская Субстанция — видимо, это и есть та жизнь, о которой мы просто не знаем ничего, потому что она выходит за пределы нашего четырехмерного восприятия.

Остановлюсь на одном интересном событии в моей жизни, которое имеет прямое отношение к предмету разговора.

Припоминается, что литературой по интересующей меня оккультной тематике я стал увлекаться начиная с пятидесяти седьмого года, после того, как вернулся из армии. Хотя публикаций о контактах с потусторонним еще не было, но человек, если захочет, то из большого потока художественной литературы, научных книг, журнальной и газетной информации сможет по крупицам собрать сведения, проливающие свет на эти стороны нашего бытия. Не исключением являлась и живопись. Она меня манила своим загадочным, потаенным словом, которое было скрыто под толщей красок на полотнах великих мастеров кисти. Через нее я познакомился с параллельным живому миру — миром живописи. Я вошел в дух Леонардо да Винчи, мне стали близки образы Рафаэля, Микеланджело, Рембрандта и Боттичелли. Я священнодействовал над картинами Брюллова, Иванова, Айвазовского, Репина, Левитана, проникал в суть их духа. Но когда мне в руки попал альбом репродукций картин Николая Константиновича Рериха, я был потрясен. И, конечно же, не оттого, что его мастерство было выше названных мною художников. Чувство удивительной близости его мыслей моим не покидало меня с тех пор. Творец параллельного живописного и духовного миров! Его многоязычная живопись читалась многослойно и действовала не только на зрительное, но и на внутреннее мое восприятие. «Матерь мира», «Учитель», «Праотцы человечья» — эти картины заставили меня грезить. Под впечатлением увиденного я находился долгое время. Я стал искать все, что касалось Рериха. Но наши издательства не были щедрыми, а идеологи прятали от нас Рериха, боясь его философской многослойности, боясь, что мы познаем глубину его души и уйдем за ним в его «тонкий» мир. Я думаю, что настало время раскрыть многогранность Рериха, русского Рериха, всемирного Рериха, нашему читателю и почитателю — так же, как широко он представлен в Соединенных Штатах Америки; так же, как его знают и считают своим гуру — учителем — в Индии. Нам тоже хочется знать Рериха — поэта, художника, философа.

Часто духовно общаясь с этим чудо-человеком, я однажды попал в такую для себя странную и очень желаемую историю. Как-то вечером, на исходе жаркого летнего дня, когда зной еще держался во всем, что меня окружало, я вышел на балкон своего дома. Дом мой стоял на краю города, и дальше за ним распростерлась беспредельная Каршинская степь. Солнце опускалось за горизонт. Меня это солнце поразило, таким я его никогда не видел. Оно, огромное, выше пятиэтажного дома, багровое, целиком захватило меня. Будто не светило это, а живое космическое существо. Я вдруг словно окаменел. Всем своим духом ушел в это видение и подумал: «Господи, запечатлеть бы это состояние». И произнес я это вслух. И вот что произошло со мной дальше.

«Не стоит, мой друг, волноваться и переживать», — неожиданно сказал кто-то за моей спиной, положив мне на плечо мягкую добрую руку.

«Кто вы?» — тут же громко отреагировал я. И, обернувшись, с удивлением увидел пожилого, слегка сутуловатого, с аккуратной бородкой и глубоко впалыми глазами человека.

Вместо ответа он взял меня за руку и спокойным голосом произнес:

«Я слышал, как вы сожалели, что не можете запечатлеть такое прекрасное мгновение. Ваше желание показалось мне таким страстным, что я непременно захотел вам помочь». Говорил он таким задушевым и приятным голосом, что я как-то сразу поверил этому человеку и, больше ни о чем не спрашивая, стал помогать ему натягивать холст на рамку и готовить краски.

Мы оба торопидись, наши руки от этого делали неточные движения, а солнце неумолимо скатывалось за горизонт. Вот его осталось совсем немного. Большая часть багрового диска была где-то там, за невидимой нам частью земли.

«Сейчас солнце совсем исчезнет!» — не удержавшись, с испугом воскликнул я.

«Не исчезнет!» — уверенно произнес мой гость. И я, к своей радости, увидел, как он легким движением кисти, мазок за мазком, наносил на полотно увиденную

мною картину заката. Там, за окном, оно исчезало, а здесь, у меня на глазах, появлялось. Такое же огромное, такое же яркое небесное светило.

«Вы чародей», — пересохшими от волнения губами еле слышно прошептал я, а он, слегка улыбнувшись, продолжал рисовать.

Солнце село, потемнел горизонт, а мы сидели вдвоем и, не спуская глаз, смотрели на только что сотворенную его рукой картину. Сидели молча. Сумерки за окном постепенно сгущались. Вот они вкрались и в мою комнату, где все ярче и ярче разгоралось на полотне оранжевое солнце. Привык я видеть его у себя высоко над головой, а здесь оно было совсем рядом. И я, словно замороженный, с интересом наблюдал за игрой его бликов в комнате. Я так залюбовался этой картиной, что не заметил, как ушел мой гость.

Что это? Сон? Я подошел к картине, где по-прежнему медленно плыло к закату солнце.

«Кто же мог быть этот странный человек?» Я бросился к двери, к окну, но, кроме желтеющих вдали песков и фиолетовой кромки неба, ничего не увидел.

Придя в себя и немного успокоившись, я включил свет и, к своему удивлению, вдруг заметил, что в правом углу холста, там, где солнечный диск касался кромки земли, стояло размашистое факсимиле «Н. Рерих». Правда, передо мною не было ни холста, ни рамки, а был лишь раскрытый альбом с репродукциями художника. Но это нисколько не огорчило меня, я чувствовал теплоту этого человека: ведь он только что был со мной рядом. Я вовсе не удивился, что альбом с репродукциями Рериха, стоявший на полке вместе с другими книгами, вдруг оказался в раскрытом виде на письменном столе. Я подошел к столу, взял в руки альбом и почувствовал мощный прилив энергии, который исходил от него. «Значит, Рерих действительно был здесь», — четко сработала мысль. На радостях я захопнул альбом, затем раскрыл его вновь — как мне показалось, на том самом месте, где была репродукция этой только что сотворенной им картины. Но, увы! Той картины, где было только что изображено солнце, я в альбоме не нашел. «Но это же не сон», — подумалось мне. Значит, это явь! Ее символика, ее знамение мне явились позже. Опять же — через десять лет. А в те дни я, словно замороженный, постоянно ощущал вот это чудо-состояние, состояние общения с этим великим художником, великим философом, великим человеком земли. И в последующие годы я не раз мысленно возвращался к этой загадочной встрече, но у меня ни разу не было сомнения, что эта встреча была реальной. Я всегда верил, что она действительно произошла в том далеком одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году, когда я был счастливым человеком, земным человеком, воочию встретившимся с пришельцем из космоса, из того огненного мира, о котором говорил нам Рерих. Может, оттуда он и ведет по жизни тех, кого сделал своими учениками, кому доверил свои дела на Земле. Он вправе вести, ибо много и в жизни сделал для того, чтобы показать путь, по которому идти человечеству. Вот строки из его сочинений, звучащие сейчас как пророчество:

«Знания о космосе накапливаются человечеством медленно. В течение веков человек открывает законы природы, законы космические. Эти законы существовали еще и тогда, когда человек не знал о них. И сейчас есть законы, которые человечеством не открыты. То, что мы знаем, — есть наши знания. То, чего мы еще не знаем, является для нас тайной. Но то, что для нас еще тайна, для кого-то является знанием. В Космосе есть Существа, которые знают больше. А знать что-то — значит мыслить об этом. Так создаются мысли, и они живут в пространстве независимо. Пространство наполнено образами Истины, люди их называют идеями. В пространстве витают неоценимые сокровища духа. Немногие поймут чудесное значение живой мысли пространственной. Но каждая пространственная мысль может стать достоянием человека. Искры знания могут открывать все тайны существования. Те, кто может направить свою психическую энергию в ритм пространственных энергий, те примут в сознание сокровища.

Так, пространственная мысль становится для таких людей Голосом Безмолвия. Ученый называет ее интуицией, поэт — вдохновением, отшельник — озарением. Скрытые проявления Космоса сияют глазу идущего. Кто сумел себя настроить на космическую ноту, тот мог слушать Голос Безмолвия. Но среди многотонности обыденности лишь немногие ощущают реальность Космоса.

Только в величии Природы, вдали от шума житейского, можно услышать Голос Безмолвия. Только в Природе можно осознать величие Космоса. Только в Природе можно созерцать Беспредельность, где все возможно. Вот почему на протяжении всей истории человечества отшельники, подвижники, святые уходили в горы, пустыни, леса. В мерцании звезд они внимали тайнам космической мысли.

В течение многих тысячелетий чуткие люди слушали Голос Безмолвия. Так они узнавали космические тайны. Одни их записывали в священные книги, другие передавали устно, как Откровение».

Оставляя нам, живущим на Земле, эти мысли свои, Николай Константинович

Рерих вовсе и не думал о своем величии. Он не пытался вознестись над людьми. Рерих пытался войти в их души, убедить, чтобы следовали по этому неизведанному пути, который открывает подлинную глубину смысла жизни, делает людей зрячими, способными постичь нечто за пределами четырехмерного, перейти в новую ступень познания окружающего мира. Но это еще предстоит человечеству пройти. И я уверен, что пророческие слова Рериха сбудутся.

Для меня же встреча с Рерихом стала новым этапом в ряду общений с непознанным. Если встречи с духом шаманки Ойи и Ахмада Ясави были встречами ребенка с непознанной природой, которая просто к нему отнеслась благосклонно, то я думаю, что видение Рериха было вызвано потребностью моего духа и как результат неустанного поиска той Субстанции, которая во мне живет подсознательно.

Эта встреча поразила меня и оставила заметный след; я тогда же, по горячим следам, написал рассказ, назвав его «Встреча с Рерихом». Но передать его для публикации не осмелился: во-первых, мне бы никто не поверил; во-вторых, прекрасно понимал, что не имею права разглашать то, что принадлежит не мне одному. И так этот рассказ пролежал у меня двадцать с лишним лет. Сейчас же, работая над этой книгой, я достал рассказ о «встрече» с Рерихом из своего архива и частично использовал в этом повествовании.

Встреча с Рерихом для меня стала не только знамением духа, но и началом творчества: вскоре я стал писать повести и романы, а еще через некоторое время совершенно неожиданно для себя обратился к живописи.

Это происходило — как взрыв магической энергии. Картины, которые рождались во мне, поражали меня самого. Я это с полным основанием могу охарактеризовать как игру моего духа. Вот уж, поистине, пути человеческого духа неисповедимы. Для него ничто не проходит бесследно. Но как это сказывается на окружающих — зависит от конкретного человека, от того, как он воспитывает свой дух, что в нем развивает, а что преднамеренно заглушает. Доброе может творить добрый человек. И все, что дает ему жизнь, окружающий его мир, все, что дают ему люди, все, что проецируют на него те силы, которые нами пока не познаны, он превращает в добро. Это и есть высший смысл жизни человека. Но ведь существуют и не-люди, лишь обрядившиеся в образ людей, которые собирают вокруг себя только зло, превращая его в горе для других людей. Об этом ниже, в одном из последующих этюдов.

А сейчас хочу вновь перенестись через десятилетие, в одна тысяча девятьсот семьдесят девятый год, когда в цепи событий вхождения в свое новое состояние произошло одно из самых удивительных обстоятельств. Однако вынужден предварить рассказ объяснением тех условий жизни, в которых я оказался, и нарисовать картину той обстановки, в которой все это происходило. Ибо она, картина жизни, наиболее полно отразит особенность нового этапа. Рассказать об этом этапе хочу подробно, и делаю я это сознательно — для того, чтобы приблизить человеческую душу к тому моменту, когда каждая личность, живущая на земле, сможет ощутить то же самое, что ощущаю я.

Итак, Карши, семьдесят девятый год. К этому времени я уже работал заведующим отделом обкома партии. За двадцать лет я прошел такой своеобразный путь: был экскаваторщиком, затем — Ташкентская школа милиции и работа в уголовном розыске, был даже начальником отдела уголовного розыска в городе Ташкенте. В жизни все надо испытать.

В уголовном розыске мое знание жизни очень пригодилось. По прошествии лет скажу определенно: людям я всегда сострадал. И чем дольше я работал в уголовном розыске, тем больше проявлял сочувствия к людям, не мог без участия проходить мимо их беды, мимо их горя, мимо того страшного, во что ввергала их жизнь. Меня всегда поражало, что человек, рожденный на свет как будто бы для добра, для полноты ощущения жизни, порой становится врагом себе. Нарушая законы природы, иной не только сам встает на путь преступления, но и ввергает других в безнравственные действия. Я не хочу характеризовать это как антиправовые поступки. Право — это выдуманная человеком условность: не право нарушается человеком, а человек совершает по отношению к другому человеку насилие, создает неудобства, лишает возможности вести нормальный образ жизни, покушается на чье-то здоровье, насильственно завладевает не принадлежащими ему средствами, лишает спокойствия — вот так будем говорить. Но мы привыкли облачать это в словесную форму: «нарушение правопорядка». Но что есть правопорядок? Жизнь показала, что мы порой устанавливали такие порядки, которые по своей сути и являлись протизаконными по отношению к человеку, то есть регламентировали такой правопорядок, который был прямым беззаконием. Я избегаю такой терминологии, считая, что человек не имеет право на насилие — в какой бы форме оно ни выражалось — по общечеловеческим законам права. «Право — это воля

народа, возведенная в закон», — говорят юристы. Сказано и много, и ничего. Юристам (каковым являюсь и я) следовало бы делать все, чтобы эффективно использовать законы природы, устранять из жизни все, что мешает нормально жить человеку на земле. В этом, наверное, и будет самый большой смысл и главное предназначение юриста.

В начале пятидесятых годов, в связи с ростом преступности среди несовершеннолетних, я, как человек молодого возраста, но имеющий определенный опыт работы в органах внутренних дел, был направлен в ЦК комсомола для проведения этой работы в областных комитетах комсомола. В шестьдесят седьмом меня назначили вторым секретарем Кашкадарьинского обкома комсомола. В то время шло активное освоение пустынных земель, всюду разворачивалось строительство Большого Каршинского магистрального канала, который поднимал воду Амударьи на высоту сто пятьдесят метров на Каршинское плато. Я к этому имел прямое отношение — был начальником штаба этой Всесоюзной ударной комсомольской стройки, как и водилось в то время в комсомоле.

После четырех лет работы в обкоме комсомола я был направлен на учебу в Москву в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. За мной на период учебы сохранялась заработная плата секретаря областного комитета комсомола. В Москве проучился два года. Эти годы для меня были насыщенными и счастливыми. Я с головой окунулся в море познания, а раньше ходил лишь по его берегу. Я получил доступ в библиотеку имени Ленина, к закрытым фондам, в диссертационный зал, где в течение двух лет просиживал все свободное от лекций время. Посещал и библиотеку Высшей партийной школы и с удивлением обнаружил там богатейший фонд литературы, причем во всех областях науки. Там же, в Высшей партийной школе, я сдал экзамены кандидатского минимума по юридическим дисциплинам, философии и немецкому языку. За два года я прочел и законспектировал более ста двадцати трудов по философии. А конспектируя, полемизировал с авторами произведений, духовно общался с ними. Прямо скажу, что особое понимание, внутреннюю близость я почувствовал к таким философам, как Платон, Лейбниц, Монтескье, Спиноза, Декарт, Кант, ну, несомненно, Гегель, этот непревзойденный гигант философии. Очень мне импонировали произведения Фейербаха, Шопенгауэра. Углубленно прочитал Ницше, Фрейд. Очень много я уделял внимания работам Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Соловьева, Бердяева. Ну вот, пожалуй, все то, что позволяло мне приоткрыть створки дверей, ведущих в ранее незнакомое помещение мироздания. Защитив здесь же, в Москве, диссертацию, стал кандидатом юридических наук.

В тысяча девятьсот семьдесят четвертом году вернулся в Ташкент, где работал в Центральном Комитете Компартии Узбекистана в должности заведующего сектором партийной информации, а в сентябре семьдесят пятого был направлен вновь в город Карши уже заведующим отделом обкома партии по организационным вопросам. Через пять лет я по-прежнему взглянул на ту жизнь, которая здесь произошла. За это время произошло много перемен не только внешних: были проложены новые улицы, построены, в духе времени, многоэтажные здания. Не только годы, но и политика наложила своеобразный отпечаток. Она сделала партийного руководителя формальным проводником партийных постулатов. Но не стану касаться углубленно этих вопросов, для этого будет особый повод. Сейчас же я вплотную подошел к теме нашего главного разговора.

Так вот, вернувшись в Карши через пять лет, я на этот раз почувствовал какую-то духовную близость со всем тем, что меня теперь окружало. Я стал часто приезжать в сельские районы, бывал в кишлаках, встречался с местным населением, с аксакалами, часто и подолгу беседовал с ними. И чем чаще были мои встречи со старцами, с мудрецами Востока, тем глубже я проникался уважением к духу этих людей и к смыслу самой природы. Я старался постичь образ их мышления, изучал быт, обстановку, в которой они жили тогда — впрочем, как и много десятилетий назад. Для меня открылась своеобразная связь их образа жизни с мудростью Востока и вообще с психологией восточного человека. И это понимание стало своеобразным вторым жизненным путем. Первый путь был — работа, должность, я приходил на свою службу и не формально, а в полную силу выполнял все свои обязанности. И параллельно второй путь — душевная потребность в общении, в познании всего того, что окружало меня, вот эта непознанная сторона восточной жизни, которая манила затаенными сторонами, нераскрытыми особенностями.

Стал собирать и изучать восточную литературу, в том числе и древние рукописные книги. Изучал обряды, стал записывать легенды и мифы, собирал предметы быта, утварь, все то, что окружало человека Востока в этой местности. И чем больше я занимался этой работой, тем больше увлекался, тем глубже меня поражало своеобразие духа коренного населения. Результатом такого тесного общения стало естественное духовное единение и близость восточной символики. Я стал активно,

с большей заинтересованностью углубляться в изучение восточной философии, ислама, суфийской литературы. Впервые прочел Коран, откровение пророка Мухаммеда, ниспосланное ему Богом. Коран читал в переводе академика Крачковского, а затем — перевод Саблукова, и сделал для себя очень много открытий. До этого я, конечно, прочитал Библию, как Ветхий завет, так и Новый, Евангелие о деяниях и жизни Иисуса Христа.

Не буду вдаваться в оценки христианского учения, а скажу коротко: там многое для меня является близким по духу, в особенности жизненные установки, но и Коран открыл мне какие-то тайны, своеобразные воззрения на жизнь. И в Коране нашел я много из того, что помогает человеку, не исповедующему ислам, познать жизненные ценности и посредством философии ислама осмыслить жизнь народов Востока.

В этот же период я обратился к литературе об индуизме и о его течениях, о буддизме. И пришел к выводу: правильно устроена психология человечества, и не случайно то, что она течет по многим исповедальным рекам. Одни вливаются в реку христианства, другие — в реку ислама, третьи — буддизма, четвертые — иудаизма. И так в каждой религии человек находит для себя откровение жизни. Через это он может чувствовать себя частью всего человечества, потому что только тот человек является полнокровным гражданином земли, у которого есть связь с народом не только экономическая, но и нравственно-духовная. Если одна из этих частей отсутствует, то нарушается гармония и где-то человек обязательно проигрывает. А то, что вера устремляется к Богу и пророкам, — это и говорит о Едином Начале на Земле. А дело каждого народа определить себе символ веры. В этом и проявляется свобода духа. А главное здесь то, что ни одна вера не зовет человека к античеловечным поступкам; «не убивай», «не кради», «не желай дома ближнего твоего» есть не только в христианской религии.

Углубляясь в познание разных учений Востока, я углублялся в духовное состояние тех людей, с которыми жил. Почему я так говорю? Внешнее выражение их жизни не всегда соответствовало внутреннему, духовному их состоянию. Это были уже времена, когда я старался проникнуть в смысл. Одно пришло из прошлого, другое порождено настоящим, и, чтобы сблизить это внутреннее и внешнее состояние, надо найти доброе, объединяющее. Но оттого, что внешне это был лозунг, а внутренне — духовная линия, которая пришла от предков, эти две части не всегда соединялись запросто.

Так вот, к этому времени я уже был готов, я созрел для размышлений не о плоти человеческой, а о духовном равновесии, духовном единении образа жизни и образа мыслей. Переходя к следующему этюду — этюду о первоконтакте, — очень важному для понимания всего того, чем я сейчас живу, хочу отметить, что отсюда как раз и началась по-настоящему моя новая сторона жизни.

ЭТЮД ПЯТЫЙ. ПЕРВОКОНТАКТ

Каждый человек должен уметь чувствовать жизнь, уметь чувствовать себя, уметь соотносить себя с себе подобными, окружающим миром, уметь соотносить свой дух и высшую Субстанцию. Это очень важно, ибо все это можно назвать совестью. Как бы кто в жизни ни вел себя необузданно, безудержно, бесшабашно, опрометчиво, нет ни одного человека, у которого не щемила бы душа по поводу содеянного, у которого не было бы хоть мимолетного раскаяния, хоть кратковременного прозрения. Счастлив тот человек, у которого эти прозрения бывают естественны и становятся его натурой. И тогда мы видим человека, которому не безразлична жизнь другого, как и его собственная. Каждый из нас, вольно или невольно, соотносит себя с другим, чтобы на его фоне четче увидеть себя. Но увидев — мы не всегда радуемся. Это приводит к огорчению, к унынию, к разочарованию, к отчаянию или к фарсу. Под фарсом я понимаю то, что человек может сотворить нечто противное ему самому, но, в конечном итоге, это является его сущностью. Когда человек совершает противозаконное, он как бы закрывает глаза на самого себя, не хочет видеть себя в этом поступке. Он видит только результат. Например, он хочет получить какие-то материальные блага, на которые не имеет права, которыми грезил; или удовлетворить какую-то прихоть, похоть; или просто-напросто испытать чувство торжества, чувство силы над тем, по отношению к кому совершает злодеяние. В данном случае о совести говорить кощунственно. И он совершает злодеяние, считая себя вправе поступать так. Но все же в каждом человеке живет и постоянно держит его в напряжении какая-то неподвластная ему мержность. Ну, скажем, страх. Страх за содеянное.

Каждый такой человек ждет, что над ним разверзнутся небеса, что явится что-

то такое, что спросит за все содеянное, за все, что в душе клокочет и стучит, как ответное на ту боль, на то несчастье, на то постыдное, что совершено им умышленно. И если он ждет и боится ответственности — значит, это у него еще не последняя ступень, значит, может он быть еще возвращен к нормальному состоянию. И поэтому нужно делать все, чтобы заставить этого человека очнуться от дурного сна и прийти в себя, взглянуть на мир, людей и себя спокойными и трезвыми глазами. Это не поздно сделать никогда, даже за один день до смерти. К этому должен побуждать разум высшего существа природы, потому что все то, что мы творим на этом свете, в первую очередь важно для нас самих, потому что мы есть отрезок живой природы. Уйдя в небытие, мы уйдем в другую категорию, в другую ипостась, и с нас там уже никто за это не спросит. Важно осознать, что сейчас ты должен, живя, ощущать себя свободным человеком, которому не стыдно, который ощущает полноту жизни, пусть даже противоречивой, пусть не всегда складывающейся так, как хотелось бы. А человеку всегда хотелось бы, чтобы было хорошо и прекрасно.

Сейчас, когда наука и техника, человеческая мысль на высочайшем уровне, а экологическая обстановка в катастрофическом состоянии, человечеству очень важно найти то новое в духовном, нравственном состоянии, что позволит и дальше чувствовать себя творцом как самого себя, так и окружающей среды, идти в одном русле со всем мирозданием, не противореча его генеалогическому смыслу, не доводя себя до взрыва, потому что природный взрыв как в большом, так и в малом — это конец одного порядкового существования и переход в новое. А если иметь в виду земные накопления разрушительной силы, то не исключено, что все на земле от такого взрыва погибнет. А значит — величайшей спасительной силой нашего времени является новый подход к поиску того духовного равновесия, которое позволит человеку лучше соотносить себя с Природой и тем самым быть благодарным Природе за сотворение сущего на земле.

Природа тоже заинтересована в благоразумии сотворенного ею, она стремится к этому, проявив себя во всем том гармоничном многообразии, которое мы наблюдаем в окружающем нас мире. Но она, природа, часто разочаровывается в том контексте нашего поведения, которое мы являем своей жизнью, и за это с нас строго спрашивает. Я не хочу сказать — наказывает. Мы сами наказываем себя, выдавая за благоразумие пошлости, противоречащие природе. А природа ошибок не прощает. Как сказал великий Гете, природа всегда права.

Так вот, я думаю, что природа чего-то ждет от нас, когда ищет пути контакта с разумом человека. И это процесс обоюдный: и человек ищет контактов. И не для всех это благополучно кончается. Есть люди, которые в поисках этого контакта теряют разум. И все-таки такие контакты в мировой практике стали учащаться.

Чем же обусловлен этот новый этап во взаимоотношениях человека с природой? Я полагаю, что много десятков тысяч лет тому назад, в монопериод, рядом с человеком жили и боги. И он их, богов своих, созерцал. Человеку ничего не оставалось, как поклоняться богам, постоянно находясь под их неусыпным оком. Так человек в монопериод жил, формировался, пока не созрели обстоятельства перехода в полипериод, который был характерен множеством богов. Человек же стал в силу изменившихся обстоятельств абстрагироваться, и Бог уходил ввысь, отдаляясь от него. А значит, так или иначе жизнь заставляла самого человека задумываться над своей сущностью. Бог высоко — а фараон Амин Хатеп рядом. Бог высоко. — а Александр Македонский с карающим мечом идет по твоей земле. И все это объяснялось так: люди гневят Бога, а посему рядом бдят черти, дьяволы, домовые, которые призваны приводить человека в чувство, чтобы он не очень-то отрывался от высшего духа. Страх в этом случае был мерой отношения человека к окружающему его реальному миру.

И вот двадцатый век. Переход человека в новое состояние, так называемый Абсолют, когда человек стремится познать и так преобразовать окружающий мир, чтобы самому стать Абсолютом, то есть подчинить природу себе, стать ее властелином. Кажется даже, что это уже получалось: человек овладел атомом, стал проникать в генетику, вышел в космос на земную орбиту. Но вот до конца подчинить себе природу так и не смог. Человек споткнулся об экологию, о генеалогию, нарвался на озонную дыру, на СПИД. Это ввергло его в некоторую растерянность и уныние. Заставило оглядеться, чтобы полнее осознать свое место в природе, в мироздании.

Однако желание постигнуть Абсолют не исчезло. Оно только сместило свои акценты. Человек стал более внимательно всматриваться в природу и в себя. А природа тем временем тоже более внимательно стала вглядываться в человека, чтобы понять: а кого же она создала и не пора ли вдохнуть в человека иную жизнь, которая ввергла бы его в новое состояние и вывела на новую структуру. Мир сейчас в преддверии этого нового состояния, нового периода жизни человека. Но вот в чем

он — нам еще предстоит разгадать! Человек для этого сознательно и подсознательно делает много, но, думаю, и природа старается, чтобы более успешно вывести человека на эту новую структуру, при этом используя все сильные стороны того, чем уже обладает человек, ибо его опыт — это большая ценность, приобретенная именно им самим, именно продукт его деятельности. И здесь природа и высшая его структура — дух — хочет все употребить на пользу самого же человека. Первоконтакт я как раз и рассматриваю как шаг, который позволит вступить в непосредственную связь человека с тем запредельным, потусторонним, о котором мы пока еще не имеем представления. Пока это для всех нас — табу.

Думаю, что наше подсознание и подкорка об этом ведают больше, чем наш ясный ум. Об этом свидетельствуют сновидения, человеку проецируется многое из того, чего он не видит в реальном мире. Наряду с какими-то обыденностями ему вдруг во сне является то, о чем он раньше и подозревать не мог. Но сон есть сон, его природа исследуется и учеными, и психологами, и парапсихологами, да и оккультистами обыграна немало. Кто-то даже начал игру через сон со своим подсознанием. Для этого разложили сон на составные части. Нашли сильные и слабые стороны, относили его к чудодействию, к механизму умственной действенности, к психологическим состояниям. В общем выжимали из этого состояния все, что могли, хотя нельзя сказать, что сон до конца раскрыл все свои тайны. Естественно, есть какая-то затаенная, нераскрытая нам сторона, как раз та ниточка, то окно, через которое человек и найдет вот эту самую свою дорогу в новое и неизведанное.

Со мной это произошло в тысяча девятьсот семьдесят девятом году. К этому времени мне было почти сорок пять лет, и я в своем духовном развитии уже прошел несколько этапов, несколько стадий состояния, которые мне позволяли делать выводы и иметь понятия, что жизнь состоит не только из той реальности, в которой мы живем.

Двадцатого июня я выехал в дальние горные районы для того, чтобы посмотреть, в каком состоянии посевы зерновых. Приехав в Яккабагский район и решив все организационные вопросы, я вместе с представителями района, сопровождавшими меня на автомашине «Волга», отправился по проселочной дороге вверх к горным кишлакам. Проследовали где-то около пятидесяти километров до кишлака Кальтакуль, где кончался участок дороги, по которому могла ехать «Волга». Здесь предстояла остановка. Тем более, что и время было уже позднее, на кишлак опускались сумерки. На следующее утро должны были ехать дальше в горы, только уже на узике, который словно и создан был специально для горного бездорожья. На нем предстояло нам преодолеть расстояние до кишлака Ташкурган.

На ночлег остановились в доме старшего егеря Кызысуйского заповедника, территория которого уходила высоко в горы. За ужином хозяин рассказывал истории из жизни края и о работе в заповеднике, сетовал на то, что в последние годы стало трудно оберегать заповедные места от браконьеров, безжалостно вырубаящих реликтовые арчовые рощи. Посоветовал мне, раз уж я направляюсь в район кишлака Ташкурган, обязательно найти время и посетить пещеру Тимура. По преданию, высоко в горах в этой пещере Тимур, перед тем как стать властелином этого края, тренировал своих джигитов, готовясь к походу на Шахрисабз и Самарканд. Егерь сказал, что пещера уникальна. Беседа наша протекала у очага, где на углях вскипал чугунный кумган. Вокруг очага стояла непроглядная тьма, и лишь над головой висело плотное звездное небо.

Поговорив со словоохотливым хозяином, я решил пройтись по горной тропинке, которая привела меня к скале. Я прислонился к теплому, нагретому за день и еще не успевшему остыть камню. С гор накатывался холодный поток воздуха, а здесь, у скалы, было тепло и уютно. Она, словно живое существо, отдавала мне свое тепло, свою энергию, свое расположение. И впервые за последние дни я почувствовал себя свободным и раскованным. И от полноты чувств запрокинув голову, посмотрел на бездонное южное небо, откуда, пульсируя светом, словно живые, со мной разговаривали звезды. Я протянул руки вперед, раскрыв ладони к небу, и в этот момент почувствовал, как поток энергии беспрерывно наполняет мое тело. Да, я не раз испытывал такое состояние, но здесь, в горах, это было во много крат сильнее. Я это сразу четко ощутил. Волна энергии создавала какое-то своеобразное напряжение, что приводило меня в состояние активного единения с природой. Словно бы я мыслил в этот момент, пропуская свои чувства не только через сознание, но и через эти горы, звезды, — через все, что меня здесь окружало.

Да, это чувство было новое, ранее неведомое и неосязаемое мною. Здесь я вспомнил слова мудрецов и философов мира, которые указывали на то, что в горах Востока дух природы, дух космоса наиболее тесно сближается с человеком, с адептами на земле. И такими центрами являются Шамбала в Гималаях и горы Памира. И не случайно, что последние годы жизни мой идол Рерих посвятил Гима-

лаям, а судьба в этот июньский вечер привела меня к отрогам Памира, где я со всей очевидностью ощутил магическую силу гор.

Сколько времени я находился у скалы — минуту, пять минут или час — я не понял, но когда отправился к дому, почувствовал, что та энергия, которую я только что здесь у скалы почерпнул, продолжает во мне нарастать, словно бы я подключился к невиданной силы источнику. И уже заснув под открытым небом — мне по моей просьбе постелили во дворе, — я продолжал получать эту энергию. Я чувствовал, как она вселяется в мой организм. Сон для меня в эту ночь был необычным. Возникали видения, шла непрерывная информация о жизни, которую я должен прожить, о жизни, которая окружает меня во всей реальной действительности. И эта информация меня не пугала и не настораживала, а всем моим существом воспринималась с радостью. Мое сознание четко и образно фиксировало картинку за картинкой. Где-то в пятом часу утра я внезапно пришел в полное сознание и почувствовал, что все, что было со мной ночью, мне сейчас явилось как бы в повторном прогоне. И это видение говорило мне о том, что со мной сегодня должно произойти что-то особенное. Может, это будет своеобразное посвящение. А может — переход моей сущности в новое духовное состояние, в новый жизненный этап. Запечатлелось, что было видение лошади и какого-то странного существа на ней, но его я почему-то не боялся, он даже притягивал меня, и от него в мою сторону исходил сильный поток энергии, холодное сильное свечение. Но что это значило и что со мной должно произойти, я четко осознал.

О своих необычных ощущениях, посетивших меня в эту ночь, я поделился с товарищем по работе Валерием Нигаем. С этим человеком на протяжении многих лет я был духовно и мысленно близок. Не зря на Востоке говорят: сны и сокровенные мысли никому не доверяй, а если хочешь поведать, поведай воде. Но, зная эту заповедь, я все же не смог удержаться, чтобы не поделиться своими ощущениями с Валерием. Не знал я, во что ввергнет меня сегодняшний день, но почему-то подумалось, что, может быть, придется покинуть этот мир. Нигай знал особенности моего организма, знал, что я предпринимаю поиски контактов с непознанным, и поэтому не удивился, успокоив меня:

— Ничего плохого с вами никогда не произойдет.

Я подал команду: «В путь!» И мы поехали дальше. Машина заурчала, рванула с места, и мы помчались по горному серпантину к перевалу. Там, за горным хребтом, лежало обширное плато, засеянное хлебами. Мы ехали на машине — а значит, ни о какой лошади и речи быть не могло. Я с заинтересованностью наблюдал за горной растительностью, за первозданной природой. Здесь она, кажется, предстала предо мной такой, какой была, наверное, десятки тысяч и даже миллионы лет назад. Но что бы я ни делал, как бы увлеченно ни наблюдал за окружающей природой, меня не оставляло посетившее ночью видение. Я был весь в ожидании. «Едем мы на узике, лошадей вокруг нет и в помине — значит, не в руку сон», — успокоил я себя. И вот мы благополучно через несколько часов достигли горной речки, чтобы переправиться на другую сторону, в долину. Но ночью по горной реке прошел селевой поток и унес мост. Дальше ехать на машине было невозможно. Но не могли же мы повернуть в обратный путь, проделав сто с лишним километров от районного центра и не достигнув того места, куда следовали. Посоветовавшись, решили переправляться на лошадях. Вот оно, то, что грезилось ночью. Пока мы сидели, отдыхая, перекусив свежими, взятыми с собой в дорогу лепешками и запивая чудодейственной горной водой, что вкуснее шербета, из зерноводческого совхоза доставили нам несколько лошадей.

Мне достался жеребец черной масти. Я взобрался без особой сноровки, потому что лишь два-три раза приходилось мне ездить на лошадях. Впереди на лошади встал старший егерь, а за ним я, за мной Валерий и двое сопровождающих. Мы шли вдоль берега, чтобы найти брод. Егерь нашел подходящее для переправы место, но, остановив наше движение, сказал, что сначала пустит вплавь свою лошадь. Если поток не снесет ее, начнем переправу. Я остановил моего коня. Справа была река, слева метрах в двух горная пропасть, а мы остановились на узком перешейке.

Егерь, привязав своего конягу к кустарнику, стал спускаться вниз к реке, чтобы посмотреть на бурный поток, бушующий внизу. А жеребец, резко дернув зду, освободился от привязи, напрямую направился к моему жеребцу и тут же, встав на дыбы, изготовился к схватке. Мой жеребец принял вызов и тоже встал на дыбы. Но ему было сложнее, чем сопернику, ибо седок весил около девяноста килограммов. Противник пытался сбить нас копытами, но я, сидя верхом, пытался отогнать плетью нападающего жеребца. Наш супостат все теснил и теснил нас к каменистому перешейку, и вот — я уже ничего не помню. Когда очнулся, увидел рядом всех наездников. Они держали меня за плечи. По щеке моей струилась кровь. Оказалось, что в какой-то момент я не удержался в седле и свалился, ударившись об огромный на краю пропасти камень. Этот камень спас меня от падения в преиспод-

нюю, но ушиб был такой сильный, что я потерял сознание. Мой товарищ Валерий Нигай, нагнувшись ко мне, не на шутку перепуганный, что-то говорил о моей семье, о детях. Видимо, он боялся за мою жизнь. Но я, открыв глаза, прошептал ему:

— Валера, не бойся, жить я буду еще долго.

После этого еще несколько раз я то приходил в себя, то впадал в забытие. Но в общем мы стали собираться — разумеется, в обратный путь. В районный центр по радию был вызван вертолет, который доставил меня в областной центр, и я оказался на больничной койке. Но тут-то все и началось. Не буду фиксировать внимание на том, как меня уложили в постель, проснулся я однажды от того, что рядом со мной кто-то был и пристально смотрел в мою сторону. В палате была только одна кровать, больше больных там не было. По левую сторону от меня на уровне локтя стояло какое-то существо. Я не могу его назвать странным или необычным, так как я его в этот момент воспринял как сущее и не пытался дать ему оценку.

Это существо, как я уже говорил, пристально глядело на меня, не мигая, не меняя выражения, но я внутренне чувствовал его состояние и ход мыслей. А мысли у этого существа, насколько я это воспринимал, были направлены на то, чтобы удержать мое физическое состояние в бодрости. Я чувствовал, как он внутренне боролся за мою жизнь. Это его состояние я ощутил четко. Я чувствовал и тревогу и озабоченность. Это существо полностью контролировало мои чувства. То, что оно реально существовало и было рядом со мной, я это понял по тому, что отчетливо видел всю палату: я лежал лицом к окну, оно же наполовину было завешено шторой, за окном — деревья больничного двора. У изголовья тумбочка, на ней чайник, чашка с ложечкой и какие-то мензурки. Перед дверным проемом — существо. Наверху надо мной низко абажур. Я все это окинул взглядом, чтобы убедиться, что я есть на самом деле — в своем разуме и полном присутствии духа.

Убедившись в реальности происходящего, я опять направил свой взор к своему, как я его мысленно окрестил, телохранителю. Позже я его назвал просто хранителем. Хранитель мой по-прежнему взирал на меня, но обеспокоенность в его взгляде уже несколько сглаживалась.

Прошел вечер, прошла ночь, меня то и дело осматривали лечащие врачи, медсестры делали уколы.

На второй день, к моей радости, я опять увидел рядом с собой моего хранителя, а вернее сказать — хранителя моей души.

И так продолжалось в течение трех суток, пока мой организм боролся за жизнь. На третьи сутки я услышал разговор врачей, они сказали, что кризис миновал. И в этот день я последний раз видел свое духовно близкое существо, моего хранителя, он по-прежнему находился возле меня, от него исходило голубоватое сияние, а в остальном ничего не изменилось. Во взгляде не было напряжения и тревоги, а была успокоенность. Таким я запомнил своего хранителя. И в последующие годы я не раз вызывал его. И в такие моменты в моей душе наступало равновесие, одновременно происходил приток энергии, который не прекращался, пока я мысленно поддерживал связь с обликом хранителя. В меня вливалась новая волна уверенности, которая словно цементировала весь мой организм. После того, как общение с хранителем прекращалось, это состояние (уверенность, помноженная на уверенность) оставалось в моей душе и подпитывало мой дух, мои мысли и мои поступки.

Примерно через двое-трое суток после того, как исчез мой хранитель, проявилось то, с чем никогда ранее я не был знаком. Я вдруг увидел цветной сон: сибирский наш луг заливной около хутора на заимке, тропинку, которая вела к старому кедр, разнотравье и весенне-летнее поlyingающее разноцветье. Увидел я кедр зеленым, могучим, прочно стоящим на земле. И все это было так прекрасно, что, когда я просыпался и приходил в себя, мне долго не хотелось прощаться с этими образами и видениями. И я иногда воспроизводил их. Это было торжество души, состояние полета, парения, эфирного, счастливого состояния.

Я, конечно, не поведал врачам о своем хранителе. О цветных снах рассказал. И врач ответила мне: «Цветные сны — это здорово, это редкое явление. Это говорит о силе духа. Цветные сны влияют исцеляюще».

Первые годы цветные сны снились мне почти каждую ночь, хотя не могу сказать, что они были только цветными, были и черно-белые. Иногда они вовсе покидали меня на месяц, на два, потом возвращались. И каждая моя встреча с цветным сном была для меня праздником, трудно словами передать чувства, испытываемые после такой ночи.

Вслед за цветными снами я стал наблюдать более сложные явления, о которых расскажу в последующих этюдах, где, как мне кажется, я подхожу к главному — отражению того, как мои первые встречи с непознанными явлениями и существами проявились в последующей моей жизни.

Жизнь хороша, если человек умеет ею наслаждаться. Мысль не нова. Но не так часто она приходит к человеку, и чем дольше человек предаёт её забвению, тем скучнее живёт. Не ощутив вкуса воды, не утолишь жажду. И тут важно отношение человека к тем ценностям, из которых состоит наша жизнь. Один видит их в сытости, создании благополучия и спокойствия. Другой — в возможности беззаботно и бурно прожить свою жизнь. Третий вообще не может найти себя. Ухватиться бы человеку за кончик тонкой нити, которая поведёт его по жизни. Но это возможно лишь в том случае, если человек способен обратиться к самому себе, найти там, внутри себя, то дополнительное, чего не в состоянии почерпнуть из окружающей его среды. Душа. Как много она таит резервов, хотя никто не смог ещё определить место этого животворного эликсира в человеке. Душа — это особое состояние человека, особая побудительная сила. Душа — это ещё и то, что свободно общается с Духом природы. Душа — это биоэнергия конкретного человека.

Самые сильные чувства и эмоциональные состояния в нас поддерживает Душа. И если мы живём не в разладе с Душой, если мы ей доверяем, то полнее ощущаем и саму жизнь. Но счастливы ли мы при этом — вопрос критериев, предъявляемых жизни. Очень важно найти точку соприкосновения Души с реальным миром. В этом единении полнота жизни, к которой стремится человек, но зачастую теряет ориентиры тонких взаимоотношений со своей духовной средой, со своей духовной сферой.

Время неостановимо. Меняются времена, меняется жизнь, соответственно меняются критерии жизни и критерии оценки критериев. Что же спасёт нас, что спасёт наши души? Для Достоевского в девятнадцатом веке это была красота. «Красота спасёт мир». Великий классик в ней видел спасение и резерв жизненной силы человека и человечества, понимая красоту как гармонию чувств, как адекватность чувств человека окружающей среде и возврат ощущения этой адекватности в его душу. Для Достоевского это было оправданно, ибо жизнь он видел в мрачных тонах. И нужно сказать, что его слова не потонули во времени бесследно. Они побудили людей к поступкам, и конкретному изменению самой жизни. Зато в наше время, когда мы стоим на пороге двадцать первого столетия, жизнь поставила перед нами другой вопрос: быть ли вообще человечеству и самой жизни на земле?

Как-то довелось мне встретиться в Москве в Доме литераторов с Валентином Распутиным, и у нас произошёл тогда интересный разговор. Он выразил, с моей точки зрения, мысль, которая нашла отклик в моей душе, подкрепив мои собственные наблюдения. Он сказал: «Нас сейчас спасёт одиночество». На первый взгляд, мысль может показаться странной, но я думаю, что в ней глубокий философский смысл. Распутин — дитя развитого двадцатого века, и зовёт он, конечно же, не к затворничеству. Одиночество — как умение человека один на один оставаться со своей душой и черпать силы для того, чтобы осмыслить жизнь. Умение абстрагироваться от окружающей жизни и позволит выверить линию поведения, которая спасёт человечество от гибели. Только в тиши, наедине с душой, можно осмыслить, как страшно то, что сейчас человеком содеяно. И только в тиши, наедине с душой, можно выработать адекватную тому, что сотворено, линию поведения.

К своей радости, от Распутина услышал я то, к чему сам долго, мучительно шёл в своих поисках. Осмысление души, осмысление духа позволяет человеку выйти на истинный путь дальнейшего своего существования. Ну, разумеется, не для того, чтобы бежать своей тропкой, не для того, чтобы, узнав что-то и почувствовав, спрятать это далеко, как сокровище. Ценностей, подлежащих сокрытию от людей, нет. Сегодня мы уже поняли: неперемённым условием цивилизованного существования является духовность. Осмысление духовной стороны жизни человека делает его сильным в отличие от всего остального живого в природе. Человек осознаёт, что грядёт поиск нового, неизведанного витка жизни, поиск нового в сознании, выход на новую структуру во взаимоотношении с природой. Пресса разных стран то и дело сообщает о том, что некто или нечто вступило в разовый контакт с человеком. И это исходит не от суеверных людей, хотя суеверие как раз и есть вера в человека, в возможность существования потусторонних сил и той структуры, которая не укладывается в наше четырехмерное представление об окружающем мире. Так что в суеверий нет ничего страшного. Его можно рассматривать как предпосылку возможности человека встретиться с этими явлениями и его готовность к этому. Суеверный человек допускает наличие чего-то, что присутствует рядом с нами, но пока не зафиксировано. Говорят, что суеверный человек — это человек с низким культурным уровнем. Ничего подобного. Суеверие — как раз состояние души, а не разума. В силу того, что подосознание, суеверие не поддается контролю, создается фон, который и позволяет выйти за пределы досягаемого.

Так случилось со мной. Видимо, сыграло роль мое приобщение в горах Памира к новому состоянию. Я почувствовал, что наступил новый этап в моей жизни. Каждый день, почти каждый день, был насыщен какими-то событиями, которые мною предугадывались, проецировались во сне: то ли это касалось моей работы или взаимоотношений с людьми, то ли это касалось более масштабного, ну, скажем, выхода на республику, на страну, на международные события. И в общем, я уже, честно говоря, привык, что каждый день проецируется мне в полном объеме во сне, а затем все это происходит наяву. И мне стало даже надоедать, потому что, проснувшись утром, я знал почти все, что будет происходить днем. Иногда предсказывалась неделя, месяц. От информации я стал уставать, она была грузом для моей психики, от которого я по своему желанию не мог отделаться. Об этом я никому, разумеется, не говорил из боязни прослыть шарлатаном или хотя бы просто несерьезным человеком, а мое положение не простило бы мне этих недостатков — к тому времени я заведовал ведущим отделом обкома партии.

И вот как-то к нам в областной центр приехал заведующий отделом одного из центральных журналов, ведущий журналист. О нем я и раньше слышал, и читал какие-то его материалы. Мне по работе пришлось с ним встретиться — беседовать об интересующих его фактах и выдавать информацию, которая ему нужна была для того, чтобы подготовить материал для публикации. Он сказал мне:

— Знаете, я почувствовал, что вы человек особенный, обладаете странностями. У вас бывает связь с духовными и потусторонними силами?

Его заявление меня поразило, потому что это было сказано неожиданно человеком, который видел меня всего лишь час-два, и вдруг он смело заявил об этом. Я, конечно, с удивлением спросил:

— Из чего вы сделали такой вывод?

— Ну, я это состояние знаю. Чувствую, что в вас сильное биополе. И ваш взгляд говорит о том, что в вас есть какая-то внутренняя сила, я имею некоторую практику и не раз наблюдал таких людей.

Я сделал вид, что меня не очень все это заинтересовало. Но тем не менее, пока журналист был в Карши, я попытался кое-что выяснить у него в отношении этого загадочного явления, ибо сам четкого представления не имел и ни с кем никогда об этом не разговаривал. Вообще я, честно говоря, боялся этой темы. Он сказал мне, что есть люди, у которых сильное биополе, что эти люди способны предвидеть, предсказывать и даже лечить, способны своим биополем снимать стрессовые состояния, снимать давление, узнавать болевые зоны в организме человека и прочее. Конечно, я понял попозже, когда во многом сам разобрался, что этот человек знал кое-что, но не так уж глубоко. Но и этого его сообщения оказалось достаточно, чтобы я сам задумался, что все-таки со мной происходит. Литературу, которую он мне посоветовал почитать, я достал, но никаких особых открытий она не принесла, потому что, я чувствовал это, авторы книг сами этого состояния не испытали.

Жизнь тем временем продолжалась. Интерес мой и связь с потусторонним возрастали. Каждый день начинался с анализа ночных видений. Я стал по-иному смотреть на мир, на людей. Встретившись с человеком, я сразу получал ту информацию о нем, которая мне была нужна, Я узнавал и характер его, и на что он способен. Но как это происходило, каков был механизм получения информации, я не знал. Я как бы составлял программу того, что меня в человеке интересовало, — и тут же получал информацию: допустим, чем болеет человек, сколько ему лет, сколько будет жить.

Уже позже я понял, что делаю это в силу того, что подключаюсь к какому-то автономному всемирному «компьютеру», который назвал «банком памяти Вселенной», и тут же получаю расшифрованный ответ. Но здесь есть одна особенность: информационный канал не откроется, если человек не располагает той самой био-, или космической, энергией и не допущен к этому каналу связи. Поэтому я решил для себя, что делать это мне, так сказать, вразброс, без надобности, нет никакого смысла, потому что я растрачиваю себя, вот эту энергию, и, может быть, ее не останется для того, чтобы пойти по какому-то главному направлению поиска: Я понял, что энергию мне нужно беречь, хотя после пояснения заезжего журналиста я, так сказать, научился пасом руки определять энергию человека и давление с точностью до сотых. Для этого стоило приставить ладонь к затылку. Проводя рукой по телу, я точно узнавал, где и какие есть воспалительные процессы, были ли когда-то переломы или ушибы. С этим же периодом активного открытия возможностей, которые у меня проявлялись, связано то, что я почувствовал неудержимую потребность высказать свои суждения об увиденном и осмысленном. Особенно меня заинтересовала история, обычаи края, где жил. История Востока — это целина для нашей литературы. Пласт последних четырех-пяти столетий содержит много ценного материала, на котором человек может глубоко воспитывать свой дух. Раздумья над этим привели меня к тому, что я взялся за перо. Приступая к написанию романа

«Красная Бухара», я хотел рассказать о событиях в бухарском ханстве за два десятилетия до революции, потому что о предреволюционном периоде Бухарского ханства, куда входил и город Карши, где я жил, мало было написано.

Разумеется, у человека, не свободного от основной деятельности, процесс творчества значительно усложнен. Мне приходилось заниматься сбором и изучением материалов лишь в свободное от работы время. А затем, уезжая на месяц в отпуск, я укладывал в чемодан все материалы, которые удалось собрать, и, добравшись до места, едва ли не в тот же день начинал работать.

Творчество — потребность души. Оно позволяет находить собеседников, увлекающих тебя в созданный тобою же мир. И это позволило отвлечься от нарастающих трудностей в жизни, в работе, а ведь период этот был сложный, как сейчас говорится — застойный. Как ни странно, именно в этот период, когда шло страшное душевное несогласие между тем, что видел, и тем, что чувствовал, я нашел некое успокоение, выразившееся в литературе и живописи. Но не обошлось здесь без влияния биоэнергии, без космического информационного канала. Итак, все по порядку.

В тысяча девятьсот восемьдесят первом году в моей жизни произошли изменения в житейском плане. В мае я был избран первым секретарем Шахрисабзского горкома партии. Город Шахрисабз — небольшой, всего 60 тысяч населения, находится он в предгорьях Гиссарского хребта. Это родина Тимура-завоевателя, покорителя многих стран. Первые дни работы первого секретаря были, естественно, сложными, перегруженными. Приходилось начинать новую жизнь. Сложилась такая обстановка, при которой я оказался временно оторванным от семьи. Дети учились, а переводить их в другую школу в середине учебного года не хотелось. Я поселился за городом, на небольшом полеваном стане одной из бригад, территория которой попала под застройку города, а сам полеваный стан остался неразрушенным. Это было небольшое помещение, состоящее из двух комнат и кухни. Вот там мне побелили помещение, завезли одну кровать из гостиницы, комплект постельного белья, и я несколько месяцев жил в этом помещении, пока не приехала моя семья.

Так вот, в вечернее время после всей дневной сутолоки и беготни по городу, после бурной и активной жизни, я любил возвращаться на этот полеваный стан, чтобы остаться одному. Лишь временами тишину моего нового жилища разрушал телефон. Представьте: небольшой двор, и сразу за ним тополевая роща, а впереди у горизонта заснеженный во все времена года горный хребет. Это на меня как-то особому влияло. Я оставался один, и это мне позволяло настраиваться на волну, к которой я однажды подключился. И как только я оставался один, мой организм словно подключался к энергетическому каналу, и наступало изменение восприятия окружающего, и мыслительный процесс подчинялся иным логическим законам. Я подключался к новой информационной волне, которая вводила меня в иной мир. И вот в это время со мной как раз и произошло событие, которое наложило отпечаток на всю мою последующую жизнь.

Как-то, сидя поздно вечером в своем новом жилище, я рассматривал накопившиеся в горкоме документы, и в это время разразилась гроза, грянул гром, блеснула молния, налетел сильный порыв ветра, перешедший в настоящую бурю. Видимо, из-за этого внезапно прекратилась подача электроэнергии, и в помещении стало темно. Комната, где я жил, была восемнадцатиметровой. В ней стояли диван, кровать и письменный стол. Сидя на диване, я почувствовал, что комната раздвигается и начинают происходить те явления, что впервые произошли со мной где-то двадцать лет тому назад, когда я выходил в космос! И на этот раз я увидел звездное небо и гипертрофированных размеров существ, напоминающий людей. Они обступили письменный стол и пристально стали меня рассматривать. На этот раз я был не в больничной палате, а в здоровом духе и в здоровом уме, и поэтому решил запомнить все, что со мной происходит в этой новой обстановке, до мельчайших подробностей. Они стояли, обступив меня со всех сторон, я даже чувствовал, что кто-то был за спинкой кресла. Переговоров у меня с ними не было. Они не проявляли инициативы, и я молчал. Они вроде бы внушали мне спокойствие, некую мудрость, и я даже почувствовал близость к ним. Я их назвал добрыми силуэтами, ибо они воспринимались мною как символы столь нехватящей людям мудрой доброты. В это время загорелся свет и видения исчезли. И я тут же взял лист ватмана и простой шариковой ручкой с черным стержнем зарисовал свои видения. И получилось, что я сижу в кресле с высокой спинкой, а они обступили меня. Я тут же сделал подпись: «Он и Они». Они смотрят на меня так, словно несут за меня ответственность. Рисунок этот у меня есть, и я его, пожалуй, воспроизведу в книге, потому что то, что на нем запечатлено, словами не передашь.

Эту встречу я просто осмысливал, потому что привык к тому, что со мной такое случается часто. И если первый раз я сразу не мог прийти в себя от ледящей душу потусторонности, то теперь все принял как нормальное явление. Меня на этот раз уже интересовали такие моменты: как появляются, куда исчезают и что

несут с собой эти существа. Что несут, я еще не научился разгадывать, но знал одно: эти новые видения — добрые гиганты, они меня тоже оберегали и на протяжении многих лет помогали переносить тот психологический разлад, который витал над нами в той нелегкой жизни брежневского периода, помогали обрести духовные силы и духовное равновесие.

Через определенный период у меня эти видения повторились. Правда, уже в другом плане, более психологическом, что ли. Однажды воскресным днем я раньше обычного вернулся в свое обиталище. Уставший, опустился на диван и увидел необычную картину. Комната наполнена моими непознанными существами. Вид у них был настороженный. Предводителем у них был Некто в длинном халате, с спадающими волосами, борода клинышком, в правой руке свеча. «При чем тут свеча, еще не ночь», — мелькнула мысль. Некто, держа ее на вытянутой руке, поочередно подходил к каждому участнику видения и подносил ее где-то на уровне груди. И, о боже! Я видел, как светились внутренности. Меня охватили тревога, страх, появилось нехорошее предчувствие. А Некто, словно не обращая на меня внимания, продолжал шествие по комнате. За окном стало темнеть. Вот Некто подошел ко мне и поднес свечу к моей груди, и в это время на противоположной стороне комнаты я увидел свое изображение со светящимися внутренностями. Я внимательно стал вглядываться. Разумеется, мне хотелось увидеть там что-то необычное, какую-то загадочную душу, но, увы, кроме клокочущего беспокойства сердца и вздымающихся легких, я ничего не увидел. Но вот взглянул на лицо своего двойника — оно было перекошено гримасой сострадания и большого усилия, которое, кажется, предпринимал двойник. Мое тело пронзила дрожь. Затем мне захотелось посмотреть на выражение лица главного гостя. В воздухе висела лишь одна свеча. Ничего и никого вокруг меня уже не было. Я зажег свет в комнате, кинулся к столу и стал зарисовывать увиденное.

Однажды явился мне еще весьма странный образ, его я тоже зарисовал. Происходило это в один из сеансов выхода в космос. Когда приоткрылся потолок и передо мною распростерлось звездное небо, я увидел там человека, охваченного белым движением облаков. Я назвал его Пророком, потому что это был уже настоящий Дух во плоти человека. Он на длинной цепи держал в руке не что иное, как земной шар. Земной шар плыл, а внизу за этим плывущим шаром стремилось с вытянутыми вверх руками существо наподобие гнома. Вместо лица у него было черное пятно-маска, на котором просматривался зловещий взгляд. Этот страшный человечек все пытался ухватиться за земной шар и овладеть им, но облака проносили его с такой скоростью, что он не успевал ухватить шар своими руками, а делал лишь судорожные движения в пустоте. Но вот я заметил, что впереди гномика показалась возвышенность, переходящая затем в холмы. Значит, если Пророк не взлетит выше, то гномику удастся ухватиться за земной шар. От этой мысли мне стало страшно: я четко видел, как на нем дышали жизнью континенты. И вот видение исчезло. Я поспешил зарисовать увиденное. Быстро, можно сказать, машинально, набросал эскиз, ибо волнение от увиденного по-прежнему не оставляло меня. Делать зарисовки — это единственное, что я мог себе позволить, потому что рассказывать о видениях никому не хотел, а писать фантастические рассказы считал кощунственным.

Углубление в познание запредельного и разгадывание его символики стало одной из составных моей жизни, а зарисовки увиденного и прочувствованного — инструментом познания и самовыражения. Прежде я никогда не брал в руки ни карандаш, ни кисть для того, чтобы рисовать. Я увлекался живописью, давно заметил, что меня привлекают яркие краски, отсюда и особое отношение к Рериху, Гогену, к Матиссу. И вот как-то, рассматривая все свои зарисовки, я вдруг понял, что в них что-то есть. Они будят мысль, вызывают ассоциации, а это уже немало, подумал я. Но главное в них было то, что они точно отображали мною виденное и написаны словно непроизвольно, словно не я водил рукою, а она выполняла чью-то волю. Я никому не показывал рисунки до тех пор, пока в Шахрисабзе не появились два проезжих художника, которые остановились в нашей гостинице и попросили аудиенции, чтобы предложить свои услуги в оформлении города. Во время встречи они увидели у меня на столе зарисовки, и один из них спросил:

— Это вы рисуете?

— Да, — без особого энтузиазма подтвердил я.

— Это поразительно, — с удивлением произнес он. — Тысячи людей умеют рисовать, но как это сделали вы, у них не получится. Вы к этому относитесь серьезнее.

Но я-то ведь и сам, рассматривая зарисовки, уже думал об этом.

Другой в это время молча рассматривал мои листы, а затем медленно произнес:

— От этих странных изображений веет магической символикой. Вы попробуйте рисовать в красках.

Из разговора выяснилось, что оба они профессиональные художники, имеют

высшее образование. И вот они так оценили то, что я стихийно изобразил на бумаге.

Художники уехали. Это были ребята из Грузии. Подумав, я внял их советам. И когда поехал в очередную командировку в Ташкент, купил акварельные краски, холст, листы бумаги.

Началась новая полоса в моей жизни. Я для себя решил: все, что мне будет являться в образах и видениях, с чем я буду беспрепятственно вступать в контакт, — все это буду зарисовывать.

Одна из первых таких картин, которая положила начало моему новому духовному состоянию, то есть вхождению в живопись через передачу образов, которые видел, вступая в контакты с непознанным, была написана в августе тысяча девятьсот восемьдесят первого года. Добрый гигант с очень выразительными чертами лица, на котором запечатлено своеобразное пророческое роду человеческому. Этот добрый гигант одной рукой держал длинную лестницу, ведущую в поднебесье, по этой лестнице вверх карабкались люди. На лестнице было множество перекладин. Люди взбирались по ним, но до руки, держащей заветную перекладину, не добрались. А добрый гигант одной рукой удерживал лестницу в равновесии, а другая рука судьбоносного гиганта была вытянута. На большом пальце он держал человека, а безмянным поддерживал его голову и рассматривал, ибо он, должно быть, стремился стать предводителем тех, кто был под лестницей внизу, словно пытался выяснить, на что тот способен.

Происходило это на фоне панорамы отрогов Гиссарского хребта, вдали видны были заснеженные горы. Добрый гигант стоял на холмистой местности в небольшом от меня удалении, а вокруг него бегали, суетились люди, те, что не успели взобраться на эту лестницу, они торопились, отталкивали друг друга, делали все, чтобы попасть на глаза гиганту. А я в это время сидел чуть поодаль и наблюдал со стороны.

Я поставил картину в рамку, и она сразу же стала как-то поразительно влиять на мою психику, словно подключилась к подсознанию. Я даже, честно говоря, стал побаиваться ее и отставлял в сторону. Но через некоторое время меня вновь тянуло к ней. Такие странные у меня взаимоотношения со всеми картинами, написанными после видений.

С тех пор, как была написана эта картина — я назвал ее «Лестница жизни», — я в часы одиночества не раз рассматривал ее, предаваясь размышлениям. И мне однажды, когда я в очередной раз общался с нею, пришла такая мысль: картина характерна для выяснения духа людей восьмидесятых годов, когда мы, собственно говоря, не знали, кто мы и куда идем. И вот наступило прозрение — и, как результат, взрыв нового мышления, которое четко обрисовывает границы прошлого, настоящего и будущего.

По горячим следам видений написана «Наблюдающая». О ней мне хочется повести особый разговор, потому что картина была этапной во многих отношениях. Во-первых, это первое изображение существа, которое однажды вселилось в меня, наблюдая своим пытливым, всевидящим оком окружающий мир, многое проясняет в моем понимании жизни. Во-вторых, «Наблюдающая», а она своим обликом напоминает крупную ящерку, может, саламандру, — существо, скорее видимое мною магически. И в-третьих, «Наблюдающая» стала для меня мостиком в непознанное, в реально существующую многомерность за пределами нашего восприятия.

Эту ящерку-саламандру я воочию увидел в тысяча девятьсот восемьдесят втором году в апреле месяце. В это время я находился в Индии. Страна произвела на меня сильнейшее впечатление. Там в одном из индуистских храмов и произошла встреча с «Наблюдающей». Ее я увидел тогда, когда экскурсионная группа вышла из храма, а я остался в одном из залов один. Внезапно предо мной на стене возникла вот эта ящерица-саламандра на уровне моего лица и пристально смотрела прямо мне в глаза. От неожиданности я вздрогнул. Каждому видению, как правило, что-то предшествовало, а тут она возникла совершенно внезапно, всматриваясь в меня мудрым и пронизывающим взглядом, как бы желая понять мою суть и войти в меня. И удивительно, рассматривая неожиданное чудо, я почувствовал духовную близость с ним. Так я стоял какое-то мгновение, вбирая в себя дух саламандры, но кто-то из нашей делегации вернулся в зал и окликнул меня. Саламандра исчезла со стены, и я отчетливо почувствовал, как она всем своим энергетическим зарядом внедрилась в меня. Я ощутил мощный приток энергии и обрел странное, внутри-предметное, видение окружающего. И с тех пор ни «Наблюдающая», ни это видение никогда не покидали меня. И когда я вернулся к себе в Шахрисабз, оставшись один в комнате, я вновь увидел свою саламандру. Она возникла у меня на стене с тем же пристальным взглядом и какой-то утонченной улыбкой. Я спешно взял лист ватмана и на темно-зеленом фоне (хотя стены в храме, где я увидел ее впервые, были темно-бордовые) изобразил двойника моего духа. Глаза саламандры излучали мудрость, и это мне удалось передать на бумаге. В Шахрисабзе, при по-

вторной проекции саламандры, она с еще большей заинтересованностью смотрела на меня. Каждый раз, когда я смотрю на кого-то, ощущаю биение ее сердца, чувствую ее живой. И чем дольше она присутствует во мне, тем более я ощущаю ее наблюдающей за мною. А через меня и за всем, что происходит вокруг.

После того, как я нарисовал эту картину, она была репродуцирована в третьем номере журнала «Спутник» за тысяча девятьсот восемьдесят шестой год. Этот журнал издается на девяти языках и распространяется в шестидесяти двух странах мира, так что моя «Наблюдающая» пошла по белому свету. Она многим тысячам людей смотрела в глаза, и многие вглядывались в нее. Я это чувствую, потому что мне передается видение этих людей. Мне очень хотелось бы, чтобы в глаза моей саламандры взглянул Эдвард Уиттен, физик из американского города Принстон, который сейчас рассуждает о теории струн, пытаясь найти разгадку нашего мироздания и по-новому объяснить все сущее в природе. Он говорит, что мир наш — это не только привычные четыре измерения: длина, ширина, высота и время. Он предполагает, что «существует еще шесть дополнительных скрытых измерений, то есть всего десять измерений, которые и объясняют взаимодействие всего сущего во Вселенной, от света до светлячков, от сил тяготения до золота». Может быть, в теории Уиттена есть объяснение и нашим взаимодействиям с потусторонним миром. Может быть, этого потустороннего мира и не существует, а есть лишь способность высшей мыслительной деятельности человека, способность тех частиц, о которых мы даже не подозреваем, проецировать в нашем уме, в нашем воображении все сущее, что находится в шести нами не познанных измерениях? Время покажет. А пока нам ничего не остается, как теряться в догадках, мне же изображать то, что я почувствовал своим внутренним состоянием и нисколько не пытаюсь дофантазировать, дополнять своими инсинуациями, ибо я тогда покривил бы душой. Идя вслед за размышлениями Уиттена, думаю, что, может быть, в этих видениях человеку как раз и проявляются новые измерения, то есть силы, которые я в данном случае называю потусторонними. Может, это как раз и есть проявление многомерности, о которой говорит профессор из Принстона.

Ну что ж, ищет он, ищут другие ученые, ищет каждый человек, живущий на земле, потому что никому поиск не заказан. Может быть, через «Наблюдающую» кто-то следит за нами, анализирует наши действия? И в то же время через ее глаза, может, и мы имеем возможность заглянуть в не познанный нами мир? Может, она и есть связующий канал? Во всяком случае все, кто видел эту картину, отмечают некую странность, ощущают присутствие какого-то духа в этой картине. Вот так искусствовед из Ленинграда, сотрудник Русского музея Александр Боровский в статье «Символы и притчи», рассказывая о моем творчестве, говорит так: «Наблюдающая» Березикова — это странное невиданное существо, ящерка-саламандра, какой-то фантастический пришелец. Слившись с окружающей средой, обладая даром мимикрии, существо не дремлет, наблюдая человеческую жизнь. Доброжелательно? Испытующе? Зло? Картина не навязывает решения, скорее, с почти физической ошутимостью навязывает размышление». Видимо, сила ее в том, что она навязывает размышление о многих сторонах нашей жизни. Для меня же саламандра-ящерка стала реальностью, как и все, что меня окружало за годы, пока я хожу по этой земле.

Но как только я изобразил ее на картине, она живет самостоятельной жизнью и не является мне в видениях. Я же физически ощутил, что она стала частью самого меня. На картине она вопрошает других, и может быть даже, кто-то вступает в контакт с ней. Пусть каждый, кто посмотрит картину, выразит свое отношение. Мысленно, для себя. Или так, как сделал Боровский, или Наталья Горбунова, которая в своей статье написала: «С картины чуть иронично смотрят на вас умные, усталые глаза «Наблюдающей». Что это — таинственное неземное существо или просто торопливое течение воды в реке, напоминающее о быстротечности самой жизни? А может, беспокойное движение мысли? Загадочный взгляд интригует, волнует воображение...»

Московский искусствовед Ольга Свиблова в статье к каталогу выставки моих работ в Индии высказалась так: «Не случайно в глазах саламандры, изображенной в картине «Наблюдающая», есть черты портретного сходства с художником. Редкое животное с таинственной жизнью, герой мифов и сказок, мудро и пристально вглядывается в мир. Несгораемая саламандра, она же — сказочный дух огня, напоминает взвизнувшее к небу пламя. Цвет и композиция картины резко контрастируют с неподвижными, как бы оцепеневшими глазами и взглядом животного, когда все сущее рассматривается как изначальное и вечное». Не стану приводить еще мнения, хотя их много, в том числе и в печати. Думаю, самое лучшее — когда человек, взглянув на саламандру, выразит свое отношение к ней, а через нее и к тому, что мы с вами ищем, что еще не познано в окружающем нас мире, что нас волнует и на что непременно хотим найти ответ. Ну, например: что есть мироздание и каков

Мне не было, когда я впервые увидел ее в музее Березикова, а теперь она живет в моей душе и сердце? 23.11.91.

дальнейший путь человечества? Во всяком случае для меня картина «Наблюдающая» явилась новым этапом в познании духа и окружающей нас действительности. Словно бы глазами саламандры я стал смотреть на окружающий мир. «Наблюдающая» была для меня счастливым началом, ибо после нее я за восемь лет, те что занимаюсь живописью, написал около пятисот картин. Некоторая их часть, как и «Наблюдающая», пришла ко мне как явление духа, и прежде чем нарисовать, я увидел все изображенное потом на холсте как частичку прожитой мною жизни: опять живые существа взаимодействовали со мной, вступали в диалог, побуждали меня к поступкам. Я общался с реальными существами, которые открывали мне мир.

После видения я, рисуя, лепил эти образы как бы из биоматерии, из чувственных своих состояний, которые посещали меня после встреч.

ЭТЮД СЕДЬМОЙ. ГОВОРЯЩАЯ СОБАКА

Шахрисабз — городишко небольшой, но в нем было все, что присуще любому городу. В том числе и психологическое состояние особое, обусловленное трехтысячелетней историей.

В ста километрах от города Шахрисабз найдена в пещере Тешик-Таш древнейшая стоянка неандертальца. Этот факт указывает на то, что человек здесь жил за сотни тысяч лет до нашей эры. Горы, они всегда притягивали живое существо — будь то зверь, первобытный человек или наш современник. Горы имеют магнетическую аномалию, особый фон, который позволяет налаживать и особое отношение с космосом. Взаимосвязь горного массива и космоса имеет свое био-геологическое поле. И вот человек, попадая в это поле, структурно отличающееся от земного, равнинного, становится участником и даже посредником взаимодействия между горами и космосом, он попадает в иную среду энергоинформационного обмена в природе.

Так вот, попав в Шахрисабз, я почувствовал, что здесь у жителей своеобразный психологический климат. Люди здесь общительные, доброжелательные, гостеприимные, приветливые, внимательные как к радости, так и горю человеческому, то есть здешние жители были всегда открыты всем человеческим чувствам. Но чувства чувствами, а политическая и социальная среда всегда сказывается на образе жизни человека. К восьмидесятым годам нашего столетия в Шахрисабзе, как и во всей стране, была обстановка эйфорического благодушно-радостного строительства общества, основанного на социалистической идеологии. Но социалистические структуры срабатывали до тех пор, пока не построили элитарное общество. Социализм расцвел всеми цветами фальшивой радуги. Те, кто был на вершине пирамиды общества, наверное, и правда, видели эти горизонты.

Общество, которое мы строили многие десятилетия, развивалось не по законам социализма, а вопреки им. И в связи с этим возникает вопрос: а как же в этих условиях чувствовал себя человек с партийным билетом? Думается, что партийцы добросовестно заблуждались, думая, что строят именно то общество, но встречаются отклонения, относящиеся к трудностям роста. Другие, быстро разобравшись, что к чему, поняли, что при таком социализме жизнь их будет прекрасна. Третьи противились всему, что происходило вокруг, но чего добивались? Ничего, ибо объявлялись врагами народа, социалистического строя, предателями социалистических идеалов, сумасшедшими, наконец. Таким людям было трудно, но все-таки они были.

Чем выше поднимался я по служебной лестнице — в это время я работал в должности первого секретаря Шахрисабзского горкома партии, — тем более очевидными мне становились просчеты нашей идеологии, политики, экономики. Организм города с большим количеством промышленных предприятий, общественных организаций, учебных заведений сразу высветил ошибки нашего подхода к экономике, к структуре народного хозяйства. Становилось очевидным, насколько слаба и беспомощна та система, которая управляет механизмом народного хозяйства. Была отчетливо видна цель, преследуемая высшим руководством области, республики, да и центрального руководства в Москве. Помню, когда нашу страну несколько лет подряд лихорадило от неурожая зерновых, вместо того чтобы направить все организаторские усилия, финансовые ресурсы на преодоление трудностей, связанных с этим, мы, партийные работники в областях, районах, городах, республиках, в течение четырех-пяти лет только тем и занимались, что ежегодно по два-три раза собирали областные, городские, районные, республиканские пленумы и активы по обсуждению «Малой земли», «Целины» и «Возрождения». Для проведения этих мероприятий собирались тысячи людей, выплачивались командировочные, люди готовились к докладам, выступлениям, проработке этих произведе-

ний. Сколько драгоценного времени ушло на все это! Не могло это не возмущать всякого здравомыслящего.

И вот, когда все это было невыносимо и подсознание уже искало выхода, повстречался я со своей спутницей — говорящей собакой. А произошло это так. Однажды ночью, когда я, собственно говоря, еще бодрствовал, не то приснилось, не то явилось мне воочию чудо. К моим ногам подошла и легла на расстоянии примерно полуметра небольшая собачушка с патлатой мордочкой, большими выпуклыми грустными глазами. Подвернув под себя хвостик, вытянув вперед лапки и положив на них голову, очень долго и пристально смотрела на меня, а затем, открыв свою пасть, к моему удивлению, заговорила. Я впервые — во сне или наяву — встретился с таким явлением, когда собака говорила. Это меня насторожило, я пришел в странное, удивительное состояние ожидания чего-то необычного. А собака говорила хриплым ровным голосом. Она сказала мне: «Вижу, волнует тебя такая жизнь». Не помню, что я ей ответил, но, видимо, согласился и сказал, что не понимаю, что происходит, потому что она мне сказала: «Я дам тебе возможность спросить об этом у Него». Следующей сценой была встреча с Леонидом Ильичом Брежневым. Велико было мое удивление. Позже, осмысливая эту встречу, я понял, что эта встреча состоялась потому, что накопилось у меня множество вопросов к нему как руководителю партии и государства. Все это я, видимо, мысленно прокручивал в голове не раз. Дух Генсека, который встречался со мной, уже обладал этой информацией. И поэтому первые слова, которые я услышал из его уст, были обращены ко мне с возмущением. Я, дескать, ничего не понимаю и ни в чем не разбираюсь, а то, что в стране делается, все правильно, все закономерно. Больше я ничего из этой встречи не вынес, ну, конечно, это был сон, но в то же время эта была и встреча. Встреча, которая специально была уготована не то моим подсознанием, не то духом, который желал ответного слова со стороны Брежнева. А может, состоялась по воле потусторонних сил. Нужно сказать, что и впоследствии встречи с Брежневым состоялись неоднократно. Помню последнюю, на железнодорожном полотне. Вдали виднелся лес, по просеке проходил железнодорожный путь, по обе стороны его — болото, он стоял на высокой насыпи, на откосе. Стоял неуверенно, старческие ноги не могли его держать прочно на насыщенном грунте. Я сказал, что слишком много он получает правительственных наград, он разволновался, стал грубо мне отвечать и жестиковать руками, не удержался, упал и покатился вниз. И вот я его уже увидел на фоне холмов за перелеском. Затем на этом месте возник огромный размеров золотой столб, а на столбе возвышался бюст Брежнева со всеми его регалиями, и вот уже на столбе вместо бюста череп архара. У поста-мента показалась постоянная спутница всех встреч моих с Брежневым — говорящая собака, которая, высоко подняв морду вверх, стала вдруг завывать.

Эта встреча-видение так поразила меня, что утром я тут же запечатлел увиденное. Через несколько дней средства массовой информации сообщили о кончине Генсека. Назвал я эту картину так: «Брежневу. Голова архара. Ушел в вечность».

В тысяча девятьсот восемьдесят втором году, как ни странно, я встретился со Сталиным. И эту встречу мне устроила тоже говорящая собака. Встреча произошла, четко помню, в Кремле. Вопросы я ему не задавал, а просто с интересом рассматривал Генералиссимуса, сидя в одной из комнат Кремля. То, что это был Кремль, я хорошо помню, в зал все время заходил человек и говорил, что через некоторое время начнется заседание Центрального Комитета, на котором будет стоять вопрос — вернуть ли Сталина к руководству страной?

Моя говорящая спутница была здесь же, в зале. Она заняла нишу, выложенную мрамором, и, положив мордочку на лапы, молча взирала на нас. В зале опять появился посыльный и пригласил Сталина пройти на заседание. Сталин ушел, я остался один и вдруг, повернувшись в сторону моей спутницы, на ее месте, к своему удивлению, перемешанному со страхом, увидел стоящее во весь рост какое-то существо золотистого цвета. (Это существо было птицей, держало оно перед собой череп человека. Взгляд рок-птицы был строг и сосредоточен на черепе. Меня на какое-то мгновение охватило оцепенение. Но тут меня осенило, я понял, кому принадлежал этот череп. А фигура рок-птицы стояла молчаливо, не двигаясь, но в то же время была живой плотью, я чувствовал, как дышало ее тело, я видел содержание ее взгляда, строгого, бескомпромиссного, испытующего. И клюв, который был продолжением ее большой головы, упрямо упирался в череп. И мне казалось, что вот-вот долбанет она своим мощным клювом по черепу, наступит момент расплаты.

Осмысливая потом, на следующий день, все, что увидел, я пришел к выводу, что встреча рок-птицы должна состояться с каждым жившим на земле, кто бы он ни был — маленький человек, занимавшийся своим маленьким делом, или государственный деятель, управлявший миллионами людей. Кто-то возьмет твой череп, проанализирует и спросит с тебя за содеянное, спросит по общечеловеческим мер-

кам. Увиденное побуждало меня к размышлениям о сущем мире, о нашей жизни, поступках, совершаемых в обыденной жизни, и о раскаянии, если эти поступки причиняли кому-то зло. Увы, жизнь вокруг такова, что этой рок-птице придется много потрудиться, чтобы расшифровать наши поступки, ведь нас миллиарды! Разумеется, картину, отразившую видения той ночи, я тоже написал.

Говорящая моя спутница свела меня и с Андроповым. Затемненный небольшой кабинет — скорее всего, тоже в Кремле. Окна плотно зашторены. Мы сидели за небольшим полированным столом и смотрели друг на друга. Андропов вытянул свои крупные руки прямо перед собой и, опустив на них голову, молчал. Молча на него смотрел и я. Мы не сказали друг другу ни слова. Встреча с так и неразгаданным нами до конца Генеральным была единственной. Результатом явилась картина — красный бюст на черном постаменте. Это все, что мог я сказать после этой встречи. Но мне почему-то становится грустно всякий раз, когда я смотрю на эту картину. Чувство, что он унес что-то с собой, не договорив, не покидает меня.

Встреча с Черненко вызывает у меня угнетенность духа. Без этого чувства я не могу о ней вспоминать. А произошла она в том же маленьком кабинете, но на этот раз в комнате было светло. Черненко сидел на том же месте, где сидел предшественник, и что-то говорил, говорил, говорил. Я с грустью смотрел в окно и, когда повернулся, то на том месте, где сидел Черненко, увидел сосуд-многогранник, напоминающий аквариум. В нем металось существо, похожее на небольшую обезьянку, только почему-то существо это было зеленого цвета и что-то говорило голосом Черненко. Я со страхом смотрел на это превращение, на странное существо. Обезьянка из аквариума все время хотела вырваться, но плотные стены сосуда ее не пускали, она хрипела и что-то мне доказывала. Видение исчезло. Я был последовательным и в свободное время — оно у меня появлялось где-то к ночи, когда я приходил с работы, или в воскресные дни — нарисовал аквариум и в нем это странное существо. Картина существует под названием «Говорящий божок».

В ряду встреч с государственными деятелями была у меня встреча с Черчиллем. Как ни странно, но именно с премьер-министром Англии лордом Черчиллем, хотя, прочитав о нем все, что у нас печаталось, в том числе книгу официального биографа Черчилля — Мартина Гильберта, я, честно говоря, много о нем не раздумывал.

Огромный, строгий дворец. Зал для больших приемов. Шеренга высшего офицерского состава. Какие они армии представляли — английские, американские, немецкие, русские, индийские, — этого я не различил. Напротив группа, в которой был я. Черчилль вручал военные награды. Я за церемонией наблюдал с большим интересом, потому что впервые попал в необычную обстановку европейского парадного дворца.

Раздав награды, Черчилль подошел к нам, посмотрел на каждого внимательно и исчез. А я потом пытался понять, в чем был смысл такого видения, в чем смысл наград? Позже пришла в голову такая мысль: видимо, это была связь двух эпох, и Черчилль в данном случае был символом той эпохи, роком того времени. Может быть, он своим явлением хотел сказать что-то нам, живущим в конце двадцатого века, или даже предупредить о чем-то? Что за странная церемония вручения наград? За что — за мужество и отвагу в борьбе с фашизмом? За то, что не уступили своих позиций социализму? За то, что в наше время порицается, а тогда награждалось? — за что вручал награды Черчилль?

Он был загадочной личностью для своего времени, он оставил много загадок и для нас. Загадка эта будет когда-нибудь разгадана. Научимся мы читать каждую судьбу, каждую личность. Люди открыли многое, а к разгадке своей жизни не подступились. Я думаю, что она лежит в плоскости познания не очевидного, а скрытого от нас, и самое доступное — это контакт человека с потусторонним через овладение механизмом сновидения, ибо моя практика показывает, что сновидения являют символы, которые четко очерчивают наши жизненные проблемы. Так, моей реакцией в период вседозволенности, когда, что называется, большинство руководителей перепутали свой карман с государственным, была картина «Чужие плоды». Ее я написал после того, как мне неоднократно являлся странный человек в черном, который ломал яблоневые деревья, а потом срывал с них плоды. И тут происходило странное. Плоды, спелые, красные, налитые соками земли, внезапно становились черными, как только он укладывал их в свою корзину. Это побудило меня, однажды проснувшись, тут же взяться за кисть и написать картину. В ней я точь-в-точь передал виденное во сне.

Вслед за ней как-то словно бы произвольно родилась картина «Черные яблоки». В красивой помпезной нефритовой вазе — гора черных яблок. Первый смысл таков: все, что на столе у наших господ (а таковые у нас есть, несмотря на социализм, да они, власть предержащие, и сами в душе не прочь считать себя господами, призванными «управлять» народом, но ничего ему не давать), так вот, я отвлек-

ся, — все, что на столе у наших господ, обличает их. Изобилие в их доме не должно принести им счастья, ибо оно устраивается за счет других. Второй смысл: черные яблоки — результат бездумного отношения к природе. Обе эти картины — «Чужие плоды» и «Черные яблоки» — я написал в тысяча девятьсот восемьдесят втором году, но не выставлял их. Друзья сказали, что разжалуют и обвинят в аполитичности, в стремлении очернить действительность. А что уж было чернить, когда со всей очевидностью все расплодилось по швам. Чернить-то тут уже было нечего — все было очевидно. И лихоимство, и казнокрадство, и приписки, и очковтирательство, и жизнь всласть за счет общества и государства.

Глубоко все это переживая, я написал еще одну картину — «Беспечность». Человек, одетый в гладкий малиновый халат, стоит в спокойной позе со сращенными руками. Но вот одна странность: у этого человека нет головы. Она слетела с плеч, а глаза смотрят с укором. В этой картине глубокая горечь за все то, что с нами произошло.

Разумеется, эту картину я тоже не выставлял, потому что хотелось еще что-то сделать для города. А первому секретарю городского комитета партии не простили бы вольнодумства. Приняв городской комитет партии, я понял, что здесь, в городе, работает тот же механизм. Я пытался как-то приостановить его пагубность. На бюро горкома партии был поставлен вопрос, чтобы все материальные ресурсы в городе Шахрисабзе были впредь под контролем общественности. Уже в июне тысяча девятьсот восемьдесят первого года по моему настоянию были созданы несколько комиссий: комиссия из тридцати человек по распределению жилья, чтобы этот акт происходил не келейно, чтобы не мнение одного председателя горисполкома или заведующего жилотделом было окончательным; комиссия по распределению земельных участков под самостоятельную застройку; по распределению стройматериалов, автомобилей, предназначенных для продажи населению.

Деятельность этих комиссий скоро стала популярной в городе, что способствовало повышению авторитета горкома партии и горисполкома. Но команды сверху словно подрезали нам крылья. Во мне зрел внутренний протест, я начинал понимать, что долго это продолжаться не может, середину держать нельзя. Не находя иной формы протеста, я выражал его в своих картинах, в символах. Совесть стонала и все больше и больше будоражила мою душу видениями.

ЭТЮД ВОСЬМОЙ. ВИДЕНИЕ ЛЕНИНА

В самый разгар нашего «процветания» и «благоденствия» я прилетел в Москву, в ЦК КПСС, на очередное совещание. И в эти дни мне явилось видение, портретнее меня.

Постепенно, входя в контакт с ранее мне неизвестным, я, что называется, набирался опыта и навыков общения. И обратил внимание на такую особенность: ночные видения мне являлись где-то около пяти часов утра, а дневные — на закате солнца, примерно за полчаса, за пятнадцать-двадцать минут до захода солнца. Я уже знал, что именно эти часы самые благоприятные для моего выхода на связь с потусторонним, с непознанным. Чем это обусловлено, я, конечно, не знал. Скорее всего, этим распоряжается само небесное светило. И вот в своей практике я подошел к такому этапу, когда сознательно выработал способы вхождения в канал видения. Мне для этого нужно было, прежде всего, плотно закрыть глаза, и тогда через некоторое время в лобной части возникала светящаяся пульсирующая точка, которая затем разгоралась ярче и переходила в освещенный холодный-голубым светом видеоканал, который постепенно расширяется. Как только начинает появляться этот видеоканал, нужно еще плотнее сжать глаза. Свечение становится ярче, и канал видения с каждой секундой расширяется. Свечение видеоканала постоянно меняется. Сначала оно, ярко-белое, переходит в светлую голубизну, потом открывается следующий цветовой слой. Канал углубляется, раздвигая границы, и в этот момент можно обозреть космическое пространство. Ночные видения от вхождения в канал космической связи отличаются от вечерних. Ночью краски канала, поначалу светлые, уходят в глубину космоса темным расширяющимся экраном со светящейся по краям аурой. Вечером же, на заходе солнца, аура солнечного цвета, а сам центр видимого канала — многослойного голубого свечения.

Однажды я ехал из города к створу Гиссарского хребта, где строилось Гиссарское водохранилище, а я курировал это строительство. Это было перед закатом солнца. Уже промелькнули городские окраины, хлопковые поля и показались холмы; солнце опускалось за горным массивом, и я решил войти в канал видения, находясь в машине. Водитель ехал спокойно, он знал, что я не выношу скорость. И вот, сидя на заднем сиденье, прикрыл глаза. Без усилий мне удалось войти в со-

стояние, когда началось видение, канал был ясным и обширным. Нужно сказать, что я заметил еще одну особенность: канал видения, его яркость зависит от того, сколько в этот момент в организме накоплено космической энергии. Раньше я этого не понимал и иногда пытался выйти на связь, не соизмеряя с накопленной энергией, и как результат — канал достаточно не раскрывался, глубины видения не было.

Еще один аргумент в доказательство наличия особой энергии в организме. Приехав в Шахрисабз, я вскоре пошел фотографироваться для новых документов. Через несколько дней фотограф выдал мне готовые фотографии. Их было четыре комплекта: фотограф постарался для начальства. Выбирая для документа лучший вариант, я обратил внимание, что в одном комплекте вверх от моей головы недвусмысленно уходит довольно сильное свечение. Меня это поразило. Конечно, я был далек от мысли о своей исключительности, но этот факт заставил меня сесть в машину и поехать к фотографу. Показал фотографии, фотограф долго и внимательно рассматривал их и вернул со словами: «Ничего не понимаю. Я для этого не сделал ничего, так что — невиновен». Он был с чувством юмора.

Я же, раздумывая над этим явлением, пришел к выводу, что фотограф зафиксировал тот самый момент, когда произошел большой выброс энергии, возникшей во мне в силу какого-то процесса внутри организма. Или произошло обратное: я мог в это время подключиться к каналу космической энергии, и фотоаппарат зафиксировал это. Может, это и есть свидетельство открытости космоса некоторым живущим на земле. О нем говорили Рерих, Федоров, Чижевский и другие — те немногие земляне, которым открывался этот канал.

Но что позволяет человеку получать именно тот уровень информации, который он получает? С одной стороны, думается, существует скрытая пока закономерность — она регулируется непознанными силами, способствующими человеку выйти за пределы четырехмерности. С другой стороны, для меня стало очевидным, как я уже говорил, что должно быть накоплено в организме достаточно энергии. Прежде чем приступить к сеансу связи, я проверял свою готовность: прикрывал глаза, и если свечение начиналось сразу и канал раскрывался ярко и углублялся, я понимал, что сеанс можно проводить.

И вот в тот вечер, сидя в машине, я начал проводить сеанс. Свечение было ярким, мощным, видеоканал расширялся очень быстро и многослойно. Я быстро почувствовал вхождение в космическое пространство. Оно углублялось, и я внутренне ощутил, что весь вхожу туда и вижу перед собой весь космически обозримый объем, который, пульсируя, расширяется, и чем ярче становится свечение, тем отчетливее видение. Радиус обозрения был намного больше обычного. На дальнем фоне появилось существо, напоминающее гиганта. Он занимал весь экран, по нему проходили светящиеся каналы. Гигант стоял на вершине горного массива, который я только что видел перед заходом солнца здесь, в долине. Правой рукой удерживал светящийся шлейф молнии.левой держал побег молодого деревца, который корнями уходил в подножье холма. Там, где должно быть сердце, ярко светилось то самое солнышко, которое только что опустилось за горы. От яркого светила по всему организму рассыпались лучи. От ног уходили потоки, сливаясь в крупные реки земли. «Сын земли и неба» — так назвал я его позже — смотрел на меня жизненно утверждающим взглядом, и его сила, энергия, оптимистический настрой передались и мне, отчего всему моему телу передался внутренний импульс. Я вскрикнул, да так громко, что водитель оглянулся в мою сторону, но, увидев, что я сижу с зажмуренными глазами, спросил:

— Что с вами, Евгений Ефимович? Вам плохо?

Я ничего не ответил, а только, постучав его по плечу, попросил остановить машину. Когда машина медленно остановилась, я постепенно стал убирать видеоканал, потому что знал, что убирать его резко, без подготовки, нежелательно. И лишь когда полностью снял его, я открыл глаза.

Естественно, я не мог водителю сказать, что со мною происходило. И я ему ответил:

— Знаешь, мне что-то нехорошо. Прошу тебя, давай вернемся в город.

И водитель поверил, что мне нехорошо, развернулся, поехал по направлению к Шахрисабзу. Он спросил, куда везти — в горком или домой. Я попросил отвезти меня домой, ибо гигант, одной рукой удерживавший молнию, а другой державшийся за молодой побег, стоял перед моими глазами, и я должен был его запечатлеть.

Приехав домой, я тут же отпустил водителя, а сам, буквально торопясь, отрезал кусок большого холста размером около двух метров на полтора и тут же изобразил видение. И мне от этого стало радостно, потому что в нем я впоследствии стал черпать символы. Я понял, что человек должен быть сильным не только плотью, которую он черпает от земли, но и духом, который проецируется ему из космоса. Только в этом случае он обеспечит себе, всем близким и потомкам своим достойную жизнь! О том, какой я представляю себе эту достойную жизнь, пораз-

мышляю несколько позже. А сейчас хочу перейти к описанию видения, которое мне открылось в Москве.

В столице я был всего три дня. Закончилось совещание в ЦК, и на следующий день мне предстояло улететь в Ташкент. Было двадцатое ноября тысяча девятьсот восемьдесят первого года. Оказавшись после обеда свободным, я пошел в гостиницу «Россия» и стал собирать пожитки, чтобы на следующее утро ехать в аэропорт. Перед ужином решил погулять. Вышел из северо-западного подъезда и направился мимо храма Василия Блаженного на Красную площадь, потому что, когда бываю в Москве, то, как бы ни был занят, считаю своим долгом прийти к Мавзолею Ленина, поклониться ему. Ленин явил нам особую духовную силу. Он сумел возвести свои идеи в ранг пророчества и завладеть умами миллионов людей. Это стало возможным лишь при наличии огромной силы духа.

Так вот, и на этот раз я шел к Ленину для того, чтобы поклониться ему. Я ступил на Красную площадь, поравнялся с храмом Василия Блаженного и окинул взглядом всю панораму Красной площади. Лучи солнца бросили последние свои блики на стены Кремля, и я вдруг испытал потребность подключиться к видеоканалу. Народу не было, вокруг тишина. Я взялся за край металлической ограды на Лобном месте и плотно закрыл глаза. Яркое свечение возникло передо мной. Огромная панорама видеоканала с выходом на космическую безбрежность. Передо мной возникли там, где-то в высоте, в свечении ауры, кремлевская стена, овальный купол кремлевского Дворца съездов, на котором развевался алый флаг, Спасская башня. И над всем этим — фигура Ленина. Ленин был просто гигантских размеров. На плечи было накинуто пальто. Во всей фигуре чувствовалось незаконченное порывистое движение. Ленин, подняв правую руку, прикрывал собою всю Красную площадь. Во взгляде пророка было что-то тревожное. Я отчетливо видел красный флаг с золотистым на нем словом «ЛЕНИН», видел ярко-красную зубчатую стену Кремля, рубиновую звезду на Спасской башне, зеленый купол здания Верховного Совета, космическую голубизну неба и грустное лицо Ленина. И вот это тревожное движение рукой, повергшее меня в волнение. Я едва не закричал: «Люди! Смотрите, люди! Ленин возник над Кремлем! Чтобы предостеречь нас от беды!» Но кричать было бесполезно, потому что, кроме меня, никто этого не видит.

В этот момент меня за руку тронула старушка и спросила:

— Молодой человек, вам плохо?

Ответить я ей в ту же секунду не мог, потому что канал еще работал. Мне нужно было завершить видение, на это ушло несколько секунд. Сердобольная старушка мое молчание поняла по-своему и запричитала:

— Я сейчас, я сейчас позову кого-нибудь на помощь.

Но теперь уже я смог ее успокоить, сказав:

— Спасибо, бабушка, это пройдет.

Я открыл глаза, старушка отошла. Но по-настоящему прийти в себя я долго не мог и даже, прикрыв глаза, хотел продлить видение. Но, увы, оно ко мне не возвращалось. Я немного постоял на брусчатке, дальше уже не пошел к Мавзолею Ленина, потому что ноги отяжелели, голова гудела, мной овладела грусть, потому что все, что я увидел, — многопланово, многослойно и проецировало разные чувства.

Придя в гостиницу, я лег на кровать, а меня не покидали чувства и образы, только что виденные. Я прикрывал глаза и уже не через канал, а просто так, для себя, воспроизводил картину, которая явилась мне. И я понял, что мне нужно немедленно запечатлеть все это. Я стал искать, на чем бы зарисовать увиденную картинку. Но под руками у меня оказался лишь томик Владимира Соловьева «Магомед. Его жизнь. Религиозное учение», выпущенный в Санкт-Петербурге в 1896 году. В этом сочинении наш русский философ с завидной мудростью описал жизнь пророка мусульман Мухаммеда. И я, раскрыв чистую за обложкой страницу, зарисовал на ней видение на Красной площади при закате солнца. Изобразил брусчатые стены Кремля, Спасскую башню, купол на здании Верховного Совета, развевающийся красный стяг с надписью «ЛЕНИН» и самого Ленина. И написал: «Это я видел за горизонтом».

Разумеется, это были мои первые чувства, первое желание — запечатлеть, чтобы увиденное никогда не сгладилось в моей памяти. Потом начался следующий этап — этап осмысления увиденного. Что хотел сказать мне дух природы, что хотел сказать сам Ленин?! И это была не мистика, это было то, что я увидел в многоплановой, многослойной, многомерной реальности. Я увидел большую панораму, увидел воочию Ленина, увидел все это в цвете. Увидел так, как увидел! И пусть явится миллион людей и одним мощным хором скажет: «Нет, этого ты не видел!», я отвечу: «Видел! Видел! Видел!»

Но я думаю, тот, кто с добрым сердцем и ясным умом, прочитав эти строки, поймет, что это истина.

А я все размышлял. Ленин был встревожен, и неспроста. Это теперь, по про-

шествии девяти лет после видения, я понимаю, в каком положении мы находились. Это теперь многое стало очевидным. Это теперь я полностью осознаю, о чем была тревога духа Ленина.

Ровно через год ушел из жизни Брежнев. И когда его хоронили, будто в расплату за содеянное им, могильщики, опуская гроб, так грохнули его оземь, что грохот прокатился по многим странам, ибо большинство телевизионных станций мира транслировали похороны на Красной площади в Москве. А еще через три года в стране начался новый этап — перестройка Горбачева.

А что же — видение? Этот видеоканал ввел меня в новую структуру бытия. Но что это за состояние? Как бы сделать следующий шаг в освоении потустороннего многомерного мира, который для меня, во всяком случае, уже существует реально? Наверное, эти же состояния испытывали и другие люди на планете, просто об этом нет широкой информации.

Смысл моего повествования сводится к поиску структуры мироздания, того непознанного, что являет нам сама Природа. И кто знает, может быть, те непознанные существа, что все чаще и чаще являются к нам на Землю, помогут нам в этом.

ЭТЮД ДЕВЯТЫЙ. БАНК ПАМЯТИ ВСЕЛЕННОЙ

Человечество уже сегодня подходит к пониманию того, что теми традиционными формами поиска, которые выработаны за многие тысячелетия, не перешагнуть той грани, за которой лежит непознанное, ибо, пока человек будет чувствовать себя только в самом себе, в ограниченной структуре, ему новых измерений не ощутить, не войти ему в новую структуру мироздания. Ибо все там лежит в ином измерении и развивается по тем законам, о которых мы пока не имеем представления. Но в то же время человечество сейчас ближе, чем когда-либо, к заветному моменту, когда может приоткрыться потаенная дверь в потустороннее, являющееся в то же время реальностью.

Двести лет тому назад в своих философских письмах Вольтер написал: «Глядя на слепоту и убожество человека, ибо поразительны контрасты, обнаруживаемые его природой; наблюдая немоту Вселенной и непросвещенность человека, отщепленного от самого себя и как бы затерявшегося в этом закоулке Вселенной, лишленного знания о том, кто его туда поместил, что он там должен делать и чем он станет там после смерти, я бываю охвачен ужасом, как человек, которого бы во время сна перенесли на страшный необитаемый остров и который проснулся бы, не ведая, где он находится, и не имея ни малейшего средства оттуда уйти; поэтому-то я и бываю поражен мыслью, каким образом люди не впадают в отчаяние, находясь в том жалостном состоянии?»

Да, Вольтер чувствовал, что человечеству надо знать гораздо больше о себе, об окружающем мире, чем оно знает, — для того, чтобы перейти грань немоты и отчаяния. Ну что ж, все передовые мыслители человечества испытывали потребность перешагнуть за обыденность миропонимания. Вольтер сетовал на скудость знаний, но нужно учесть: он прекрасно понимал, что человечество уже выходило на фундаментальные открытия в области космологии.

Почти за столетие до него Коперник обратился к познанию Вселенной. Значительный вклад в теорию познания мироздания внес современник Вольтера Ньютон. Гениальной была теория относительности Эйнштейна, но она не могла стать конечной на том главном пути, по которому идет человечество в своем познании мировых законов. И вот мы стоим на пороге нового открытия, которое нам предвещает «теория струн» Уиттена. Несколько лет назад он стал серьезно заниматься теорией струн, условно подразумевая под этим скручивание в один условный невидимый многожильный кабель тех измерений мироздания, которые мы только пытаемся разгадать.

Невидимая нить из потустороннего непознанного мира, скручиваясь в петлю, резонирует и порождает взаимодействие между физическими полями, а значит, как считает Уиттен, располагает потенциалом дать мирозданию единую всеобъемлющую систему объяснений — от строения атома до структуры космоса. «Теория струн, — говорит Уиттен, — это чудо!» Хочется верить, что молодой ученый выбрал верный путь к разгадке законов вселенной. Не зря же коллеги по работе его называют марсианином. Я не ученый. Мой путь обозначен лишь событиями, с которыми я активно связан последние двадцать лет. Думаю, что пути наши на каком-то отрезке сольются, потому что найдут тот самый канал, посредством которого человечество проникнет в тайны вселенной.

Я подошел к мысли «о скручивании» спонтанно, на основе тех ощущений,

видится мне на фоне уходящего космоса, марева грез — грез земных, бесконечно реалистичных, и грез космических».

Я воспринял Банк памяти Вселенной, будто бы являясь частицей его. Осмысление Банка памяти Вселенной было для меня великим счастьем, такого эмоционального подъема я не испытывал прежде. И мне хочется, чтобы это состояние испытали и другие, тогда они меня поймут. Потому что те чувства, которые мы испытываем в обыденной жизни, не могут дать такой силы и полноты ощущения, радости духа.

В течение длительного времени все вокруг меня радовало, жизнь казалась прекрасной, мои силы удесятились, я был готов сделать многое. Но первое, что я сделал, — разумеется, запечатлел виденную мною картину на холсте. Писал я ее при заходе солнца, но не в тот день, когда мне явилось видение.

Банк памяти Вселенной, который изображен на холсте, одновременно плывет в нескольких направлениях. Таких направлений я насчитал девять. Сама подача его, как я думаю, далека от настоящей живописи, но стоит всмотреться, и ты начинаешь чувствовать, что рисунок действует на тебя, как живое магическое существо: вот он надвигается на тебя, затем передвигается вправо, потом вдруг уходит вверх и летит над тобой, потом проносится сквозь тебя, через твою грудь, через твоё тело, через твою Душу. (Ибо Душа человека, как я уже сказал, это тот энергетический фон, который окружает человека, это та энергия, из которой состоит человек, и именно она постоянно держит связь с Банком памяти Вселенной и с высшей Субстанцией.) Потом ты постепенно оказываешься внутри этого объекта, а когда попадаешь туда, то мысленно подключаешься к той гамме потустороннего мышления, которое входит в тебя, и ты являешься его частицей. Во всяком случае, не только я ощущал такие чувства, когда смотрел на изображенный объект. Некоторые из видевших картину были поражены, как это удалось мне выразить движение, переходящее из одной плоскости в другую, тем самым указывающее на то, что он — запредельный объект, одновременно находящийся в разных измерениях.

Когда в марте тысяча девяносто семьдесят седьмого года, после участия в Международном московском форуме «За безъядерный мир, за выживание человечества», в Ташкент прибыл и посетил мою выставку западногерманский писатель Гюнтер Вальраф, то в книге отзывов он записал: «Ваша живопись — это фантазия, это игра, это магический реализм». Но я-то думаю так: Банк памяти Вселенной имеет самостоятельную магическую силу, а я только посредством красок запечатлел ее.

Что касается самого Банка памяти Вселенной, точнее — того канала, который несет в себе всевременную информацию, то в последующем он дал мне много такой информации, которая поражала, удивляла свими объемами и силой воздействия на сознание и на восприятие окружающего мира. Мое пребывание в Индии в этом смысле показательно. Это древнейшая страна, к нашему удивлению и к нашему счастью, и по сегодняшний день сохранившая свое неповторимое лицо. Ведь сколько бы ни старались Европа и Азия, Индия осталась нетронутым духовным экологическим островком, где все напоминает древний мир, древнюю жизнь, где стойко держатся обряды и обычаи. Они, пожалуй, и служат защитным слоем от духовного обнищания. Множество религий, множество толков индуизма, множество богов, которым поклоняются индусы, — все это делает их духовно устойчивыми против той эрозии, которую несет человечеству двадцатый век, разрушая культуру, размывая язык, психику, душевно калеча людей. Это страна, которая в состоянии войти в двадцать первый век окрепшей и сохранившей духовные силы. Мне кажется, за страной, вдохнувшей дух древности, которым наполнены все храмы, большое будущее. Я был поражен величием исторических памятников, отношением к ним народа: любовное, фанатичное, щедрое. Как к самому сокровенному, относятся в Индии к храмам. Это я заметил и в индуистских, и в сикхских храмах; это я заметил и в мечетях, и в христианских церквях. Везде, в равной степени, какой бы ни была религия, отношение к дому Бога здесь на самом высшем духовном уровне. Здесь я увидел, что человек богат, многопланов в своем отношении к создаемому.

Сильное впечатление произвело задушевное пение сикхских текстов, которое позволяет человеку лучшим образом общаться с духами, с космосом. Я посетил и главную мусульманскую мечеть в Дели, и христианскую церковь. Все они сыны человеческие, но только отмеченные высокой печатью Всемирного Духа, Всемирной Субстанции. Они стали пророками и учили человечество следовать высшему смыслу жизни — добродетели. Им было доступно космическое бытие. Они учили нас тому, чтобы мы, осмыслив земное бытие, ценили небо и видели в нем прекрасное. Они призывали людей верить в Бога, под верой в Бога понимая высшую веру в силу природы. Они предсказывали, что когда-нибудь человечеству откроется тайна природы, тем самым воздастся ему за веру.

Наш путь лежал на Кашмир. Эта божественная природа, эти горы, возникшие внезапно, без всякой подготовки, и сразу же, как исполины, устремившиеся ввысь!

Недаром Гималаи на Земле считают святыми горами. Древние мифы говорят о том, что здесь и поныне живут духи, которые свободно общаются и с землей, и с космосом.

Есть в Гималаях высочайшая точка земли — Эверест-Джомолунгма, но мне довелось подняться на вторую по высоте вершину — Нанга-Парбат. Но в данном случае меня восхитила не высота, а высокий дух, который там в меня вселился. Космическая энергия мощным потоком устремилась во все мое тело через голову. Я не только почувствовал, я увидел столб, который устремился из космоса и наполнил весь мой организм, я чувствовал мощное движение волн во всем моем теле. И я понял, что действительно Гималаи и Памир — это высшие точки, где человек может получить космическую силу. В Индии я чувствовал себя как в родной стихии, меня посетило здесь духовное равновесие. Видно, я попал в ту волну, на которой работал мой организм. Я попал в точку, где расстояние между космосом и землей было самым коротким, где находился главный космический столб. Попав на Гималаи, я сразу почувствовал эту волну, в меня большим потоком хлынула информация, которая вызывала во мне возвышенные чувства и заставляла мыслить вечными категориями. Я понял, что я подключился к большому мощному каналу.

В ночь с шестого на седьмое мая я увидел восхитительный сон, а вернее — это был не сон, а открытое вхождение в канал космического видения, в открытый космический информационный фон.

Я внезапно оказался на какой-то большой трибуне. Помню, был в форме генерал-полковника и принимал парад войск. А войска шли бодро, слаженно. Шли все рода войск и техника. Но площадь была не конкретная. Нельзя сказать, что это была Красная площадь в Москве, или площадь перед Президентским дворцом в Дели, или площадь перед Белым домом в Вашингтоне. Нет, это была своеобразная Площадь парадов мира, и я принимал Парад Мира, парад Войск Мира, которые уходили с площади и больше никогда не должны были вернуться.

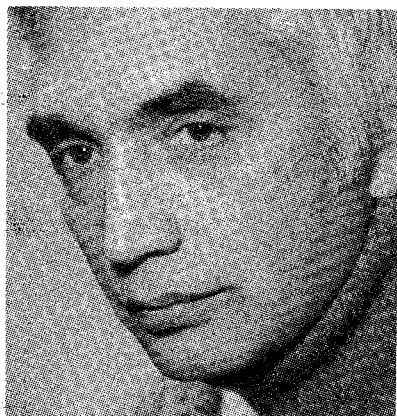
Я понял, что это — парад-знамение. Я был неслыханно рад. Даже находясь с состоянием грез, я понял, что не рядовое, а исключительное видение этот Парад Мира и уход войск. И вдруг я получил продолжение этого видения, которое на меня произвело еще более сильное впечатление. Я ушел с трибуны и, придя в гостиницу к себе в номер, оказался сидящим в мягком кресле. По телевидению транслировался тот самый Парад Мира. И я увидел себя с экрана телевизора, увидел всю панораму парада, увидел народное ликование, увидел свое счастливое лицо. До самого утра я не мог заснуть. Не мог прийти в себя от того, что во мне еще было. Возвратясь из космического видеоканала, я ощутил себя в реальности. И тем не менее, во мне все еще жила космическая проекция. Я посмотрел на время — было пять часов утра. Видимо, повлиял мощный поток энергии, который составляет особенность Гималаев, и обусловил то, что космический видеоканал мне здесь открылся между двенадцатью часами ночи и пятью часами утра.

Когда я стал осмысливать увиденное, то подумал: «Боже мой, но при чем тут я в форме генерал-полковника? При чем войска? При чем парад?» И вдруг во мне возникла та часть видения, когда я себя увидел вновь по телевидению, и тут я понял смысл видения. Представьте себе: тысяча девятьсот восемьдесят второй год. Напряжение в мире достигло высшего накала. Боевой конфликт между Ираном и Ираком. Советские войска в Афганистане. Волна милитаризма нарастала. Мир начинен ядерным и химическим оружием. Мир взрывоопасен. И вот этот парад-знамение. Войска с площади уходили в небытие. И мне стало радостно. И я тут же записал в своем дневнике: «Я увидел нечто, сделавшее меня счастливым: я принимал Парад Мира и заверил человечество, что сохраню мир на вечные времена. Пусть это видение, но оно настолько символично, что делает меня счастливым человеком, а минуту эту вечной». Вот мы и стали свидетелями ухода советских войск из Афганистана. Это ли не есть частица того парада войск, ушедших в небытие. Войска Вьетнама уходят из Кампучии, Кубы — из Анголы. И надеюсь, уходят навечно. Я уверен в этом, потому что эту информацию выдал Банк памяти Вселенной, а значит — она всеильна.

Так что поездка в Индию была своеобразным паломничеством в страну, где царствуют духи. Она явилась для меня необходимым шагом, сделанным навстречу мирозданию. Я увозил из Индии, кроме видения Парада Мира, еще и Наблюдающую. Именно там, в одном из индуистских храмов, я встретил свою наблюдающую, и с тех пор она стала моей постоянной спутницей, моими глазами, моим сознанием. Она — как символ высшей духовности. Она живет самостоятельной жизнью и лишь наблюдает наше бытие. А я мечтаю о времени, когда человек откроет пути в новое мироздание.

Окончание следует.

29.11.

Эмиль АМИТ

Моему деду

Крымские татары в местах ссылки умирали ежедневно во множестве. Нередко их не успевали хоронить.

Когда умирал мой дед, рядом с ним находился я один, шестилетний ребенок. Язык ему не повиновался. Но передо мной до сих пор его глаза. Оказывается, взглядом можно сказать гораздо больше, чем словами. И диалог этот будет длиться, пока существует память.

Деда хоронили незнакомые люди. Я не запомнил его могилы. Не смог по обычаю поставить у его изголовья камень с эпитафией или изречением из Корана. Пусть же это единственное написанное мной стихотворение станет памятником ему, моему деду Исмаилу.

Ты здесь, внучок? Поближе подойди.
Подняться не могу. Все злее боль в груди.
В паучьем скособоченном углу,
Уставясь в никуда, часами ты сидишь,
Мой повзрослевший от невзгод малыш.
Сидишь, не отгоняя даже мух,
Жужжаньем бередящих душу, слух.
Сидишь среди глинобитных стен,
Забравших в плен
Твой тонкий голосок.
А ведь совсем недавно
Перебирал ты камушки рябые,
И серые, и голубые,
Что я тебе с побережья приносил,
Когда из сада шел, где с самого восхода
Деревья подрезал, траву косил.
Как были счастливы мы оба!
Был день высок, и небосвод сиял...
Лужайку помню с ледяным ручьем,
Где ты с ягнятами скакал
Под солнцем и дождем,
Где рвал цветы, что пахли пряно...
Увы, твое осиротело детство рано.
Нет ни лужайки, ни игрушек, ни ягнят.
Лишь мухи, мухи неумные гудят.

А там, где ты гулял,
В прекрасном розовом краю
Другие малыши стрекозами летают,
И плещутся в ручье, и радостно ныряют,
А перед сном свой смех кладут у изголовья.
Дай бог им тоже счастья и здоровья...
Прости, малыш, мне стон невольный.
Невыносимо больно!
Ты встал? Поближе подойди.
Присядь на край козиной шкуры.
Клянусь, в ней блох и вшей не больше,
Чем у тебя в углу.
Сегодня ночью
Увидишь ты, мой мальчик, смерть воочью.
Мне в изголовье телогрейку подложи,
Сдави ладошками виски,
Держи мне голову, держи.
Ну, а теперь гляди, гляди в мои зрачки.
Ты видишь в них долину нашу, горы?
Аул, разбросанный среди садов,
И россыпь золотистую плодов,
И волны цвета изумруда?
Скажи, ты видишь это чудо?
Ты вздрогнул, вытер мой вспотевший лоб,
Я чувствую души твоей озноб.
А я ведь зубы сжал, чтоб стон
Не вылетел на волю.
Но, видно, сил уж нет.
Полуденного солнца черный свет
Слепит меня сквозь мутное стекло.
Как странно: солнце есть,
Но где его тепло?
В ушах моих расплавленный свинец.
Смерть у порога, близится конец...
Уже не слышу я ни плача твоего,
Ни мух надсадного жужжанья...
Теперь попробую унять
Предательскую дрожь
И сердца маятник немного успокоить.
А ты читай, читай мои глаза.
В них только правда. Лишь она одна...
Ах, жить так хочется — ведь я еще не стар.
Но мой колодец вычерпан до дна.
И не моя, внучок, вина,
Что все так вышло страшно.
Три месяца мы здесь.
Но эти девяносто дней
Состарили меня сильнее,
Чем девяносто лет.
Я выдохся, стал немощен и сед.
За что мы тут? Не спрашивай. Не знаю.
Считай, что это рок.
Кто мы теперь? Никто, живущие в Нигде.
Волной беды прибило нас к беде.
Я мог бы долго жить в родном краю,
Следя, как ты становишься джигитом
С открытым сердцем и лицом открытым...
Внучок, куда ты? погоди.
Решил позвать соседей? Не зови...
Ты вспомни их брезгливое презренье,
С каким нас встретили, и свысока, как в рай,
Вселяли в этот занавоженный сарай,
Как скот, которому как милость дали
Хлеб из тоски и воду из печали.
Но на соседей не таи обиды:
За день до нас здесь побывал
Большой начальник местный,

Он им сказал,
Что я, старик, и ты, ребенок, —
Предатели с пеленок,
И потому якшались мы с врагом,
И предавали их отцов и сыновей
Из-за врожденной подлости своей.
Но мы с тобою знаем: это ложь.
И ею многих опоили, как дурманом.
Но ты, я в это верю, доживешь
До дней таких, когда обманом
Ужасным назовут весь этот бред.
И тот, кто нас не знал, и наш сосед
Прозреют и поймут:
Преступники не мы,
А те, кто с умыслом народу лгали...
Пока же будешь есть свой горький хлеб печали
И запивать его водой-тоской,
Мой мальчик дорогой...
Ты тормозишь в отчаянье немом
Меня полуживого,
И замираешь, и целуешь снова.
Увы, мне не помочь,
Истлела жизни нить,
Я скоро кану в ночь,
Где мне навеки быть.
Немеют руки, ноги.
Готово все к неведомой дороге.
Прости меня, внучок,
Я, грешный, лгал тебе, что живы
Родители твои и скоро их увидишь,
И потому не надо горевать.
Но разве мог я несмышленишу сказать,
Что их уж нет давно — погибли оба
На той войне. Еще там длится брань...
Прими достойно весть. И взрослым стань.
И в жизнь войди джигитом
С открытым сердцем и лицом открытым...
Знай: трудным будет путь.
Шагая по нему, не забудь
Как нарекли тебя, шаин¹.
О господи, хотя б мой младший сын
Вернулся с фронта!
Он будет звать тебя на тысячах дорог.
Но если имя ты свое забудешь,
То не откликнешься и пропадешь,
И станешь самого себя стыдиться,
В конце концов поверишь в ложь,
Которую про нас с тобою сочинили.
И тяжело станет мне лежать в могиле...
Дыхание слабеет...
Сожми ладонь мою покрепче...
Как сладок воздух... как желанен свет...
Внучок, последний мой завет:
Не позволяй жужжащим этим тварям
Гулять по влажному стеклу
Моих застывших глаз
И по губам остывшим.
Ну вот и все.
Последний вздох угас.
Как горько умирать в краю немилым,
Где даже у небес другая синь!..
Прощай...
Аминь.

¹ Шаин — сокол.

А. Голованов

«ЭХ ТЫ, МАССА, МАССА...»

К ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА В СТРАНЕ

«Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе сверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся и не служи им...»

Ветхий завет. Вторая книга Моисеева. Исход, гл. 20, §4,5.

«Неужели ты идолов превращаешь в богов? Я вижу, что ты и твой народ — в явном заблуждении».

Коран, сура 6, аят 74.

ИСТОКИ

— Эх ты, масса, масса. Трудно организовать из тебя скелет коммунизма! И что тебе надо? Стерве такой? Ты весь авангард, гадина, замучила!

А. Платонов. Котлован.

Наша страна переживает вторую после Октября революцию. Мы бьемся в поисках очистительного выхода из кризиса, порожденного прошлым, пытаемся разгрести завалы, намытые временем культа и застоя.

Однако заметных подвижек в сфере экономики не произошло. Не удалось за прошедшие годы преодолеть ведомственный монополизм. Сохраняется директивное планирование. Можно назвать и множество иных причин. Но мне хотелось бы обратить внимание на проблему, которую В. И. Ленин характеризовал как важнейшую и труднейшую проблему социализма, а М. С. Горбачев на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС обозначил как главный вопрос теории и практики социализма. Речь идет о создании стимулов труда и прогресса, более сильных, чем в предшествующих формациях, о вызревании в недрах социалистического общества условий, способствующих крутому взлету производительности труда.

Увы! Эта проблема сегодня так же далека от практического решения, как и 70 лет назад. Особенно наглядно ее острота проявляется в сельском хозяйстве, где производственная пассивность и недостатки личного стимула к труду стали притчей во языцех. Поэтому, пытаюсь вскрыть причины низкого уровня производительности сельскохозяйственного труда, неспособность сельского хозяйства в его нынешнем состоянии решить продовольственную проблему, необходимо прежде всего выяснить: создает ли социализм как общественный строй необходимые условия для проявления высокоэффективного труда? Дееспособны ли сами социалистические общественно-экономические отношения?

Еще совсем недавно с наивностью прилежного школяра мы считали, что Октябрь-

ская революция автоматически обеспечила бурное развитие инициативы и творчества миллионов.

Октябрь стал подлинным генератором революционного энтузиазма масс. Его отдаленные всполохи красными зарницами вспыхивают и до сих пор. Однако в целом порожденные революцией импульсы постепенно ослабевали. И сегодня, обогащенные опытом прошлого, мы хорошо понимаем, что это не случайно. Сама концепция социализма, взятая на вооружение в первые послереволюционные годы, не позволяла использовать всю палитру мотивационных средств роста производительности труда. В ней не было места такому кардинальному завоеванию человеческой цивилизации, как использование материальных стимулов труда. Стимулирование включало в основном энтузиазм, мотивы внеэкономического принуждения и волевого давления. Причем, со временем приоритет все более отдавался последним, пока, наконец, они не приобрели форму сталинского-бериевского насилия.

Сложность и противоречивость послеоктябрьского развития вызывает самые противоположные оценки: от экзальтированного восхваления до попыток представить Октябрьскую революцию и всю последующую историю страны как ошибку, трагическую случайность, нарушившую естественный ход событий.

Думается, что в действительности дело обстоит гораздо сложнее. Конечно, революция не была ошибкой или случайностью. Говоря словами М. С. Горбачева, ее можно охарактеризовать как великий всемирно-исторический прорыв в будущее, заявку «на решение общественных проблем в интересах народа, на создание социальных условий для высшего материального и духовного прогресса, на включение в процесс сознательного творчества всей массы трудящихся».

В то же время мы отчетливо осознаем, что многие негативные явления настоящего утопают своими корнями в октябрьских днях.

Революция в определенной мере осуществлялась под эгидой левокоммунистических ориентаций, в ней участвовали значительные массы людей, которые примитивно восприняли идею равенства, были нацелены на приоритет насильственных методов, на отказ от многих ценностей, характерных для социал-демократического движения, жизненность и общечеловеческая значимость которых в дальнейшем в полной мере подтвердились.

Уже с самого момента зарождения международного пролетарско-освободительного движения в нем определились два основных крыла, два течения: революционно-реалистическое и революционно-левацкое, или казарменно-коммунистическое. В Европе середины XIX века оно наиболее полно отразилось во взглядах К. Маркса и М. Бакунина.

Активно проявилось противостояние двух тенденций и в российском революционном движении. Здесь признанными представителями «казарменно-коммунистической», авторитарной линии являлись Заичневский, Нечаев, Ткачев. Демократическая же, прославляющая историческую самодеятельность народа, нашла выражение во взглядах Радищева, Герцена, Лаврова, Добролюбова, Чернышевского.

Разделение революционного движения на два идейных течения отражало два типа жизненной ориентации, мировоззрения двух основных слоев революционной массы — развитого, культурного слоя, способного ускорить исторический процесс, и слоя людей «маргинализированных», отброшенных обществом на самое дно, людей забытых, неразвитых, ненависть которых к данному общественному устройству получает преимущественно тотально-разрушительный характер.

Этот отряд угнетенных составляет, как правило, наиболее решительную часть революционной армии. Его представители фанатично сражаются с угнетателями. Возвысившись на волне освободительной борьбы, они стремятся утвердить свои нравственные установки, порожденные бесчеловечным бытием в старом обществе, в качестве всеобщего закона нового общества. Причем, пытаются это сделать с помощью привычных им насильственных средств.

Наиболее благоприятные возможности проявления «левизны» в революционном движении были в странах, недостаточно экономически и культурно развитых, с установившимися авторитарными, режимами. К числу таких стран принадлежала и Российская империя, в том числе Туркестан, входящий в ее состав. Не случайно поэтому, что российское рабочее движение, как в центре, так и на национальных окраинах, впитало в себя принципы «казарменно-коммунистического» течения. Нашло оно благодатную почву и среди большевиков. Детской болезнью «левизны в коммунизме» на тех или иных этапах революционной деятельности были заражены Зиновьев и Троцкий, Каменев и Бухарин, Пятаков и Преображенский. Четко проглядывались красные лики левизны в воззрениях большевиков Туркестанского края. К примеру, припадали на «левую ногу» Тоболин, Колесов, Казаков.

Для «левых» главным в социалистическом строительстве виделось в беспощадном слове старого. «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...»

Безусловно, В. И. Ленин был на голову выше любого признанного вождя того

периода. Он обладал энциклопедическими знаниями, неординарным умом. И все же мощное идейно-психологическое давление значительной части революционных масс, уповающих на насилие, стремящихся в своем революционном нетерпении спрямить путь к коммунизму, сказалось и на его воззрениях. Дань левизне во взглядах Ленина мы находим в преувеличении роли волевого начала, в абсолютизации классового подхода, в игнорировании такого фактора исторического прогресса, как эволюционность и стихийность. Он был против любого проявления стихийности. «Стихийности Ленин противопоставлял, — как верно подметил известный русский философ Н. Бердяев, — сознательность революционного меньшинства, которое призвано господствовать над общественным процессом»¹.

Игнорирование стихийности и эволюционности приводило к усилению субъективизма, не позволяло реализовать здоровое соперничество разнообразных форм общественного движения и их регуляцию путем естественного отбора. В результате социализм постоянно подталкивался, стал выращиваться искусственно, в колбе.

Отказ от стихийности определил и методы партийно-государственной работы. Подавляющее число так называемых «аппаратчиков» на всем протяжении советской истории уповало на организационные начала, горячо верило во всемогущество организаторской работы.

Проявление левизны заметно и в ряде других ленинских воззрений. Так, налет революционного романтизма был присущ ленинскому прогнозу о том, что, разрушив государство эксплуататоров после взятия рабочим классом политической власти в свои руки, мы сразу же сможем перейти к полугосударству, что диктатура пролетариата — «уже не государство в собственном смысле»².

Стремление Ленина и его ближайшего окружения как можно быстрее осуществить коммунистические идеалы нашло конкретное выражение в политике «военного коммунизма». Именно на этом этапе революции стала складываться военно-коммунистическая, командная по сути организация управления и руководства, нашедшая в последующем крайние формы в идеологии и практике сталинизма. Именно тогда заложен фундамент механизма торможения социального творчества масс. «Военный коммунизм» стал своеобразным Чернобылем Октября. Его смертоносные потоки идеологической радиации пронизывают советский строй и поныне.

Феномен зарождения политики «военного коммунизма» еще требует глубокого осмысления. Однако уже сегодня можно сказать, что господствующие до последнего времени догмы «Краткого курса истории ВКП(б)» о необходимости ее введения лишь чрезвычайными обстоятельствами гражданской войны несостоятельны.

Первые существовавшие акции политики «военного коммунизма», такие, как бесплатное распределение благ, элементы продрозверстки, появились еще до начала гражданской войны и вооруженной интервенции. Они свидетельствовали о попытке руководства большевистской партии осуществить в условиях Советской России бестоварную модель социализма.

Обратимся к положениям второй Программы РКП(б), принятой в 1919 году, в которой констатировалось, что «в области распределения задача Советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов. Целью является организация всего населения в единую сеть потребительных коммун, способных с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией и с наименьшими затратами труда распределить все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат».

Относительно места и роли денег в новом обществе задача сводилась к тому, чтобы стремиться «к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготавливающих уничтожение денег; обязательное держание денег в народном банке; введение бюджетных книжек, замена денег чеками, краткосрочными билетами на право получения продуктов и т. п.»

Оценивая с позиций исторического опыта концепцию строительства бестоварного социализма, можно признать, что в ней были свои привлекательные стороны. Она нацеливала трудящихся и партию не на пассивное ожидание, а на активную борьбу за новое. Многие в ней опирались на заботу о человеке труда, благородное стремление утвердить принципы социальной справедливости. Эти положения сохранили актуальность и по сей день, они вошли в сокровищницу обществоведческих знаний. Вместе с тем схема безрыночного социализма таила в себе серьезные негативные последствия: существенно повышалась роль субъективного фактора, волевых начал. Ведь утвердить механизм безденежных отношений без достаточных для этого объективных

¹ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. («Юность», 1989, № 11, с. 85.)

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 33, с. 90.

условий можно было лишь силой приказа, откровенным давлением, тотальным насилием.

Ориентация на безрыночную модель социализма определялась многими причинами. Во-первых, отсутствовал опыт непосредственного социалистического строительства. К тому же, инвариантность рассматривалась как оппортунистическое отступление от классического марксизма. Довлел авторитет основоположников научного коммунизма. И в этом отношении трудно обвинить В. И. Ленина и его сподвижников. Владимир Ильич постоянно подчеркивал, что коммунизм — это не вера, а наука, не догма, а руководство к действию. Ленин внес большой вклад в теорию марксизма, обогатил все его стороны. Но необходимость решения непосредственных задач подготовки и проведения социалистической революции не позволила в предреволюционные годы фундаментально переосмыслить теорию. Ему казалось, что она соответствует духу и потребностям России. Хотя уже тогда можно было прийти к выводу, что чертежи модели социалистического общества, предложенные К. Марксом и Ф. Энгельсом, нуждаются в серьезной корректировке.

Сегодня мы уже с уверенностью можем сказать, что внутренних условий для победоносного утверждения нового строя ни в России, ни тем более в бывших колониальных окраинах не существовало. Ленин в тот период надеялся на мировую революцию. Он подготовил план использования общеевропейской революционной ситуации. И в этом отношении Ленин пошел вслед за Марксом. Возможно, здесь в чем-то и проявился догматизм, но, думается, вопрос об альтернативных путях развития в тот период просто не ставился, так как теоретические построения еще не прошли проверку временем.

Курс на строительство бестоварного социалистического общества неминуемо вел к утверждению административно-государственного, монополистического социализма, отличающегося мощным бюрократическим аппаратом, принудительной системой распределения, жесткой регламентацией всех сторон жизни общества — в ущерб развитию демократических, гуманистических принципов. Среди партийных лидеров и рядовых масс утвердились в тот период иллюзии, что политика «военного коммунизма» позволит спрямить путь от социализма к «сияющим вершинам» коммунизма. Придерживался этих воззрений и В. И. Ленин. В речи на I съезде РКСМ он обещал, что через 10—20 лет собравшиеся в зале будут уже жить в коммунистическом обществе¹.

Каким в тот период было отношение к крестьянству? Партия большевиков неизменно подчеркивала, что является партией рабочего класса, выражает в первую очередь его интересы. Союз с крестьянством возможен, но только с беднейшими слоями. В целом же крестьянство представляет косную силу. Будучи мелкобуржуазным по своей природе, оно постоянно продуцирует капитализм. Поэтому крестьянин, как собственник, владелец средств производства, несовместим с социализмом.

Понимание большевиками разницы между революционной природой рабочего и крестьянина показал Бухарин. В одной из своих наиболее известных работ «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» он разъяснял: рабочий продает свои руки хозяину и начинает работать на него без малейшей надежды на какое-либо улучшение своего положения, ибо чем больше работает он, тем больше отбирает у него капиталист-хозяин. «Но каждый крестьянин, имеющий свое хозяйство, свою собственность, ищет, главным образом, выходы в том, чтобы, увеличивши свое хозяйство и свою собственность, попасть в следующий, высший разряд крестьянского населения и таким образом подниматься со ступеньки на ступеньку... Крестьянин поэтому имеет известное уважение и известное доверие к более крупным собственникам... Он не научается поэтому ненавидеть богатый класс той ненавистью, которой отличается рабочий класс, стоящий лицом к лицу с капиталом...» С Бухариным солидаризировался Сталин, полагающий, что крестьянство, пока оно остается индивидуальным, ведущим мелкотоварное производство, «выделяет и не может не выделять из своей среды капиталистов постоянно и непрерывно»².

О двойственной природе крестьянства неоднократно писали также Троцкий, Зиновьев, Ленин. Они прямо указывали, что необходима решительная переделка сознания крестьян, огромная работа по искоренению его частнособственнических инстинктов. А это возможно лишь при изъятии собственности, в первую очередь — земли и ведущих средств производства.

Правда, логика революционной борьбы подсказала нецелесообразность выдвижения этого лозунга до захвата политической власти. Поэтому в предреволюционные годы аграрная политика РСДРП во многом смыкалась с политикой партии социалистов-революционеров, особенно ее левого крыла, которая, как известно, представляла

¹ Ленин В. И. — Задачи союзов молодежи. — Полное собрание сочинений, том 41, с. 318.

² Сталин И. В. Соч., т. 12, с. 40.

интересы сельского населения. Эсеровский проект нашел отражение и в знаменитом «Декрете о земле».

После же Октябрьской революции акценты в аграрной политике большевистской партии стали заметно смещаться. Был взят курс на интенсивное изменение психологии крестьян, ликвидацию их частнособственнических инстинктов. Это нашло реальное выражение в изъятии излишков продукции, проведении разверстки. Конечно, здесь сказались и иные факторы: неразвитость промышленной базы, нацеленность общества на строительство бестоварного производства.

Политика «военного коммунизма» оставила глубокие шрамы на истории деревни. В этот период были разрушены многие сложившиеся ранее хозяйственные связи между городом и селом, нарушен эквивалентный обмен между ними. Промышленность перестала давать продукцию для товарообмена с деревней, и на смену торговле хлебом пришла его конфискация. Лихие продотряды буквально выпотрашивали селян. Вспоминая эти дни, Ленин позже писал: «Военный коммунизм» состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги... Только сохранить остатки промышленности, чтобы не совсем разбежались рабочие, иметь армию — вот задача, которую мы ставили, и нельзя было решать ее никак иначе, как разверсткой без вознаграждения»¹.

Может быть, Ленин не знал, что конфисковали, как правило, все подчистую, причем не разбирали национальных границ? Продотряды буйствовали и в центре России, и на ее национальных окраинах, в том числе в Туркестанском крае. Только в 1920 году здесь было сформировано и направлено на хлебозаготовки 42 рабочих продотряда, в которых насчитывалось до четырех тысяч человек.

О методах их деятельности свидетельствует донесение, взятое из доклада особого отдела ЧК при военно-политической экспедиции РВС Туркестана: «...в поселках и кишлаках... производится просто изъятие всего имеющегося налицо хлеба, не оставляя даже и на неделю на пропитание... крестьяне... вынуждены... покупать хлеб, чтобы выполнить продразверстку... Продработники занимаются кутежами, творя поступки, недостойные представителя Советской власти. Часто приезжают в поселки, забирают хлеб и другие продукты, не выдавая расписок и не платя за забранное... Доставленный хлеб в счет разверстки ссыпается в непригодные для этого помещения, благодаря чему хлеб гниет. Видя это, крестьяне часто отказываются от выполнения разверстки»². Правда, местные власти какое-то время пытались оградить коренное население от крайностей продовольственной разверстки. Так, 9 марта 1920 года ТуркЦИК принял специальный декрет «О натуральной хлебной повинности». Согласно ему, на районы республики, где проживало преимущественно европейское население, распространялась хлебная монополия, а в районах с преобладающим «мусульманским населением» вводилась хлебная повинность. Натуральная хлебная повинность взималась по принципу круговой поруки в размере от одной десятой до двух пятых среднего урожая с наличной посевной площади хозяйства. Однако вскоре местное дехканство лишилось и этой скромной поблажки. С лета 1920 года натуральная повинность была заменена продразверсткой, которая распространялась на все сельское население. Во второй половине 1920 года она стала применяться также при заготовке продуктов животноводства, овощеводства и сухофруктов. В результате только с августа 1920 года по июль 1921 года в Туркестанской республике по разверстке было собрано: зерновых — 9708703 пуда, травяного фуража — 6358144, мяса — 1606201, овощей — 465889, сухофруктов — 584977 пудов.

В хлопководстве разверстка не устанавливалась, но и здесь действовала система чрезвычайных мер. В частности, декрет «О конфискации запасов хлопка в крае» от 26 февраля 1918 года, подписанный Председателем Совнаркома Турккрая Ф. И. Колесовым, предусматривал в случае неповиновения при изъятии хлопковых запасов безоговорочное применение репрессивных мер, вплоть до расстрела. При этом не учитывалось, что немалая доля запасов находилась в руках бедных слоев дехканства.

В хлопководстве эпохи «военного коммунизма», как точно подмечает М. Хасанов³, проступали и иные черты, связанные с насилием и принуждением. Здесь, согласно декрету «О восстановлении хлопковой культуры в Туркестанской и Азербайджанской социалистических советских республиках» от 2 ноября 1920 года, подписанному В. И. Лениным, принимались меры по милитаризации хлопковой промышленности, использованию принудительного труда.

Политика «военного коммунизма» вызвала глубокий кризис сельского хозяйства.

¹ Ленин В. И. О продовольственном налоге. Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 219—220.

² Папоров Ю. Белое солнце пустыни. «Юность», 1990, № 1, с. 81.

³ Хасанов М. НЭП—1. «Звезда Востока», 1989, № 11, с. 115—117.

Деревня нищала. Она не могла обеспечить даже «прожиточного минимума» подавляющих групп населения города и села. Все это, естественно, сказывалось на политической жизни общества, обуславливало рост социальной напряженности в стране. Широкие слои деревни все активнее выражали недовольство, втягивались в вооруженную борьбу. Причем, если на первых этапах это недовольство касалось только продрозверстки, то постепенно оно переросло в неприятие Советской власти и Коммунистической партии.

Отражением острого политического кризиса стали вооруженные выступления крестьян в Западной Сибири, восстание Антонова на Тамбовщине, Кронштадтский мятеж. В Туркестане недовольство продрозверсткой питало басмачество, вызывало национальную рознь.

Время требовало кардинальных изменений. Только крутой поворот в политике и в системе хозяйствования, в структуре производственных отношений мог обеспечить преодоление состояния комы, в которое впадало общество. Только разумное удовлетворение требований основной массы крестьян могло остановить вал кризисных процессов, подключить к делу строительства социализма основные людские ресурсы страны.

Осуществить этот поворот было чрезвычайно трудно. Отход от политики «военного коммунизма» требовал глубокой ломки психологии огромного числа людей, мощного интеллектуального взрыва. Предстояло выработать новую модель социалистического общества. И — что не менее существенно — открыто признать ошибки, покаянием приобристи очищение. И в этих сложнейших условиях со всей силой проявился гений Ленина. Он пишет в те дни: «Мы рассчитывали, — или, может быть, вернее будет сказать: «мы предполагали без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов — по-коммунистически в мелкокрестьянской стране. Жизнь показала на ошибку»¹.

И далее, уже с абсолютной беспощадностью, в том числе и к самому себе: «На экономическом фронте, с попыткой перехода к коммунизму, мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение, гораздо более серьезное, гораздо более существенное и опасное. Оно выразилось в том, что наша хозяйственная политика в своих верхах оказалась оторванной от низов и не создавала того подъема производительных сил, который в программе нашей партии признан основной и неотложной задачей.

Разверстка в деревне, этот непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе, мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы наткнулись весной 1921 года»².

Обладая качествами гибкого лидера, Ленин прямо поставил вопрос о необходимости творческого переосмысления широкого ряда доктринальных положений марксистской теории. Он понимал, что ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс не могли предвосхитить все элементы будущей социальной конструкции. Они и не ставили такой задачи: сила марксизма в средствах диалектического анализа.

В начале 20-х годов В. И. Ленин обосновывает кардинально новые подходы к решению задач строительства социализма. По его мысли, социалистическое общество должно представлять строй цивилизованных кооператоров. В нем действуют товарно-денежные отношения, складывается свой социалистический рынок. Ленин вносит принципиальные изменения в определение форм собственности при социализме. Все экономически целесообразные формы, считает он, имеют право на существование без искусственных ограничений, кроме одного — крайних форм эксплуатации.

Плюрализм собственности должен подкрепляться гласностью, демократией. Он особо подчеркивал важность этих сторон в жизни нового общества. Именно демократичность, открытость для контроля всего общества механизмов управления составляет первейшее условие его существования и развития. Ибо здесь не только надстройка, но и экономические отношения, структуры могут эффективно функционировать и совершенствоваться только на фундаменте широкого, подлинного и всеобъемлющего народоудовлетворения.

Ленинские мысли о единстве социализма и демократии звучат особенно актуально сегодня, ибо только сейчас мы начинаем понимать, что социализм сущностно немислим вне демократии. В нем слишком много возможностей для деформаций из-за неизмеримо большого значения субъективных факторов развития. Всякая монополиз-

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 44, с. 151.

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 44, с. 151.

ция чревата угрозой очередного одностороннего разворота общества, его застоя или даже попятного движения.

Принципиальное значение отвел В. И. Ленин установлению гармоничных отношений с крестьянством. В своих работах 1920—21 годов он неоднократно подчеркивает необходимость поиска отношений с деревней на иной, чем в военные годы, основе. Его заботит «экономический подход к крестьянству. Поиски экономической политики».

Уже в «Заметках об очередных задачах партии», написанных Лениным 10 октября 1920 года, среди главных вопросов, выдвигаемых на повестку дня, значилось: укрепление социалистического фундамента, развитие самостоятельности трудящихся города и деревни, формы и способы их сотрудничества, борьба с бюрократизмом и волокитой советских учреждений. В качестве особой задачи намечалось «укрепление связи Советской власти с крестьянством».

Поиск путей шел по различным направлениям. В конце ноября 1920 года центральные и местные органы Советского государства прорабатывали вопрос о возможности отмены местных денежных налогов и одновременно превращения продразверстки в натуральный налог. Его планировалось дополнить продуктообменом, считавшимся наиболее перспективной формой экономических отношений города и деревни.

Отработка новых форм взаимоотношений рабочего класса и крестьянства отразилась в обсуждении подготовленного Совнаркомом проекта декрета «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства», принять который надлежало VIII съезду Советов. В докладе, с которым от имени советского правительства выступил Ленин, предлагалось принять действенные меры по перестройке базисной основы отношений с крестьянством. Владимир Ильич считал важным в целях привлечения крестьян к социалистическому строительству незамедлительно оказать помощь крестьянскому единоличному хозяйству, сочетая имевшиеся уже формы принуждения и убеждения с материальным поощрением. «Надо опираться на единоличного крестьянина, — подчеркивал Ленин, — он таков и в ближайшее время иным не будет»¹.

Владимир Ильич решительно высказался против левацких попыток распространить меры принуждения на дело строительства сельскохозяйственных коммун и артелей. Находя малейшее насилие в этой области вредным, он считал, что вопрос о колхозах в этот момент не стоял как очередной

Глубокой критике подверг на съезде В. И. Ленин весьма распространенные в те годы среди партийных и советских работников взгляды, будто при диктатуре пролетариата единоличный крестьянин перестает быть собственником, а следовательно, хозяйственные стимулы ему не нужны.

Приверженность значительного числа партийных и государственных работников левацким взглядам, левокоммунистическим представлениям не позволяла им серьезно отнестись к идее экономического стимулирования. Ленин же настойчиво искал способы его широкого использования. Отчетливо сознавая, что единоличный крестьянин как мелкий товаропроизводитель нуждается в экономических стимулах для развития своего хозяйства, он предлагает на съезде, как начальную меру, ограничиться признанием необходимости премировать хотя бы отдельных старательных домохозяев.

Но даже такое предложение провести на съезде оказалось нелегко. При предварительном обсуждении на коммунистической фракции оно было отвергнуто, поскольку большинство опасалось, что премирование будет выгодно кулаку, укрепит его позиции в деревне.

В последующем, после съезда, Ленин усиливает поиск форм и методов экономического стимулирования крестьянских хозяйств. Он изучает письма крестьян, встречается с крестьянскими делегациями и отдельными ходоками и все больше убеждается в несостоятельности принципов уравниательства в распределении продуктов, в использовании административного нажима как средства хозяйственного строительства.

Поисковая работа, проведенная Владимиром Ильичем, его ближайшими соратниками, подготовила переход к новому экономическому курсу. Свое конкретное выражение он нашел в новой экономической политике, принятой на X съезде РКП(б). Основными ее звеньями стали замена продразверстки продналогом, легализация торговли, разрешение частной инициативы в промышленности, в обслуживании и кустарных промыслах, развертывание товарно-денежных отношений, демократии. Предприятия переводились на режим хозяйственного расчета и самокупаемости. Отменялась система трудовой повинности, трудовых мобилизаций и уравнительности, преимущественно натуральной (пайковой) оплаты труда. Рабочая сила привлекалась в народное хозяйство на основе найма со строго дифференцированной в зависимости от качества и количества труда денежной оплатой.

Применительно к деревне вслед за переходом к продналогу был осуществлен ряд других мер, стимулирующих развитие ее производительных сил: допущены при

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 42, с. 181.

условии контроля со стороны Советской власти аренда земли и использование наемного труда в крестьянском хозяйстве, обеспечена устойчивость трудового землепользования и свобода выбора его форм (общинной, участковой, коллективной) с предоставлением преимуществ коллективным социалистическим. Для крестьянства был организован кредитный банк; широкий простор открывался для развития сельскохозяйственной, потребительской, кредитной и промысловой кооперации.

Таким образом, в противоположность «военному коммунизму» с его равенством серости и нищеты, убожеством средств стимулирования пришла политика, нацеливающая на активное использование в интересах созидания социализма товарного производства, хозрасчета и материального стимулирования.

Нэп дал возможность ввести в действие такие мощные средства, как инициатива и предприимчивость тружеников города и деревни, чувство хозяина в своем доме, самостоятельность и полная ответственность за результаты собственного труда.

Новая экономическая политика открывала наиболее доступный и наиболее понятный для рабочих и крестьян путь к социализму.

В результате нового курса уже в 1925 году по многим показателям был восстановлен уровень производства, достигнутый перед первой мировой войной. Ускорились темпы социально-экономического развития страны.

Позитивные сдвиги произошли в жизни Советского Узбекистана. С переходом к нэпу узбекский дехкан вздохнул свободнее. Как и в центральных районах, замена продразверстки продналогом позволила ему продавать излишки продуктов, расширять посевы хлопчатника, зерновых культур. Только за 1924—1926 годы посевная площадь в целом по республике увеличилась на 29 процентов, в том числе посевы хлопка — более чем на 30 процентов. Выросло количество рабочего скота, резко поднялось производство каракуля, шерсти, сухофруктов, коконов. Все это благотворно сказалось на улучшении материального благосостояния жителей кишлака, повышении их жизненного уровня.

Упрочался авторитет Советской власти в глазах местного населения. Заметный прогресс намечался в развитии социалистических форм ведения сельского хозяйства. Уже в 1923 году в Туркестане насчитывалось 877 кооперативов различных видов, в которые входили около 300 тысяч человек. Среди них 259 потребительских кооперативов, объединяющих 156 тысяч человек, 346 сельскохозяйственных, куда входило 129 тысяч человек, 199 промысловых, насчитывающих 2,3 тысячи человек и т. д. К концу 20-х годов разными видами кооперации в республике было охвачено уже свыше 80 процентов хозяйств.

Наряду с кооперативами на добровольной основе создаются сельскохозяйственные артели, советские хозяйства. Так, в 1923 году были организованы первые в республике совхозы — «Байрам-Али», «Малек», «Пахталыкуль», «Искандер», «Кульбаста», «Чувалачи». К 1928 году в Узбекистане действовало 864 колхоза.

К сожалению, с уходом из жизни В. И. Ленина заглохли и многие его поисковые начинания. Постепенно они были искажены, изломаны. Дерзновенный поиск сменился шаманскими заклинаниями верности марксизму, свобода и творчество — иступленной верой в новоявленные кумиры.

КРОВАВАЯ МЕТЕЛЬ

А в наши дни и воздух пахнет смертью...

Б. Пастернак

Весна нэпа оказалась недолгой. Новая экономическая политика, введенная под угрозой развала экономики и поголовного крестьянского восстания, была ненавистна широкому кругу представителей партийного и государственного аппарата. Первому — потому что товарно-денежные отношения не подчинялись методу «простых решений» и, выступая регулятором экономической жизни, отнимали у партийного аппарата возможность командовать, порождая ощущение собственной ненужности. Вторые просто оказались не у дел, ибо введение новой экономической политики вызвало резкое сокращение управленческого аппарата.

Серьезный психологический дискомфорт вызвал нэп у широкой части коммунистов и комсомольцев, живших романтикой гражданской войны. Им, привыкшим в годы войны быть в гуще событий, решать все проблемы скоро и споро — могучим сабельным ударом, жилось неуютно среди «торгашей». Годы нэпа вызывали у них жгучую ностальгию по временам «военного коммунизма».

Проиграли от нэпа и работники бюрократического аппарата, лишившиеся с концом «военного коммунизма» распределительных функций. С ними солидаризирова-

лись люмпены, лица, не способные включиться в процесс производства ни при каких условиях.

Отход от нэпа ознаменовал резкое смещение акцентов в жизни общества. В стране, как верно подметил Е. Стариков,¹ стала утверждаться не просто одна из далеко не лучших моделей «неразвитого», административного социализма. Из двух альтернативных путей общественного развития — «европейского» и «азиатского» — был избран наименее прогрессивный — «азиатский». Говоря об этом, не хотелось бы даже ненадолго затронуть национальные чувства представителей восточных народов. Данная терминология введена К. Марксом для характеристики двух, исторически обусловленных, типов производства. Отличие «азиатской» модели от «европейской» заключается прежде всего в том, что последняя характеризуется наличием независимых от государства субъектов собственности, развитым гражданским обществом, классовой структурой, при которой государство — лишь элемент надстройки. «Азиатской» же модели присуща тотальное проникновение государства не только во все надстроечные процессы, но и превращение его в решающий элемент базиса, слияние отношений политики, власти с отношениями собственности. Государство превращается в верховного собственника всех средств производства.

Другой важной стороной «азиатской» модели выступает то, что здесь место нормального экономического обмена, распределения на основе товарно-денежных отношений занимает неэквивалентный обмен, основанный на волевом изъятии центральной властью прибавочного продукта с целью его последующего перераспределения. В свою очередь, политический, неэкономический характер изъятия прибавочного продукта способствует делению общества на социальные группы, различающиеся по правам и обязанностям, деление не классовое, а сословное (ибо главный классово-образующий признак узурпируется верховным собственником всех средств — государством).

Если в «западной» модели источник материального благосостояния — собственность на средства производства, то в модели «азиатской» — место в бюрократической иерархии: личная зависимость производителя, внеэкономическое принуждение, натуральная трудовая повинность — на одном полюсе общества, натуральная привилегия и опять же личная зависимость — на другом². «Поголовное рабство», — так охарактеризовал К. Маркс систему отношений, сложившуюся на Востоке. Термин «рабство» употребляется Марксом не в экономическом, а в правовом смысле для обозначения той системы личной зависимости, которая снизу доверху пронизывает всю пирамиду азиатской деспотии, при которой даже чиновник, обладающий огромной властью, сам является рабом более высокого начальства.

Конечно, «азиатская» модель не случайно утвердилась в нашей стране. Она обуславливалась социальной наследственностью, генетически была запрограммирована историей, подпитывалась господствующей в течение столетий системой феодальных отношений. Необходимы были недюжинное мужество, политическая прозорливость руководства, чтобы отбросить «восточный» вариант, который стихийно прорастал на каждом участке формирующегося социального организма. Но он отвечал духу и потребностям Сталина, был созвучен психологии обширного круга членов партии и беспартийцев.

Упрочение «азиатской» модели в обертке сталинизма сопровождалось глубокой ревизией политической и экономической системы общества. Деформационные процессы охватили все общественные институты. Болезненно сказались они на партии. В результате репрессий, многочисленных чисток из живого и мыслящего организма, который представляла большевистская партия при Ленине, она постепенно деградировала до состояния бездушной машины, превратилась в своеобразный «орден меченосцев», главной функцией которого стало наведение страха на все «винтики» вертикальной власти.

Система единоличной власти, государственного монополизма сковывала мысль. Она вела к тому, что на каждом должностном уровне, на каждой служебной лестнице царил свой «вождь», свой начальник, находящийся вне зоны критики и пользующийся по отношению к нижестоящим огромной административной властью. Это положение особенно ярко проявлялось в сельской местности Среднеазиатских республик, в том числе Узбекистана, где практика культа личности диалектически сочеталась с сохранившимися патриархальными отношениями и традиционным почитанием старших по возрасту лиц.

Как показывают материалы исследования, нередко колхозники, сельхозработники закрывали глаза на явные нарушения со стороны руководителей, воспринимали как должное отсутствие заботы с их стороны:

¹ Стариков Е. Маргиналы. «Знамя», 1989, № 10.

² Е. Стариков, там же.

Но культ личности развращал не только командный состав. На его фоне процветали демагоги, услужливые бездельники. Культ плодил равнодушных иждивенцев, рассматривающих социалистическое общество в качестве благотворительной организации, плодил монстров, уродливые лики которых проглядывают и до сих пор.

Безусловно, было бы неверным считать, что в сталинское время рождались одни подлецы и подлипалы. Десятки тысяч и миллионы людей отличались благородством души, чистой помыслов, активной жизненной позицией. Но их становление шло не благодаря, а вопреки сталинскому режиму.

Но, пожалуй, фантомы прошлого более всего проявляются в деревне.

Черной отметиной вошел в историю села 1929 год. Титулованный «годом великого перелома», он стал, по образному выражению А. Солженицына, «Годом Великого Перешива», страшной точкой отсчета планомерного истребления крестьянства как социального слоя, а крестьянина — как старательного труженика.

В аграрном секторе вновь возобладали методы внеэкономического принуждения. Это вызвало глубокую деформацию, а затем и перерождение всей системы хозяйствования. Она стала формироваться по образу индустриального производства, что извратило всю систему отношений на селе. С началом массовой коллективизации резко оскудела потенция возможностей способов хозяйствования на земле. Все более заметно сужались формы организации труда, стала сворачиваться сельскохозяйственная кооперация. Все богатство ленинского учения о ней свелось к так называемому «кооперативному плану», согласно которому право на существование получила только производственная кооперация, сведенная к единственной форме — сельскохозяйственной артели. Да и она, строго говоря, носила формально кооперативный характер. На самом деле колхозную систему нельзя считать кооперативным сектором. Кооперативный принцип соединения частноторгового и общественного интереса реализован в ней в вывернутом наизнанку виде — путем строгого обособления частноторгового (или частнотурального) личного подсобного хозяйства от «общественного поля».

Сталин не просто извратил ленинские кооперативные принципы. По сути он отказался от них.

Общинная собственность в ее основном историческом виде представляет собой условную (при условии несения определенных повинностей) совместную собственность на неделимый фонд наряду с еще более условной (повинности и перед государством, и перед общиной) лично-семейной надельной собственностью. Такая форма легко встраивается в самые разнородные системы производственных отношений, в том числе и тоталитарно-государственного социализма. При этом монополизм государственной собственности не был нарушен никаким «плюрализмом». Уже в самой начальной стадии развития колхозов началось огосударствление собственности сельхозартели, выразившееся в отсутствии у колхозов права распоряжаться по своему усмотрению не только неделимым фондом артели, но и произведенным продуктом. Произошло и огосударствление рабочей силы посредством закрепления занятых в колхозе системой чрезвычайных мер. В результате колхозы напрямую стали обслуживать интересы государства. Отношения между государством и колхозами стали строиться не на договорной основе, а на системе госзаказов. Итоги их деятельности оценивались в первую очередь по выполнению обязательных поставок и сдаче продукции в порядке государственных закупок. Труженики села были поставлены в положение поденщиков.

Грубейшие отступления от ленинского курса в аграрной сфере трагически проявились в развертывании беспрецедентного насилия по отношению к огромной массе крестьян-единоличников. Миллионы крестьян с семьями были оторваны от земли, родных мест, бедствовали в лагерях и ссылках.

Тяжелые последствия вызвал новый курс в аграрной политике в Узбекистане. Несмотря на то, что в первоначальной редакции постановления ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», определившего сроки проведения коллективизации в разных регионах страны, в Узбекской республике намечалось ее завершить к концу второй пятилетки, под непосредственным нажимом «великого кормчего» возобладала авантюристическое убеждение, что эта акция может завершиться значительно ранее. Началась погоня за цифрами. Как и в центре страны, коллективизация в Узбекистане сопровождалась многочисленными фактами репрессий, грубейшими нарушениями социалистической законности.

Понукаемые многочисленными сталинскими «загонщиками», дехкане шутили вполголоса: «Колхоз — дело добровольное, хошь — вступай, не хошь — корову отбери». И вступали. Уже через месяц отдельные районы, в которых до начала кампании не было ни одного колхоза, рапортовали о «стопроцентной коллективизации». В Ташкентском округе, например, первоначально намечалось вовлечь в колхозы 30 процентов дехканских дворов, а после пересмотра — 93 процента, в Бухарском — соответственно 28 и 48 процентов, в Хорезмском — 5,5 и 48 процентов.

Ускоренные темпы коллективизации привели к тому, что уже в 1934 году оказались коллективизированными 80 процентов дехканских хозяйств и 90 процентов посевной площади республики, в то время как на 1 октября 1929 года колхозы охватывали лишь 3,4 процента хозяйств.

Под видом борьбы с баями и кулаками была объявлена война наиболее предприимчивым, толковым хозяевам. Наблюдались не единичные случаи раскулачивания за религиозность, за проявление недовольства действиями администрации, сводились личные счеты. Да и сама политика «ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации» не только не оставляла «кулакам» возможности мирно «врасти в социализм», использовать их талант организаторов и их капиталы в целях укрепления нового общественного строя, но и нацеливало на истребление всех более или менее выделяющихся в материальном положении. Под категорию кулака были подведены и те крестьяне, которые своим трудом на земле, данной им Советской властью, сумели поднять свое хозяйство выше среднего уровня. Так, уже в 1927 году в земледельческих районах УзССР середняцких хозяйств было 53 процента. В результате «раскулачивались» люди, составляющие в деревне прочную основу нового строя. Только в 1930 году в Узбекистане было ликвидировано 2648 хозяйств, отнесенных к разряду байских и кулацких.

Здоровые силы республики понимали, что вакханалия насилия ведет к подрыву сельской экономики, коллективизация осуществляется преступными методами, способствует росту социальной напряженности. Вопрос об искривлениях в ходе коллективизации был поставлен на V съезде Компартии Узбекистана. Выступая на нем, лидер республиканской партийной организации А. Икрамов отметил: «Мы нарушили два основных принципа Ленина в вопросе коллективизации. Прежде всего, мы упустили из виду, забыли о своеобразии местных условий и о неподготовленности главным образом середняцких масс к принятым нами темпам и формам коллективизации... Мы административным... порядком, не учитывая подготовленности середнячества, хотели ввести его в колхоз, причем хотели ввести в артель, а то и прямо в коммуну».¹

От имени ЦК А. Икрамов неоднократно обращался к Сталину с предложением пересмотреть аграрную политику. Однако Иосиф — Строитель, верный своей иезуитской натуре, направил недовольство масс на тех, кто пытался предостеречь от ошибок. Под его подписью «Правда» напечатала статью «Головокружение от успехов», в которой вся вина за искривления приписывалась местным работникам. Сталин потребовал принять по отношению к ним строжайшие меры, которые не замедлили сказаться. Была наказана большая группа партийных, советских и хозяйственных работников, а значительная часть из них, в том числе А. Икрамов, Ф. Ходжаев через несколько лет будут физически истреблены.

В практической же деятельности «великий кормчий» не отказался от идей насильственной переделки деревни. Он повсеместно настаивал на взвинчивании темпов коллективизации, ужесточении мер к кулачеству. Подтверждая данную ему В. И. Лениным характеристику торопливого, склонного к администрированию работника, он считал, что таким образом можно в кратчайший срок обеспечить «скачок» в коммунизм.

Неудовлетворенный ходом коллективизации, Сталин посылает в Узбекистан специальную бригаду с В. В. Куйбышевым и Н. К. Антиповым во главе. Перед ними поставлена задача очистить республику от недовольных проводимым курсом. Официально это называлось борьбой с классово-враждебными элементами.

Бригада потрудились на славу. Только в ноябре-декабре 1934 года под ее руководством было направлено в места не столь отдаленные более двух тысяч человек.

Административный нажим, угрозы, откровенное насилие способствовали успешному решению сталинских указаний. Уже к концу первой пятилетки на базе 800 тысяч дехканских хозяйств в Узбекистане были созданы 9734 колхоза и 94 совхоза.

Курс на сплошную коллективизацию воплотился в жизнь. Но это была пиррова победа. Сталинская коллективизация заблокировала естественные процессы развития деревни, тяжелым камнем-валуном легла на пути ее исторического прогресса. Она привела к закреплению крестьян. Земельные наделы у законных владельцев были фактически изъяты и под лозунгом создания общенародной собственности превращены в анонимную собственность бюрократического слоя. Крестьяне же, насильственно загнанные в колхозы, лишились всех основных гражданских прав. Опасаясь, что «счастливые» колхозники разбегутся от зажиточной жизни, «лучший друг селян» приказал отобрать у них паспорта. Им запрещалось даже добровольно выходить из колхоза. А чтобы не очень громко возмущались, указом от 7 августа 1932 года устанавливалось: те, кто пытается «заставить» крестьян выйти из колхозов, приговариваются к заключению в концентрационные лагеря на срок от пяти до десяти лет.

Сталинские опричники не зря потрясали кандалами. Вопреки ожиданиям, коллек-

¹ «Правда Востока», 1930, 27 июня.

тивизация не вызвала изобилия сельскохозяйственной продукции, а нанесла тяжелейший удар по сельскому хозяйству. В Узбекистане вспыхнул голод (1933 год). Резко сократилось производство зерна, поголовье скота. Достаточно заметить, что в 1937 году, когда торжественно было объявлено, что закончился переходный период и социализм в стране в основном построен, численность крупного рогатого скота и овец снизилась по сравнению с 1916 годом, не самым лучшим по экономическим показателям дореволюционного Туркестана.

Больно сказалась вакханалия коллективизации на хлопководстве. Упрочение административно-командной системы привело к насаждению хлопковой монокультуры. Уже весной 1930 года было высказано решительное требование к правительству республики об отводе в районах сплошной коллективизации «трех четвертей клина под хлопок». Во многом благодаря нажиму Сталина в 1933 году хлопок в общей массе заготовленных сельскохозяйственных продуктов составил в республике 81,5 процента, к 1937 году этот показатель достиг 93,4 процента.

Надо сказать, что курс на хлопковую монокультуру вызывал опасение у многих здравомыслящих людей. Как отмечает в книге «Дело моего отца» К. Икрамов, Акмаль Икрамов открыто ставил перед Сталиным вопрос о необходимости сбалансированного подхода к определению структуры аграрного производства¹. Он считал разумным наряду с хлопком сеять хлеб, выращивать овощи, создавать кормовую базу для животноводства. Сталин не простил ему «недопонимания политической значимости хлопковой культуры». Наскоки А. Икрамова кровавыми слезами аукнулись ему в 1937 году.

На мой взгляд, стремление сталинского руководства затянуть сельское население административно-контролирующей уздой способствовало и созданию такого уродливого нароста, как машинно-тракторные станции. Особенностью МТС явилось то, что они, словно двуликий Янус, выступали то в виде экономического подразделения, то в роли административного надсмотрщика и идеологического толкача. Ведь не случайно при машинно-тракторных станциях были созданы политические отделы, которые, находясь в ведении органов госбезопасности, играли ответственную роль недремлющего ока «отца народов».

МТС сковывали экономическую самостоятельность сельхозартелей. В результате того, что они проводили в них подавляющую часть полевых работ, колхозное крестьянство отстранялось от главных орудий производства — тракторов и других машин. К тому же, МТС выкачивали из колхозов неоправданно высокую долю прибылей и продуктов в виде натуроплаты.

С другой стороны, сами работники станций экономически не были заинтересованы в качественном, высокопроизводительном труде. Их работа не была органически увязана с конечным результатом.

Альтернативным путем развития МТС в условиях слабой технической базы сельского хозяйства мог бы быть, на мой взгляд, перевод их на арендный подряд или придание им статуса прокатных пунктов, иными словами, установление подлинно экономических отношений между машинно-тракторными станциями и кооперативными предприятиями села.

«Гению всех народов» милы были внеэкономические методы воздействия, палочная дисциплина. Он уповал на разверстку, обряженную в мундир государственного плана. И это неминуемо вело к обнищанию деревни. Ведь колхозники, несмотря на изнуряющий труд, практически не получали никакой оплаты. Им только выписывались мифические трудовни.

В этих условиях сельские жители могли надеяться только на свои подсобные участки. Однако и здесь были введены бесчисленные запреты. Каждое дерево, скот, птица облагались несоразмерными налогами. Строго ограничивались размеры выпаса.

Одурев от бесчисленных запретов, обложенные, как волки, «красными флажками» административных силков, крестьяне, чтобы выжить, вынуждены были уносить с колхозных полей зерно, картошку, траву... В ответ был принят известный указ от 7 августа 1932 года, прозванный в народе «указом о пяти колосках». Согласно ему, колхозная собственность — скот, зерно, хлопок — приравнивалась к государственной собственности, «священной и неприкосновенной». Виновные в посягательстве на нее будут отныне рассматриваться как враги народа и приговариваться к расстрелу, который, при наличии смягчающих вину обстоятельств, может быть заменен тюремным заключением не менее десяти лет с конфискацией имущества. Но люди брали, ибо колхозное имущество не воспринималось своим, кровным, а урожаем подчистую забирало государство. И потянулись крестьяне бесконечными колоннами на чумные острова «архипелага ГУЛАГ».

Сельские жители работали на полях и фермах от зари до зари. Но результаты не радовали верховного «кнутодержателя». Выход подсказал опыт Римской империи.

¹ А. Икрамов. Дело моего отца. «Знамя», 1989, № 6.

Изучив систему римского рабовладения, Сталин пришел к выводу, что кнут должен уравновешиваться пряником, что наряду с карательным аппаратом необходимо задействовать механизм идеологической психотерапии.

Как показывает последующий опыт, Сталин сумел решить эту задачу. Ему удалось внушить веру в особую гениальность своих поступков, воодушевить огромный массив людей. Подавляющая часть советского народа не связывала насилие, гнет, аресты и ссылки с именем «великого вождя». Распространенным было мнение, что «внизу» не все известно, а «там», «наверху», все знают, и недалек тот день, когда «мудрый вождь» примет очистительные меры.

Время 30-х годов пронизано маршем энтузиастов. Энтузиазм захлестнул города и села.

На первый взгляд, такое противоречивое соединение нечеловеческого страха и восторженного энтузиазма парадоксально, но оно было. Чудовищный симбиоз выступил специфическим стимулом активизации масс.

Среди комплекса причин, обуславливающих проявление энтузиазма, прежде всего следует отметить воздействие ценностей Октября. Несмотря на многочисленные сталинские преступления, не умирала вера в ленинский идеал. Во имя его, не покладая рук, работали миллионы. И надо сказать, что сталинские идеологи умело спекулировали на этом высоком чувстве. Опираясь на глубокое уважение народа к Ленину, к задачам и целям, провозглашенным Октябрьской революцией, они активно применяли методы идеологического оболванивания.

Другим источником, питавшим энтузиазм, являлась жертвенность. Освященная гипнотической верой в скорое пришествие «светлого будущего», она на каких-то этапах революционного обновления способствует мощному выбросу энергии масс. Но ее повсеместная эксплуатация приводит в конечном итоге к негативным последствиям. Жертвенность перерождается в озлобление, в глубочайшее разочарование. Хотя, надо признать, в сталинское костоломное время, несмотря на весь апокалипсический ужас происходящего, правящей верхушке удавалось создавать нужное ей духовное состояние подавляющего числа трудящихся.

Широко использовали сталинские идеологи в целях развертывания массового энтузиазма такое общественное явление, как патернализм. Зародившись на закате первобытно-общинного строя, он в силу особенностей исторического пути достиг в нашей стране особенно высокого уровня зрелости.

Патернализм означает систему взаимоотношений «верхов» и «низов», строящихся по принципу мудрого патриарха и любимых чад. Отцы-благодетели заботятся о своих детях, а те отвечают им послушанием.

Патернализм основывается на патриархальном сознании и патриархальном укладе. Он наиболее распространен в странах с преобладающим сельским населением, с незрелыми общество-экономическими отношениями.

На первый взгляд, патернализм привлекает радужной картиной любви, заботы, высокой дисциплиной. Но его оборотная сторона страшна. Он оборачивается кровавым оскалом диктатуры, закамуфлированной одеждами ангельской любви. На словах провозглашается отеческое отношение к трудящимся, на деле же широкие массы доверчивых «детей» превращаются в простые орудия производства, в придатки машин и плантаций — под гимны восхвалений мудрому руководству.

Правда, массы также имеют свою «корысть». Они надеются на лучшее будущее. Но именно это их и подводит. Выкладываясь для «общего» блага, они могут ждать торжества справедливости до окончания веков.

Стратегия незамысловатая. Но она сильна тем, что задевает в человеке самые сокровенные струны его души.

В условиях сталинского режима, впрочем как и в последующие периоды хрущевско-брежневского руководства, государственный патернализм постоянно сеял вокруг себя великие надежды. Обещая счастье в недалеком будущем, он тем самым брал у масс доверие в кредит. Сегодня пришло время расплачиваться. И оказалось, что платить нечем. Но в 30—50-х годах обстановка была иная. Вера в идеалы социализма обеспечивала кредит обещаниям политического руководства. Не случайно особенно ярко патерналистское сознание масс проявилось в сталинское время. Оно подпитывалось культом личности «отца всех народов» и само питало его.

Сталинская идеология благодаря своей коммунистической оболочке и революционной фразеологии активно овладела огромной массой людей, проникла во все поры общества. В результате многие поверили, что коллективизация — это победа великих идей, светлый предвестник освобождения деревни, устремившейся в «новую зажиточную жизнь», что «Сталин — это «Ленин сегодня», а когда «рубят лес, то щепки летят». Люди пели песню о стране, где дышится так вольно, как нигде в мире. И многие считали, что так оно и есть. И даже в сталинских лагерях, где миллионы страдали от издевательств и унижений, тысячи, десятки тысяч среди них сохраняли веру в свою мечту и были убеждены, что приближают ее, валясь с ног от нечеловеческого труда.

На волне энтузиазма широкий размах приобрело социалистическое соревнование. Впервые идеи соревнования высказали европейские социалисты-утописты. В последующем они были углублены и развиты В. И. Лениным. Встав у руля Советского государства, он столкнулся с необходимостью повышения эффективности производства. Стимулирование труда, применяемое в условиях капитализма, не устраивало его прежде всего по классовым мотивам, ибо в условиях капиталистической формации оно опиралось на частную собственность. К тому же, во взятую на вооружение безрыночной модели социализма материальное стимулирование вообще не имело необходимой базы.

Объективности ради следует отметить, что исчерпывающего ответа на поднятый практикой вопрос в трудах основоположников марксизма В. И. Ленин не мог найти. В этой сфере они не видели заслуживающей внимания проблемы. К. Маркс и Ф. Энгельс полагали, что при социализме верным средством стимулирования трудовой активности может быть положение, когда — сколько сделаешь, столько и получишь. Однако принцип распределения по труду в обстановке безрыночных отношений встретился с непреодолимыми трудностями. Если воспользоваться образным выражением Ю. Буртина¹, то можно сказать, что социалистическая экономика, базирующаяся на внерыночной основе, потеряла внутреннюю пружину, которая автоматически подталкивает капиталистическое производство к рубежам высокой эффективности и рациональности. Она лишилась конкуренции. С устранением же одной социалистическая экономика стала инертной. Ее характерной чертой выступила тотальная незаинтересованность как предприятий, так и отдельных работников решительно ни в чем, от чего зависит хозяйственный успех: ни в постоянном росте производительности труда, ни в высоком качестве и расширяющемся ассортименте товаров и услуг, ни в снижении себестоимости и экономии всякого рода ресурсов — трудовых, материальных, денежных, ни в обеспечивающем все это научно-техническом прогрессе, таланте, трудолюбии и высокой квалификации работающих.

Убедившись на практике в отсутствии необходимых внутренних пружин саморазвития социалистической экономики, В. И. Ленин попытался их сконструировать. Уже в первых послеоктябрьских статьях — «Из дневника публициста», «Проект декрета о потребительных коммунах», «Как организовать соревнование?», «Очередные задачи Советской власти» — Ленин настойчиво проводит мысль, что рынок и конкуренция могут быть с успехом заменены социалистическим соревнованием. В последующих работах — «Великий почин», «От разрушения векового уклада к творчеству нового» и др. — Владимир Ильич углубляет разработку данных вопросов. Он определяет соревнование как товарищеское сотрудничество свободных от эксплуатации работников, как форму помощи передовых отстающим с целью достижения общего подъема производства.

Однако при жизни В. И. Ленина его идеи социалистического соревнования не прошли достаточно серьезной апробации: вначале мешала гражданская война, а затем наступил нэп, внесший новые — экономические — стимулы развития производства.

Только с возвратом к командно-административной системе управления появилась потребность в соревновании. Не случайно ленинская работа «Как организовать соревнование?» была впервые опубликована через одиннадцать лет после ее написания, 20 января 1929 года в газете «Правда» под крупной, во всю первую страницу, шапкой: «Ленин — знамя миллионов».

Так Сталин пытался вдохнуть порыв революционной энергии в дело создаваемого им «каторжного» общества. Соревнование с этого времени стало рассматриваться в качестве важнейшего рычага социалистического строительства.

В сельской местности, в том числе Узбекистана, как и по всей стране, соревнование вылилось в поход за высокие урожаи, повышение эффективности производства. Однако с первых шагов становилось очевидно, что это одно из средств административного подстегивания масс, и, чтобы быть дееспособным, само должно было постоянно получать инъекции энтузиазма, опираться на подпорки все новых и новых патристических починов. Не случайно в практике соревнования широкий размах получило мифотворчество. Чтобы вызвать очередной всплеск энтузиазма, потоком создавались «маяки», «новаторы производства», лепились «социалистические» кумиры. Так в 30-х годах поистине всесоюзную известность приобрела одиннадцатилетняя колхозница из Сталинабадского района Мамлакат Нахангова. Она была награждена высшим орденом Родины, сфотографирована со Сталиным. Мамлакат изобрела, как писалось в те годы, новый способ сбора хлопка — сразу двумя руками, по 100 килограммов в день.

Вызывали сомнения и фантастические показатели по сбору стоцентнеровых урожаев хлопка. Но для сталинских идеологов главное заключалось не в правде, а в создании идола, который мог бы воздействовать на сознание масс. И это не замедлило

¹ Буртин Ю. Ахиллесова пята исторической теории Маркса. «Октябрь», 1989, № 11, 12.

сказаться. Повсеместно воцарялась ложь. Не случайно именно в это время появляются первые приписки. Конечно, вранье вначале смущало, но приносило почет, ордена, уважение. Рекорды все чаще стали «планироваться» от достигнутого, заранее определялись имена «достойных» рекордсменов. Инерция всеми создаваемой лжи приобретала все большую скорость, успешно приживалась при всех режимах, пока не достигла позорного апогея при Ш. Рашидове.

Страх может заставить ленивого работать. Но ему не дано стать трудолюбивым. Энтузиазм может всколыхнуть широчайшие массы. Но без опоры на материальные стимулы он бессилён поддерживать в течение длительного времени высокий трудовой накал. Ему постоянно необходимы новые источники воодушевления, и если они не находятся, тут же отказывает вся система принуждения.

Деревня беднела. Аграрная политика не могла обеспечить нужды в продовольствии и сырье. Спадал энтузиазм масс. Складывалась чрезвычайная кризисная ситуация. Только война несколько сняла социальное напряжение. Она сплотила народ перед реальной опасностью фашистского порабощения, выступила мощным детонатором праявления массового героизма на фронте и в тылу. В то же время в годы Великой Отечественной войны наметился сдвиг в общественном сознании. Война породила ожидание кардинальных перемен. Как вспоминают живые участники тех лет, сельские жители с большой надеждой всматривались в будущее. Еще во время войны в обществе сначала забрезжило, а потом все отчетливее складывалось убеждение: жизнь прежняя — с репрессиями, страхом, террором — невозможна. Это чувство окрепло с завершением войны. В послевоенные годы в обществе все активнее зрело понимание необходимости переустройства жизни. Это субъективное ощущение накладывалось на особую духовную атмосферу тех лет. С войны пришел иной человек. Человек, который на многое смотрел уже другими глазами, видел то, чего раньше не замечал или еще не так давно считал само собой разумеющимся. Победители, фронтовики стали основой «критической массы», наиболее остро реагирующей на болевые точки действительности и прежде всего на вопрос вопросов слепопобедных дней: как жить дальше? Импульс критического переосмысления опыта прошлого и настоящего зародился прежде всего в интеллигентской среде, и в тот момент сохранившей, пусть и не полностью, традиции и дух свободомыслия. Это движение появилось и в среде крестьянства, рабочих сельскохозяйственного производства. На селе все настойчивее ходили слухи об облегчении, изменении положения народа, в особенности в деревне. Ведь она находилась на грани нищеты. Многие крестьяне, сельскохозяйственные рабочие жили в землянках, голодали, были лишены элементарных бытовых благ, политических свобод и прав. Свои чаяния на улучшение они связывали с переменами в аграрной политике, с изменениями в политической и экономической структуре общества.

И эти надежды воодушевляли людей. Они сверх всяких человеческих сил работали, восстанавливали свое и общественное хозяйство.

Высокий трудовой накал сопровождался поиском новых форм организации труда. В сознании народа стихийно зрело ощущение, что необходимы новые подходы, основанные на разуме, экономической заинтересованности.

В сельском хозяйстве нашей республики этот поиск вылился, например, в зарождение движения «гектарничества», в котором нашла конкретное выражение экономическая идея увязки производственной деятельности с конечным хозяйственным результатом.

Одним из первых, внедривших «гектарничество», стал совхоз им. Кирова Узсэд-совхозтреста. Здесь весной 1946 года рабочие Е. Пивоварова, М. Ибрагимова и И. Куликова попросили закрепить за ними по одному гектару овощных культур, и результат был поразительным: Е. Пивоварова вместо запланированных 14 тонн овощей собрала 38,5; М. Ибрагимова — 30 тонн. Вскоре по их примеру только в системе треста стали работать около 150 человек.

Определенным поиском новых подходов в проведении аграрной политики были проникнуты решения февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП (б), обсудившего вопрос «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». Пленум предусмотрел меры по укреплению материально-технической базы села, оснащению колхозов, совхозов и МТС более совершенной техникой; определенную модернизацию системы управления и организации трудового процесса. Партийные и хозяйственные органы были призваны ограничить администрирование.

Однако уже вскоре стало ясно, что начавшийся было поиск путей демократизации жизни, оптимальной модели послевоенной экономики оказался «заморожен». В руководстве партии и страной победила жесткая линия, ведущая к консервации старой системы общественных отношений. Сталин жестоко расправился с новоявленными «либералами», укрепил партийный и государственный аппарат преданными себе кадрами.

В Узбекистане дело осложнилось фактом насильственного переселения ряда народов Крыма, Северного Кавказа, Поволжья, Дальнего Востока, огульно обвиненных в пособничестве гитлеровским оккупантам. В республику, согласно известным по-

становлениям ГКО 1944 года, только из Крыма прибыло больше 150 тысяч крымских татар. Из Грузии было выслано в Узбекскую ССР около 110 тысяч турок-месхетинцев. Десятки тысяч составили переселенцы других народностей. Большая часть из них закрепилась на селе.

Административно высланные в Узбекистан спецпереселенцы, будучи опытными овощеводами, пастухами, внесли весомый вклад в развитие аграрного производства. Многие из них выросли в будущем в подлинных новаторов. Так, поистине всесоюзную известность приобрели крымский татарин Чача Мустафа, Герой Социалистического Труда турчанка Саодат Гульахмедова, лауреат Ленинской премии турок-месхетинец Джават Кучиев и другие. Но, говоря о высоком трудовом вкладе депортированных в республику, нельзя не отметить, что клеймо «предательства», многочисленные административные ограничения не могли не вызвать долгосрочных негативных последствий, отрицательно сказаться на судьбах переселенцев. Ведь только в 1953 году была прикрыта районная спецкомендатура и ушла в прошлое обязанность раз в две недели отмечаться в ней, лишь с апреля 1956 года высланные народы перестали считаться спецпереселенцами. В результате боль за огульное обвинение пульсировала постоянно, детонировала нездоровые социальные чувства.

Настоящим бедствием для сельского хозяйства Узбекистана стал вновь усилившийся в послевоенные годы курс на монокультуру хлопка. Новые руководители республики — Усман Юсупов, А. Абдурахманов — наученные горьким финалом предшествующей генерации руководителей, не решились противостоять административному режиму Сталина. Напротив, они предпринимали энергичные усилия, чтобы повысить хлопководность полей. В результате, как коварная раковая болезнь, бездумное расширение хлопковых угодий порождало все новые очаги отравления хозяйственного механизма республики, вело к истощению земель, ухудшению продовольственного обеспечения населения. После окончания войны в поиске земель под посевы хлопка были перепрофилированы три из пяти существующих зерносовхозов. Причем план сдачи зерна остался неизменным, хотя без особых экономических раскладок было ясно, что он невыполним.

Серьезное сдерживающее влияние на подъем эффективности сельского хозяйства оказывала подмена партийными органами государственных органов управления. Особенно зримо практика непосредственного руководства экономикой со стороны партийных органов проявилась в хлопководческом комплексе Узбекистана. Отмечая этот факт, XVII пленум ЦК КП(б) Узбекистана (26 — 28 февраля 1948 г.) прямо записал в своих решениях: «Сложилась неправильная практика, при которой руководство развитием хлопководства было сосредоточено целиком в ЦК КП(б) Узбекистана, в то время как Совет Министров республики по существу устранился от этого важнейшего дела». И далее: «Вместо того, чтобы обеспечить правильное разграничение функций между партийным и советским аппаратом, повысить требовательность к советским и сельскохозяйственным органам за осуществление возложенных на них задач по развитию хлопководства, оказанию помощи МТС, колхозам и совхозам, а свое основное внимание сосредоточить на проведении организационно-политических мероприятий, бюро ЦК КП(б) Узбекистана зачастую брало на себя решение вопросов в обход министерств, что неизбежно снижало уровень государственной дисциплины и приводило к обезличке в работе. Не обеспечивалась проверка исполнения принимаемых решений».

Трагические ошибки в содержании аграрной политики не позволили решить задачи подъема сельского хозяйства в послевоенные годы, как и в годы предшествующего периода. Несмотря на некоторые подвижки, оно не стало эффективным. В Узбекистане, например, даже при огромном внимании систематически не выполнялись планы сбора хлопка-сырца. Продолжало отставать животноводство. Достаточно отметить, что его поголовье к концу сталинского руководства так и не достигло показателей нэповского периода.

Конечно, подобное положение было характерно не только для Узбекистана. Сельское хозяйство страны в целом, задавленное монбланом инструкций, потрясемое варварскими методами руководства, страдающее отчужденностью крестьян от земли, все более утрачивало внутренние источники развития. Оно находилось в глубоком кризисе, несло в пропасть самоуничтожения. Необходимы были поистине революционные меры, чтобы приостановить это апокалипсическое падение. Нужна была мощная встряска общественного сознания, кардинальное переосмысление путей и методов социалистического строительства, решительное изменение характера землепользования, чтобы сельское хозяйство активно заработало на человека.

Время дало такую возможность. В марте 1953 года ушел с политической арены И. В. Сталин. С его смертью закончилась одна из самых мрачных глав в отечественной истории.

Окончание следует.

Молодые голоса... Может быть, еще неокрепшие, срывающиеся — но в них свежесть, чистота, цельность незамутненного чувства: Юность мятежна, но юность и беззащитна, и страшно порой думать о том, что грубые шаги так называемой «взрослой жизни» могут вытоптать зелень надежд.

Пушкин писал: «Молодость любит радость». Однако в наши дни даже в стихах совсем юных поэтов появляются нотки грусти. И виновны в этом, конечно, мы, старшие.

Думается, всем нам иногда просто необходимо вслушаться в голос юности, попытаться разгадать голос будущего.

Предлагаем вашему вниманию подборку стихотворений ташкентских школьниц Светы Федотовой и Юлдуз Мухтаровой. О достоинствах и недостатках этих опытов — судить читателю. Нам же остается лишь выразить надежду: может быть, две эти тропинки со временем станут дорогами в Поэзию.

Света Федотова

* * *

Кубик-рубик в шесть цветов — это жизнь.
Главное, найти свой цвет.
Страшно, если всю жизнь вместо любимых
зеленых квадратов
ты собирал чужеродный красный цвет!
Спугал цвета и заболел цветобоязнью.
Значит, жизнь прожита зря?
Шесть цветов...
Хорошо — не три карты! — тройка, семерка, туз!
А то пришлось бы тусовать колоду;
а это 52! — карты,
и у каждой есть загадочная обратная сторона.
Главное — это найти свой цвет
на кубике, который становится круглым, как земля!
Но это тогда, когда нам очень больно.

* * *

Как неумело мы, люди, живем!
Все о себе, все о своем,
беда — свои, и свои неудачи...
Серое, черное, белое — прячем.
Скроем обиду, любовь затаим,
радости выйти на свет не дадим.
В темпе прогресса двадцатого века
люди забыли про человека.
Малость нужна ему, атомный век! —
вспомнить, что он среди ВСЕХ — Человек.
Толпами ходим, горбушки жуем...
Как неумело мы, люди, живем.

* * *

Планета — древо.
Люди — это листья.
Как листья, опадаем и прорастаем вновь.
Пусть зеленеет древо
и вечный шорох листьев
нам не несет забвенья.
Тому садовнику, что древо посадил,
пусть никогда за нас
не нужно будет каяться...

* * *

Нет, смерть не спросит. Медленно войдет,
ступая мерно твердыми шагами,
в глаза посмотрит мертвыми глазами
и в никуда с собою уведет.

(Все будет без тебя —
мир так же будет петь,
любить, смеяться, плакать, ненавидеть,
дарить цветы, воспитывать детей,
сквозь суету смотреть на облака.)

Но, исчезая, мир благослови,
оставь ему родник своей любви,
чтоб за тобой идущий, мир любя,
Красивой песней вспомнил про тебя.
Прислушайся, а он уже поет.
Нет, смерть не спросит, медленно войдет!..

* * *

В звуках времени город тонет,
муравьями снуют автомобили.
В оглушающем улиц шуме
люди сумрачные спешили.
И неоновый стыл витринный ряд —
пустые зрачки опустевшего ГУМа;
из папье-маше, застывшего в думах,
манекены мертвенные стоят.
Жизни, мимо снующей, живое скерцо
оседает на лица световой пеной.
Потерявшие где-то душу и сердце
люди, превращенные в манекены.

Не люблю

Я ненавижу сны без грез,
я не люблю глаза без слез,
я небо не люблю без звезд,
деревья голые без гнезд,
я ненавижу темноту
за блеклых линий маету;
я ненавижу лик вождя,
мне назидующий с портрета;
я презираю стук дождя,
не предвещающий рассвета;
я не люблю смотреть в окно,
когда за ним туман клубится;
когда навек идут на дно...
от нефти масляные птицы...
Я устаю от слов пустых,
что фраз углами рвут страницы,
от глаз, бездумно-голубых,
где равнодушие клубится...
И наблюдаю я с тоской
за злобой нежити людской.

Памяти папы

Сколько весен пройдет —
столько лет.
Тебя нет среди них. Нет и нет.
Без тебя мне заря — не заря.
Без тебя мне земля — не земля.
С юга вырвутся птицы, трубя, —
без тебя, без тебя, без тебя...
И рожденный на выдохе день,
и предвечных небес голубень,
даже я, эти краски любя, —
без тебя, без тебя, без тебя...
Эта шаль, что спадает с плеча,
догоревшая робко свеча,
белой вишни тревожная сень —
я и ты.
И скользнувшая тень.
И печальная тень у черты,
за которой скрываешься ты.
Сколько весен пройдет —
столько лет.
Тебя нет среди них. Нет и... нет.

• • •

Чей голос предвестит беду?
Страшнее смерти — нет.
Единой смерти предпочту
тысячелетье бед;
и голос вечной пустоты,
что ниспадает в грусть.
Где все горит свеча мечты,
где жизнь земная — пусть.

Юлдуз Мухтарова

* * *

Если птица не может покинуть гнезда,
Значит, что-то родное там держит ее.
Если светит в ночном мутном небе звезда,
Значит, пугникам сердце свое отдает!

Разве лань убежит от седеющих гор,
Если с ними она хочет встретить весну?
Рыбы тоже не бросят прохладу озер,
Потому что у вод их зеленых в плену.

И в волшебном саду пленник — каждый цветок,
Пепел — пленник ветров, луч — в плену у зари.
Чем сумел ты пленить меня, древний Восток?
Я хочу тебе сердце свое подарить!

Я хочу не скрывать от тебя свою боль,
Я хочу твою боль за тебя пережить!
Только б не расставаться надолго с тобой,
Только б духом твоим, сердцем, голосом быть!

Край родной! Я в плену, но мне сладок твой плен:
Он меня сохранит от несчастий и бед.
Я хочу поклониться любимой земле, —
Пусть всегда дарит всем она радость и свет!

* * *

Я ищу голос Ваш
 среди тысяч других голосов,
В тихом шелесте листьев, кружащихся ниже и ниже,
В шуме улиц
 и в ритме настенных часов, —
Почему только Ваш
 Мне так хочется голос услышать?
Я по городу мчусь, столько разных прохожих кругом!
Как мечтаю я Вас
 видеть в каждом, идущем навстречу.
Но. чужой взгляд опять
 на лице незнакомом, другом,

Человек

В наш век так мало
 чуткости, добра...
Мы видим лица,
 хмурые с утра,
Других
 понять
 умеем мы не часто,
И так в житейских хлопотах
 замкнулись,
Что, может, и не сразу оглянулись
На чью-то радость,
 боль или несчастье.
Сгорают юность и любовь, как прах,
В холодных наших
 четырех стенах.
И совесть в наших клетках
 равнодушных
Кричит еще: «Спасайте ваши души!»
У нас нет времени на собственный же век...
Но рядом есть спасенье — Человек!
Он слов красивых
 в воздух не бросает —
Он нас от безразличия спасает.
Дорог нетрудных он не выбирает,
Еще к тому ж «подножки» получает
В ответный дар
 от самых «благодарных».
Он — первый на всех «скорых»
 и «пожарных»,
И в этой жизни, полной суеты,
Не может не заметить красоты.
Свечу добра несет в своих ладонях:
Пусть на Земле
 и смерть ее не тронет,
И жизнь сумеет
 свет ее продлить,
Нам только б
 Человека сохранить!

* * *

Как часто встречаем
Людей мы угрюмых,
Но не замечаем
Их мрачные думы...
И будто деревья,
Засохшие к старости,
Стоят они с краю
В дремучей усталости.
Быть может, когда-то
Орлами бывали,
Однажды упали —
Бескрылыми стали.
И жизнь их засохла,
Пропала и сгнила,
И люди-деревья
Застыли уныло...

Д. Орешкин

Чего мы не простим Америке, а Америка не простит нам?

ЗАМЕТКИ КОМАНДИРОВАННОГО

«...Ах, народишко! Ну что у них, кроме гонора?! Одно слово — торгаши». О многих, о многих привыкли мы так подумывать. Нам льстили сверху, мы с двойным усердием льстили себе снизу, загибая пальцы: самый передовой, самый читающий, самый уверенный в завтрашнем дне... И вдруг — лицом к лицу с реальностью, в очереди на рейс Вашингтон — Моква из аэропорта Даллас.

Рейс аэрофлотовский, конечно. На другие там очередей не бывает. Вокруг соотечественники продвигают по гранитному полу конспиративно укутанные в бумагу коробки. Опытный глаз, исстрадавшийся на американских распродажах, легко вычисляет: вон видео «Тошиба»; вон «Хитачи».

«Когда я вижу за границей соотечественников со своим рафинадом и колбасой твердого копчения, мне хочется раскровенить им физиономию», — дружелюбно констатирует Виктор Конецкий. Войдем, однако, в положение командированного. Две недели за счет принимающей стороны, по 25 долларов суточных. Если не тратить на еду, как раз набегит на видео. То есть на одной чаше весов своя колбаса и стыд крошечный. На другой — видеоманитофон, который в Союзе стоит ровно столько, сколько профессор зарабатывает за год.

Что выбираем, сэр? Очередь скопом голосует за электронику. Короче, мы не простим Америке, что она сделала нас «торгашами». Свербит, правда, неприятная мысль, что сделал кто-то другой, а Америка только поднесла зеркальце. И нечего пенять, коли рожа вышла не как на первомайском плакате.

Очередь на аэрофлотовские рейсы из Москвы в США расписана на полгода вперед. Намекали, что надо сунуть кому-то 500 рублей. Кому? А если не умеешь совать? Развѣ это можно простить Америке?

Первое, что встречаешь на том берегу, — таможня.

— Из Советского Союза, сэр?

— Да.

— По-английски говорите?

— Надеюсь, говорю.

— Прекрасно. Везете с собой еду, продукты?

— Нет, что вы!!

В ответ взгляд, полный жалостливого понимания.

— О'кей, все в порядке. Проходите, пожалуйста.

Свою колбасу советские съедят сами, Америке она не угрожает. Простим ли мы эту пренебрежительную жалость? Они же заставляют нас врать с самого начала.

Итак, с душой, полной сомнений, и чемоданом, полным харчей, вы выходите в этот чуждый мир, имея целью изучить американский опыт охраны природных ресурсов

и заповедного дела. Не знаю, как вы, а я за пятнадцать лет работы в академическом институте в капстрану попал в первый раз.

И вот мощные красным кирпичом мостовые Вашингтона, красно-черный пыльный автобус от аэропорта (билет, кстати, не полтинник, как у нас, а около 15 долларов, а на такси под 40), темные-серые черепичные крыши домов, Америка!

Бедный Никита Сергеевич. Надо же было придумать: догнать и перегнать! Впрочем, по чугуну — пожалуйста. По газу — тоже. И по добыче нефти не возбраняется. Как, замечу, и любой Венесуэле. По сырью и топливу, а следовательно, по загрязнению среды, — будьте любезны. Даже по мощности ядерных зарядов. Но по тому главному, что делает Америку «хрустальным дворцом на холме», — никогда. Вдохните побольше воздуха, выдохните и повторите это простое слово: «никогда». Я не о компьютерах, не о товарном изобилии, не об уровне жизни и даже не о сервисе. Есть вещи посущественнее: народ и свобода. Они сделали эту страну.

Не надо ни завидовать, ни терзаться, ни подражать. У них свое, у нас свое. Мы — по крайней мере, мне так кажется — хотим не того, что американцы. Позже я попробую объяснить. А пока скажу, что массовый товарный психоз и сравнения типа «а вот у них, а вот у нас...» как раз и показывают, что мы, в отличие от американцев, не осознали себя, своих целей и норовим примерить чужие. Мы могли бы жить, как американцы, если были бы американцами.

Принято говорить, что наши народы очень похожи. Верно лишь отчасти. В самом деле, они не умнее нашего и даже не очень деловитее. Хотя условия жизни заставляют их быть в тонусе. Имеется у них и прослойка дураков, бездельников и неумех. Однако общество устроено так, что дурак и бездельник неумолимо выжимается на жердочку, соответствующую его достоинству, а отнюдь не на руководящий пост в профсоюзе, или в какой-нибудь сходной конторе, идеально подходящей для начальников об одной извилине в мозгу.

Америка мобильна. Здесь собрались люди, которым тесно на прежней родине. Они привыкли сами думать и отвечать за себя. Странно, но закономерно, что самостояние личностей у них сочетается с подчеркнутым уважением к закону. Не будь закона, как регулировать отношения суверенных граждан? Нет большего позора, чем быть уличенным в нарушении правил игры.

У них развился целый культ выбора решений. В ресторане подчеркнута строгий метрдотель подает вам карту блюд и вин и застывает неподалеку, готовый дать консультацию, но без признака вмешательства в процесс. Скандал, если в меню указано нечто, отсутствующее на кухне. Человека оскорбили в лучшую минуту жизни! Но вот заказ сделан, джентльмен реализовал свободу выбора, ура! То же самое в магазинах, в самолете, не говоря уже про бизнес и управленческие заботы. Решение может быть плохое, хорошее — время покажет. А пока проявлено личное мужество, шаг сделан, и тот, кто его сделал, — в фокусе внимания и уважения.

— Год назад благодарил Горбачеву я открыл для себя «Московские новости», — говорил на рауте наш коллега-эколог. — Это было так необычно, так интересно! Я, как пылесос, всасывал все от начала до последней буковки. Но через год надоело. Навязчиво толкуют, разжевывают, впихивают в тебя свою точку зрения. Дайте мне факт, я и сам не маленький, разберусь. И потом, сколько можно пропагандировать очевидные вещи насчет свободы и собственности?

— Но у нас многие яростно отрицают частную собственность!

— Бросьте. Не может быть, чтобы русские были такими дураками...

И после паузы:

— Впрочем, у нас сейчас много пишут о массовой оппозиции Горбачеву. Это правда? Вы действительно против свободы?

Для американцев свобода и право на личный бизнес неразрывные понятия. Нельзя уважать личность, не уважая собственность. Каждый, кому хоть раз случалось вскопать грядку, посадить куст или дерево, а затем наблюдать, как они гибнут под колесом самосвала, поймет эту простую теорему. Собственность есть грубо-материальное, приземленное выражение индивидуума. Покупка, то есть акт приобретения собственности, — это примитивное, но все-таки творчество. Самое массовое, доступное каждому посетителю магазина. Внимание! Мистер делает выбор.

Только наша пошло-лицемерная политэкономия может сводить акт потребления к «восстановлению рабочей силы». Это верно лишь в той мере, в какой любовь может быть сведена к деторождению и, следовательно, к оплодотворению. Именно эта, отчасти поэтическая, неразрывно связанная со свободой выбора сторона экономической жизни предельно очевидна для каждого американца и предельно неясна для нас. Личная свобода и ее упрощенный материальный эквивалент в виде зелененьких бумажек — главное, что гражданин США приучен ценить сызмала. Нам это и смешно, и обидно.

Каждый, кто попытался бы ограничить право американца вложить деньги туда, куда тот считает нужным, вылетел бы с первого тура любых выборов. У нас же в Сою-

зе, напротив, на лозунге жесткого ограничения «слишком деловых» делают политическую карьеру.

У них тоже культ личности. Не одной, которая возвышается над всеми, а каждой, которая продемонстрировала, сколько она стоит. Мерилон, увы, служат деньги. Пошло, но объективно. И никому не возбраняется лезть на этот намазанный салом столб.

За неделю в Вашингтоне не попалось нам навстречу ни одного человека в военной форме. Да и полисмены встречались крайне редко. Ясно, почему приезжих американцев так пугает обилие погон на наших улицах. Опять разница традиций. В России любовь к мундиру тянется с прошлого века.

Мундир чем хорош? Живи себе, слушайся начальство, не делай глупостей, и золотые капельки сами будут со временем капать на плечи. Что еще надо человеку?

А вот американцу, понимаете ли, надо еще личную независимость. Он не умеет всю жизнь дремать, потом проснуться, совершить подвиг и опять на боковую. Американец каждый день должен чего-то добиться, чтобы вечером свести дебет с кредитом и спокойно заснуть. Он любит новизну и не любит мундира.

Возможно, поэтому военные там — редкая специальность, за которую надо платить большие деньги. В виде компенсации за несвободу. Военнослужащих стараются перебрасывать с базы на базу — путешествия по свету тоже эквивалент вольной жизни. Много заботятся о солдатском досуге. Формой не допекают. А чтобы подумать о всеобщей воинской обязанности — так это и в дурном сне никому не привидится. Американские отцы и матери не простят.

Вернемся, однако, в аэропорт. С нашими трудно сравнивать. Люди не торопясь прогуливаются, очереди нет. Можно прийти за десять-пятнадцать минут до вылета, и не будет поздно. Можно и за три, никто слова не скажет. Время рейса начинается, когда челночный автобус с пассажирами отчаливает от терминала и отправляется к самолету. Именно это время и обозначено в билете. И никаких «регистрация оканчивается за 40 минут до вылета».

В одном аэропорту несколько конкурирующих авиакомпаний. У «Дельты» дела получше, стюардессы помоложе, завтраки сервируются позлегантней. «Юнайтед» явно уступает. Как нам объяснили, это коллективная собственность, управляется чуть ли не профсоюзом. Видя, что дело плохо, попытались продать компанию какому-то дельцу из Англии, но сделка лопнула. Тем не менее персонал мужественно борется. С билетом в руках, отметившись у фирменной стойки, можно быть уверенным, что о тебе позаботятся.

По холлу бесшумно ездят платформочки на толстых колесах с негритянками за рулем. Для тех, кто утомился или по преклонным годам затрудняется пройти из одного конца здания в другой. Для особо бдительных подчеркну: проезд бесплатный. Что касается авиабилета, то цена сопоставима с нашими — несколько десятков долларов за средний по длине перелет. В Европе, говорят, гораздо дороже.

Чего еще мы им не простим — это отношения к своим старикам, калекам и младенцам. Мне много приходится летать по Союзу. Ничего ужаснее не представляю, чем путешествие женщины с грудным ребенком на руках из Фрунзе, скажем, в Самарканд. Давка, смрад, пересадки, очереди на регистрацию. Никто тебе не рад, а наоборот: «Коль родила, сидела бы дома, а то разъездила тут...» Усталый ребенок плачет, все заводятся. Атмосфера ненависти. «Денег лишних, видать, много!»

В провинциальном американском городишке (там, кстати, самолеты выполняют функции наших междугородных автобусов) служащий с улыбкой выкатит вам навстречу нарядную корзину-каталку из нержавеющей стали, где есть место и для младенца, и для багажа. Поможет погрузить вещи, похвалит вашего ребенка, спросит, как его зовут. На посадку вы пойдете впереди всех, и вести вас будут, как королеву красоты: «Мы рады, что сы выбрали нашу фирму!» И остальные пассажиры будут вам завидовать, потому что их дети или уже выросли, или еще не родились, или просто остались дома.

Все это я могу понять. Погоня за каждым долларом каждого пассажира, конкуренция и так далее. Но почему у них младенцы в самолетах не плачут? Мы летели из Солт-Лейк-Сити в провинциальный Боузмэн рядом с восьмимесячным Майклом и его мамой. Она читала женский журнал — как сохранить свежесть кожи, — а Майкл непринужденно сосал из нее молоко, иногда отрываясь, чтобы посмотреть на мою бороду. Бород в Америке сейчас не носят. Возможно, это его и удивляло.

В первый день в Вашингтоне, когда мы уже привыкли к газонам, по которым можно ходить кому угодно, к белкам, скачущим в самом центре города, и к диким гусям, которые гнездятся на Патомаке (я был убежден, что на берегах этой реки встречаются только ястребы), в первый наш день в глаза бросилось, что на пешеходных переходах лестницы всегда снабжены пологими спусками. Для инвалидовных колясок. В городских автобусах (там есть и автобусы, и очень много пешеходов; слухи о подавлении человека автомобилем сильно преувеличены) кроме дверей для обычной публики сзади, есть еще дверца вровень с землей. Чтобы можно было въехать человеку, у которого вместо ног, увы, колеса.

Вместилище американского конгресса, Капитолий. Для всех вход по парадной лестнице, мимо псевдогреческих колонн из мрамора. А справа внизу скромная дверца со знакомым силуэтом на колесах. Им же тоже хочется посмотреть! Даже общественные туалеты в наиболее популярных туристских местах, например, в Йелоустоунском национальном парке, снабжены въездами для инвалидов.

И сколько их там! Видимо-невидимо. Они блестят никелированными колесами перед Белым Домом, в музеях, они участвуют в массовых маршах, они летают из конца в конец страны. Не только инвалиды, но и просто старики, которым удобнее передвигаться на колесах.

Господи, да ведь у нас наверняка не меньше калек и стариков! Где ж они? На улицах не видно. Сидят за печками или по блочным пятиэтажкам без лифта, дымчат жизнь. И ведь не только в колясках, которых нет, дело. Детям не до них, да и на улице готовы окатить хамством, как из помойного ведра. Не мешайся, карга, под ногами... Зато, как говорят и пишут умные люди, у нас страна духовно богатых людей, а там если и делают что хорошее, то ради доллара или просто за жиру.

Так сложилось, что значительную часть времени мы провели в поездках по глубинке. Национальные парки, исследовательские центры, это верно, что американцы в большинстве своем провинциалы. Провинциалами и держится любая страна, не столицей же. Взять тот же Боузмэн, штат Монтана. Подивиться на русских пришли три профессора из местного университета. Один из немцев, один из чехов, один англичанин. Все давным-давно американцы, минимум во втором поколении. Крепкие сорокалетние дядьки в довольно немодных костюмах с широкими галстуками. На ногах остроносые ковбойские сапожки из расшитой кожи. С цивильными брюками довольно забавный дискорданс. Но ведь Запад?! Над Западом все восточное побережье посмеивается. А те и в ус не дуют.

И вот беседуем. Один занимается селекцией пшеницы на незамысловатой хозяйственной основе: Ассоциация фермеров Монтаны с каждого не то бушеля, не то центнера проданного зерна платит несколько пенсов (по-моему, два) его институту. А тот, в свою очередь, обеспечивает фермеров консультациями и выводит новые сорта. Ясно, что американский, равно как и русский, кулак просто так свои гроши не отдаст. Оттого наш коллега зубами готов выгрызть новые данные о пшеничной селекции. Превда, ничего, кроме новых сортов, его похоже, не интересует.

Другой — гидролог. Также очень важно для Запада, где вода — острейшая проблема. Как у нас в Средней Азии. Между делом спрашиваю, как, мол, относитесь к аральскому экологическому кризису? «О-о! Очень даже отношусь!» Но вскоре выясняется, что он слабо представляет, где расположен Арал, что с ним происходит и куда делась вода. Ладно, зайдем с другой стороны: вот ведущий американский гидролог Джилберт Уайт пишет... «Постойте! Уайт? Что-то я не припомню такой фамилии... Он когда-нибудь работал в Монтане?»

Увы, Джилберт Уайт в Монтане не работал. Его, правда, отлично знают специалисты во всем мире. Но Монтана — совсем иное дело.

После наш гид-переводчик с извиняющейся интонацией пояснил, что Монтанский университет славится скорее своей школой инженеров, чем экологами. Мол, сами понимаете, дикий Запад. Да мы и не были в претензии. В конце концов, у нас в Саранском университете и не такое можно встретить. Но опять же: самые простые люди, из обычного теста. И ведь справляются! Уверен, что в своем семеноводстве или гидростроительстве эти двое разбираются как надо. Иначе бы им на плаву не продержаться.

Еще провинция. Сью-Фоллз, штат Южная Дакота. Население около ста тысяч. Здесь Центр обработки космической информации ЭРОС. Двусмысленный оттенок названия сознается, но не подчеркивается. Это аббревиатура: Система слежения за ресурсами земли. Городок гордится, что ему достался Центр — всего их в стране около десятка, и они толково размещены в разных природных зонах. Калифорния, Флорида, горные равнинные территории, засушливый запад, влажный север и т. п.

Нас сопровождает Дон Орт, один из высокопоставленных сотрудников Центра. Уже в аэропорту по-американски яркое панно, посвященное ЭРОСу, — космические снимки, элегантные компьютеры, антенны, направленные в небо. Красиво. У нас, смею утверждать, тоже есть такие центры. Но о них не то что панно, а даже вывеска у входа вас не проинформирует. И не дай бог любопытствовать, что там за серой стеной, или сфотографировать на ее фоне друзей. Бдительность прежде всего.

Внутри компьютеры, карты, мягкие полы. На стенах цветные фотографии, сделанные из космоса. Вот, например, как выглядел Чернобыль вскоре после взрыва — глянцево-фото размером метр на метр. Уже через 40 часов после катастрофы район был отснят в инфракрасных лучах, обработана информация о выделяющейся энергии и представлен наверх доклад с оценкой ситуации и прогнозом. У нас в стране, напомню, в течение первых трех дней правительство не располагало истинными данными о размерах бедствия. Как памятник компьютерной скорости и точности висит эта яркая

картина с багрово-оранжевым цветком пожара посередине. Фиксировалось, надо полагать, не только тепловое излучение, но и другие диапазоны, позволяющие оценить радиоактивную опасность.

Интересно, что делали в конце того апреля наши спутники, где хранится собранная ими информация и обработана ли она? Если данные о том, что у нас происходит, в два раза быстрее попадают на стол к американским политикам, чем к нашим, можно представить, каковы были бы результаты военной конфронтации.

Кстати, как нечто само собой разумеющееся, мы отметили в компьютерном зале двух операторов, которые перемещались на инвалидных колясках. Недостаток подвижности они компенсировали филигранным владением техникой. У людей полноценная жизнь, и они неплохо зарабатывают. Я постеснялся спросить, как они добираются сюда, — Центр километрах в 30 от города, сотрудники ездят на машинах. Значит, есть какой-то способ.

«Дон Орр, геолог» — скромно обозначено на визитной карточке. Может, и геолог. Только, наверно, не зря его приставили к группе из четырех русских. Видно, он тоже вычисляет про себя, кто из нас «оттуда». Мы-то знаем, что никто, больше десяти лет в одном институте. Но некоторая настороженность чувствуется. И национальный гвардеец у входа в Центр хоть и улыбается, но слегка напряжен. Потом, когда пошли разговоры об экологии, они поняли, что мы заинтересованы в науке, а не в разведанных. Оттаяло, и Дон даже пригласил нас на часок домой, показать, как живут американцы.

Хорошо живут. Он с женой и двумя дочками приехал в Сью-Фоллз в начале 70-х. Из Вашингтона. Уже надо было приступать к работе, а у них все еще не было своего дома. Ужас, по американским понятиям. Агент Орра все подбирал и подбирал варианты, а они все не нравились и не нравились его жене. И вот в столице дом уже продан, а в Сью-Фоллзе еще не куплен. Катастрофа! И тогда — черт с ним! — Дон Орр согласился уплатить за дом, который не очень нравился жене, цену, которая не очень нравилась самому Дону. И до сих пор он это помнит. То ли как свидетельство широты натуры, то ли как досадную осечку. То ли просто как важный этап в жизни, когда он сумел проявить решительность и сделать выбор.

Словом, выложил он 40 тысяч за дом из трех этажей, в пяти минутах от центра городка, в самом респектабельном районе. Трудно понять, что же не нравилось в этом доме жене. Один этаж подземный, там просторный холл, выложенный камнем, мастерская, рядом комната, где хранятся охотничьи сапоги и ружья хозяина; тут же всякие бытовые помещения — домашняя прачечная-автомат, чуланы. Второй (или первый надземный) этаж состоит из большой гостиной с камином и кухней, отделенной невысокой стойкой в углу; из трех спален, обширной прихожей, двухванных комнат. Из прихожей боковая дверь ведет в гараж для двух автомобилей. Третий этаж — еще спальни и ванны, комната для рукоделия и еще для чего-то. Две спальни всегда готовы принять двух дочек, если они вдруг заскочат в родительское гнездо из своих далеких университетов.

Сейчас, полагает Дон, его дом стоит тысяч 75—80. А в пригороде Вашингтона он стоил бы под 300. Это правильно, позже мы бывали в американских семьях подле столицы. Примерно такие же дома, машины. И цены колеблются вокруг цифры, указанной Доном. В общем, это уровень жизни «среднего класса», верхней его половины. Что-нибудь вроде нашего заместителя директора в научном институте, издательстве или иной не очень богатой организации. Для людей этого масштаба заработок порядка 60—80 тысяч в год считается хорошим.

Но не уровень интересен. Интересен сам Дон. Вот он стоит — ростом под 180 сантиметров, весом под 90 килограммов, и, заложив большие пальцы за брючный ремень, рассказывает. Посреди комнаты, едва заметно покачиваясь с пятки на носок, уверенно расставив ноги в черных лаковых туфлях на мохнатом ковре. После каждой фразы следует короткое вопросительное то ли ворчание, то ли мурлыканье. Мол, оценили?

— Вот это, понимаете ли, моя гостиная... Мммрр? Камин ненастоящий, мы его сделали как дань традиции... А вот рога оленя, я сам застрелил его в 76-м, нет, в 77-м году. Люблю охоту... Мммрр? Вот мои дочери. Старшей 26, младшая еще учится в колледже...

На фото типичные американские лица — белокурые, с намеком на веснушки, с длинной и слегка жестковатой нижней челюстью. Чуть ленивый, самоуверенный прищур глаз. Хозяйки своей судьбы. Не хотел бы я попасться такой в мужья.

— А вот моя ферма, дальше на Запад. Несколько тысяч акров. Мммррр? Соя, кукуруза... Нет, конечно, не сам. Там у меня приказчик и несколько сезонных рабочих. Так, скорее для отдыха... Через год уйду на пенсию, вот тогда и займусь всерьез... Вот мои машины. Эту, 62-го года, я держу как сувенир. На память о добром старом времени, когда мы были молодыми...

Он доволен собой, своей моложавой улыбчивой женой, своей страной и работой. Он упирается каблуками в пол своего дома, а дом упирается фундаментом в амери-

канскую землю. Он не навязывает нам своей системы ценностей, но уверен, что большой беды не будет, если эти русские ему слегка позавидуют. Ммрррр?!

Вот книг у него в доме мы не заметили. Что верно, то верно. В самом деле, есть в этом какая-то ограниченность. Я имею в виду истовое служение Американскому Стандарту. Им не скучно всю жизнь бороться за сформулированные еще в детстве цели. Свой дом, дети в престижном университете, хороший кусок земли, надежные акции, две машины в гараже — и тебе обеспечено уважение и, возможно, зависть соседей. Плохо это? Думаю, нет. Простые правила для простого честного народа. «Не делать ничего — значит быть ничем! Решайся на что-нибудь!» — повторяют с экрана телевизора. А ежели вам охота усомниться в смысле жизни и воспарить душой к горным высям — милости просим. Но не в нашем здоровом телем и духом Боузмане или Сью-Фоллзе. Для этого есть прогнивший восток страны — рассадник интеллектуальных извращений с его Нью-Йорком и Бостоном.

Поразительно молодая нация. Они тянутся за своими зелеными деньгами, как ребенок за игрушкой. Взрослый дядя всерьез хващает фальшивым камином, как Бура-тино нарисованным очагом в каморке папы Карло... Так принято! Мужчина должен зарабатывать. И при этом с наивной логикой вопрос о самом главном — о зарплате — у них считается неприличным. Верх бестактности спросить, сколько, мол, имеешь в год. Будь любезен, посмотри на мой дом, на мою машину, на платья жены, на багамский загар и сам делай выводы. Но в кошелек на лезь.

Наверное, через одно-два поколения они остановятся в своей младенческой жадности, задумаются. Вот тогда и явится миру то, что только созревает в недрах великой провинциальной державы: американская космополитическая культура. Пока до нее далеко.

— У нас здесь мало негров и азиатов, — как бы невзначай обронили в штате Юта.

Мало — это мягко сказано. После либерального восточного побережья, где на два белых лица приходится одно черное, Запад выглядит заповедником для европеоидов. И если, скажем, цветной все же решится купить здесь дом, то у его соседей дома упадут в цене примерно вдвое. Просто так, из-за нехорошего общества. Понятно, цветные воздерживаются от покупок... Одно дело — слова и принципы в Вашингтоне, и совсем другое — ползучий провинциальный консерватизм. Если такой городишко тебя не взлюбит, надо сворачивать пожитки и уезжать, иначе затравят, как было с семьями, где обнаружились больные СПИДом дети, или с врачом, который делал аборт вопреки пуританствующим хранителям местечковых традиций. Каждое воскресенье в церковь, куда он приходил, приносили столько горящих свечей, сколько аборт на его совести, — за погубленные души. Не всякий выдержит.

Впрочем, наша отечественная провинция карает за отступление от канона еще страшнее.

Вот Нью-Йорк совсем другое дело. Прав был Есенин — здесь понимаешь всю слабость поэмы Маяковского об Америке. И уж совсем убого выглядит социально-казачной очерк Горького «Город желтого дьявола». Там у него все, понимае ли, жует, переваривает, выдавливает соки из трудового народа ради желтого дьявола чистогана. Кажется, были там вставные челюсти небоскребов и другие несимпатичные эпитеты из области анатомии. Сказка эта так же далека от истины, как особняк Рябушинского от пролетарских идеалов.

Нет, Нью-Йорк совсем не конфетка. Но и не кишкомотальная машина. Он внешне много проигрывает Вашингтону, где просторная планировка, масса зелени, блестящая медь массивных дверных ручек, нежно-бирюзовая патина бронзовых памятников на многочисленных лужайках; где на улицах подчеркнута аккуратные и дружелюбные джентльмены, где на травке подле Капитолия можно играть в футбол или митинговать до потери пульса. Вашингтон, как ни странно, напоминает наши Ленинград и Одессу, с блестящей архитектурой XIX века. Только она гораздо лучше сохранилась. Столица нации имеет у них старинный и даже чопорный вид. В молодой Америке история ценится высоко.

Нью-Йорк гораздо демократичнее Вашингтона. И грязнее. К вечеру на Бродвее собираются кучи мусора в черных пластиковых мешках высотой в полтора человеческого роста. На вялые муниципальные плакатики «Сохраним Нью-Йорк чистым!» обращают не больше внимания, чем на призывы превратить Москву в образцовый коммунистический город. И так же, как Москва, Нью-Йорк неудержимо приобретает черты восточной столицы. На улицах лотки, что-то жарят, варят и тут же продают, голоса зазывалы, сидят на корточках люди. Обрывки бумаги, пыль. Не хватает только арыков и дувалов. Этакая общемировая Большая Деревня из небоскребов.

Если Вашингтон по населению черно-белый, то в Нью-Йорке в палитру добавляется солидный желтый клин. Китайцы, корейцы, сингапурцы, японцы. Зависит, впрочем, от района. Бродвей, начинаясь у моря, идет сначала через знаменитый деловой центр с Уолл-стрит (узенькая улочка под горку, две машины с трудом разъедутся); затем попадает в Чайна-таун (Китай-город), где действительно правят бал китайцы; потом, еще через несколько километров, он становится итальянским (довольно бедным

и опять грязным, но уже по-европейски), и только после этого он входит в центр города, где неон, театры, Сентрал-парк, Карнеги-холл и прочее.

Нью-Йорк открыт для всех. Столица мира. Сюда стекаются люди отовсюду и далеко не самого лучшего качества. Оттого идеальный набор для классификатора язв капиталистического мира. Тем более, их здесь никто не скрывает. Вечером по Бродвею идти неприятно — на бетонных тротуарах, на решетках подземки лежат люди. Из темноты под стенами сверкают мрачные белые негритянские глаза. А уж в Сентрал-парк нам просто усиленно не рекомендовали заглядывать, как стемнеет.

Чистенькая американская провинция такого не стерпит. Шериф мигом вышвырнул бы бродягу к границе города. На восточном побережье это немислимо: свобода, черт возьми! Если джентльмену угодно отдыхать на лавочке под газеткой — его священное право, обеспеченное законом. Вот если он поднимается и стремится с прохожего 50 долларов — это уж объект для полисмента. Но до того не трожь!

Несмотря на нарастающее и разъедающее давление низкосортной толпы, город сохраняет свои структуры, традиции и лицо. Сопротивляется. И самое важное, что пытается сбереечь, — принципы демократии. Человек, рискнувший призвать к выселению за 101-й километр, мигом лишился бы политической карьеры. Фашистский стиль, здесь это не пройдет. Проблема сама собой находит решение в рамках американских представлений о приличиях. Есть сверхдостоянные районы, где скромная однокомнатная квартирка стоит порядка 100 тысяч — не в год, конечно, а всего, с правом личного владения. Там живут англосаксы и другие выходцы из Европы. Есть просто достойные, там палитра попестрее. Есть полудостойные и открытоно беспросветные. География города — очень существенный момент для американца.

Что нам будет трудно простить этой стране, так это тайную систему водяных знаков, по которым тебя мгновенно и однозначно вычисляют и относят к приличным или неприличным людям. Помню мгновенное остолбенение официанта в фешенебельном ресторане «Доминик» при взгляде на мое брюки фабрики «Большевичка». В таких штанах клиентура его уровня не ходит. Впрочем, он проглотил свой немой вопрос, увидев галстуки-бабочки сопровождающих нас экспертов из Института Мировых Ресурсов. То были люди что надо!

Условия очень жесткие. Если в визитной карточке адрес Бруклин, этим сказано почти все. Полуприличный эмигрант из Советского Союза, к тому же скорее всего еврей. Может, и богатый, но все равно из Бруклина. Все-таки самый дорогой товар здесь — престиж. Респект. Солидная фирма. Вот что нашим восторженным туристам уразуметь не удастся. Иметь — ерунда. Важно иметь с престижем!

В очередном аэропорту (мы их перевидали массу) новообразованный американец с подругой жизни провозжал в Союз гостивших у него родственников или знакомых. На даме блестящая черно-серебряная куртка, серебряные же сапоги, серебряные краги, черные рейтузы... То ли мотоциклист из цирка, то ли снегурочка на пенсии. По годам — немало, за 60. Сам тоже хорош. Брюхо, коричневая фетровая шляпа, галстук-бабочка, сигара между мясистыми пальцами и на волосатом запястье дутый золотой браслет в палец толщиной.

И вот, глядя на унылую очередь отбывающих, он громко и капризно, с непередаваемо знакомым акцентом, риторически:

— И что ми тути будем ожида-а-ать?!

Мол, мы в Америке не приучены тискаться по очередям. И только ради этих бестолковых родственников или знакомых, которые мотаются туда-сюда, мы тратим здесь свое золотое время...

Не сомневаюсь, внизу ждет эту пару длинная американская машина. Пять или десять лет назад ступил он на здешний пыльный бетон. Открыл булочную или колбасную в Бруклине. Или жена сделала салон красоты. Они процветают, стряхивают пепел на пол. Но знают свое настоящее место в этой проклятой стране. Оттого и ходят голем перед сумрачными соотечественниками.

А ведь грустно. Надо же быть так похожим на пузатых плакатных буржуев из «Окон РОСТА» 20-х годов! Безразличные американцы молча обходят стороной. Сигару — стоя в очереди? Золото — в такой грубой форме?.. Преуспевающий бедняга. Еще, может, два-три поколения надо ему крутиться в этой чертовой мельнице, чтобы выбило местечковый лоск, и внуки — сухие, поджарые, с безукоризненным английским, с гольфом, теннисом и плаванием оделись бы в строгий костюм, в строгий университетский диплом, в американский истеблишмент...

Приезжие из Союза, разевая рот на товарное изобилие, не хотят понимать, что попадают в лучшем случае в негритянскую социальную среду. Как много! Как дешево! Наборчик тайваньской косметики в Чайна-тауне стоит доллар, а в ташкентской комиссии — 80 рублей. Зонтик-автомат — пятерка, электронные часы — пятерка, почти новый автомобиль — четыреста. За трехнедельную поездку можно на одних суточных накопить, а у нас человек в кепке легко выложит за него сорок тысяч. Правда, переправ...

С точки зрения американца все это постыдная дешевка. Подержанная машина прилична в лучшем случае подростку. (Кстати, от четверти до трети из них автомобилизованы). В Чайна-тауне вообще лучше не показываться. Если только с наивным туристом в компании, в погоне за экзотикой. Но боже упаси там делать покупки. Все равно что гражданская смерть!

Турист, эмигрант, командированный нарушают правила жизни — что с них возьмешь? Но если там всерьез жить, то придется соблюдать. А это не каждому удастся. Ох, как там насмотрелись на наших беженцев! И ох как невысоко ставят они выходцев из России! Точнее, так: если советский эмигрант берется за дело, объяснили нам, то американцу там уже делать нечего. Вытеснит в два счета. Он в Союзе так истосковался по самостоятельности, по возможности самому зарабатывать, что пашет днем и ночью, рвет жилы и гребет лопатой. Но за дело, как, впрочем, и везде в мире, способны взяться лишь несколько человек на сотню. А остальные маются, пристраиваются на птичьих правах, добиваются благотворительных стипендий. Тоскуют. В конце концов, вырастают, конечно.

Еще одну вещь нам будет трудно простить Америке. Ясноглазо-белозубую искренность и честность. Элберт Уэллс, благополучный бизнесмен из Калифорнии, активист природоохранного движения, который сопровождал нас в Йелоустоунском парке, истинный либерал. Он не любит собственное правительство, хотел бы с друзьями открыть в Союзе фабрику по производству колготок — этого добра, ему говорили, у нас не хватает. И продавать их по дешевой цене, чтобы помочь Горбачеву убедить всех в преимуществе рыночной экономики. (Вот, кстати, принципиальнейшее различие: они могут себе позволить заниматься бизнесом ради удовольствия; у нас же яростная голодная жадность и торопливость. У них духотлетная культура капитализма, у нас и конь не валялся. Поэтому не очень верю, что частный интерес в одночасье нас спасет. Но все равно надо начинать, и чем раньше, тем лучше).

Элберту за 50, серые глаза чисты и правдивы. Он хочет добра. Но он родился и вырос в Америке. Он догадывается, что, возможно, будут трудности. Он настолько испорчен, что готов даже дать взятку, если кто-то будет настаивать. Но ему просто не приходит в голову, что у начальника милиции вдруг обнаружится нужда в персональном компьютере, что бухгалтер будет зажимать валюту, а рабочие обматываться колготками, как флагом, и под рубашкой выносить их за забор. Ему невдомек, что нельзя построить себе дом рядом с фабрикой, что пожарная, санитарная, экологическая, профсоюзная инспекции, которые равнодушно взирали на построенный 90 лет назад ядовитый заводик, вдруг стеной поднимутся против его бизнеса и будут отираться вокруг, со всей принципиальностью ожидая и требуя прикормки. Он не может вообразить, что железная дорога будет запаздывать с сырьем или вообще терять его, что председатель горисполкома потребует от фирмы месячную командировку в Штаты... Ему многого не понять.

Я моложе его на 20 лет, но чувствовал себя рядом с ним как старый прожженный азиат рядом с молодым римским воином. Человек, который искренне верит, что лгать грешно и ложь несовместима с бизнесом. Нация, которую не били. Не учили мелочному двуличию. Пустите Нину Андрееву вместе с ее принципами, которыми она не может поступиться, в Америку. Ее там будут уважать. Там наивные люди. Они любят людей с идеями и верят им. А мы так устали от возвышенного и принципиального вранья.

Элберт искренне горевал, что частная собственность на землю мешает расширить границы Йелоустоунского парка. Действительно, межа священной и неприкосновенной собственности режет ландшафт по живому. Часть в парке, другая — в руках какого-то воротилы. И тот, конечно, плевал на целостность ландшафта. Важнее целостность кармана.

Вот если бы Элберт был начальником, а земля была общегосударственной, он, несомненно, провел бы границу где надо, и бизонам с лосями не пришлось бы во время переночевки выходить из парка. Но никак не возьмет в голову честный, не битый и не обманутый американский либерал, что не все такие, как он. На каждого начальника есть еще более начальник, производящий что-то чрезвычайно важное для страны. Допустим, ракеты, хлопок или столярный клей. И если «еще более начальник» сочтет необходимым (и ведь сочтет!) урезать территорию парка ради расширения посевных площадей, то Элберту с его кристально ясной аргументацией и добрыми устремлениями даже жаловаться будет некому, кроме разве что самого-самого начальника. Ведь даже пресса при таком раскладе в руках государства, а оно своих в обиду не дает.

В конечном счете, в Америке правительство может поторговаться и выкупить у частнособственника столь необходимую землю. Для этого, однако, Элберту придется попотеть и подумать, как убедить государственных мужей в целесообразности вложения денег налогоплательщика в Йелоустоун. Он справедливо сомневается в успехе. И поэтому пламенно и честно настаивает на своем праве отбирать ради общего (и бизоньего) блага у частника землю. Но где есть право отбирать, там нет

права владеть. И Элберт, бедняга, отобрав землю у злого дяди, будет постоянно испытывать страх, что ее отберут еще ради чего-то более возвышенного. Понятие об общем благе штука расплывчатая. И Элберт, ежели б лет десять назад выступил против такой политики, не сносил бы здесь головы. Потому что, раз можно отобрать собственность, можно отобрать и жизнь. Общее благо важнее.

Йелоустоун — не заповедник, а национальный парк. Самый известный и старый в мире. Ему более 100 лет. Ежегодно два миллиона туристов. Государство тратит на содержание около 13 млн. долларов в год, и примерно столько же частный бизнес выгребает из карманов приезжих. Несмотря на то, что мы были не в сезон, шли дожди и мокрый снег, туристов было достаточно. Пока мы в машине с надписью «рейнджер» и мигалкой на крыше описывали сложные научные петли по территории парка, нам по меньшей мере пять раз попалась навстречу юная итальянская пара, прилетевшая отметить здесь медовый месяц. Они прятались в туристском павильончике, оформленном под избушку траппера, они целовались рядом с кипящими струями гейзеров и, обнявшись, смотрели на бизонов, бредущих по заснеженному полю.

Бизоны подпускают людей на два-три метра, так что слышно их не очень свежее дыхание. Можно бы и ближе, да сотрудники парка не велят — мало ли что зверю в голову взбредет. Безопасность посетителей — одна из важнейших забот персонала. Все гейзеры, а их здесь сотни, обнесены дощатыми заборчиками с вежливыми просьбами не подходить слишком близко. Все равно, конечно, подходят. Некоторые из гейзеров стреляют кислотой. Это полбеда — будут дырки на одежде. Но вот в прошлом году в один из них сорвалась собака. Хозяин не смог вынести отчаянных криков пса, полез спасать и сам обварился до смерти. Температура иногда до 98°. Чистый кипяток. Люди срываются с отвесных скал; бывает, олени или лоси во время гона когонибудь прижмут рогами. Но больше всего гибнет людей на дорогах. Американцы не могут без машины. Весь парк располосован лентами асфальта. Лесники по совместительству следят и за правилами движения.

Здесь по-американски разные люди. Из Калифорнии, из Техаса, из Флориды. Они приехали на одну-две недели и хотя чувствуют себя хорошо. Как всем объяснить, что можно, что нельзя, как обеспечить безопасность, не стесняя свободы? Служба справляется. Потому что очень много денег и внимания вложено в то, что мы именуем инфраструктурой. Развитая дорожная сеть не оставляет недоступных мест в парке. На отдаленных территориях построены стационарные пункты дежурства с запасом всего необходимого. Связь, жилье, разъяснительные тексты. Каждое утро в зависимости от прогноза погоды и плана работ могут закрываться участки парка, которые способны стать источником потенциальной опасности. На дорогах ставят нелюбимый автомобилистами «кирпич» или зарывают шлагбаум. Но не как у нас, где замки на цепи ржавеют месяцами и открываются лишь к приезду начальства, а действительно только на время опасности.

Сколько мы говорим и пишем о национальном парке вокруг Байкала. Воз и ныне там. Прежде всего потому, что никто не даст себе труда для начала договориться, что же именно мы будем иметь в виду под термином «национальный парк». Если взять за основу американский столетний опыт, то это великолепно отлаженный госбюджетно-хозрасчетный организм, где без лицемерных воплей об охране природы и неприкосновенных ценностях спокойно и добротню построены дома, дороги, отели, общественные туалеты, площадки для стоянок автомобилей, места для «диких» туристов. И на всем этом экономическом костяке хорошо и уверенно чувствует себя флора и фауна гигантского парка. Бизоны, лоси, олени, бурундуки, лисицы — зверье действительно непуганое. Для школьника поездка сюда — память на всю жизнь, лучшая пропаганда патриотизма и любви к природе. Это не значит, что здесь нет проблем. Как и везде, находятся любители выпить бутылочку на лоне и потом швырнуть ее в жерло очередного гейзера. Вандализм посетителей, кстати, одна из главных причин угасания десятилетиями славившихся йелоустоунских фонтанов. Точнее, старые глохнут, и напор земных недр проявляется в прорыве новых. Значит, сотрудникам опять забота — новые заборчики, дорожки, указатели.

Но они решают проблемы по мере возникновения, и парк, как хорошо смазанный механизм, катится в будущее; растущий туризм сочетается с научной работой, интересы частного бизнеса — с государственной природоохранной политикой, живая природная среда вписывается в реалии двадцатого века. Все по американски разумно, просто, прагматично и в то же время сентиментально-возвышенно. Традиции здесь берегут и историческое достояние уважают.

Теперь о морали. Она тоже различна в провинции и в столичной зоне вдоль Атлантического океана. Дело сугубо личное. В каждой гостинице за шесть долларов подключайся к кабельному каналу и утешай душу либо боевиком, либо комедией, либо эротикой. А в открытом эфире в поздние часы на фоне очень симпатичных и очень приличных девушек несколько раз пробегает строка: «Линия любви. Зачем вам быть одиноким в эту ночь? Звоните по телефону такому-то. Все...ри доллара за звонок».

Все остальное, надо полагать, за отдельную плату. В Нью-Йорке немного иная система. Фильмы экзотического содержания идут по 23-му каналу, но картинка размыта телевизионным «снегом». Потребитель слышит стоны и воркование, видит смутные силуэты в сладостных позах и, разохотившись, спешит, по замыслу устроителей, позвонить, чтобы приплюсовали шесть долларов к счету за телевизор и дали-таки резкость. И — сей секунд, пожалуйста.

Для удобства все фильмы имеют маркировку. В телепрограмме родители могут выбрать просто название фильма, без марки, — значит абсолютно безопасно, приключения Тома Сойера. Если есть литеры Р и С, то есть Родительское Сопровождение, в фильме встречаются сцены насилия (драки сыщиков с бандитами, к примеру) или где-нибудь на заднем фоне мелькнет полураздетая девушка с дружком. Следующая степень Р — ограничено. Здесь уже уровень «Маленькой Веры». Что касается эротики ради эротики, то она маркируется крестами. Фильмы с такой меткой в открытом эфире не идут, надо специально заказывать.

Ну и что, растлевает это молодежь? Подростки все это видели не раз и, по-моему, с ума не сдвинулись, а наоборот. Очень точно поняли, что есть механика секса, но есть и что-то гораздо более существенное, что называют возвышенным словом «любовь». По статистике, кстати, порнофильмы предпочитает 0,5 процента населения, в то время как комедии — 35 процентов.

Если взглянуть на дело без предвзятости, то нельзя не заметить, что американцы просто сделали достоянием человеческого разума важную сферу нашей жизни, которая раньше регулировалась черт знает какими предрассудками по черт знает каким каналам.

Мы ухитрились идеологизировать даже любовные действия, из сферы человеческих радостей превратив их в сферу бескомпромиссных битв. Психиатры знают, сколько душ изуевичила бетонная стенка битых в нас представлений о неприличности.

В туркменских селах совет улемов смотрит привезенные из центра фильмы и решает, можно ли их крутить в местном Доме культуры. Центральную цензуру сняли, сразу образовалась местная. Видимо, существует душевная потребность. В Америке она тоже есть, и чем дремучее провинция, тем острее.

Вот вам два стиля мышления. Они существуют и в Америке, и у нас. Там старцы решают запретить в провинциальной школе теорию Дарвина. У нас решают, что вам смотреть, а что нет. Вырезают из картин, что считают вредным. Рушить чужую работу им не кажется неприличным. Они довольны своей жизнью и считают, что вам другой тоже не нужно.

Но все же большинство в Америке давным-давно этим переболело. Остались где-то доживать староверы Плимутского камня, ну да бог с ними. Считается достаточным предупредить родителей, к какому разряду относится фильм, а там пусть решают сами. Оно и дешевле. Только один минус: провинциальные блюстители нравственности остаются не при деле. А им мало в семье заправлять, надо еще и по всему околотку. Если в Америке над ними добродушно посмеиваются, то у нас идет серьезная борьба. Многие искренне признают за ними право решать. Другие столь же искренне оспаривают. В любом случае вывод один: на повестке дня у нас стоит вопрос патернализма, который в Штатах давно решен в пользу молодости. Оттого и приходится так много писать на эту тему, что она актуальна.

В Нью-Йорке на 7-й авеню, глаза на витрины, наткнулся на секс-шоп. Все открыто, только табличка на двери — нельзя тем, кто моложе 21 года. Внутри, признаться, белых людей не оказалось. Два-три латиноамериканца, несколько чернокожих. Продавцы из Пуэрто-Рико. На стене модели половых органов. Здесь же стеллажи с порнографическими видеофильмами. Для американской системы видеозаписи подешевле, для европейской до 20 долларов. Картинки на обложках кассет соответствующие.

На длинном столе посреди зальчика журналы. Ошибочно думать, что знаменитый «Плейбой» — порнографический журнал. Нет, это просто мужской журнал, с довольно умеренной эротической окраской. Он продается в любом киоске, он обычно стоит на верхних полках, чтобы сразу в глаза не бросался. А в этом магазине, наоборот, откровенная порнография. На обложках группы из четырех-пяти человек сплелись в хитроумные узлы. Вы протестуете? Да Христа ради! Выйдите прочь из этой лавочки и потратьте свои 15 долларов (цена журнала) на три экземпляра иллюстрированной библии. Благо, продают по соседству. Только не надо бросать кирпичом в витрину.

Таковы здесь традиции свободы. Вряд ли мы готовы простить их Америке. Но тогда нечего и завидовать тутошнему изобилию и говорить, что у них 70 процентов производственных издержек идет на оплату труженика, а у нас чуть больше 10 процентов. Это американский труженик, и он привык биться за свои права. А вы? Нет, граждане, если вам нравится вид американских машин и вы хотите на них ездить, то извольте брать их вместе с двигателем. Двигатель же — вековые традиции самостоятельности. Частная собственность — лишь производная от них.

Завершая с сексом и с телевидением. Не видно, чтобы вседозволенность разруша-

ла народную нравственность и семью. Напротив, к дому и семье отношение сугубо трепетное, женятся американцы поздно и не ради секса, которым они досыта наелись в юности, а ради прочного союза до смерти. Хорошая семья предмет престижа и зависти.

Что касается телевидения, то оно показалось на удивление пресным. Наше, как ни странно, несет больше выдумки. У них лучше и оперативней обстоит дело с новостями. Событие произошло два часа назад, а в эфире уже репортаж, да с толковым комментарием и порой даже интервью. Но все остальные жанры — скука. Яркое, пожалуй, еще американский футбол. А знаменитая реклама утомительно однообразна при всей внешней броскости. Фильмы про сыщиков на один манер.

В общем, уровень наших «Знатоков», только еще глупее. Но зато мобильнее. И пекут эти серии, кажется, по шутке в неделю, на радость телезрителю.

При массовом товарном изобилии все заметнее, что центр тяжести в американской жизни смещается на культуру. Меценатство поддерживается налоговой политикой, это известно. Но и по специальным федеральным фондам очень много денег идет в эту сферу. Отличные музеи. Бесплатно, как правило, если не коммерческая выставка с потребительским оттенком. Отличные оркестры, в многочисленных ответвлениях Смитсоновского института подлинный Роден, прекрасные французы, модерн. Америка полегонку втягивает в себя не только мозги, но и душу человечества. Лучшие писатели, лучшие киношники, лучшие художники. Если это и от сытости, то избрано, бесспорно, лучшее приложение для лишних денег. А творческую публику, как она ни бранит эту заокеанскую мельницу для дураков, тянут сюда не столько деньги, сколько атмосфера волюнтеры. Как в Париже прошлого века.

В общем, каждый двигает в свою сторону, блюдет свой интерес, а в результате страна развивается сразу по всем мыслимым и немыслимым направлениям. У нас не так. Стройными рядами, к плечу плечо сверяя шаг... Кушаем вместе, работаем вместе, одной семьей. Кукрыниксам сказали, они дружно нарисовали. А, скажем, у Шагала так не выходит. И вот он там, а мы с сознанием своей исторической правоты здесь.

Беда в том, что плотным строем прийти можно только к обрыву. В Штатах вокруг, с боков, сверху и впереди народа летают личности-однодневки, мотыльки-экспериментаторы. Предприниматели. Вот один подлетел слишком близко к огню — сгорел. Другие подскочили, скоренько огляделись и помчались, наученные чужим опытом, дальше. Ребята непротые, с зубами и аппетитами. Каждый день кто-то из них сгорает, разбивается, банкротится, крестом обозначая опасные повороты и тупиковые ветви. Отчаянный народ!

Но зато уж те, что дальше других просчитали да ловчей сработали, получают куш много поболее среднего прожиточного минимума. И надо, наконец, признать, что это справедливо. За теми, кто намечил золотую жилу, спешат предприниматели второго разряда, они расширяют и дочиста вылизывают забой. А уж после, солидно и не спеша, в расчищенный проход переливается основная масса народа. Так Америка втянулась в компьютерный век. Так, не останавливаясь, втягивается в век ресурсосбережения и наукоемких технологий.

Мы поддались соблазну коллективной судьбы, забыв простую истину; больше всех печется о коллективизме и коллективе тот, кто намерен встать у него во главе или сесть ему на шею. Нас кормили грубой лестью, а мы за это позволяли себя вести, куда надо дальновидным вождям. Они очень даже были правы и понимали, в чем дело. При таком подходе можно собрать все силы в кулак и рвануть в одном направлении. Даешь сталь, даешь хлопок, даешь ракеты! Способ отнюдь не плох и до известных пределов оправдан. Где пределы, вот вопрос. Так мы провели индустриализацию (за счет крестьян), так выиграла войну, так сделали атомную бомбу и полетели в космос.

Но мир стал слишком сложным, оказалось, концентрироваться на одном железе нельзя. Все больше и больше вещей, идей, находок. И вот наши умные люди предлагают сконцентрировать и опять рвануть — на этот раз уже в сторону товаров народного потребления. Да только здесь ошибка. Машина спроектирована для работы в одном направлении, и назад не умеет. Нарачивать что-нибудь одно, но много! Если называть вещи своими именами, то вооруженную мощь. Вот главная цель централизованной, жестко регулируемой из центра экономики. А заставлять огромные заводы делать детские коляски и штамповать кастрюли — дело пустое. Не для того строилась эта механика, чтобы удовлетворять нужды потребителя. Она удовлетворяет нужды государства, не более того. И реагирует не на запрос снизу, но на приказ сверху.

Раз компьютеры пришли не сверху, им дороги нет. Теперь дан приказ, но материалов нет. Пока бьемся с компьютерами, за океаном в жалких гаражных лабораториях родилась блестящая идея биотехнологии. Фирмы подхватили, вложили миллионы, получили миллиарды. А мы еще ждем команды.

Да что команда! Можно концентрироваться на десяти, на сотне, на тысяче направлений. Но не на десятках тысяч. Так что все, пора трубить отбой и сворачивать знамена. Без свободного, заинтересованного поиска, без частной инициативы мы

с места не сдвинемся. Боюсь, этого наглядного урока мы Америке тоже не сможем простить.

Другое дело, что не только инициатива нужна. Японцы, например, сумели совместить оба способа действий — индивидуализм Запада с коллективизмом Востока. И таких результатов достигли, что Америке зябко стало.

Молодой математик из Сью-Фоллза говорил мне:

— Наш город бойкотирует японские автомобили. Из патриотических соображений. Хотя они дешевле и лучше качеством. А мне приятно назло им ездить в «Датсуне»... Это мой выбор, и почему я должен подделываться под всех?!

Есть, стало быть, и в Америке свои диссиденты. Борцы за идею. Японская реклама, кстати, тонко использует эту жилку личной независимости в американце. Он, конечно, патриот. Да еще какой квасной! Но, с другой стороны, не терпит подчинения. Вот ему и подсовывают раскольническую идею: или ты в стаде и считаешь себя патриотом, или сам по себе и едешь на нашей машине!

Судя по обилию японских «самураев» на американских улицах, прием срабатывает. Это юркая маленькая машинка, полуджип, полулегковушка. Надежная, дешевая. Очень нравится молодежи. И старая Америка, покряхтывая, все заметнее подается под нажимом вежливых и безжалостных конкурентов из-за океана.

Я не экономист. Но жизнь заставляет искать объяснения. И все чаще гложет меня сомнение. Вот уперлись наши теоретики и депутаты, что, мол, нам выбрать, социализм или капитализм? И все, вроде, ясен предмет спора. Частник или не частник, эксплуатация или не эксплуатация... Но ведь это все термины. На частной фабрике эксплуатация, а та же работа за меньшую зарплату и в худших условиях на государственной — не эксплуатация. Уж слишком большим патриотом надо быть, чтобы этого не понимать.

И все чаще мне кажется, что спор не о том. Как перед февральской революцией в России спорили — с царем или без царя? Принципиальнейше! Какая ж демократия, если с монархом?!

А сегодня оглянитесь вокруг. Демократическая Англия — монархия. В Швеции правят социал-демократы, строй свой считают социалистическим, а во главе государства — король. В Японии — император! В демократичнейшей Голландии — монархия! Так, может, дело-то не в этом?

Не впадаем ли мы опять в псевдосудьбоносный спор. Ведь и сегодняшняя наша ситуация вовсе не уникальна и отнюдь не обязательно социалистична. Капиталисты тоже все это переживали. Когда? А во время войны. И дефицит, и всплеск черного рынка, и талоны. Людей и экономику приходилось направлять на одну главную цель. Разрасталась роль приказов из центра. Частная инициатива ограничивалась. Сырье — прежде всего на военный завод. Людей — прежде всего в армию. Пушки вместо масла. Или, по-нашему, группа А вместо группы Б.

Граждане роптали, но терпели. А если кому невтерпеж хотелось масла, шел, бедняжка, на черный рынок. Война есть война. Однако лишь она кончалась, как сразу же вынужденные ограничения снимались, стимулировалась частная инициатива, белый рынок расцветал, черный гас, и начинались чудеса: немецкое, японское, американское.

Между прочим, был, наверное, соблазн. Скажем, популярный генерал, победитель, зачем ему расставаться с властью? Аппарат есть, оружие есть, опыт есть. Единственное, что нужно, это объяснить народу, что война только по виду кончилась. А на самом деле продолжается. Что надо еще тесней сплотиться, напрячься, усилить бдительность. А дальше все по знакомому сценарию. Тех, кто заинтересован в экономической свободе (буржуев, то есть и крестьян) убрать; чуждое идеологическое влияние из-за рубежа устранить. Умникам из интеллигенции заткнуть пасть и — в лагеря. И вести твердой рукой трудовые армии к новым свершениям... Какая здесь разница, капитализм, социализм... Вот она, живая власть. Или ею владеешь ты и твоя команда, или ненавистные денежные мешки.

Почему же на Западе не сработала эта схема послевоенного развития? Почему к власти пришли люди, которым нужна свобода, чтобы производить и продавать, а не те, кому приятней распределять и командовать? Я не вижу иного объяснения, кроме различий в исторической культуре народного мышления. Это не значит, что других объяснений нет.

Еще фрагмент из разговоров с американцами-футурологами:

— У нас боятся, что легализация частной собственности выведет к рулю дельцов теневой экономики с их миллиардами. Они все скупят на корню!

— А вы всерьез полагаете, что сейчас их миллиарды зарыты в землю? Они, уверяю вас, вращаются в экономике и приносят доход. Вы, возможно, получаете в кассе деньги, которые пришли в банк с теневой стороны. Давно доказано, что многие госпредприятия наполовину работают под их контролем. Только сейчас они платят налог не в государственную кассу, а в карман больших и малых крестных отцов, больших и малых чиновников. Это гораздо дешевле.

— Вы хотите сказать, черному рынку невыгодно открытое введение частной собственности?

— Естественно. Белый рынок конкурирует с ним и вытесняет его. Теневая экономика действительно является тенью нормирования, дефицита, централизованного управления. Рынок ее убивает. Поэтому она руками купленных функционеров защищает современную крайне выгодную для себя ситуацию. Каждый месяц неразберихи и неясности приносит ей миллиардные прибыли. Это все давно известно. Относительной новостью можно назвать лишь то, что теневая экономика защищает себя, пугая людей расцветом... теневой экономики. Оригинальный ход.

Сможем ли мы простить Америке такой взгляд на наши проблемы?

Ну, наконец, а что же Америка не простит нам?

Если ответить коротко — провала перестройки. Не только Америка, но и весь остальной мир. Вот только самые очевидные соображения. Экономически СССР им сейчас не конкурент, это ясно. В военном смысле пока тоже. Концепция ядерной войны самоубийственна, а других войн для современной эпохи пока не изобретено. Но они всерьез опасаются нашей страны как источника социальной нестабильности (в том смысле, что доведенное до точки население хлынет на Запад и затопит его недостаточной квалифицированной рабочей силой). И еще серьезней экологические опасения, связанные с нашей затратной экономикой.

Сейчас интеллектуальная и политическая элита США занята стратегией переворота глобальной экономики. Дело в том, что по прогнозам Института Мировых Ресурсов в Вашингтоне, в течение жизни наших детей численность населения мира вырастет до 10 миллиардов человек (вдвое), а экономика в денежном выражении вырастет в пять (!) раз. Если рост, как сейчас, будет идти на основе тепловой энергетики, то за счет сжигания ископаемого топлива тепличный эффект в атмосфере может повысить температуру планеты на 3—5 градусов. Это катастрофа для юных районов Земли, в частности, для Средней Азии.

Американцы видят спасение в длительной, последовательной политике подъема цен на нефть и уголь. Чтобы жечь их было невыгоднее и невыгоднее. Чтобы относительно дешево солнечная энергетика, которая, как считают, к концу века выйдет на мировой рынок в объеме 100 млрд. долларов. А с нефтью разговор ясный. «Вольво» и «Тойота» уже разработали модели семейных автомобилей, которые на 100 км. пути потребляют 2,5—3 литра бензина. Но выпускать эти модели в серию невыгодно. Строить их трудно и дорого, а выигрыш в экономике топлива невелик. Вот если бы бензин стоил дороже, то и новые модели стали бы рентабельнее. Их надо поддержать из экологических соображений.

Стратегия современной американской политики — повышение цен на топливо. И она уже осуществляется. Весь мир рыночной экономики более или менее организовано втягивается в поворот к энергосберегающим технологиям. Так что в США, например, к 2025 году планируется двукратное снижение потребления энергии по сравнению с современным. Не рост, а снижение в масштабе всей страны! Звучит невероятно.

А вот Советский Союз с его административной экономикой имеет очень немного шансов вписаться в этот поворот.

Мы обсуждали проблему с Мохаммедом Эль-Ашри, заместителем директора Института Мировых Ресурсов, американцем первого поколения, 20 лет назад приехавшим из Египта.

— Положим, вам удастся за десять лет заметно поднять цены на нефть. Но, пользуясь хорошей конъюнктурой, нефтедобывающие страны, в том числе и СССР, выйдут на рынок с новым трубопроводом и сведут на нет все ваши усилия!

— Скорее всего, так и будет. Но, во-первых, мы надеемся, что технология переработки нефти достигнет такой глубины, что будет невыгодно ее жечь. И, во-вторых, мы все равно будем в выигрыше, потому что имеем еще одну цель: снижение сжигания угля. А уж на него-то мы удержим цену. Наконец, мы надеемся, что проблема тепличного эффекта за ближайшие 5—10 лет будет осознана человечеством как очень серьезная опасность, и в ООН будут введены государственные квоты на сжигание всех видов топлива. Так что вам придется думать, если не хотите оказаться за пределами мирового сообщества...

Квоты. Квоты будут! Помяните слово эколога! Значит, добыча угля снизится. Шахты придется закрывать. Безработица среди шахтеров. По цепочке, если не перестроим технологию в металлургии, безработица среди металлургов; хватъ-похватъ, а все развитые страны через это уже прошли. Помните, лет семь назад пресса была полна сообщений о героической борьбе английских шахтеров с консервативным кабинетом М. Тэтчер? Как раз было то самое. Шахтеры проиграли. К счастью для Англии. Потому что уголь остался под землей, небо стало чище, экономика стала менее энергоемкой. Знаменитые туманы над Лондоном рассеялись. Они, оказывается, конденсировались на частичках угольной пыли, выброшенных через дымоходы.

Тогда же был и кризис сталелитейной промышленности в Америке. Та же история: не нужно им столько стали! Материалоемкость падает. Экономика, по меткому слову одного из наших лидеров тех лет, стала экономной. Естественно, забастовки металлургов, банкротства стальных королей... Тупик. Но за попадание в него платит не государство, а бизнесмен и люди, которых он вовлек в свое дело.

А у нас добыча угля растет. Выплавка стали тоже. И времени на размышление осталось минус 10 лет. В том смысле, что решения надо было принимать десять лет назад.

Между тем, выступает на Втором Съезде народных депутатов человек и требует внести в Конституцию пункт, по которому любой закон, ущемляющий права трудящихся и их интересы, должен быть признан неконституционным. Звучит здорово. А на деле гарантирует намерение как плавил сталь, так и плавить, пока руды достанет. Как закрыть отрасль, не ущемляя прав?

Вот что не простит нам Америка. Нельзя так жить, чтобы одна шестая часть суши тормозила и отравляла остальные пять шестых. Потому они и не торопятся спасать советскую экономику, хотя бы и ради помощи Горбачеву. Понимают, что помощь пойдет на подпорки Административной Системе. Они не спешат. Подождут, пока самому твердолобому станет ясно, что без нормальной экономики нам не выбраться из тупика.

Да на что нам Америка. Ведь беда в том, что в стране нет силы, которая не простила бы явных ошибок руководства. Привыкли маршировать с закрытыми глазами. И может, главное, что перестройка сделала, — это глаза нам открыла. Теперь бы не испугаться того, что увидели, и опять не зажмуриться...

Но вот уж этого точно не простят.

Анатолий Ершов

ДОРОГОЙ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

НАХОДКИ В ГРОБНИЦЕ И ПЕЩЕРЕ

Наш автобус снова в пути. Пересекать Ферганскую долину мне приходилось не раз. С геологами, гляциологами, ирригаторами... И вот сегодня — в составе экспедиции по Великому шелковому пути. Само название маршрута постоянно возвращает к мыслям о происхождении и распространении по миру одного из древнейших творений человека — шелковой ткани.

Об этом уникальном материале, которым порою расплачивались как деньгами, в Ферганской долине напоминает многое. И прежде всего неизменные стражи местных дорог и оросительных каналов — корявые низкорослые деревца тутовника, или шелковицы. Они были характерной частью пейзажа и десять веков назад.

Тутовые деревья издревле использовались не только для шелководства. До недавнего времени употреблялась мука из их сушеных ягод, считавшихся важнейшим продуктом питания. И, конечно, древесина шелковицы идет на топливо. Все это подтверждается множеством связанных с этим деревом понятий в языках местных народов. А ведь такое наследие формируется тысячелетиями.

Старики помнят немало имеющих отношение к тутовнику обрядов и обычаев. Когда начинался сезон выкормки шелкопряда, при срезании с дерева первых ветвей предписывалось читать молитву. «Духу дерева» подносились жертвы. Правда, иногда к дереву относились и не столь почитательно. Это когда оно, по мнению хозяина, не давало достаточно плодов и листьев. В таких случаях по стволу стучали топором, угрожая срубить.

В селении Канглы, расположенном на берегах пенистой горной реки Санзар, сравнительно недалеко от дороги Ташкент — Самарканд, до наших дней сохранился обряд поклонения тутовому дереву на могиле мусульманского святого. Сюда, в святилище Тутли-ата (Шелковичный отец), приходят бесплодные женщины. Разводят костер, сжигают две шелковые ленточки, потом пеплом мажут переносицу, левую щеку и левый висок. Считается, что после этого ритуала желание женщины сбудется. Обряд соблюдают молодые наследницы традиций племени канглы. Предполагается, что это потомки могущественных древних кангюйцев, о которых более двух тысяч лет назад писал китайский посол Чжань Цянь. Происхождение кангюйцев и территория их расселения до сих пор являются предметом спора для ученых. Кое-кто считает, что они тюрки. Известный русский востоковед В. В. Бартольд выделял среди тюрков племя тутеля — «народ тутовника» или «шелковое племя». Оно, согласно генеалогическим преданиям тюрков, проживало между Самаркандом и Ташкентом.

А не об этих ли «шелковых людях» рассказывали античные ученые — Аполлодор, Страбон, Псевдоарриан? Так, Аполлодор в «Истории Парфии», написанной в начале первого века до нашей эры, свидетельствовал, что «бактрийские цари простерли свои владения до серов и фринов». Напомню, что по-латыни шелк — серикум. Отсюда и имя народа — серы, а страна — Серика. Одни исследователи полагают, что это — Китай, другие — Восточный Туркестан... А почему бы не быть третьему варианту? По словам Плиния Старшего, в Римскую империю из Серики ввозилось и железо. Но ведь Средняя Азия его также экспортировала. И даже из района обитания «народа тутовника»...

Однако больше всего упоминаний о торговле в «Великой блуднице» — Риме — шелком. Об этом пишут даже поэты и упоминает «Апокалипсис» — одно из древнейших литературных произведений христиан.

Сведения из книг античных авторов позволяют заключить: уже две тысячи лет назад между Римом и Китаем была сухопутная торговая дорога. А одним из важнейших предметов импорта в Римскую империю был шелк. Но в самом ли начале пути изготавливали всю эту ценнейшую

Продолжение. Начало в № 7.

продукцию? Каковы конкретные маршруты следования товаров? На эти и многие другие вопросы доказательного ответа не было. Лишь догадки. Да и сегодня многое еще спорно.

— Завесу таинственности помогли приподнять два открытия, — говорит ташкентский искусствовед Сайера Мансуровна Махкамова. — Первое было сделано в Пещере тысячи будд в Китае, второе — совсем на другом конце континента, в гробнице святого угодника в бельгийском городе Юи.

Сайера Махкамова — участник нашей экспедиции. Она стала моим добрым гидом в мир древних тканей. А возможности для этого у нее исключительные, ведь она — старший научный сотрудник Института искусствознания. Многие годы она посвятила сбору и анализу материалов по истории шелкоткацкого производства в Средней Азии. В результате изданы альбом «Узбекские авровые ткани» и книги по истории текстиля.

Беседуем с Махкамовой прямо в автобусе.

Открытие в Восточном Туркестане, как раньше называли Синьзян-Уйгурский автономный район Китая, сделал известный ориенталист Аурелий Стейн, уроженец Венгрии. В начале нынешнего века он вел исследования в пещерном монастыре близ Дуньхуана. По китайским летописям, именно в районе этого уездного города, у крепостей Юй-мынь-гуань и Ян-гуан, южная и северная ветви шелкового пути соединялись, и далее на восток вела одна дорога.

Основные находки Стейн сделал в Пещере тысячи будд, расположенной всего в двух десятках километров от Дуньхуана. Монастырь основан в 366 году и был известен на всем Востоке. Подземные лабиринты протянулись на тысячи метров, располагаясь в несколько этажей. Здесь-то и были обнаружены древние свитки, декорированные шелком.

Изучение находок показало — ткани не китайские! Откуда же тогда привезен этот шелк? Ученый, исходя из соображений общеполитического характера, сделал заключение: ткани изготовлены в Средней Азии.

Находки востоковеда заняли почетные места в экспозициях музеев Лондона, Парижа, Нью-Дели и других городов мира, но вывод Стейна историки текстиля не спешили разделить, хотя они к тому же могли прийти собственным путем, используя приемы художественного анализа характера шелка, изучая особенности школ византийских, китайских, среднеазиатских и иранских мастеров.

Потребовалось еще полвека, чтобы выводы А. Стейна получили признание.

Этому способствовало другое открытие, сделанное в тихом провинциальном городке Юи. Он скромно приютился между зелеными холмами юго-восточной Бельгии на берегу реки Маас, притока Рейна.

Одна из пощаженных временем здешних реликвий и послужила историкам для сенсационного открытия. Речь идет о куске узорчатой шелковой ткани золотистого цвета из собора Ноттердам в городе Юи. Этот материал украшал гробницу святого угодника Домициана.

Удача выпала на долю историка по древним тканям Д. Шеперд, обнаружившую на обороте куска таинственную надпись тушью. Исследовательница предположила, что имеет дело с материей из какой-то восточной страны. В пользу такой гипотезы говорили структура ткани и характер рисунка на ней — два оленя у символического дерева жизни. Но из какой же далекой страны завезли в бельгийский городок шелковое полотно? Помочь решить загадку доктор Шеперд попросила авторитетного английского востоковеда В. Б. Хеннинга.

Надпись оказалась на согдийском языке, ныне мертвом. Известен лишь один его живой потомок — ягнобский язык, на котором в наши дни говорит немногочисленное племя горцев в верховьях реки Зарафшан. Тем не менее для специалиста прочитать надпись не составило большого труда. Обнаружилось, что мы имеем дело со своеобразной торговой маркой, использовавшейся еще в средние века.

На древней ткани прочли: «Зандана».

Это страна или город? Позже выяснилось — обычный кишлак под Бухарией. Таких в Средней Азии множество. Селение это сохранилось до наших дней. Изготавливавшаяся здесь ткань, как показало изучение старинных книг, издавно было принято именовать «занданечи».

Не менее важно было узнать и время изготовления ткани. Хеннинг по способу написания, формам букв и другим внешним признакам, используемым в палеографии, предположил, что полотно соткано на рубеже VII—VIII веков. Это не противоречило историческим данным, ведь было известно — гробница святого Домициана в соборе города Юи обустроена при жизни Карла Великого. Французский император ушел в мир иной в 814 году. Отсюда следовал вывод, что позднее шелковый отрез не мог быть изготовлен.

Дальнейшие исследования позволили выяснить: находка в Юи не единственный в Западной Европе образец ткани из Занданы. Оказалось, что среднеазиатские виды шелка широко использовались при захоронении мощей святых в соборах Бельгии, Ватикана, Германии, Италии, Нидерландов, Франции, Швеции и других европейских стран.

С 820 года гробницу святого Амона в соборе французского города Туле украшал большой кусок шелка бежевого цвета с охотничьими сценами — собаками, преследующими дикое зверя. Между этими рисунками в медальонах у дерева жизни изображались парные львы. Теперь ткань хранится в музее Лоррен в Нанси. Шелк с растительно-геометрическим узором нашли в раке святого Ламберта в бельгийском городке Льеже. Ткань оказалась еще более древней — выяснилось, что гробница существует с 718 года.

Занданечи имели характерное ткацкое переплетение узоров, и при их производстве использовались вполне определенные красители. По этим признакам специалисты стали выявлять в музеях, церквях, частных коллекциях любителей старины родственные образцы.

Только в сокровищнице знаменитого кафедрального собора в Сансе (Франция) хранились занданечи с изображением львов, коней, орлов, павлинов, уток и других животных и птиц. Были здесь и ткани с геометрическими фигурами. Окраска полотнищ — темно-синяя, бежевая, золотистая. По этому фону расположены узоры самых разных цветов — белого, бежевого, зеленого, золотистого, желтого, коричневого, синего.

Находки убедительно свидетельствовали о весьма разнообразном ассортименте продукции старинного текстильного центра. Стало очевидным и то, что причислять все эти ткани к иранским или даже византийским — как до этого делали многие специалисты — ошибочно.

Смешение различных элементов орнамента, как на тканях занданечи, вероятнее всего могло произойти лишь в месте пересечения торговых путей. А таким местом и была Средняя Азия, расположенная на полдороге из Китая в Средиземноморье.

Находка доктора Шеперд стала той счастливой случайностью, которая подтолкнула исследователей к новым открытиям. Была проведена своеобразная инвентаризация шелков. В результате на учет взяли почти сотню образцов занданечи.

Но в самой Средней Азии, скажем, забегаая вперед, такого вида ткани обнаружить не удалось. На первый взгляд это кажется удивительным. Но только на первый взгляд. Напомним, что в свое время историки текстиля не нашли ни одного образца раннесредневековых александрийских шелков в Египте, а константинопольских — на бывшей территории Византии. Чему удивляться, ведь на месте производства продукция всегда ценится меньше, чем в отдаленных странах.

Историк десятого века Наршахи свидетельствовал: при дворах европейских князей ткани занданечи «покупались по той же цене, что и парча», а вывозились они в «Сирию, Египет, римские города».

Уместно привести и поговорку кочевников приамударьинских степей: «Сколь ветхой ни была бы одежда, она годится для дождя». Поэтому использовали ткани до полного износа. И не только жители Средней Азии.

Эстафету поиска у западных коллег приняли советские ученые. Кропотливый анализ фондов отечественных музеев провела старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа Анна Александровна Иерусалимская. Через ее руки прошло более двухсот фрагментов тканей из раскопок могильников на Северном Кавказе. Большинство образцов — занданечи.

Исследовательница задалась вопросом: почему именно на Кавказе оказалось такое количество тканей из Средней Азии? Изучение всего комплекса археологических и исторических материалов позволило сделать открытие: здесь пролегла одна из ветвей трансконтинентального шелкового пути. Она шла от Самарканда по великим среднеазиатским пустыням к Аральскому морю, преодолевала через переправу Волгу и далее выходила по перевалам Кавказского хребта к причерноморским торговым городам.

Ранее в науке был общепринятым взгляд: шелковый путь из Средней Азии на запад проходил через Иран. И вдруг такой зигзаг — Северный Кавказ!

Путь этот стал регулярно использоваться, видимо, с конца шестого — начала седьмого века и устойчиво функционировал несколько столетий.

По кавказскому маршруту шли среднеазиатские, китайские и греческие купцы. Дорога, конечно, была нелегкой. Некоторые коммивояжеры на этом пути находили свое последнее пристанище. Как, например, китайский купец. При раскопке археологами его могилы в Мощевой Балке (находится на притоке Кубани — реке Большой Лабе) обнаружены обрывки картины на шелке, переплета книги и записной книжки. В ней удалось прочесть фрагменты приходо-расходной записи: «...120 монет... 10-й месяц 4-й день... продал...»

Путешествие, действительно, длилось годами. И те, кто из него возвращался благополучно, спешили возблагодарить богов, как это сделал купец на фреске из Безеклика (Синьцзян).

Среди откопанных учеными на Северном Кавказе тканей преобладали среднеазиатские. На их долю пришлось почти две трети образцов. Примечательно, что рисунки на них аналогичны обнаруженным на тканях в европейских церквях.

Пятую часть находок составили китайские, четвертую — византийские шелка. Да, начались, как сказали бы в наши дни, встречные перевозки. Ведь уже в VI веке Византии удалось заполучить грону тутового шелкопряда, тайно доставленную с Востока в посохах монахом.

Вместе с фрагментами западных видов шелка археологи раскопали в могильниках предметы, свидетельствующие о принадлежности их христианам. Это подвески с изображением «мадонны с младенцем», нательные крестики.

И здесь к месту напомнить, что в наши дни одна из наиболее любимых видов узорчатых авровых тканей в Средней Азии имеет ромбическую сетку с вписанным внутрь каждой ячейки... крестом. Это тумор — оберег. Такие кресты вы можете увидеть на средневековых домах Западной Европы. Понимание символов и в сердце Азии, и в центре Европы — одинаковое.

Византийское влияние обнаруживается и на среднеазиатских тканях VII—X столетий. Скажу больше, местные ремесленники ткали отрезы даже в особом экспортном варианте — для продажи на христианском Западе. Свидетельство тому — находки согдийского шелка с рисунком «Жертвоприношение Авраама».

Специально для племен Северного Кавказа изготавливались занданечи с изображением двойной секиры. Этим шелком платили проводникам, носильщикам, за лошадей... Почему именно такой вид ткани пользовался популярностью у народов этого региона — загадка.

Остается для ученых и тайной внезапный перелом в IX веке ткачей Занданы с изготовления шелковых тканей на хлопчатобумажные.

Зато о причинах изменения в VI веке маршрута торговли на Великом шелковом пути имеется вполне мотивированное объяснение. Ответ находим в бурных политических событиях в Азии. К тому времени здесь возникает огромное государство кочевников — Тюркский каганат. В него входят территории от Кореи до южнорусских степей. Даже Китай оказался от него в полуассальской зависимости и вынужден был постоянно откупаться. В первую очередь самой твердой валютой той эпохи — шелком.

Китайский монах-путешественник Сюань Цзань, посетивший в 630 году столицу Западного каганата в Семиречье, писал: «... Придворные, числом более 200, были одеты в блестящие расшитые шелка... Каган жил в большой юрте, украшенной парчой с цветочным рисунком...»

Много шелка скопилось и в самой Средней Азии. Пути же его вывоза на Запад находились

под контролем Ирана, который наживался на посреднической торговле и старался не допускать прямых контактов стран Востока с Византией.

Согдийцы все же отправили посольство в Иран с целью договориться о возможности транзитного провоза шелка в Византию или хотя бы о продаже шелка иранцам. Но правитель Ирана Хосров I отказал послам в их просьбах.

Катульф, выходец из Средней Азии, один из советников шаха, посоветовал Хосрову I закупить привезенный согдийцами шелк, а затем сжечь его в присутствии послов. Шах так и поступил. Этим иранцы дали понять, что они не нуждаются в согдийских товарах.

Западный Тюркский каганат, в состав которого входила Согда, решил еще раз испытать судьбу — послал свое посольство. Результат оказался тем же. После этого правительство кагана направило дипломатов уже в Византию. Во главе миссии стоял согдиец Маниах, имевший соответствующие письма и много даров «из шелка немалой ценности». Посольство прошло севернее Каспия и через Кавказ. По этому же пути в 568 году оно возвратилось назад. Свершившимся фактом стал военно-политический союз тюрков и Византии, по посольской дороге началось интенсивное движение торговых караванов. И то, что на этой самой северной ветви Великого шелкового пути не находят иранских тканей, вполне понятно.

А как же сложилась судьба наследия мастеров шелка из Занданы?

— Оно не пропало, — отвечает Сайера Мансуровна Маххамова. — Наиболее характерные черты узоров занданечи, как это ни удивительно, дошли до нас через тринадцать столетий. Они воплощены в современных узбекских шелках.

НЕБЕСНЫЕ КОНИ

Китайский посол Чжан Цянь, официально направлявшийся на встречу с племенем юэчжи, возможно, имел особое секретное поручение. Историкам известно, что император У-ди (140—87 годы до н. э.), снарядивший посольство, страстно мечтал занять упряжку неземных коней, способных доставить человека на небеса. Таким путем У-ди намеревался утвердить свою божественность и обеспечить бессмертие.

Место обитания небесных коней, «потеющих кровью», в те времена не составляло тайны.

Коней небесных род начался
в стране Юэчжи в пещерах.
На спинах у них как у тигра узор,
с драконьими крыльями тело.

Так писал в «Песне о небесных конях» известный поэт Ли Бо. Страна Юэчжи для китайцев находилась на далеком Западе, там, где на изумрудных лугах у подножья голубого Тянь-Шаня — Небесных гор, у истоков великой реки, устремлявшейся в Западное море, паслись табуны божественных коней. Сюда-то, в государство Давань, в 128 году до нашей эры и прибыло посольство Чжан Цяня.

Страна была густо заселена и занимала всю Ферганскую долину. Посольство насчитало здесь семьдесят городов. Крупнейшие из них имели территорию в десять-сорок гектаров. Это были весьма внушительные по тем временам поселения.

Местные жители, отмечал в своих записках посол, с радостью принимали его миссию, ведь до этого их попытки наладить прямую торговлю с китайцами были тщетными.

Всюду на Западе путешественники встречали товары своей страны, которые попадали сюда через посредников.

Но, несмотря на дружелюбное отношение правителей и всего населения, Чжан Цянь так и не сумел выполнить тайное поручение императора. Посольство смогло привезти на родину лишь семена травы «мусу» — люцерны, остающейся вот уже более двух тысяч лет прекрасным кормом для лошадей.

Однако император не терял надежды завладеть упряжкой небесных коней и с их помощью открыть для державы «век дракона».

На Запад одно за другим направляются посольства. Так, миссия, выехавшая в 115 году до нашей эры и опять возглавлявшаяся уже знакомым нам Чжан Цянем, посетила страну Усуней (ее территория занимала районы нынешней Киргизии, Южного Казахстана и Восточного Туркестана), Давань, Кангюй (территория среднего течения Сырдарьи), Даюэчжи (Кушанское царство), Даса (Греко-Бактрия), Аньси (Персия) и даже установила связь с Шеньду (Индией).

Менялись царствовавшие династии, но интерес китайских императоров к небесным коням оставался неизменным. В страну Давань продолжали снаряжаться все новые и новые посольства. Обрато они частенько возвращались в сопровождении полномочных представителей среднеазиатских властителей и, конечно, везли всякий экзотический товар. Но только не небесных коней. Их ферганцы упорно отказывались продавать. Это послужило поводом для военных походов.

Первый такой поход предпринимается в 104 году до нашей эры. Но он оказался неудачным. Вскоре собирается еще более крупная военная экспедиция. На этот раз она окружает столицу Давани — город Эрши. Осада длилась два месяца. Наконец из столичного пригорода берут в заложники стариков. В качестве выкупа за них китайцы требуют сто коней небесной породы. Осажденные держат совет и соглашаются дать лишь пару. Ли Гуанли, полководец, возглавлявший войска пришельцев, согласен и на это. Осада снимается.

Эрши, полагают археологи, находилось на юго-востоке Ферганской долины. Бывшую столицу ныне отождествляют с городищем Мархамат (в переводе с узбекского — «Пожалуйста»). Местные жители это городище именуют по-своему — Мингтепе (Тысяча холмов). И не случайно.

На территории прямоугольника в двадцать пять гектаров действительно много холмов. Наша

группа забралась на один из них. С бывшей башни открывается впечатляющая панорама. Среди оплывших крепостных стен удалось насчитать несколько десятков возвышенностей — когда-то они были грозными башнями. Немало холмов — руин крупных построек — имелось до недавнего времени и внутри крепости. Теперь среди фруктового сада в центре городища остался лишь самый большой, образованный обрушившейся цитаделью. Другие холмы распаханы в период, когда колхоз имени Свердлова стал здесь сеять хлопок. Археологи в связи с этим выразили местным властям протест. И вот теперь на месте древнего города, недра которого таят бесценные для науки сокровища, предусмотрительно разбили сад — крестьяне не намерены в ближайшем будущем отказываться от приглянувшегося им бесхозного пустыря. И их можно понять — в перенаселенной Ферганской долине в сельскохозяйственный оборот вовлекается каждый свободный клочок земли. Можно также понять и ученых, ведь они надеются на крупные открытия. Предполагается, например, что руины самой большой башни — это остатки одной из древнейших в Средней Азии астрономической обсерватории.

Идем вдоль обвалившихся крепостных стен, образующих в плане прямоугольник. Длинная сторона — тысяча шагов, короткая — почти на половину меньше. Затем садимся в автобус и направляемся в селение Араван, где на окрестных скалах руководители экспедиции обещают показать наскальные рисунки знаменитых «даванских лошадей» — вожделенную мечту китайских императоров.

Дорога живописная. Справа — отроги Кичик-Алая с нахлובученными на вершины снежными шапками. Ближайшие скалы сложены известняками с выходами в отдельных местах разноцветного мрамора.

В пути встречаются жители в традиционных войлочных головных уборах киргизов. Такие шапки здесь в моде, если судить по древним фрескам, не менее двух тысяч лет.

Лента дороги пересекает реки и ручьи. Воды много. Луга неправдоподобно зеленого цвета — перед нами богатейшие пастбища. И нельзя не поверить, что именно в таком райском уголке и была выведена прославленная порода небесных коней.

Уже в Ташкенте, перелистывая книгу М. Массона «Из воспоминаний среднеазиатского археолога», нахожу строчки: «Мне кажется, что Аравансай и есть река Урест арабских географов. А средневековая область Урест между Кубой¹ и Ошем — это, наверное, современная долина Аравана. Упоминаемые же Птолемеем аристеи, жившие, по его сведениям, где-то по верхнему течению Сырдарьи, вероятно, обитали и здесь. Едва ли их имя и наименование средневековой области Урест не одного корня».

М. Массон и его спутники в 1939 году остановились в центре кишлака Араван. Мы сделали так же. И так же стали расспрашивать местных жителей о древних рисунках. Нам сразу показали направление к скале, высившейся на восточной окраине селения.

И вот мы стоим перед почти отвесным утесом высотой метров двадцать. Ищем глазами петроглифы. Наконец видим экспрессивный силуэт коня... Но что это? Поверх древнего рисунка увековечено краской имя нашего современника — любителя наскальных автографов...

«Высоко на темно-серой поверхности отвесной скалы проступает крупный силуэт коня, — писал аксакал археологов Средней Азии Михаил Евгеньевич Массон. — Именно взрослого коня, производителя, с подчеркнутым половым признаком. Во всем остальном тот же облик, что и у других рисунков. Сомнений нет: перед нами рисунки скаковых аргамаков, близких к туркменским. Такой породы теперь в Фергане не существует. Наскальные изображения сделаны по крайней мере в I тысячелетии до н. э. Перед нами первое опознанное изображение взрослых китайскими летописцами даванских коней небесной породы. Это они вожделенно привлекали сюда во II веке до н. э. китайские войска полководца Ли Гуанли».

Ни нам, ни нашим потомкам, увы, в первоизданном виде наскальной картины уже не увидеть...

Местные жители называют скалу Дульдуй-ата. Дульдуй — имя легендарной лошади, ата — отец. Буквальный перевод — Отец Дульдуйя. Когда-то из-под скалы бил родник. Потом иссяк. Рядом — руины мечети, запущенное кладбище, карагач, ветви которого увешаны жертвенными хлопчатобумажными ленточками. Это в честь духа, покровителя и исцелителя лошадей. Древний культ все еще популярен, несмотря на полувековой психологический пресс атеистов.

Конь Дульдуй — неизменный спутник и соучастник подвигов Али, уважаемой у мусульман Средней Азии личности, родственника пророка Мухаммада. Легенда утверждает, что у этой скалы Али привязывал свою лошадь, когда отправлялся на битву с белым дивом, жившим в пещере вблизи Аравана.

М. Массону до той пещеры добраться не удалось. Нашей экспедиции тоже не хватило времени. Не смогли мы посетить и обследованную Массоном галерею наскальных рисунков в горах Айримачтау — в девяти километрах на северо-западе от Оша. Здесь древние художники изобразили целые табуны стройных даванских аргамаков. На потомке такого коня, видимо, и скакал один из героев Шекспира из драмы «Жизнь короля Генриха V», заявивший: «Когда я скачу на нем, я пару над землей, я сокол; он несется по воздуху; земля звенит, когда он заденет ее копытом. Самый скверный рог его копыт поспорит в гармонии со свирелью Гермеса».

Легендарному герою эпоса киргизского народа Манасу помогал совершать подвиги тоже крылатый конь. Предания утверждают, что конюшней ему служила огромная пещера, каких немало в горах вокруг Ферганской долины.

Но нигде на своих рисунках художники этой долины не изобразили небесных коней с крыльями, как это делали китайские.

В Китае, надо полагать, это было связано с особым священным статусом лошади. Древняя традиция наделяла ее чудесными свойствами и всяческими знаками божественного происхождения. Поверье провозглашало коня родственником дракона — духом воды. Все лучшие кони счита-

¹ Куба — принятое авторами средних веков название и ныне существующего города Кува, расположенного на шоссе Маргилан-Андижан.

лись воплощением драконов, и все высокорослые скакуны, которыми располагали китайцы, в старину назывались драконами.

Легенды о лошадях, рожденных из воды, были широко известны на Востоке. В 625 году озеро Драконов в окрестности одного из храмов в Восточном Туркестане показали упоминавшемуся выше монаху-путешественнику Сюань Цзаню. Позже он писал: «Эти драконы, изменяя свой облик, соединяются с кобылицами. Их потомство — порода диких лошадей, трудная для приручения и свирепого нрава. Но потомки этих лошадей-драконов становятся послушным».

Истоки таких представлений нужно искать на юге Средней Азии и в Иране. В местных мифах и изобразительном искусстве крылатые кони хорошо известны. И еще, древние греки верили — лошадей людям даровал Посейдон, бог морей. Опять водная стихия!

Здесь нельзя не вспомнить, что среднеазиатские мастера изображали на шелковых тканях пегасов. Однако делали это, лишь подражая иранцам. В дальнейшем рисунки стали более реалистичными — крылья лошадей трансформировались в седла.

Сюань Цзань пропутешествовал из Восточного Туркестана по Великому шелковому пути до страны Давань, а уже отсюда направился в Индию.

Согласно преданию, из Индии он вернулся на богатырском небесном коне со множеством священных буддийских сочинений.

Но приведенный пример культурной миссии лошади скорее можно отнести к исключению, чем к правилу. Главная сфера использования коней в ту эпоху — военная. Об этом довольно четко сказано в «Истории Тан»: «Лошади — это военная готовность государства; если Небо отнимет эту готовность, государство начнет клониться к упадку».

Династия Тан пришла к власти в начале VII века. Победители имели в своем распоряжении только пять тысяч лошадей. Но к середине века правительство, следуя продуманной государственной политике в области коневодства, имело уже свыше 700 тысяч лошадей. Такой высокий уровень поддерживался и в дальнейшем.

Основным источником пополнения табуна были закупки боевых коней в Фергане. Караванов, идущих из Даваня с лошадьми, было так много, сообщают исторические хроники, что «один не выпускал из вида другого».

Кроме собственных закупок за границей, император санкционировал открытие у западных и северных рубежей страны трех обменных рынков — своеобразных зон свободной торговли в «обнесенных стеной городах», куда повелел каждый год доставлять в большом количестве отрезы тяжелой тахты и других видов шелка. Они и заменяли твердую валюту при покупке у иностранных купцов лошадей.

Внутри страны коней вели группами по десять голов. На каждую группу полагался погонщик. Он отвечал перед государством за то, чтобы ни одно из подопечных животных не было украдено, потеряно или поранено. На случай гибели лошади были до мельчайших деталей разработаны инструкции — управленческий аппарат империи был на высоте! Мясо, например, предусматривалось продать, а шкуру сдать на казенный склад. Если же несчастье случилось в пустыне, где покупателя сыскать невозможно, то подотчетному лицу предписывалось в качестве доказательства доставить кусок лошадиной шкуры с государственным клеймом. Его ставили при приемке животных в «обнесенной стеной городе» по указанию уполномоченного — особого государственного чиновника. Должностное лицо, утерьявшее лошадь, получало в качестве наказания тридцать ударов бамбуковой палкой. Две лошади — уже шестьдесят...

Но вот иноземные лошади доставлены на пастбища, распределены по табунам. Ссюда их спустя какое-то время определяют на государственную службу в качестве боевых коней или почтовых лошадей, а самых лучших направят в императорские конюшни. В зависимости от типа и качества рысаки попадали в «Лошадиный загон летящих желтых», «Лошадиный загон благовестных и чистокровных», «Лошадиный загон драконовых свай», «Лошадиный загон Небесного парка» и т. д. Коней из этих загонных брали для крупных военачальников, императорской охоты, церемониальных шестий и по другим торжественным случаям.

Важной статьей пополнения китайских правительственных табунов стали и подарки высокопородных коней от правителей Средней Азии. «Обозрение Танской династии» сообщает, что в 627 году Хорезм преподнес в дар китайскому двору четыре тысячи ферганских лошадей.

Во времена Танской династии в Китае верили, что кони-производители, ввозимые из Самарканды, были из породы настоящих ферганских скакунов — цзюнь. Иероглифом «цзюнь» было принято обозначать любую отменную чистопородную лошадь, при этом чаще всего подразумевалось ее сверхъестественное происхождение или таинственное родство с божественными конями Запада. Конечно, китайцы спокон веков имели и свои породы лошадей. Много у них было низкорослых монгольских лошадей — подарков от кочевников. Однако самыми ценными всегда оставались кони из Средней Азии.

Нередко лошадей дарили с далеко идущими политическими целями, надеясь укрепить свое положение. Часто преподнесенный в подарок табун коней становился своеобразным калымом за брак с китайской принцессой. Примером может служить заключенный в 643 году контракт между танским двором и тюрками-сиртардушами, приславшими царевича с пятью тысячами серых чернотелых коней.

Лучшими лошадьми для игры в верховое поло тоже считались животные, доставленные из Средней Азии, где этот древний вид спорта был широко распространен. Игра, по общепринятому мнению, произошла в Китай из Ирана в седьмом веке — в начале Танской эпохи. Из поднебесной империи она распространилась в Корею и Японию. Называлась игра просто — «битье мяча». Делали это с помощью изогнутых клюшек с концами в форме полумесяца. Воротами служили сетчатые мешки. Играли в поло императоры, придворные, ученые и даже знатные дамы. Во дворах для этого существовало специальное поле.

Кроме общепринятого мнения о родине поло, есть и альтернативное. Его сторонники считают, что игра была изобретена примерно в начале II века нашей эры в Китае и распространилась на запад до Ирана, где была развита при Сасанидах, а затем снова разошлась по всей Восточной Азии.

Не правда ли, похоже на аналогичный случай: в нашей стране развлечение называют «американскими горками», а в США — «русскими горками»?

Как проходила сама игра, помогают представить старинные иранские миниатюры. Например, по иллюстрациям к шедевру классика узбекской литературы Алишера Навои «Пятирице» («Хамсе»), составленной из его знаменитых поэм, видно, что каждая команда имела по четыре всадника. Игроки различались по масти лошадей.

Навои игру называет чавгон (по-персидски — клюшка). Об этом развлечении также писали Джами, Фирдоуси, Рудаки, Омар Хайям, Хафиз, Ибн Сина, Исмаил Бухари, Хисрав Дехлави...

Много позднее — в 1842 году — в книге «Путешествие по Кашмиру, Ладану и Тибету» англичанин М. Браун так рассказывал о состязаниях, свидетелем которых ему довелось стать: «Это был настоящий хоккей на лошадях. Мяч тяжелее крикетного. Сделан он из кости или ивового дерева и по-тибетски называется пулу... На состязания собираются многочисленные зрители. Они располагаются на дувале и с величайшим интересом следят за ходом игры... Игроки числом, может быть, до 16 редко отдыхают, пока не закончится игра. Точных правил я не узнал. Эта игра является достойным видом спорта и, я думаю, у западных наций будет прекрасным упражнением для кавалерии».

Слова оказались пророческими. Конное поло в наши дни стало популярным во многих районах мира. Особенно увлеклись им в Южной Америке.

А Северная Америка, убеждены исследователи, является родиной лошади. Именно в этой части света найдено огромное количество костей и скелетов ее предков. В Евразию быстроногие животные попали по когда-то существовавшему между двумя континентами перешейку. В Америке же примерно миллион лет назад дикая лошадь вымерла. Причины этого до сих пор еще не ясны. Снова на свою прародину лошади вернулись лишь на каравеллах испанских конкистадоров. Позже некоторые животные, затерявшись во время битв и походов, оказались на воле, одичали и стали родоначальниками прославленных мустангов.

Переселившиеся из Америки в Евразию предки современной лошади еще долго оставались дикими. Наконец в четвертом тысячелетии до нашей эры — а возможно и раньше! — в южно-русских, сибирских и среднеазиатских степях человек приручил лошадь.

С того времени интенсивнее стали контакты между народами, обмен опытом и идеями. Во многом благодаря лошади оседлые племена превращаются в кочевников. Их волны прокатываются по Евразии, набегают даже на африканский континент. С одной из таких волн — азиатскими племенами гиксосов, захвативших в 1700 году до нашей эры Египет, в Северную Африку попадает и лошадь. До того здесь даже фараоны ездили на ослах, одомашненных около шести тысяч лет назад. Во всяком случае, на египетских памятниках изображение коня появилось лишь после вторжения гиксосов.

В семидесятых годах IV века в степях Юго-Восточной Европы неожиданно появляются гунны. В течение нескольких лет в их руках оказывается вся причерноморская периферия античного мира — вплоть до границы Римской империи. Современник тех событий Аммиан Марцеллин писал: «Невиданный дотоле род людей, поднявшийся, как снег из укромного угла, потрясает и уничтожает все, что покажется навстречу, подобно вихрю, несущемуся с высоких гор». По словам известного римского историка, гунны, «которые превосходят всякую меру дикости», были «семеем всех несчастий и корнем разнородных бедствий»; «все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь страшным и чудовищным видом, что можно принять их за двуногих зверей... Они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду... Все они, не имея определенного места жительства... кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткнут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина, он зачат в одном месте, рожден далеко отсюда, вскормлен еще дальше».

В этом ярком описании гуннов Аммиан Марцеллин многое преувеличивает, наделяя кочевников традиционными чертами диких северных племен. На самом деле гунны обладали достаточно развитой материальной культурой и серьезными навыками в военном деле. Но вот рассказывая о том, как гунны буквально слились воедино со своими конями, историк, пожалуй, не грешил против истины: «Они... как бы приросли к своим выносливым... лошаденкам, на них каждый из этого племени ночует и днюет, покупает и продает, ест и пьет и, пригнувшись к узкой шее своей скотины, погружается в глубокий сон...»

И, очевидно, не случайно в древности родился миф о кентаврах — полулюдях-полуконых. Но как же возникло такое единение? Как удалось человеку превратить необузданное дикое животное в надежного помощника в труде и сражении?

Проникнуть в закрытые густым туманом времени эпохи, когда не существовало еще письменности, помогает своеобразная каменная летопись. Всюду на скалах оставляли ее наши предки. Петроглифы можно считать первым шагом человека к письменности. Это — зачатки пиктографии, записи событий в виде рисунков.

В предгорьях Средней Азии исследователи среди сотен тысяч рисунков, рассказывающих о жизни человека каменного века, обнаружили немало картинок и о лошадях. Вот дикий конь, пораженный стрелами. Одна из них впилась в холку, вторая воткнулась в крестец. А на следующем рисунке охотники загоняют лошадей в огороженный частоколом участок...

Наступает новый этап в отношениях человека и лошади. И это тут же отражается в содержании наскальной картинной галереи. Теперь мы находим мирно пасущийся табун — жеребца, кобылы, жеребята... Видим всадников, преследующих добычу или пасущих стада домашних животных. В этих сюжетах рядом с лошадью часто появляется изображение еще одного верного помощника человека — собаки.

В прошлом пастыба стад конными пастухами, видимо, была широко распространена. Она сохраняется до сих пор в Киргизии и Казахстане. Прекрасной иллюстрацией такого способа организации труда в древности могут служить экспрессивные, но вполне реалистические изображения двух конных пастухов в урочище Сармыш, расположенном невдалеке от молодого узбекского

города Навои. Фигуры пастухов и животных исполнены очень выразительно. Перед нами настоящие кони небесной породы — стройного сложения, высоконогие, с грациозными лебедиными шеями. Все эти признаки позволяют опознать в них и предков знаменитых ныне туркменских скакунов. Вот бы вскочить на одного из них и помчаться дальше по Великому шелковому пути! Увы, опять придется сесть в автобус...

Но вернемся к петроглифу. Древний художник показал свисающие значительно ниже брюха лошади ноги всадников. Когда выбивался на камне этот сюжет, наверное, люди еще не изобрели стремя и ездили, подобно скафам, лишь тремя аллюрами — шагом, иноходью, галопом, при которых наездник не ощущает тряски. Рысь появляется позже, позволяя всаднику мчаться со скоростью примерно шестнадцать километров в час.

Стремена придумали скорее всего степные народы Азии. В третьем веке нашей эры китайцы научились данную деталь экипировки верховой лошади отливать из бронзы и железа. Европа узнала о стременах лишь в шестом столетии, когда на границу Византии с востока обрушилась очередная волна переселенцев — на этот раз аваров. Успех их конницы во многом был обеспечен наличием железных стремян, позволявших воинам уверенно чувствовать себя при маневрах и быстрой езде. Византийскому императору Марку Тиберию пришлось срочно реорганизовать свою кавалерию, оснастить ее заодно и стременами. В 580 году он издал военный устав, где впервые в европейской литературе упоминается о железных стременах. Их распространили дальше по Европе уже викинги. Из Китая на Запад пришло еще одно родственное изобретение — хомутовая упряжь. Но для этого потребовалось десять веков...

В юго-западной части Маркандской области, близ каракулеводческого совхоза «Карнаб», на останках гор в щебнистой пустыне обнаружены петроглифы повозок — двухколесных арб. Тысячи лет назад, свидетельствуют рисунки, арбакеши, как впрочем и в наши дни, предпочитали сидеть верхом на запряженных лошадях, опираясь ногами на оглобли. Здесь для сравнения уместно вспомнить, что на старинных гравюрах возницы из центральной полосы России изображались так же, как и всадники. Значит, у народов Средней Азии и у славян управление лошадьми долго еще оставалось более примитивным, чем у ассирийцев, греков или римлян, ездивших на колесницах. Но так ли это? Может быть, все дело в назначении повозок и практической целесообразности? По петроглифам Тассилии (плато в Центральной Сахаре) видно, что управляемые человеком упряжки мчатся полным карьером. Они — средство быстрого передвижения. Это скорее снаряды для конских ристалищ. Колеса у них небольшие, всего около полуметра диаметром. Среднеазиатская же арба — рабочая повозка для транспортировки грузов. Колеса у нее близки к росту человека. Это бросается в глаза на петроглифах. Такие же повозки в Средней Азии изредка можно увидеть и сейчас. Конструкция арб весьма целесообразна. Большой диаметр колес повышает ее проходимость, делает более легким ход на бездорожье. Опять же мы встречаемся с проявлением народной мудрости. Да, не простаками были наши предки, как порой представляется с высоты технических достижений XX века.

Для народов Востока значение лошади не ограничивалось лишь областью транспорта. Испокон веков в пищу идет конина. И в наши дни остается весьма популярной конская колбаса — казы. Кроме того, конское мясо входит как добавка в состав самых лучших сортов копченой колбасы.

Используют и кобылье молоко, особенно любим кумыс. Но кобылье молоко, оказывается, не только пили. Легенды повествуют, что оно было важным ингредиентом при производстве... кирпича. Химики, проведя анализ кирпичей средневекового мавзолея Алаша-хана в Центральном Казахстане, пришли к выводу, что его стены содержат около пяти процентов органического вещества. Пожалуй, верно предание, что много веков назад к месту строительства мавзолея пригнали пять тысяч дойных кобылиц. Вот какая интересная шла стройка!

Почетное место лошадь заняла в космическом зоопарке, определяющем названия годов в календаре двенадцатилетнего звериного цикла. Примечательно, что некоторые из народов Востока издревле относили год Лошади к самым счастливым, сулящим благополучие людям.

Однако главным для лошади во все времена оставалась верховая езда.

Многие ученые считают, что породы лошадей, специально предназначенные для верховой езды, впервые были выведены в Средней Азии. Может быть, это и есть ферганские небесные кони, след которых затерялся в истории...

А как же знаменитые туркменские лошади? Останки их предков находят даже в древних могильниках на Алтае, где две с половиной тысячи лет назад было принято вождей племен хоронить вместе со всем снаряжением и верными им аргамаками.

Туркменскими лошадьми восторгался древнегреческий ученый Геродот, прозванный отцом истории. А было это опять же в пятом веке до нашей эры...

Так, ферганские или туркменские кони стали родоначальниками современных верховых лошадей? А может, все проще — они родственники?.. Окончательный ответ на эту загадку Великого шелкового пути, видимо, со временем дадут ученые. Смогли же они установить, что «кровавый пот» небесных коней — всего лишь результат воздействия паразитов.

Во всяком случае, лошади из Средней Азии остаются самой древней культурной породой верховых аргамаков. Чистокровная английская скаковая лошадь, основательно потеснившая остальные породы на ипподроме мира, унаследовала лучшие качества туркменской. Правда, родоначальником английской считается жеребец Дарлей Арабиан. Но имел ли он действительно отношение к арабской породе? В этом специалисты сомневаются. Да и само формирование последней скорее всего не обошлось без влияния туркменской лошади. Зато кличка Туркмен-Атти, знаменитого производителя верховых на конных заводах Германии, не вызывает никаких сомнений в его родословной.

Дружба человека и лошади исчисляется тысячелетиями. На нее в XX веке посягнули машины. Но им вряд ли когда-нибудь удастся эту дружбу разрушить. Человека и лошадь не разлучить, живые привязанности не заменить никаким техническим чудом...

Продолжение следует.

Сергей Исаев

СТЕРЕОТИПЫ И ТВОРЧЕСТВО...

Сложность перестройки не только в том, что она ведет нас неизведанными путями, но и в захвате в свою орбиту огромных людских массивов. В связи с последним у перестройки появляются весьма различные идеалы, которые отвечают далеко не совпадающим интересам ее участников. Отсюда и плюрализм мнений, и новые подходы к нашему духовному наследию.

Картина современного литературного процесса не поддается однозначным оценкам. В нем налицо и журнальная бойкость, и явная пробуксовка творческих поисков. Метания и брожения, которыми ознаменованы современные проза и поэзия, не только не случайны, но, думается, и не напрасны. Через них изживаются стереотипы художественного творчества.

Надо отметить, что процесс переосмысления действительности идет не узко, не мелочно, а охватывает политику, философию, эстетику, литературоведение и критику, словом, — всю нашу многонациональную культуру. «Работая» с таким обширным материалом, исследователи пытаются найти истоки современных противоречий, задерживающих развитие литературы и науки о ней.

В переходные эпохи всегда обостряется критическое отношение к прошлому, ибо туда, в историю, уходят корни измучивших наше общество негативов. Но вопрос в том, должна ли означать перестройка мышления абсолютную замену слагаемых, сумму которых мы имеем в социалистической культуре? Сегодня оказываются исключительно ко времени слова А. Бенуа о том, что нам «все нипочем».

Так, в современной литературной критике есть немало понятий, превратившихся в изношенные клише, типа «воспитание нового человека» и им подобные. Сегодня они могут вызвать у читателя снисходительную или скептическую улыбку. Может быть, потому, что стерлось то глубокое значение, которое наполняло эти категории в момент их возникновения? А может быть, они и есть те золотые слитки, которые вместе с другими могли составить драгоценный фонд нашего наследия, но были постепенно разменены на бумажные девальвированные деньги?

Чтобы ответить на эти вопросы, используем средства исторического анализа, попробуем перенестись в атмосферу 1900-х годов с ее калейдоскопом точек зрения, обилием идей и напряженными баталиями во всех областях человеческой культуры, с поиском новых основ эстетики и литературной критики.

1900-е годы во многом похожи на наши 80-е. Не загромождая статью многочисленными параллелями, обращу внимание лишь на такое совпадение: нынешняя апелляция к новому мышлению удивительно совпадает с поисками нового мирозерцания в те годы. И тогда всеохватывающим было ощущение кризиса. И тогда с огромным напряжением искался выход. Однако разительно отличны формы. Тогда поиск шел в атмосфере свободной дискуссии и состязательности, тогда, к примеру, марксистская критика и эстетика еще только завоевывали популярность и притягивали к себе внимание широкой аудитории оригинальностью и глубиной; сегодня сторонники марксизма вынуждены, если сказать мягко, в чем-то заискивать перед читателем, оправдываться.

Остановимся теперь на существе художественных и теоретических концепций. Речь пойдет о понимании Человека, о его творческом предназначении.

Даже самой высокой степени нигилизм по отношению к революциям начала века едва ли будет отрицать решающее, хотя и не всегда осознанное их воздействие на формирование оригинальных художественных систем и литературных концепций тех лет. Выход на арену мировой истории новых, чрезвычайно активных и массовых по своему характеру действующих сил, напор «материала» и стремительное движение жизни — таковы внешние побудители нового видения жизни. Именно они дали импульсы для переосмысления вопросов творчества.

Возгласы об «одичании» русской культуры и требования ее обновления раздавались с разных сторон. Новые концепции творчества предлагались в эти годы и критиками-марксистами (Г. Плеханов, В. Воровский, А. Луначарский), и теоретиками символизма (А. Волынский,

Д. Мережковский, В. Брюсов), и такими мыслителями, как В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Трубецкой, П. Флоренский. Работы разных направлений были объединены стремлением постичь движущие силы жизни и найти внутренние связи между разрозненными частями всеобщего жизненного процесса. Знаменательно, что практически все теоретики и мыслители 1900-х годов стремились, размышляя о творчестве, найти такие связи, которые объединяли бы части в целое, независимо от разделявших пространств и субъективно переживаемых чувств разъединенности и хаоса всего происходящего. Вместе с тем, несмотря на общую потребность в синтетическом видении жизни, многоплановые философские и эстетические решения можно свести (конечно, немного огрубляя их) к двум типам: мистическому и реалистическому. Представители первого предлагали якобы мертвое «материальное» воззрение XIX столетия оживить соединением его с «религиозным». В литературном творчестве в качестве ориентира брался «мир явлений» в соединении с миром «божественным» (Д. Мережковский). Синтез второго типа виделся в создании «практического идеализма» (А. Луначарский). Литературное творчество нацеливалось на «эстетику жизни».

Концепции первого (мистического) типа сориентированы на художественные открытия европейского и русского символизма, на произведения П. Верлена, М. Метерлинка, К. Бальмонта, А. Белого; концепции второго типа опираются на творческие искания М. Горького. Представителями мыслителей и теоретиков первого типа чутко уловлены процессы «расщепления» жизни, ее «мозаичности». «Поистине, мы все, все жители земного шара настоящего момента — подлинные декаденты, такие упадочники, как те римляне, которые, уповая на устои быта, созданные праотцами, «прозевали» и нашествие варваров, и собственное разложение, и появление новой жизненной силы — христианства». Это утверждение А. Бенуа. Внимательно наблюдавший за развитием русской культуры Р. М. Рильке в эти же годы отметил: «У вас каждый человек мыслитель, толкователь и, если хотите, поэт. Ибо у него есть свое представление о вещах; и все те, которые далеко или близко, все так называемые малые и великие равны перед его кроткой справедливостью. Однако он не требует, чтобы кто-то один, или сто человек, или тысяча переходили на его сторону и разделяли его взгляды... А это и есть человек, такой, каким он будет через тысячи лет и каким он, вероятно, был тысячи лет тому назад... постоянный, вечный, всегда возможный, чудесный человек: чувствуете Вы Россию?»

В противовес попыткам мистического преодоления разъединенности мыслители второго типа разрабатывают программу «практического» преобразования мира с целью достижения действительной целостности и соединенности. Были ли у этой программы гаранты? Несмотря на обвинения в «холопстве перед пролетариатом» (Н. Бердяев), критики-марксисты, ориентируясь на историческое «творчество» рабочего класса, обоснованно показали, что самое «важное и ценное в пролетарском настроении — это, во-первых, его жизнерадостная целостность **в отличие** от интеллигентской дряблой мозаичности и, во-вторых, психический коллективизм **в отличие** от интеллигентского индивидуалистического одиночества». Эти слова принадлежат А. В. Луначарскому. Продолжая цитирование, мы увидим, что пролетарское мироощущение, основанное на

«психическом коллективизме», как раз и рассматривается марксистской критикой как почва для нового, общечеловеческого по своему характеру искусства.

Принято считать, что в советскую эпоху из двух концепций новой личности общепризнанна марксистская. Однако это далеко не так. Вводимые в обиход категории были упрощены и схематизированы, с марксистской критикой и эстетикой имели мало общего. Если взять теорию творческого предназначения Человека, созданную, к примеру, ранним Луначарским, то можно сказать с уверенностью, что многие работы, в которых раскрыты ее оригинальные черты, известны лишь узкому кругу специалистов, а то, что дошло до массового читателя, затерто износившимися формулами.

Новая личность и связанные с нею концепции жизни и творчества в работах таких теоретиков, как А. Луначарский (а ниже речь пойдет именно о его взглядах), были не придуманы и надуманы, а когда-то открыты им, а затем эти характеристики были подтверждены анализом опыта мирового искусства XX столетия. Сегодня они отделены от нас наследиями десятилетий, под которыми скрыто и то глубокое, что может помочь нам разобраться в противоречивых явлениях нашей жизни и искусства. Исключительно важным представляется установление «первоначальных», не подверженных последующей деформации форм литературно-критического и художественного мышления.

Вполне допускаю возможность двойственности чувства, которое может охватить современного читателя при знакомстве с узбекской поэзией 20-х годов. С одной стороны, даже тонкую лирику, то есть самые интимные строки тех лет, пронизывает новое ощущение жизни, искреннее до самых сокровенных глубин; с другой — закрадывается подозрение — так ли было на самом деле? Не потеряна ли глубина переживаний?

Пробежал по колосьям, и ласков, и скор,
Свежий утренний ветер, примчавшийся с гор.
У предела земли востренулся восток —
Тихо с ложа ночного светило встает.
Дуновения ветра объемлют поля,
Припадая к земле и траву шевеля.
Толпы девушек вышли в просторы полей,
По окрестным холмам далеко разбрелись...
И притихшее сердце стучит веселей,
Жажда жизни сильна, не измерена высь.
В даль полей я пошел под напев ветерка,
И душа стала, будто у птицы, легка!
(Айбек, 1927, перевод С. Иванова)

Столкновение противоречивых чувств усиливает гражданская лирика Айбека:

Кто смеется, кто счастлив у нас?
Бывший раб стал джигитом сейчас.
Он — хозяин чудесной земли,
Над которой весна поднялась.

Кровью эта земля полита,
Гнула спину всегда беднота,
Но привольно деханам теперь,
И сбывлась вековая мечта.

Разнесен, уничтожен тот строй,
Встала светлая жизнь над землей.
Не подымется страшный кулак
Над твоею, бедняк, головой!
(Айбек, 1923, перевод С. Виленского)

Прошу читателя вдуматься и ощутить траге-

дийность прочитанного. В чем она? В том ли, что сегодня мы видим то, что скрыто под поверхностным слоем изображаемого? В той ли удивительной романтической вере в правду изображаемого, которой нам сегодня уже не понять? Я не экономист, не политик и даже не историк, но как критик вижу удивительный феномен поэзии 20-х: ее искреннее восхищение новой жизнью, новым человеком, ее удовлетворенность ходом жизни. Особенно поразительно современное звучание тех строк, в которых отразились **социальные цели эпохи**. Читая их, начинаешь заново **открывать удивительные совпадения**:

Эй, дехканин! Работай смелей,
Землю эту засея и полей.
Собирай урожай и трудись
На земле, она стала твоей.

(Айбек, 1923, перевод С. Виленского)

Приведенные строки, как минимум, подсказывают: обращаясь к прошлому, следует не разрушать, а строить, а во-вторых, не списывать на прошлое более поздние ошибки, за которые так не хочется отвечать.

Особый угол зрения на Человека, свойственный работам А. В. Луначарского, можно определить его собственными словами. Молодого критика-марксиста волновала прежде всего «...огромная сложность процесса психического приспособления индивидов и масс к импульсам среды». В этой, на первый взгляд обиденной и простой, формулировке сфокусирована целостная и необычная философская программа. Прежде всего дело идет о новом (позитивном) взгляде на причинность, из которого следовало, что Луначарского интересовала не столько проблема первичности материи, сколько взаимодействие живой материи с неживой. Главное — в обосновании мироустройства с позиций взаимодействия организма со средой. С этим положением связана и эстетика, и теория творческой деятельности человека, и конкретный анализ художественных произведений.

Чувство прекрасного, так хорошо знакомое каждому из нас, когда мы одушевлены задачей в борьбе за достойную нас жизнь, Луначарский избирает эталоном оценок всех проявлений человеческой деятельности. А чтобы научно измерить и описать это чувство, предложено учитывать две координаты: состояние деятельной личности (на философском языке — «организма») и среды. Таким образом, понятие красоты Луначарский сознательно переплетает с оценкой творческой деятельности и качества жизни. Эстетика превращена Луначарским в эталон жизни, хотя в основе чувства прекрасного, по Луначарскому, собственно нет ничего другого, кроме переживаний самого человека («тонус организма»); переживания определены тем, что может «навалиться» на человека (это «воздействия среды»), и тем, что он смог им противопоставить. В этом смысл **эстетики жизни**. Она привлекаетелна своей **обращенностью к человеку** и к суровым **реальностям** окружающей его **среды**. Она интересна тем, что нацеливает на оценку деятельности, которая ни на минуту не может быть приостановлена (вспомним маленькую планету и экалипты Экзюпери). Она увлекает, наконец, своей **страстной верой в энергию человека**, в его способность действовать быстро и ответственно, согласно с необходимыми потребностями «организма» и в соответствии с возможностями среды; жить на пределе возможного — таков критерий всех ценностей: «... все человеческие

оценки предстали предо мною как развитие и вариации одной основной оценки, корнем которой является — **жажда жизни**».

Два центра «эстетики жизни» (среда и организм) дали два фокуса в подходе к творчеству, обусловили возникновение понятия «практический идеализм», где двуприцельность поисков Луначарского видна в самом совмещении противоположностей. «Практический идеализм, т. е. стремление подчинить законы природы законам жизни путем познания и труда» предлагал держать в поле зрения не только «действительный мир» (определяющий сознание), но и человеческую волю. Человек, вооруженный знанием законов окружающего мира, еще не может рассчитывать на полный успех, ибо неоднозначным началом остается он сам, его внутренний мир, его чувства, которые меняются не стихийно и не только под воздействием среды. Ведь есть же какие-то закономерности, полагал Луначарский, по которым в человеческих сердцах разгорается энтузиазм или гаснет воля к победе. Ставился вопрос: есть ли внутренние законы творчества, связанные с деятельностью самого мозга как особого устройства? Надо ли расшифровывать важное значение ответа на этот вопрос, выдвигаемый «практическим идеализмом», для трактовки проблем искусства и литературы?

«Идеальность» и «практика» в одной связке, конечно, обозначают не только комплекс символов, противоположный пустой мечтательности и ложной красивости, но и нечто гораздо большее. Об этом и говорит вводимое Луначарским понятие «творчества». Но разве само понятие «творчества» было новым? Конечно, нет. Однако именно на рубеже XIX—XX столетий творчество было осмыслено с новых сторон. Об этих сторонах Луначарский писал: «Я более, чем другие марксисты, выступаю против идеализма, подчеркиваю эмоциональные стороны вопроса». Что же понимается под эмоциональными сторонами? Во-первых, указывается на «важность» исследования «политического энтузиазма», в котором, по признанию Луначарского, «марксисты-революционеры никому не уступят первого места». Во-вторых, имеется в виду противоположность «практического идеализма» и эмоционального пафоса пустому одушевлению и прекрасноту. И, наконец, под «эмоциональными сторонами» понимается и особое внутреннее качество сознания — его нацеленность на интенсивную, творческую работу, на мобилизацию воли и интеллекта с целью увеличения эффективности деятельности мозга и, скажем так, деятельности сердца, деятельности, возможной при концентрации и экономии усилий.

В переходные эпохи, как, например, наши 80-е, проблема воли не может стать ключевой проблемой жизни и искусства. И если в последнее пятилетие в узбекской поэзии преобладает то, что в XIX веке называли рефлексией, то можно с уверенностью предположить, что эти настроения рано или поздно уступят место более энергичным и оптимистическим. Речь идет не о том, чтобы декларации об «огромном и неустройчивом мире», где самое главное «выучить время, идущее на нет, и самое трудное — существо предмета», сменились энергичной полупоэзией, полупублицистикой на манер Э. Ахундовой. Мы подразумеваем возможность зарождения философско-поэтического ощущения полноты жизни и веры в улучшение ее качества. За доказательствами обратимся к поэзии, пожалуй, самого «угрюмого» поколения поэтов — к стихам представителей «новой волны»:

Ночь задувает
ветвистый подсвечник рощи,
месяц на небе прозрачен, и бел, и тонок,
вены мои — как ветви
черных деревьев тощих,
кровь моя в них смешалась
с горьким вином потомков.

Несмотря на мрачную увертюру, поэтическое чувство, как и кровь в организмизме, совершив тяжелое движение самоуничтожения, поворачивает к надежде, как к сердцу:

Если луна на небе — нынче всего лишь долька,
Это не значит вовсе, что исчез ее круг,
Если сейчас один я, это ведь значит только,
что меня дополняешь
ты — мой незримый друг.
...Вот они — люди слова,
совесть свою хранящие от корысти земной...
(Ш. Рахмон, перевод И. Кутика)

Исчезнет ли трагедийность, свойственная современной поэзии Узбекистана? Мы не уверены в этом.

Природа-мать не знает середины,
А мы с природой, в сущности, едины.
Смысл бытия нельзя испить до дна.
Какой ты будешь, новая весна?
(А. Матчан, перевод Ю. Отрешко)

Но жажда действовать, но воля к творчеству будут нарастать. Разумеется, внутренний напор чувств, связанный с ожиданиями, найдет (и уже находит) неоднозначные формы. Тем важнее проблема самой воли. Если у одного из лидеров современной узбекской поэзии, представителя среднего поколения А. Матчана надежда и волевое усилие облакаются в ясный по своей направленности образ, то у молодых поэтов эти порывы осложнены. А. Матчан опирается на микроскопическое, но ясное и хорошо знакомое жизненное наблюдение:

Чего на свете только не бывает,
Простой росток порой асфальт ломает...
(Перевод Ю. Отрешко)

У М. Солиха сходное переживание проходит через утверждение предельности терпения, приобретая при этом иронические ноты:

Завтра обязательно будем счастливы,
Если сегодня останемся живы.

Завтра догоним любую мечту,
Если сумеем сегодня бежать.
Завтра разделим на всех веселье,
Если сегодня его найдем.
Не будет грустные песни поэт
Петь завтра.
(Перевод В. Сосноры)

Горькие ноты отрицания в поэзии М. Солиха мы воспринимаем равными программе утверждения. И, видимо, не случайно и несмотря на иронию, уничтожающую надежды, сама канва переживаний и размышлений четко выверена по ответу на вопрос: что делать?! Иносказание, таким образом, оказывается двойным: поэт действительно будет петь веселые песни завтра, если сегодня мы сумеем «бежать» быстрее.

Ростки каких-то новых волевых усилий — совершенно, повторяю, не казенных, не формальных, а непосредственных и глубинных — вторгаются в современную лирику подобно внезапным

разрывам зеленых почек. Говоря об органичности в прямом ее смысле, я, в сущности, считаю такую органичность и достоинством, и недостатком. Привлекательны здесь непосредственность надежды, зарождение воли и упорства в глубинах самой жизни, естественный порыв живой материи, как свет выздоровления после ночи кошмарной болезни:

Араван,
как будто жених с невестой,
дремлет в объятиях ночи, зримый горам и овцам,
скрываясь то голубой, то огненной завесой.
Луной заходит,
восходит Солнцем...
(Ш. Рахмон, перевод И. Кутика)

Вместе с тем поэтический поиск, как нам кажется, неизбежно от общечеловеческого подхода к вопросам воли приводит к подходу философско-социальному, актуально-публицистическому:

Распахните окна,
лучи не могут
просочиться к нам через слой полуды.
Недовольно шипят,
поднимая посох,
старички, страшась простуды.
Но из тьмы безмолвной,
блестя зрачками,
выступают смелые и задиры...
И в прогорклом мраке сверкают камни,
разлетаются вдребезги
стекла мира...
(Ш. Рахмон, перевод И. Кутика)

Сопоставляя наши 80-е с 900-ми, считаем важным отметить, что в литературном процессе начала века появляется герой «действия». Яркий пример тому — горьковские драмы. Известно, что З. Гиппиус саркастически сравнивала драматургические опыты Горького («Варваров», «Дачников») с братской могилой для изображаемых персонажей. Однако тогда же И. Анненский, высказываясь о драме «На дне», назвал ее героев «сильными и по-своему красивыми человеческими особями». «...Разве можно винить их за то, что они не берут от нас наших канцелярских рецептов, слепленных из обрывков философии и религии, да еще написанных по-латыни?»

Исследование «процесса психического приспособления индивидов и масс к силам и импульсам среды» содержало ярчайшие научные догадки. На одной из них остановимся и мы, так как она непосредственно поведет нас к оригинальному переосмыслению задач творческой деятельности личности.

Вообразим картину: несколько отличающихся по складу мышления человек решают одну и ту же творческую задачу. Не очевидно ли, что в этом случае сам мыслительный процесс будет не только актом познания, но и реализацией творческих возможностей индивидов, их способности к концентрации воли, целеустремленности и активности.

Сущность творчества, замечает молодой Луначарский, «заключена в том, что человек ощущает вследствие каких-нибудь внешних возбуждений или внутренних процессов **неудовлетворенность** теоретическую или практическую, малую или громадную, острую или бледную, но постоянно или спорадически возвращающуюся и требующую своего разрешения, устранения».

От молодого Луначарского не ускользают и собственно теоретический аспект творчества,

и психология. «... от ремесла, хозяйства, будничных работ маленького человека до величавой работы гениального мыслителя — все пробегает в психических рядах: 1) постановки задачи, 2) попытки ее решения, 3) устранения задачи». Об этом же акте, но уже в аспекте его эмоционального переживания: «Как именно определяют «бытие» зарождение, развитие и смерть той или иной идеи, как загорается в сердцах энтузиазм, или разливается по ним холодная апатия (...) — вот некоторые из того моря задач, которые ставит перед нами психология».

К. Маркс подчеркивал, что действиями человека движет интерес. Исходя из этого, Луначарский пытается раскрыть механизм «движений» или «побуждений», то есть раскрыть процесс зарождения или угасания «энтузиазма», окутывающего поиск человеком истины, с которой интерес неразрывно слит. Проведем мысленный эксперимент: отделим интерес от истины, волю от поиска правды. Какой же жалкий окажется перед нами «интерес», какая жуткая предстанет перед нами «воля»!

Понимать «активность» личности можно прямолинейно, видя в ней простое действие: вторжение человека в мир Природы, перекройку, а не перестройку окружающей жизни или Мира в целом. Предполагать подобное понимание «активности» у Луначарского нельзя ни в коем случае, ибо оно в корне искажает его взгляды. Уже в ранних работах процессы познания в творчестве и его психологическую сторону Луначарский обозначает единым понятием: «концентрация жизни». В искусстве и литературе «концентрация жизни», по Луначарскому, объединяет типическое и то, что можно назвать тонусом жизни (бодростью и унынием, активностью или пассивностью). С этой же идеей Луначарский связывает понятие прекрасного: это «жизнь в ее наивысшем развитии». Ошибочно видеть в таком понятии прекрасного якобы свойственное эстетике и критике Луначарского презрительное отношение к «маленькому человеку».

Правда жизни в произведениях М. Горького, А. Чехова, В. Короленко, Л. Андреева для молодого Луначарского неразрывно слита с «состоянием» авторов — их активностью, бодростью или пассивностью, меланхолией, тоской, рождаемых тем или иным видением исторической перспективы. Попытка истолкования выразительности анализируемых явлений искусства с новой точки зрения привела Луначарского к осознанию многих ранее не замечавшихся поэтических сторон произведений. Обращалось внимание на **тональность** литературы, которая впервые истолковывалась не произвольно-биографически, а в глубокой связи с переживанием тем или иным автором исторической правды. Молодой Луначарский слышит особую музыкальность в произведениях Л. Андреева и отличает ее тональность и ритм от музыкальности произведений В. Короленко или М. Горького. Здесь нам видятся зачатки социологической поэтики.

Луначарский-критик строго разграничивает «концентрацию» и «оригинальность». В первой находит красоту полноты жизни, движения, борьбы и порыва вперед. Во втором — «сдвиг», продиктованный желанием вывести искусство из круга привычки и обыденности, но не подкрепленный связью с родным по духу «потребителем», а через него и с жизненными потребностями. Поэтому в критике Луначарского «концентрация» — достоинство поэтики мощного, зовущего и правдивого искусства; оригинальность — свойство поэтики искусства, внутренне перена-

щенного. Оригинальность, по молодому Луначарскому, свидетельствует о жестоком конфликте между талантливым художником и обществом, говорит об обособлении творчества в обществе, переживающем период застоя. «Стремление повысить эстетическое достоинство не путем красоты, а путем оригинальности характеризует степень пресыщенности и скуки в обществе». Поэтому развитый ценитель искусства «не смешивает оригинальности с красотой».

Общее **повышение** оригинальности в русской литературе 900-х годов не радует Луначарского-критика. Молодой критик обращает внимание на исторически-конкретные причины, повлекшие русскую культуру 900-х годов к «усложнению». Среди них: утрата стремления к подлинной полезности в связи с необходимостью работать поэту «на базар», то есть проникновение в творческие отношения буржуазного духа, утрата «прямых» связей с читателем, родным художнику по духу. «Поэтому-то, — пишет Луначарский, — наша художественная культура не цельная, не стильная, а пестрая и, в конце концов, варварская. Современная художественная техника крикливая, неуравновешенная, ищущая... и, что бы там ни говорили, ищущая не столько красоты, сколько новизны и эффекта».

При чтении этих слов ловишь себя на мысли, что они сказаны и о современной литературе, что и сегодня **оригинальность** преобладает над красотой. Это чувствуется в стихах нового поколения поэтов. Дело, конечно, не в прямых и доскональных аналогиях, а в том, что возродился сам дух, сама атмосфера конфликтности между талантливыми художниками и обществом (точнее, определенными слоями читателей). Именно в такой атмосфере зарождается творчество, понуждающее критика к оценкам, которые Луначарский давал, к примеру, М. Метерлинку и его последователям. И здесь «достоинство» Луначарский находил в «проникновенности», «лиризме», в утверждении «ценности личности». Но оценка этих достоинств, увы, оказывается сопровождаема оговоркой: «...правда, они уходят в детали, исследуют душу под микроскопом и, что хуже всего, в поисках за оригинальностью, часто глут...»

Микроскопы, наводимые молодыми поэтами Узбекистана на собственную душу, оказываются очень полезными инструментами, ибо они «увеличивают» до осязаемых невидимые миру слезы одиночества и разочарования. Самоанализ, впрочем, нередко наводит не только на социальные («внешние» и, так сказать, независимые от личности) причины, но и на «внутренние»:

Мы затыкаем уши куском ваты,
обмякшим воском или неведением,
изнуренные привычным однообразием
неотступных будней.
Время от времени
поднимаем головы,
будто вспомним о чем-то далеком,
и, смущенные, видим,
как один из нас,
привязанный к воображаемой мачте,
брызжет слезами и мечется.

(Ш. Абдуллаев)

Однако эффектный выход на сцену большого искусства рождает и парадоксы «обязательной» демонстрации оригинальности, которая в действительности порою оборачивается малозначимыми намеками, игрой словами или просто трюками. Примеры, приводимые мною ниже, горьки

для меня, потому что взяты из подборок и книг талантливых и любимых читателей авторов.

...Кстати, запоминаешь не людей, но их отдельные свойства. Надолго ли? Если ты видишь целиком человека, он пропадает, но когда остается, ты можешь следить усилием воли за одной лишь чертой его лица, которую — стоит отвлечься — успевает стереть аккуратный вечер. И все начинается заново.

(Ш. Абдуллаев)

Тонкое поэтическое наблюдение Ш. Абдуллаева построено на эффекте противопоставления: если ты видишь человека всего — он пропадает. Такое обобщение верно охватывает лишь часть процесса восприятия, но оно неверно в той своей части, где отрицает возможность обобщения, возможность стремления к целостному знанию.

Жажда эффекта подталкивает мысль в другую сторону, и она соскальзывает к оригинальному, но, на наш взгляд, неточному обобщению, к непроясненному образу.

Эффектные, но непроясненные образы встречаются и в поэзии М. Солиха.

Дурак — тень гения. Это уже красивость, а то есть пошлость.

Гений — прототип дурака. Ведь гений, как

и любой дурак, не ищет истину, не идет ни к добру, ни к злу. Гений — истина, сам он — добро и зло.

Он не уходит в себя, наоборот, гений — единственный выход из себя, всегдашнее опустошение, расточительство того, что было и — не будет.

Дурак — тень лени гения. Абсолютная лень гения — маленькая тень — это и есть твой священный дурак, или же мной ненавидимый гений.

(Перевод В. Сосноры)

Рассуждения о гении, так же как и ненависть к дуракам, — все это вполне поэтично, интересно и глубоко. Но не в прототипе, как мне кажется, дело, а в противоположностях, обнаруживающих друг друга. Сюда и пробивается поэтическое вдохновение М. Солиха, но жажда эффекта запутывает мысль.

Вернемся к Луначарскому. Как мы видели, понятия активности и свободы в его эстетике, критике и поэтике внутренне связаны, причем соединены прочно, потому что соединение основано на требовании правдивости. Ясно и то, что Луначарский с его идеями Творчества оказался провозвестником научного подхода к проблеме человеческой Воли.

Понимаем, что мы лишь обозначили ракурс для более обстоятельного разговора о вопросах самой литературы. Но ведь без первого практически бесполезно и второе.

УСЛЫШАТЬ И ПОНЯТЬ...

Национальная культура — это голос народной души, проявление лучших и прекраснейших ее черт. Конечно, каждый народ хочет, чтобы его голос был услышан во всем мире. Этой-то великой миссии взаимопонимания разноразличных культур служит благородный и скромный труд мастеров художественного перевода.

Недавно при Союзе писателей Узбекистана создан Центр по художественному переводу и литературным взаимосвязям. Возглавил его известный узбекский поэт, лауреат премии Ленинского комсомола Узбекистана и Государственной премии ККАССР им. Бердаха Мухаммад Али. Мы предлагаем вашему вниманию беседу Мухаммада Али с членом редколлегии нашего журнала, переводчиком классической поэзии Востока Николаем Стрижковым.

Н. Стрижков: Ох, как много и долго мы говорили о взаимообогащении литератур советских народов! Провели по этому поводу сотни совещаний и заседаний, исписали горы бумаги. Однако все ли так лучезарно, как мы еще несколько лет назад уверяли друг друга?

Взаимовлияние и взаимообогащение культур — это явление зримое и естественное. Однако очень много зависит от того, как оно направляется и в каких условиях протекает. Споры нет, имеющая тысячелетние традиции узбекская литература в советское время обогатилась новыми жанрами, стала по-новому отражать духовный мир человека и облик общества. Большую роль здесь сыграл перевод на узбекский язык многих шедевров русской и мировой классики, книг ведущих писателей братских республик.

Однако узбекская литература заразилась общей послеоктябрьской болезнью — вульгарным классовым подходом к культуре, прямолинейностью, игнорированием общечеловеческих ценностей. Труден был путь лучших узбекских писателей к реальной жизни, отражению ее сложностей и противоречий.

Сейчас появилось мнение (высказанное, к примеру, в № 6 журнала «Юность» за прошлый год), что все созданное и опубликованное за последние семьдесят лет нашими писателями и не литература вовсе, а всего лишь «вриолитература». Подлинная же литература — это то, что оставалось в столе писателей, запрещалось цензурой, публиковалось за рубежом и только теперь приходит к нашему читателю. Скажите, Мухаммад-ака, можно ли согласиться с таким мнением? Правомерно ли, говоря конкретнее, однозначно оценивать узбекскую советскую литературу как «временно исполняющую обязанности литературы»?

Мухаммад Али: Ну, Николай Васильевич, прежде всего — непонятно, кто уполномочил журналистов осуществлять «прокурорский надзор» за подлинностью художественных произведений. Тому есть свой судья — Время, и в свой час оно скажет свое слово. А во-вторых, что такое «подлинность»? Что подразумевается под этим словом? Тема? Стиль? Сюжет? Сочность языка? Историчность? Актуальность? Или все вместе взятое? Лично я определить не берусь. В литературе и в искусстве нет абсолюта. Книга, кажущаяся кому-то гениальной, другому покажется посредственной. Вспомните мнение Льва Толстого о Шекспире. Даже такую «авторитетную оценку» человечество не признало. Говорить о «подлинности» отдельных произведений еще куда ни шло, но судить так о целых литературах попросту невозможно. Вдобавок — вызывающие всеобщее восхищение книги, которые издаются только сейчас, тоже создавались на протяжении советского семидесятилетия. Значит, литература-то была. И не только «подпольная». Это относится и к советской литературе в целом, и к узбекской в частности. Вспомним имена Алексея Толстого и Абдуллы Кадыри, Михаила Булгакова и Чулпана, Михаила Шолохова и Абдуллы Каххара, Айбека и Чингиза Айтматова...

Но все же вопрос возник сам вопрос о «подлинности» советской литературы? Дело в том, что «теоретики» и чиновники от литературы всех мастей предпринимали попытки резко сузить горизонт мировосприятия художника, и попытки эти частично удались. Прививалась своеобразная «глазная болезнь», когда взгляд направлен не на самого человека, а на его деятельность. Поэтому-то и появились романы не о людях, а о профессиях: хлопкороб, сталевар, учитель, секретарь обкома... А живой-то человек никак не вмещается целиком лишь в «доблестный труд на благо социалистического общества». Тема подлинной литературы — не абстрактный «труженик», а Жизнь Человека в ее полноте, со счастьем и невзгодами, печалью и гневом...

Н. С.: Из-за подобного взгляда на вещи «командиров литературы» частенько мерилом ценности книги становилась не художественность, а пресловутая идейная выдержанность. Самые «идей-

ные» получали разные знаки отличия, «высоко оценивались критикой» и, разумеется, в первую очередь переводились на языки народов СССР.

М. А.: И, таким образом, всесоюзный читатель знакомился с далеко не лучшими произведениями национальных литератур. Создавалось искаженное, а порой и извращенное представление об уровне культуры друг друга. Вряд ли такое явление способствовало росту взаимного уважения.

Н. С.: Конечно, в орбиту перевода попадали и по-настоящему хорошие книги узбекских авторов. Но далеко не всегда. Большую роль играл элемент случайности. Многие зависело от служебного положения писателя, от знакомства с переводчиками и издателями, от того комплекса, который именуется «пробивными качествами» переводимого.

М. А.: Происходят вещи смешные и плачевные. Живет, к примеру, в республике средней руки литератор — назовем его условно Езувчиевым. Пишет серые книги, узбекский народ его не знает и не читает. Но вот решил Езувчиев добиться «всесоюзной известности». И едет он в центр, и везет с собой в качестве подарка контейнер наших знаменитых узбекских фруктов. Будьте уверены — книжка Езувчиева выйдет в Москве! Смешно? Но по ней будут судить обо всей нашей литературе, и судить порою свысока. Ведь известно, что для перевода должно отбираться лучшее из лучшего. Вот такой «анекдот из литературной жизни», от которого плакать хочется.

Н. С.: И руководимый вами Центр по художественному переводу и литературным взаимосвязям...

М. А.: Призван, в частности, бороться с подобными рода явлениями. В прошлом ловкие купцы умудрялись показывать покупателям гнилой товар с хорошего конца. Мы делаем порой наоборот. Показываем худшее, а лучшее прячем под спудом.

Вообще в переводческом деле царит хаос. Порой случаются просто какие-то припадки. Провели декаду национальной литературы — и давай переводить произведения этой литературы почему зря. Нет декады — и переводить не надо. Конечно, делались попытки планирования, систематизации, — но большинство такого рода постановлений оставалось на бумаге, увеличивая за лежи макулатуры застойных лет.

Н. С.: И вы полагаете, что в связи с созданием вашего Центра положение существенно образом изменится?

М. А.: Очень хотелось бы на это надеяться. Само создание Центра — примечательное событие в нашей литературной жизни... Важно, что лед тронулся, дело начато.

Однако у нас пока очень мало и сил, и средств, и возможностей. Работает всего 14 человек. Нет юридического статуса, нет настоящих прав. Посмотришь, как организованы такие же центры в других республиках — к примеру, в Азербайджане, в Казахстане, в Грузии — и начинаешь завидовать.

Н. С.: И чему же вы завидуете?

М. А.: В этих республиках подошли к художественному переводу как к государственному делу большой важности. Приняты правительственные решения по этому поводу. Так, в постановлении Совета Министров Азербайджанской ССР от 6 марта 1989 г. предусмотрено создание республиканского Центра по художественному переводу со штатом в 100 человек, даны указания Госкомиздату республики, выделены фонды бумаги, множительная техника. Центр издает альманахи «Хазар» на азербайджанском и русском языках... То же — в Казахстане. А в Грузии — еще грандиознее, работает около двухсот специалистов, издается два альманаха по шесть номеров в год (на грузинском и русском), имеется два Дома творчества для переводчиков...

Н. С.: Да, действительно, так крепко взялись за дело. А что у нас?

М. А.: Наше правительство почему-то решило немножко подождать с постановлением. Ну, пождем и мы...

Н. С.: Насколько я понимаю, ждать сложа руки вы не будете. Центр уже создан, и, наверное, уже есть какие-то конкретные дела, какие-то планы. С чего вы начали и как думаете продолжать?

М. А.: Как двигаться вперед, не оглянувшись по сторонам, не оценив то, что уже имеешь? Первым делом Центра видится своеобразная «ревизия переводческого цеха». Нам нужно знать — какие произведения узбекской литературы уже переведены на русский язык, на языки народов мира? Какие шедевры мировой литературы уже переведены на узбекский, стали доступны нашему читателю, а какие — еще нет? Нужны каталоги переводов, и такие каталоги уже составляются. И, опираясь на это знание, мы приступаем к составлению «стратегического», так сказать, плана переводческой работы — для начала до 2000 года, а там посмотрим. Но для осуществления планов нам просто необходим юридический статус.

Другой вопрос — качество переводов, их точность и художественность. Очевидна ценность переводов, выполненных непосредственно с языка оригинала. Когда наш Центр начал формировать свой актив, выяснилось, что в республике немало людей, в совершенстве владеющих разными языками — от сербского до китайского. Раньше «спрос» на их знания в республике был велик, теперь мы привлекаем таких людей к работе Центра. Особенно ценно, когда знание иностранного языка сочетается с талантом писателя, это — залог высокого художественного уровня перевода. Примеры такого сочетания уже есть, известные наши поэты уже переводят непосредственно с оригинала, Джамал Камал — с английского и фарси, Шавкат Рахман — с испанского. Есть группа переводчиков с узбекского на русский — Ф. Шайхутдинова, А. Исмаили, С. Мадалиев и другие.

Н. С.: Таким образом, ваша деятельность по переводу двояка — «с узбекского» и «на узбекский».

М. А.: Да, это два крыла переводческого цеха — «от нас» и «к нам». «От нас» — в идеале добиться перевода всего лучшего, что создано узбекской литературой за многовековую историю, на языки народов мира. А «к нам» — перенести в узбекскую языковую среду ярчайшие сокровища всемирной культуры. Задача, конечно, грандиозная.

Н. С.: А за последнее время сделаны какие-нибудь шаги к этой грандиозной цели?

М. А.: Прежде всего скажу о четырехтомнике произведений Алишера Навои, выходящем

в издательстве «Художественная литература». Это издание готовит ленинградский ученый, знаток нашей классики Сергей Иванов. Первые два тома выйдут к 550-летию Навои. К этой же дате приурочен выпуск издательством «Советский писатель» романа Айбека «Навои».

Как известно, к нам сейчас возвращаются произведения узбекских писателей, репрессированных в 30-х годах. Одно из ярких имен этого ряда — Абдуллахид Чулпан, талант самобытный и многогранный. К несчастью, утрачена вторая книга его романа-диалогии «Ночь и день», первая книга романа уже опубликована на русском языке в «Звезде Востока». В Ташкенте выходят однотомники Чулпана на русском и узбекском. По ходатайству нашего Центра издательство «Советский писатель» включило в свои планы выпуск сборника стихотворений Чулпана «Звезда, приговоренная к расстрелу» (переводчики С. Мадалиев и А. Исмаили). Замечу, что Чулпан и сам был незаурядным мастером переводческого цеха, его перу принадлежат прекрасные переводы на узбекский «Гамлета» Шекспира, «Бориса Годунова» и «Дубровского» А. С. Пушкина, рассказов Чехова, Тагора...

Выходят книгиознакомительного, обзорного характера — коллективные сборники, антологии. В ближайшее время их выпускают издательства «Молодая гвардия» и «Современник». Напрягаются контакты с центрами по переводу союзных республик. Так, мы договорились об обменном издании сборников рассказов узбекских и грузинских писателей. В Грузии живет переводчик узбекской литературы Ойгуль Цалкаламанидзе, она будет помогать составлению сборника нашей прозы на грузинском, она же готовит подстрочники произведений грузинских писателей. К сожалению, пока переводчиков с грузинского на узбекский у нас нет, есть только надежда на их появление. Сейчас двое узбекских парней учатся в Тбилисском университете на факультете грузинского языка и литературы. Что касается других союзных республик — есть еще один студент в Риге, изучает латышский язык. И это все. А между тем обмен студентами между союзными республиками давным-давно нужно было сделать систематическим.

Н. С.: В названии вашего Центра не только «художественный перевод», но и «литературные взаимосвязи». И сейчас вы начали говорить о втором аспекте деятельности Центра.

М. А.: Но это же неразрывно. Если не будет взаимосвязей, будет ли перевод? У нас целый комплекс задач — и организационные, и культурно-просветительские, и издательские.

В прошлом году совместными усилиями Центра и узбекского отделения ВААП был проведен международный семинар-совещание переводчиков узбекской литературы. Такое в республике — впервые. Среди участников семинара — Ильза Сиртаутас из США, Ширин Акинер и Джеймс Гибсон из Англии, Юкка Маллинен из Финляндии, переводчики и пропагандисты нашей литературы из стран Азии, Москвы, союзных республик. Жаль, недолго длился семинар, но гости хотя бы получили представление о том, как мы живем, что это за край — Узбекистан. Прошли нужные, деловые встречи.

Гости приехали не с пустыми руками. Отрадно сознавать, что узбекскую литературу читают во всем мире. Есть чему поучиться нашим издателям — к примеру, у издателей ФРГ, где вышел красочный, бережно и с любовью оформленный однотомник узбекских народных сказок. Уникальная антология узбекской поэзии издана в Польше. Книга включает в себя произведения восьмидесяти узбекских поэтов — от Махмуда Кашгари до современных, здесь же помещены отрывки из эпосов «Алпамыш», «Тахир и Зухра», «Равшан». Это объемистый фолиант — большой формат, 554 странички. Друг и пропагандист нашей литературы Иrfан Насратдин-оглы издал антологию узбекской поэзии в Турции. Классической узбекской поэзии посвятил целиком один из своих номеров французский журнал «Аксион поэтик», французы познакомились с творениями Яссави и Хусейни, Навои и Бабура, Машраба и Увайси.

У наших зарубежных друзей-переводчиков большие планы. Пример — деятельность видного тюрколога, профессора Колумбийского университета Эдварда Олуорса, который уже перевел на английский «Отцеубийцу» Бехбуди, «Отравленную жизнь» Хамзы, а сейчас трудится над переводом произведений Абдурауфа Фитрата.

В ходе семинара достигнута договоренность об издании за рубежом произведений Алишера Навои, о переводе Дней поэта в США и Турции. Думаю, необходимо, чтобы международный семинар переводчиков узбекской литературы стал традиционным.

Н. С.: Это, так сказать, «от нас». Ну а что мы имеем на сегодняшний день в направлении «к нам»?

М. А.: Кое-что имеем. Центр уже приступил к созданию собственного «банка» подстрочников и художественных переводов на узбекский с языков народов мира. Это будет своего рода хранилище рукописей для последующей публикации в печатных органах центра — впрочем, ни журнала, ни альманаха, ни издательства у нас пока нет. Так что нужно еще пройти тот путь становления, который уже миновали аналогичные центры союзных республик.

Между тем рукописи уже накапливаются. Подготовлены переводы произведений французов Франсуа Мориака и Андре Моруа, «Западно-восточного дивана» Гете, «Паризиньи» Байрона, «Германии» Гейне, осуществлен перевод с персидского книги «Синдбаднаме»... Публиковать все это пока негде.

По договоренности с издательством им. Гафура Гуляма готовим книгу «Любовь», сборник новелл писателей народов мира. В этой книге — произведения мастеров пера из Англии и Франции, Индии и Ирана, Турции и Югославии. Тема одна — любовь, любовь, любовь. И все эти новеллы переведены на узбекский с языка оригинала.

Н. С.: В одной из журнальных статей нашего «перестроенного» времени мне попало сравнение русской культуры с человеком, который одной ногой опирается на европейскую почву, а другой — на азиатскую. Не берусь судить о научной обоснованности такого уподобления, однако присутствие в русской культуре азиатских элементов неоспоримо. Вот одно из сравнительно «свежих» свидетельств: академик В. И. Вернадский писал, что «...в наш мир вступили великие создания Востока с их удивительно глубоким проникновением в человеческую душу и в природу вообще».

Веками славяне жили бок о бок с тюркскими народами, и это соседство не могло не оказать

глубокого влияния на культуру и обычаи. Кроме того, еще в древности они впервые познакомились с достижениями арабской и персидской цивилизации. Влияние такого рода легко прослеживаются в русской литературе начиная с Державина и даже ранее — с былин и народных песен.

Тем не менее мне кажется, что ныне узбекская литература еще не заняла должного места в духовной жизни русского читателя. И происходит это во многом из-за недостатков в постановке переводческого дела.

М. А.: Вы знаете, сравнение национальной культуры с существом на двух ногах кажется мне плоским, прямолинейным. Более правдоподобно уподобление дереву с разветвленной корневой системой, главный корень которого уходит в глубины народной мудрости, а боковые питаются живительными соками иноземных культур. Без главного корня дерево мертво, но и без боковых корней оно не устоит.

Примеров влияния Востока не только на Россию, но и вообще на Запад — более чем достаточно. Восточные поэмы Байрона. «Западно-восточный диван» Гете. «Персидские письма» Монтескье. Романы братьев Гонкуров. «Диван Тамарита» Гарсия Лорки. И так далее, и так далее. А Пушкин, его южные поэмы, его «Подражание Корану»? Все это очевидно.

Узбекская литература тоже впитывала в себя живительные традиции литератур Востока и Запада, все доброе, гуманное, жизнеутверждающее, что есть в мировой культуре. Через арабское влияние сюда докатывались волны греческой, индийской, персидской культур, с прошлого века все сильнее ощущается влияние культуры русской. Обратимся к Навои, который черпал вдохновение не только в народном творчестве, но и в творениях арабской, персидской, азербайджанской литератур. Вслед за Низами и Дехлеви он обращался к арабскому фольклору, написал поэму «Лейли и Меджнун», обращался к истории персидских царств, воссоздал пленительный образ армянской царицы Ширин... Чтобы появился такой всеобъемлющий гений, как Алишер Навои, необходимы были его великие предшественники — Саади и Хафиз, Руми и Аттар...

Узбекская литература создавалась на протяжении многих веков, классическая наша поэзия — это удивительное сочетание лирики и эпоса, изощренной формы и глубокой философии. Из-за отсутствия или недоброкачественности переводов эта блестящая литература во многом представляется собой для русского читателя «Терра Инкогнита», «Землю Неизвестную». Вам вряд ли что-нибудь скажут имена, допустим, Юсуфа Хас Хаджиба или Дурбека, Юсуфа Амира или Атои. А между тем это мастера — и какие мастера!

У нас долго господствовало мнение, что узбекская проза появилась только после Октябрьской революции. А между тем еще в XIV веке хорезмиец Насриддин Рабгузи создал свою «Книгу о пророках», «Киссас-ул-анбие». Книга эта вообще у нас не издавалась, если не считать жалких отрывков в хрестоматиях. А ведь это неподобный литературный памятник, написанный выразительнейшим языком. А «Бабурнаме»? Ничего подобного нет не только в узбекской, но и во всемирной литературе. Удивительные книги-притчи писателя XVII века Пошшо-ходжи «Ключ справедливости» и «Цветник» не только не переведены на другие языки, но и на узбекском почти неизвестны.

Узбекская классическая литература еще ждет своих исследователей и переводчиков. И мы должны делать все возможное, чтобы этот драгоценный клад наконец открылся и для русского, и для зарубежного читателя, для всего мира.

Н.С.: В наши дни мы уже привыкли высмеивать проведение различных юбилеев. Действительно, уже набили оскомину чествования «живых классиков», помпезные празднования, не дающие ничего ни уму, ни сердцу, полные трескотни и восклицательных знаков. Ну, а с другой стороны, культура вряд ли сможет обходиться без юбилеев, которые служат своеобразным напоминанием о том или ином ярком таланте, играют заметную роль в пропаганде классического наследия.

Приближается год 550-летия Алишера Навои. Не превратится ли и эта годовщина в очередное «заорганизованное мероприятие»?

М. А.: Думаю, юбилеи нужно проводить. Однако надо переходить от «юбилеев сладких слов» к «юбилеям творческих дел». Классиков давно не интересуют ни восхваления, ни торжественные вечера, ни почетные звания. Мы должны не лицемерить над могилами гениев, а сделать живой память о них. Это нужно не классикам, это необходимо нам самим.

Мы — в преддверии 550-летия величайшего сына узбекского народа Алишера Навои. 1991 год объявлен ЮНЕСКО «годом Навои». Вы знаете, Алишер Навои — это совесть и боль узбекского народа, он воплотил народную душу — страдания и радость, чаяния и тревогу. Он — наша любовь. Необыкновенная личность — поэт, писатель, наставник, государственный деятель, строитель, меценат... Не сохранилось его черновики, говорят, что их не было вовсе... Вы знаете, на Востоке, чтобы иметь право называться поэтом, нужно было создать особый сборник стихотворений, диван. В диван входят газели на каждую букву арабского алфавита, лирические произведения множества изощренных строфических форм (мураббаб, мухаммас, мусаддас, мусамман, гарджебанд и т.д.) Далеко не всякому удавалось написать диван. А перу Алишера принадлежат пять(!) таких сборников, четыре из них — на узбекском, пятый — на персидском языке. Им возведено монументальное здание поэм «Пятерицы» — кому не знакомы рожденные вдохновением Навои образы Фархада и Ширин, Лейли и Меджнун. А до сих пор не исследованные философские глубины шестой поэмы гения, «Языка птиц»? А проза Навои, его научно-исторические трактаты?

Недаром говорят: «Творения Навои — безбрежное море, каждый прикасается к нему в меру своих сил, и черпает из него в той же мере».

Однако таким ли Алишер Навои предстает перед русским читателем? Немало его произведений переведено ниже всякой критики, и до боли обидно, что о нем судят по подобным переводам. И как это все вяжется с титулом «великий поэт»? Вот беру в руки том Навои из «Библиотеки поэта» 1983 года издания и подчас теряюсь, к стыду своему (или переводчика), не узнаю в переводе те стихи, которые знаю с юности.

Что же делать? Полагаю, когда речь идет о таких титанах, как Навои, — нужна государственная программа. Надо создать «Дом Навои», который будет заниматься только творчеством на-

шего национального гения — изданием произведений, переводами и анализом их уровня, научными исследованиями, координацией усилий наоиведов всего мира. Алишер Навои должен предстать перед человечеством во весь рост, как олицетворение духа узбекского народа! В нем — наше прошлое, и он же — залог нашего будущего.

Как наш Центр готовится к юбилею? Хвастаться особо нечем. С помощью «активистов из общственности» готовим своды подстрочников газелей Навои на иностранных языках. Уже готовы подстрочные переводы на арабский и немецкий.

Все чаще появляется у меня мысль: чем переводить так «художественно», как у нас это иногда получается, не лучше ли издавать просто добротные подстрочные переводы восточной классики, как практикуется сейчас в некоторых европейских странах?

Н. С.: Ну, в Узбекистане уже сейчас есть довольно многочисленный отряд переводчиков узбекской литературы. Прозу переводят З. Туманова, Н. Владимирова, М. Мирзамухаммедов, Р. Азимова, поэзию — Р. Фархади, А. Файнберг, Г. Резниковский и др. Однако их творческий потенциал используется далеко не полностью. Думаете ли вы привлечь их к участию в работе вашего Центра?

М. А.: Ваш список можно дополнить еще несколькими фамилиями талантливых людей. На них мы в первую очередь и рассчитываем, а как же иначе? В планах Центра — и выпуск альманаха «Туркестан» на русском языке. Будем добиваться, чтобы это издание осуществилось. И у нас должны быть свои переводчики, знающие и уважающие узбекскую классику, понимающие дух нашего народа, его обычаи и культуру, живущие рядом с нами.

Н. С.: Недавно Издательству ЦК Компартии Узбекистана разрешено возобновить выпуск книжек сувенирной серии «Избранная лирика Востока». Какое участие принимает в этом издании ваш Центр?

М. А.: Вы знаете, никакой. А ведь дело серьезное, нужное. Нас пока не приглашали. Но, думаю, без нас не обойдутся. Ведь издание такого рода должно в будущем вырасти в по-настоящему мощную серию, подобную изданию «Литературных памятников».

Н. С.: Что ж, Мухаммад-ака, вы довольно подробно рассказали о буднях и планах вашего Центра. Надеюсь, что в ближайшем будущем эти планы начнут воплощаться, и мечты ваши сбудутся. В заключение остается лишь пожелать вам успехов на этом благородном, но очень не легком пути.

Николай Красильников

ВЕСНЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Мне жалко, — но стареют люди...
П. Васильев

Есть своя особая неповторимая прелесть в старых улицах и домах родного Ташкента. Только что над городом мощным валом прокатился мартовский ливень, оmyв тротуары и высветив по-весеннему деревья в нежной зеленой дымке.

Я остановился у трехэтажного дома из жженого кирпича, построенного основательно, добротно, еще в годы первых пятилеток. Его не тронуло ни одно землетрясение. На табличке: «Ул. Фрунзе, 28».

В таких домах в начале тридцатых годов селились всевозможные «спецы»: гидростроители, ученые, военные... К горлу подкатил комок. Вспомнилось с юности запавшее:

«Эти горькие губы так памятны мне, и похоже,
Что еще не раскрыты глаза, не разомкнуты руки твои;
И едва прикоснешься к прохладному золоту кожи —
В самом сердце пустынного сада гремят соловьи».

Светлые строки из стихотворения известного русского советского поэта Павла Васильева посвящены его однокласснице и другу. Оно так и называется: «Евгения Стэнман». Под таким названием входит во все сборники поэта, включается в антологии.

Поднимаюсь по выщербленным, вытертым от времени и многих, многих людских посещений мраморным ступеням, давно потерявшим свой изначальный цвет, а в памяти не смолкает напевное:

«Так прости, что я вспомнил твое позабытое имя
И проснулся от стука веселых твоих каблучков».

В полутемном коридоре стучусь в дверь к хозяйке квартиры, с которой по телефону заранее условился о встрече. Волнение как бы передается несколькими гвоздикам в руке. Дверь открывается — и они будто вспыхивают на нашем азиатском вечном солнце живыми прометеевыми искорками...

И вот мы сидим за круглым столом друг против друга. На скатерти книги Павла Васильева — издания разных лет. Альбом с фотографиями. Шелковисто-пепельный переплет, как бы выцветший от долгих лет. Такие ныне редко встречаются. Исподволь вглядываюсь в черты лица Евгении Адольфовны, по мужу Киссем... Ей уже восемьдесят один год. Однако назвать старой эту седую женщину никак нельзя. Подвижна. Разговорчива. Точен в определениях и оценках ее ум ученого.

— Мы, пожилые люди, — говорила она накануне встречи, — порой не помним, что было с нами вчера, а вот многое из прошлого четко зафиксировалось.

Видимо, таково свойство человеческой памяти.

Евгения Адольфовна родилась на КВЖД: ее отец, Густав Адольфович Стэнман,

служил помощником машиниста там, на Дальнем Востоке. После разрыва с отцом мать с девятимесячной Евгенией вернулась в Павлодар...

— Откуда такая редкая, запоминающаяся фамилия?

— Отец мой по вероисповеданию — лютеранин. Он воспитывался у немцев в городе Таре. А вообще корни фамилии уходят к шведам.

Евгения Адольфовна сорок пять лет проработала преподавателем в ТашГУ. Получила звание доцента. Отличник просвещения. Заслуженный учитель Узбекской ССР. Персональный пенсионер республиканского значения. Человек, многое сделавший для науки, культуры Узбекистана.

По какой-то счастливой случайности произошло так, что мать Евгении Адольфовны и мать Павла Васильева учились в одной павлодарской школе. Учиться вместе довелось и их детям.

О жизни и творчестве Павла Васильева последнее время много пишут в газетах и журналах, печатаются воспоминания людей, знавших его. Несколько лет назад в Алма-Ате вышла повесть писателя Павла Косенко «На земле золотой и яростной» — о жизни поэта. Интерес к его творчеству и личности не затихает, растет... И это понятно: людям хочется больше знать о покоривших их умы и сердца художниках, тем более — с такой судьбой. Конечно, к Евгении Адольфовне обращались — и журналисты, и писатели из Алма-Аты, Москвы — с просьбой поделиться воспоминаниями... Сумею ли я узнать что-либо новое о Павле Васильеве? И все же, все же...

Письма продолжают идти на адрес Евгении Адольфовны. Вот и новая весточка из Казахстана от преподавателя Геннадия Тюрина — поклонника творчества поэта. Он пишет, что 1987 год для литературной общественности страны был траурным: сто пятьдесят лет со дня гибели А. С. Пушкина и пятьдесят — П. Васильева. Какое роковое совпадение! Гибель двух русских поэтов... Притом Васильеву было всего двадцать семь... К грустной дате в Павлодаре на здании бывшей школы II ступени, где учился П. Васильев, установлена мемориальная доска. Значит, благодарная память земляков-читателей жива.

Школа. Там формируется характер, личность человека. Я попросил:

— Расскажите что-нибудь о школе.

— Павлодар — уездный городок первой четверти века... Население там было самое разнообразное: бок о бок жили русские, украинцы, немцы, казахи, татары... Говоря современным языком — город нашего с Павлом детства являл тот самый интернациональный дух, о котором нынче много говорим. В лавках, на базарах, на улицах говор смешивался, и все понимали друг друга. Люди занимались огородами, скотоводством, рыбной ловлей, торговлей... Все было чем-то и как-то взаимосвязано. Немало происходило странных, авантюрных случаев. Не обходилось и без пьянства, драк... Словом — жизнь, а в провинции она, пожалуй, не менее разнообразна и своеобразна, чем в столицах. И культура своя, культура маленького городка, существовала. Ее приносили еще с прошлого века ссыльные, бывшие политкаторжане, осевшие здесь. У нас в школе каждый второй преподаватель был незаурядной, оригинальной личностью, порой загадочной. А всякая тайна, известно, притягивает к себе ребят...

Нашим классным руководителем был преподаватель литературы Иван Сергеевич Чепуров, очень большой человек. Говорили, что он двадцать лет просидел в Петропавловской крепости. В старших классах рисование вел художник Батурин, человек с очень колоритной внешностью — он был другом одного из сыновей Льва Толстого. Обществоведение преподавал бывший адвокат из Петербурга, к сожалению, уже не помню его имени. Уроки пения и географии проводил учитель, имя которого тоже выветрилось из памяти, но, помню, он сам прекрасно пел в церковном хоре, организовал в школе отличный хор, оркестр, приохотил нас к миру музыки и сцены. Кстати, нам, в том числе и Павлу, выпадало счастье участвовать в настоящих массовках на спектаклях городского театра. В старших классах нам давали уроки генетики, и мы уже кое-что знали о законе Менделя. Вот примерно в такой атмосфере формировались мировоззрение и характер Павла Васильева. Это уже потом атмосфера стала меняться...

Евгения Адольфовна раскрывает свой альбом и показывает школьную фотографию тех лет. Время не тронуло четкости лиц, остановленного мгновения.

— Это наш классный руководитель — Иван Сергеевич. А Павла Васильева вы найдете сами.

Его нельзя не узнать сразу. С фотографии внимательно глядит щупленький паренек-подросток в строгом френче с накладными карманами; характерный пробор в волнистых волосах...

— А меня вы узнаете?

Смотрю на хозяйку квартиры и стараюсь ее лицо «примерить» к девчоночьим на фотографии. Сразу ничего не получается. «Машина времени» не хочет возвращать живой лик к тому, канувшему в Лету. И все-таки по каким-то крупичкам мне удается восстановить образ. Симпатичная девчушка, здесь немного задумчивая, но среди подругек, возможно, бойкая...

— Это вы!

— Правильно...

Наверно, прав был мудрец: время стоит, это мы проходим.

Евгения Адольфовна знакомит меня с павлодарскими друзьями Павла Васильева.

— Это Мария Пшеницына, ее брат Юра Пшеницын — долгие годы работал редактором немецкой газеты, сейчас на пенсии, а это Серафим Дагаев, Федя Завьялов, Бурчевский, Асанов, Будтов...

Многие из этих фамилий оказываются мне знакомыми по посвящениям и стихам Павла Васильева, вошедшим в классику советской поэзии... Он преданно любил своих друзей, оставил память о них потомкам.

— А как относились в школе к Павлу?

— Это непростой вопрос. Павел рос хрупким, но очень уж озорным. Неважно учился. Хотя его отец, Николай Корнилович, преподавал у нас математику, сын не имел ни способностей, ни тяги к этой строгой науке. Мало того, на уроках отца он часто так шкодничал, что бывал безжалостно изгоняем... Вот еще один штрих. Идет урок литературы. Иван Сергеевич, как я уже говорила, больной человек, прямо за столом иногда засыпал. Здесь-то Павел и попадал в свою «стихию». Он ловко имитировал мимику, привычки своего любимого учителя, импровизировал веселые стихи, словом, как мог, потешал класс. Кому из учителей понравилось бы такое поведение?..

— Когда стали впервые проявляться литературные способности Павла?

— Сочинять он начал очень рано. В третьем классе исписал целую тетрадку стихами. И назвал их «Сказки чернильного деда». Очень изобретательно! Это были стихи о школе, о друзьях, о природе... А вообще, энергия в Павле уже тогда так и кипела, порою он не знал, куда ее толком приложить. И если уж находил — результат оказывался не всегда приятным. Взять хотя бы ту историю... Что заставило Павла решиться на такой поступок, для меня до сих пор остается загадкой. Мальчишеская ревность, безудержный отроческий эгоцентризм, жажда необычного?.. Но случилось так, что в классе, кажется, седьмом, он уговорил одноклассников Асанова и Будтова драться на дуэли из-за меня... Для этого специально приготовили самодельные кинжалы. «Дуэль», очевидно, была настолько серьезной, что вечером мать одного из дуэлянтов пришла к моим родителям жаловаться. Виновицей в итоге оказалась я...

На всю жизнь мне запомнилось одно путешествие. Только что окончили семилетку, и весь наш класс во главе с Иваном Сергеевичем Чепуровым поехал на экскурсию на Алтай. Было нас семь девчонок и пятнадцать мальчиков, не считая нескольких учителей. Редкие селения, глухие скиты староверов. Добравшись до озера Зайсан, тропами углубились в горы. Как-то Павел, я, Мария и Юрий Пшеницыны, оторвавшись от ребят, ушли далеко вперед. Нам так хотелось приключений! Поднялись на самую высокую скалу, а спуститься с нее не смогли. Если бы не помощь взрослых... Кончалось отрочество вместе с захватывающими романами Жюль Верна, Майн Рида, Луи Жаколио, Хаггарда... Нам хотелось быть похожими на героев этих книг. Особенно Павлу. Как-то блуждая по горам, мы набрали на заброшенный рудник — бывшую концессию англичан. Заночевали в конторе. И вот ночью Павел решил, преобразившись в разбойника, выкрасть одну из девочек. Почему-то через форточку... Что это? Озорство? Испытание воли? Просто нам всем жить было интересно и весело!..

А поэтический талант Павла Васильева проявлялся все больше и сильнее. В старших классах он писал много стихов, поэмы, экспромты, эпиграммы на своих школьных друзей. Некоторые из них я отрывочно помню:

Серафим Дагаев, ты в газету нашу
Напиши, что, дескать, я люблю Наташу.

Или вот такие шуточные строки:

Мэри Пшеницына — рост каланчою,
Сима Дагаев при ней звонарем...

По семейным обстоятельствам школу мне пришлось заканчивать в Омске. Осенью 1925 года я получила письмо от Павла Васильева. Это был пухлый зеленый конверт. (Вообще он имел какое-то особое пристрастие к зеленому цвету. Даже в поздних своих стихах: «Воду зеленую режешь» — («Пароход»), «Зеленой пеной здесь перекипала?» — («Глафира»), «Чтоб снова зазеленеть, опадали листья» — («Рыжая голова»), «Князь рыб и птиц, беглец зеленоводый» — («Иртыш») и других. Вскрываю конверт. Письмо на восьми страницах. Написано зелеными чернилами. И все — стихами. Теплое, о школе, о друзьях, о наших чудачествах... Я долго берегла письмо. К глубокому сожалению, пришлось его уничтожить. Об этом потом... Но до сих пор помнится из него многое. На первой странице, например, характерным васильевским почерком (он не

признавал мягкого знака во втором лице) было написано: «Павлодарская школа II ступени контрреволюционной окраски». Начиналось письмо таким четверостишием:

Образы, мысли, желанья былого
Втиснуть легко ли в зеленый конверт?
Сколько далекого и дорогого,
Сколько промчавшихся лет...

Последний раз мы встретились с Павлом Васильевым в Павлодаре в 1926 году. Мне было семнадцать, а Павлу шестнадцать. Теперь передо мной стоял не худенький с выпирающими лопатками подросток, а симпатичный ладный юноша с волнистой светлой шевелюрой и пронзительно-ясными глазами. Не помню из-за чего, но мы в тот день с ним слегка поссорились. Павел забрал мою фотографию, а я в сердцах выхватила у него общую тетрадь со стихами... Так и расстались.

В тот год я уехала в Ташкент поступать в САГУ. Училась на иранском отделении восточного факультета, правда, на последних курсах пришлось перейти на педфак.

Больше с Павлом Васильевым не доводилось встречаться. Из писем школьных товарищей только и знала, что он находится где-то во Владивостоке. В 28 году я вышла замуж. Как-то получаю письмо от свекрови: в одном из московских журналов она прочитала стихи Павла Васильева и деликатно осведомляется: знаю ли я такого?..

Второй раз с его именем меня связал печальный случай. В марте 1938 года — я уже преподавала — мне предъявили обвинение в ...шпионаже. «Вина», как я поняла, состояла в том, что я родилась на КВЖД... Следователь оказался вежливый такой. Сначала мы с ним вели светский разговор о литературе, о модных тогда писателях. А потом он, как бы между прочим, предложил: давайте, мол, составим протокол... Даже успокоил: ничего, мол, страшного, за чистосердечное признание дадут маленький срок... Я, конечно, вознегодовала. Сказала, что накануне была у первого секретаря ЦИК Узбекистана Усмана Юсупова, что он принял меня и даже премировал как лучшего преподавателя. Следователь с ехидцей улыбнулся: «Вы умная женщина. Разве не понимаете, что это все сейчас ничего не значит?..»

Тогда же в камере я познакомилась с некой Е. Веледницкой. Она представилась писательницей. От этой женщины я узнала, что П. Васильев в Москве и тоже арестован. В то время ни я, ни она даже не подозревали, что Павла уже нет в живых...

Четыре месяца мне пришлось просидеть в тюрьме на Московской улице, где ныне находится швейная фабрика «Малика». Но хорошо то, что хорошо кончается... Меня почему-то освободили из «ежовых рукавиц». Что это было просто чудом, поняла, конечно, позже...

Вернувшись домой, я тут же порвала в клочья то зеленое письмо Павла, вырвала многие страницы стихов из общей тетради, которую так берегла... Страх подсказывал, как поступать, пересиливая все другие человеческие чувства. Ведь в тетради были и стихи, полные аллегорий и намеков. Взять хотя бы эти две строки, врезавшиеся в память:

Наш советский кургузый товарищ
Снова стал у машины своей...

Чудовищная сталинская машина репрессий всюю раскручивала свой маховик...

Думали ли мы тогда, в школьные годы, о большом поэтическом будущем Павла Васильева? Скорее, нет. Ведь в детстве и юности многие пишут. Однако в московских литературных кругах тридцатых годов уже широко, и по праву, были известны стихи Павла Васильева. И не только стихи. Вспомнить хотя бы нашумевшую тогда статью М. Горького в «Правде» о, мягко говоря, «непристойном поведении молодого поэта»... И все-таки по-настоящему возрождение крупного поэта Павла Васильева состоялось в середине пятидесятых годов, как сейчас модно говорить, в «хрущевскую оттепель». То, что начало создаваться и было кроваво оборвано вместе с молодой жизнью поэта, сразу и мощно выплеснулось двадцатилетие спустя... Стихи и поэмы, собранные воедино в большой книге, выпущенной Гослитиздатом в 1957 году, вернули русской культуре талантливого, яркого, дерзостно смелого мастера. Об этом писали и выдающиеся художники слова. Вот, например, оценка масштабов его творчества Борисом Пастернаком: «В начале тридцатых годов Павел Васильев производил на меня впечатление приблизительно того же порядка, как в свое время, раньше, при первом знакомстве с ними, Есенин и Маяковский. Он был сравним с ними, в особенности с Есениным, творческой выразительностью и силой своего дара и безмерно много обещал, потому что, в отличие от трагической взвинченности, внутренне укоротившей жизнь последних, с холодным спокойствием владел и распоряжался своими бурными задатками. У него было то яркое, стремительное и счастливое воображение, без которого не бывает большой поэзии, и примеров которого в такой мере я уже больше не встречал ни у кого за все истекшие после его смерти годы. Помимо печатавшихся его вещей

(«Соляной бунт» и отдельные стихотворений), вероятный интерес и цену должно представлять все то, что от него осталось».

Знаменательные, провидческие слова, тем более, что сказаны они поэтом, казалось бы, совсем иной школы. Это еще раз доказывает единство и благородное превосходство настоящих художников над любыми «школами» и враждующими «группами»... Что же касается «владения» Павлом «своими бурными задатками»... В творчестве, может быть. Но в жизни, в той жизни, при его натуре такая судьба, наверно, была предрешена. Пожалуй, как и судьба Есенина и Маяковского.

Собеседница надолго смолкает, и я не сразу решаюсь задать один из интересующих меня вопросов:

— Когда вы впервые узнали о стихах Павла Васильева, посвященных вам?

— Раньше о них я не ведала. Случилось это опять-таки в середине пятидесятых. Я преподавала в ТашГУ. Как-то прибегают ко мне студенты филфака и показывают газету, кажется, «Культуру и жизнь». «Это вам посвящены стихи?» — спрашивают. Смотрю: фамилия Павла Васильева, а под ней стихотворение: «Строителю Евгению Стэнман». Под таким названием оно и стало выходить в книгах поэта. «Да, эти стихи посвящены мне, — сказала я. — Но почему «строителю», которым я никогда не была?» А потом подумала: может, слово «строителю» добавили ретивые редакторы в первом издании? В годы первых пятилеток это было модно. А может, и сам Павел взял этого «строителя» за романтично-поэтический образ времени? Ведь он всегда оставался фантазером!.. Так или иначе, я написала составителю ряда книг Павла Сергею Поделкову, вообще немало сделавшему для популяризации его творчества, о том, что я никакой не строитель. И вот в книге, изданной в самой авторитетной серии «Библиотека поэта», стихотворение, наконец, вышло без этого «довеска». Оно просто называется «Евгения Стэнман».

— Именно в этой книге есть и другое стихотворение — «Турксиб». И начальные строки обращены к вам:

«Товарищ Стэнман, глядите!
Встречают нас
Бесприютные дети алтайских отрогов.
Расстелив солончак, совершают намаз
Кривоплечие камни
на наших дорогах...»

— Да, знаю. Ностальгия по школьным годам, друзьям, походам... Вот почему поэт в стихах не раз обращался к этому, в том числе и ко мне.

— И все же напрашивается, может быть, не совсем деликатный вопрос...

— Понимаю, — просто отвечает Евгения Адольфовна. — Возможно, он был неравнодушен ко мне, с кем подобного не случается в юности? Но, главное, он ведь был совсем молодым, и в стихах тоже...

— Кстати, а где та тетрадь с вырванными страницами? Там ведь, кажется, еще оставались стихи.

— Я подарила ее жене Павла Елене Александровне Вяловой. Она живет в Москве. Можете записать ее телефон. Мы с ней изредка переписываемся.

— При каких обстоятельствах все же погиб поэт? Может, вам известны какие-либо подробности?

— Известно, что почти вся семья Васильевых была репрессирована: и отец, и брат... Елена Александровна рассказывала, что примерно за месяц до ареста Павел ходил подавленный и очень нервничал. Как-то в квартире зазвонил телефон. Павел поднял трубку. «Сейчас я приду!» — сказал он, оделся и вышел. Больше его не видели...

...А мне вспомнился один из московских вечеров. Мы ехали в вечерней электричке с поэтом Алексеем Заурихом. За окном белой светотенью мелькали уже гаснущие загородные березки. Говорили, конечно, о поэзии и как-то естественно перешли к стихам и личности Павла Васильева.

— А вы знаете, как он погиб? — спросил вдруг Заурих.

— Откуда?..

— Мне рассказал один старый чекист. Случилось это на допросе. Садист-следователь стал предъявлять вовсе уж дикие обвинения, а Павел Васильев возьми да и взорвись. Бросил в ответ что-то такое... Следователь схватил со стола тяжелую пепельницу и запустил ею в поэта. Попал прямо в висок.

Я поделился этой версией с Евгенией Адольфовной.

Она вздохнула.

— Может, и так. Многого уже никогда не узнать. Но стихи остались.

Как эхо, продолжает жить и звучать в народе не тускнеющее слово поэта.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Галина Востокова. «Нефритовый слоненок».
Москва, «Советский писатель», 1989 г.

Приступив к чтению этой книги, долго не можешь отделаться от впечатления, что попал либо в волшебную сказку, либо в классический «великосветский» роман. От сказки здесь: прекрасный принц из далекой экзотической страны, дворцовые заговоры, обезьяны, пальмы... Ну а от «великосветского», не раз проклинавшегося нашей критикой жанра, — сверкание драгоценностей, обнаженные плечи красавиц, изысканная французская картавинка светских приемов... Однако все эти ощущения снимаются строгими строками аннотаций: «Книга основана на исторических документах. В центре повествования судьба русской девушки, прообразом которой послужила Екатерина Десницкая, ставшая в начале века женой сиамского принца». Вот так. Не вымысел, а отступление от фактов лишь на одну букву: Десницкая в романе превратилась в Лесницкую.

Прав был знаменитый русский писатель А. И. Куприн, заметивший, что сама жизнь порой сочиняет такие истории, подобных которым не породит никакая творческая фантазия. Однако думается, что эти кажущиеся невероятными тоже должны были входить в литературу. Видимо, стоит вспомнить здесь слова Александра Сергеевича Пушкина — «Мы ленивы и не любопытны».

Написавшая, а не сочинившая «Нефритового слоненка» Галина Востокова не ленива и любопытна. Она отнюдь не скользит по поверхности броской фабулы. Чем больше прочитано страниц, тем четче начинаешь понимать, какая большая работа — историка, этнографа, архивариуса — стоит за этим романом. Именно точность в воссоздании атмосферы времени и места действия позволяет автору избежать опаснейших подводных камней, которыми изобилует русло подобного сюжета, в книге нет слащавости, сентиментальности, смакования экзотики. То, что происходит в ходе повествования, удивительно — но так было.

Расказана история любви. Расказана серьезно и сердечно. Несмотря на неординарность ситуации или благодаря ей. Великосветская хро-

ника? «Катрин, бокал шампанского!»? Ну что ж, ведь именно так и проводили время тогдашние дворяне. Припомним хотя бы страницы французского текста в начале «Войны и мира» Л. Н. Толстого, уж этого-то свидетеля эпохи вряд ли кто-либо дерзнет упрекнуть в салонности. Притом, у скромного ташкентского автора описание «той» жизни напрочь лишено завистливости подглядывающего у парадного подъезда мещанина. Впрочем, Екатерина Лесницкая возвращается в петербургских светских кругах очень недолго. Она окунается в жизнь совсем иную, пахнущую не французскими духами, а кровью и порохом.

Здесь героиня романа, как и ее прототип, входит в одно из прекраснейших явлений российской духовной жизни. Здесь — повод преклонить колени перед величием Русской Женщины. При произнесении подобных слов сразу вспоминаются жены декабристов? Да, но не только. Ведь именно в России впервые проявилось одно из благороднейших движений женской души, именно здесь появились первые сестры милосердия, «серые сестры», отправляющиеся на поле брани врачевать раненых воинов. Позже по стопам этих безымянных русских женщин пойдет знаменитая англичанка Флоренс Найтингейл, чье имя станет символом милосердия. Этот путь проходит и Екатерина Лесницкая.

Затем — возвращение домой, зарождение любви к принцу Чакрабону. К принцу? Нет, это просто два человека потянулись друг к другу сквозь все границы — географические, общественные, расовые. Отношения любящих пленительны в своей чистоте, в какой-то трогательной детскости. Распространяться по этому поводу не стану — читайте роман. Но здесь возникают мысли, связанные со «злойбой» нашего сегодняшнего положения. Ох, как часто под флагом пресловутых «межнациональных отношений» вершится надругательство над человечностью, поругание святыни любви. Муж азербайджанец, жена армянка? Трави обоих! Такой вот «перестроечный процесс». Дикость средневековая, нет, хуже того — пещерная.

Возвращаясь к Кате Лесницкой, мы застаем ее уже в одном из тайландских дворцов. Слоны, бананы, восточные ритуалы? Это так, между делом, нельзя же совсем не смотреть по сторонам. А главное — любовь, семья, чудо рождения ребенка, духовные искания. Правда, царственная родня мужа встретила пришлицу с великодержавной холодностью. Будут пытаться восстановить Чакрабона против его русской возлюбленной, разорвать их союз. Но это ничего, любовь

прекрасного принца это выдержит. Однако вскоре его чувство подвергнется гораздо более серьезному испытанию.

Один из персонажей романа роняет знаменательную фразу: «В большой политике нет места любви и состраданию». Чакрабон оказывается вовлеченным в политическую жизнь, вернее — в придворные интриги, в беспощадную грызню за власть. А ведь интриги — это тяжелейшая работа, изматывающая нервы, надсаживающая душу. Чего хочется после такой работы? Правильно: отдохнуть, повеселиться. Ну а возможен ли веселый отдых с такой подругой, как Катя, женщина умная и глубокая, требующая от любимого человека не только телесного, но и духовного единения? Счастье тут возможно, ну а легкомысленный отдых — вряд ли. И истомившийся на политической ниве Чакрабон находит себе подружку попроще. Здесь — развязка истории любви восточного принца к русской дворянке.

Позволю себе еще одну реплику в сторону нашей с вами современности. Сейчас средства массовой информации восторженно твердят о «растущей политизации масс» и подогревают этот процесс всячески. Однако, если даже оставить в стороне частое появление взамен мудрых политиков разномысленных политиканов и политиканчиков, что само по себе неприятно, — не приведет ли «политизация» наших народов к дальнейшему росту бездушия и бесчеловечности, ну а этого добра и без того хватает.

Остается подвести черту в разговоре о «Нефритовом слоненке». Роман заканчивается на патетической ноте, Катя Лесницкая и ее друг Сергей Савельев возвращаются из-за границы на Родину, звучит возмолвительный голос героини: «В Россию... немедленно... сегодня... сию минуту...» Такова концовка, но у умудренного нынешней информацией читателя она вызовет ощущение незавершенности. Действительно, ведь мыто знаем, в какое время и под какую власть возвращаются в родные края герои романа. Что их ждет, дворянку и дворянина, в эпоху «революционного террора» и «эскалации классовой борьбы»? Повествование документальное, может быть, автор знает и о дальнейшей судьбе Е. Десницкой? Если знает — в романе необходим эпилог.

Но нельзя не сказать, что в самом порыве на Родину, вероятно — навстречу трагической судьбе, есть прелесть неизъяснимого благородства. Недавно я прочел воспоминания Л. Белозерской-Булгаковой, и меня поразил один описанный ею эпизод. Тоже — живая жизнь. К константинопольской пристани причаливает пароход, набитый эмигрантами, бежавшими от «ужасов большевизма». А на пристани — тоже эмигрант, по роду занятий тоже «недорезанный буржуй», причем преуспевающий, уехавший еще до революции, а теперь рвущийся обратно в Россию. Никакие запугивания и угрозы на этого человека, услышавшего зов родной земли, не действуют. Он неудержимо стремится — навстречу собственной смерти? Скорее всего. Но ведь прекрасно его чувство, не правда ли?

Если Екатерина Десницкая была действительно такова, какой она предстает на страницах «Нефритового слоненка», — нет сомнений, что она достойно встретила любую уготованную ей участь.

Последнее, что осталось сказать, — талантливый узбекистанский прозаик издал в одном из ведущих издательств страны интересный роман. Обратимся же к Галине Востоковой с нашим

узбекским пожеланием: «оқ йўл», «белого пути!»

Х. НУРИДИНОВ.

ТАНЕЦ ЧУЖИХ ПАЛЬЦЕВ

Геннадий Киселев. «Искусство требует жертв». Ташкент, Еш гвардия, 1989 г.

Книжка прочитана. Теперь уже чуть иначе смотрю на улыбающегося со второй страницы обложки автора, пытаюсь понять — чему смеется он, о чем (умышленно?) не договаривает. О том, что каждый человек является личностью, пока он «вне»? Попадая под пресс любой системы, он уже — сомнамбула, марионетка, исполняющая танец чужих пальцев и награжденная падушей в итоге смелого разрыва нитяных связей с общиной? Пожалуй...

«Жертва Системы» — привычный эпитет привычно бредущих на жертвенник агнцев. Христианская покорность и неприхотливость во всем: лишь бы было съедобно и носко.

Автора не обвинишь в прямолинейности: привычно применяя эзоповские приемы, он пишет о том, что ему ближе, — о театре, якобы не задевая политику. Но она (любимая «жена» нашего века) присутствует в тексте, да и куда же без нее: теперь даже блюда из сантиментов не употребляют без политгарнира.

Вчитайтесь в повесть «Искусство требует жертв»: на бирже труда творческий люд — актеры, люди-зеркала. Стоят в нескончаемой очереди, чтобы обрести право на действие. Если условно принять театр, как привыкли делать эзопоманы, за миниатюру общественной структуры, то можно увидеть четкую иерархическую пирамиду, взбираясь по которой, человек, чтобы достичь положения, неизбежно платит собственной зависимостью. Не хочешь марионеткой на сцене — стань ею в жизни.

Главный герой повести, актер второй категории Вадим Морозов, в зный раз меняющий театр, города и планы, пришел к выводу, что романтическая роль белки-летяги не для него. Уходить и менять привычно, но ничего, кроме ощущения пустого гастролирования, не дает. Трудней остаться и, занявшись духовным культуризмом, по одному уничтожать тех, кто мешаает искусству быть искусством: «Фулисы — баррикада. Вопрос о том, по ту сторону или по эту? С Котельниками, Кузьминскими и прочей нечистью, или по привычке — в кусты? Заниматься чистым искусством? Или лучше в официанты?»

Морозов — человек одаренный, ищущий, а потому не вписывающийся в ряды людей «ограниченной вменяемости», как сказал бы Музиль. Ну а рабы конъюнктуры, ловцы крупноблочных образов автором (в отместку ли?) даны плакатно, в стиле модного примитивизма. Этак бегло, одной мыслью, обрисован режиссер Котельник: «О творческих муках, горени хорошо распространяться в интервью, а на сцене нечего мудрствовать: Выдаешь ты роль или пробалтываешь текст — зарплата одна и та же... Если бы

платили за вдохновение...» В соответствии с постулатом «Счастье в борьбе», — в повести Киселева немало таких буквалистски «счастливых» людей, в драке за власть готовы на любую мерзость. В куче локтей и колен эпикурействующие шабашники, атланты с талантами — за право быть главным гипнотизером подмостка. Духовным ассенизаторам долго расчищать закулисный полигон. И без изощренного мордобоя здесь опять не обойтись. Сверхзадача повести — показать, что жертвенник не бывает пуст. За право БЫТЬ вносится изрядная мзда незыблемым идолам-властолюбцам.

Можно позавидовать шахматно выверенной расстановке безличных фигур. «А эти уже похозяйски глядят на актера второй категории Вадима Морозова. Теперь ему можно кидать запретный для других кусок. А можно и не кидать. Сам за жирненьким на брюхе приползти должен. Вот и наступает час шакалов».

Автор предпочитает эскизность в подаче действующих лиц. Натюрмортно, будто следуя театральному принципу «короля играет свита», он передает своеобразие типов. «Его библиотека наводила на мысль, что хозяин приобрел эти сокровища не столько для того, чтобы распахнуть окно в мир иной, сколько, чтобы укрыться от мира повседневного», — сказано в повести об одном из старейшин закулисных интриг Кузьмине. (Кстати, теме интриганства автор уступил центральную беговую дорожку сюжета.) Не с вешалки театр начинается — с интриги. «Как только становится ясным, что зрителю артист больше Кузьмина начинает нравиться, не задерживается он здесь...» Или: «Вот женщина, — главный хитро подмигнул Вадиму, — 25 лет актрисой проработала, сейчас третий год трупной заведует. Абориген, можно сказать, последний из мегикан. Ваш брат артист задумать какую-нибудь каверзу не успеет, она уже знает, чем все закончится». Куда Дюма-отцу — певцу интриг французского двора, до жизненных хитросплетений любого провинциального театра! Но итог тот же — духовный наркотики: купить место, чтобы не думать.

Морозов, выпадая из зацикленной системы, созданной бесформенными дельцами от искусства, мечтает поиграть в жизнь, хотя бы и в чужой пьесе, веря, что он в ней хозяин. Но за табличкой «занято» — все та же перенаселенная пуста.

Автор сетует на конъюнктурный драматургический навоз, на котором приходится растить чахлые образы: «Зачем из кожи лезть актеру, когда большинство пьес отвратило зрителя от театров равнодушием к насущным проблемам сегодняшнего дня? Каково приходится актеру, от которого требуется искреннего на пределе сил изображения показухи? Тут хоть на пупе вертись, а под увеличительным стеклом театра в залакированной действительности нет-нет да и проглянет червоточина. Проще театр превратить в кривое зеркало, чтобы в нем любое уродство отражалось эталоном красоты».

Если можно упрекнуть Геннадия Киселева в недостаточной проработанности характеров, то здесь же надо и отдать должное автору — повесть насыщена размышлениями. Выбирая из текста острова мысли, прощаешь отдельные пустоты между ними. Вот одно, на мой взгляд, удачное смысловое уплотнение: «Нет, не нравственные критерии меняются. Дефицит жратвы и тряпья баш на баш меняется с дефицитом духовным!» Автор проводит связь подобного

синдрома с отсутствием веры, «выбываемой веками из людского сознания».

«Вряд ли сейчас кто-либо в состоянии представить себе моральный облик мутанта не столь уж далекого будущего, гены которого уже поражены нравственной деградацией прошедших поколений».

Пораженное бездействием личного выживания племени аристократии сталинских времен сохранило идеалистически вынашиваемую мечту: «Мне кажется, что гатями, проложенными через зловонные болота лжи нами, вы должны пробиться к правде, чего бы это ни стоило».

Это боль одного из предшественников закулисного времени, в книге его называют просто и ясно: ГЛАВНЫЙ. Театральный адепт, имеющий право постулировать, интеллигентно наученный подставлять левую щеку после правой... И ему, уже покойному, отвечает ученик, Вадим Морозов: «Нет, их, упырей, не спасать надо, уничтожать, пока еще не поздно».

Главный герой подается автором в различных ракурсах: Морозов думающий, Морозов любящий, Морозов играющий, Морозов выбирающий... Здесь, на проблеме выбора, и ставит автор основной акцент. И, увы, слишком явно — установка на выбор дается с первой же беседы с Главным... А в общем-то, на фоне дрызг и пересудов своих истеричных коллег в одном явно повезло нашему герою: любимая оказалась единомышленницей. Правда, и здесь скуп автор на комплименты, награждая ее лишь «острыми коготками, черными волосами и спелыми губами». Но читателю остается предположить, что такой способный (опять же верим на слово) парень, как Морозов, обладает столь же незаурядным вкусом. Повесть заканчивается выбором пути, герой делает его внезапно, и сюжет, для этого и сплетенный, обрывается, повисает в неизвестности грядущих драк. Что ж, может быть, конкретно будущее МОРОЗОВЫХ не столь уж важно, главное — марионетки они быть не хотят.

Рассказ Г. Киселева «Домовой» — тоже о судьбе. О том, как жестко она режиссирует чью-то жизнь, как хрупко растущее человеческое существо зависимо от прочности кокона семьи. Знакомая тема, знакомая несущая боль: распад семейных связей и ребенок, коченеющий от долгого ожидания привычного тепла.

Мать скрывает от сына, что отец их покинул. В итоге, узнав правду, мальчик этого не принимает. Все, что в его силах, — это каждую свободную минуту сидеть дома и ждать папу. За домашние отсидки и прозвали его в классе «Домовой».

Нет в рассказе разрешения этой болезненной проблемы, нет наказующего взгляда на нее, только скрытая боль мальчика, наказанного родительской ошибкой. И опять-таки шахматный выбор: возвращенный душевный покой или немолчаливо оступающее семейное гнездо. Повесть — не повесть. Марионеточная судьба ребенка в руках не зависящих от него обстоятельств.

Автор оптимист. Рассказ заканчивается, как сон: папа у постели больного сына. Видимо, здесь Геннадий Киселев действовал по принципу: затронь мысль, и она зазвучит. Не разрешения, а звучания проблемы добился он, еще одной ноты, вписывающейся в общий отчаянный хор.

И. ТОМИЛИНА.

ЧТОБЫ ГОМО МОГ БЫТЬ И САПИЕНС...

Ма Ван Кханг. Когда в саду облетают листья. Москва, «Радуга», 1989 г.

Эпоху национальной борьбы за освобождение Вьетнама от иноземных захватчиков 1945—1975 годов можно назвать, используя выражение Гегеля, фазой «героического состояния мира». Это тридцатилетие породило генерацию людей особого склада и накала. Война мобилизовала все силы. Люди были сплочены одной мечтой — победить врага. Личное уходило на задний план. В революционной литературе этого периода преобладали героическая тема, романтический пафос, воспевался образ борца за национальную независимость.

Сейчас ситуация меняется. После долгих лишений люди желают, наконец, обрести личное счастье. Однако страна наталкивается на многочисленные, терзающие людей, трудности, особенно экономические.

Строительство новой жизни пока не дало ожидаемых результатов. Растут негативные явления в обществе.

На новом сложном этапе истории проявляются качественно новые черты вьетнамской литературы, выступающей ныне как художественное исследование наиболее волнующих проблем, воплощающее в правдивых образах противоречивую действительность.

В романе «Когда в саду облетают листья» общественные противоречия преломлены сквозь призму жизни одной вьетнамской семьи на протяжении года. Покой этой традиционно большой семьи, возглавляемой 75-летним пенсионером, бывшим журналистом Бангом, оказывается нарушенным. Выясняется, что Кы, один из сыновей Банга, который когда-то служил в армии и учился за границей, оставив жену и детей, бежал из Вьетнама в далекую Канаду. Возникает и другой конфликт — Ли, жена Донга, второго сына старого Банга, вернувшегося под отчий кров после долгих тридцати лет войны в чине подполковника, изменяет ему и уходит из дома.

В разрешении конфликтов и раскрываются характеры.

Старый Банг воспитывал своих детей в традициях древней культуры Вьетнама, проникнутой нравственными основами. Смерть любимой жены, гибель на фронте первенца не сломили его, не лишили терпения и упорства, душевного равновесия. Но вот предательство Кы, покушающегося на достоинство семьи, оказывается столь сильным ударом, что сердце его не выдерживает.

Одна из главных фигур романа — Ли. В ее характере достоинства переплетены с недостатками. Она красивая, остроумная, находчивая, волевая, однако все это меркнет рядом с тщеславием, завистью, эгоизмом и прагматизмом. В молодости романтически настроенная Ли вышла замуж за Донга, офицера Народной армии. В годы войны она чувствовала себя по-настоящему счастливой: хорошенький, как картинка, мальчуган — сын, brave офицер-фронтник — муж. Ли владила сына, заботилась о родителях мужа, его младших братьях. «Когда Донг воевал,

в памяти Ли жил некто абстрактный, престижный, кем можно было гордиться — как-никак подполковник! А сейчас никакого подполковника нет и в помине. Теперь Донг для Ли — заурядная личность, вышел в отставку, значит, ждать от него больше нечего, и живет-то он без затей, будто по течению плывет, да еще доволен таким тусклым, бесцветным существованием». В новых условиях Донг оказывается несостоятельным, впадает в апатию. Не сумев сделаться духовным наставником жены, он уповает на то, что все как-нибудь образуется само собой.

Противоположностью пары Донг — Ли в романе можно считать супругов Луана и Фыонг. Луан, третий сын старого Банга, — человек пылкий, увлеченный. Он превыше всего ценит духовную красоту. Если для Донга все в этой жизни просто, то Луан привык во всем докапываться до сути, любое явление рассматривать с разных сторон. Его острый ум будоражит окружающих, влечет их к нему. Если Донг сделался ничемным, инородным в сегодняшнем дне, то Луан за все и всегда чувствует себя в ответе, вне жизни, событий он себя не мыслит. Его жена чутка к близким, проникается их бедами, мягка, отходчива. Привыкшая жить скромно, она никогда не жаловалась на экономические трудности. Фыонг и Луан прекрасно дополняют друг друга, союз их стабилен и прочен.

Движимый чувствами любви к людям, писатель справедлив в оценке их ошибок и недостатков: «... неправда, будто Ли иная, чем мы. В каждом из нас, если приглядеться, есть и хорошее и дурное. Что такое плохо, знает каждый. И все же в итоге получается — удержаться от плохого непросто. А происходит так оттого, что жажда жизни стимулируется... Ли иная только в одном — она не в той мере, не до такой степени, как мы, способна управлять собой...»

Литературовед Вьонг Чи Нян справедливо отмечает в предисловии, что в романе есть еще одно действующее лицо — город Ханой, средоточие традиций, истории, многовековой культуры страны. Читая роман, советский читатель будет знакомиться с этим прекрасным городом, с его пленительным обликом и причудливой жизнью, любовно воспроизведенными писателем.

Повествуя о жизни одной семьи, автор как бы предостерегает от поспешности оценок и выводов, рисует жизнь в столкновении противоречий, особенно острых в переходные периоды, когда возникает множество соблазнов и ловушек. Тем важнее забота о каждом человеке как неповторимой личности со свойственным ей характером. В борьбе со злом надо и опираться на непреходящие человеческие ценности, приобретенные веками духовно-практического опыта, и утверждать новые.

«Мое мнение, — подчеркивает Луан, — от биологической природы человека деваться некуда. Раз гомо сапиенс, значит, надо удовлетворить потребности гомо, чтобы он мог быть еще и сапиенс. Революцию для того и делали, чтоб человек зажил полной жизнью — как материальной, так и духовной». Именно на это направлены сегодняшние задачи обновления общества.

Книга Ма Ван Кханга завоевала в стране признание читающей публики и критики, удостоена премии Союза писателей Вьетнама. В хорошем переводе, выполненном И. Зиминой, ее с интересом прочтет и советский читатель.

ЛЕ ВИНЬ КУОК.

«ПОЭТА ЖИЗНЬ ПРОДЛЯТ ЕГО СТИХИ...»

Мне выпало счастье перечитать все пьесы в стихах и прозе, драматические поэмы, рассказы, фельетоны, эпиграммы, переводы Льва Гладких, драгоценные страницы, которые еще неизвестны широкому читателю.

Я видела, как рождались его спектакли и с каким успехом они шли в профессиональных, народных и студенческих театрах.

Я слышала «Анну Снегину» С. Есенина, за исполнение которой Лев Гладких стал лауреатом Всесоюзного конкурса чтецов. Его голос, его манера чтения не имели аналогов.

Я помню его работу с агитбригадами в 70-е годы — как автор и режиссер он дважды становился лауреатом всесоюзных смотров. Поистине, талантливый человек во всем талантлив. Он был и художником, и скульптором, делал эскизы к своим спектаклям, создавал маски из дерева. Его жизнь — это огромный мир, который еще предстоит открыть.

Один из старейших режиссеров, заслуженный артист УзССР Нигмат Достходжаев в 50-х годах, будучи главрежем объединенного Ташкентского ТЮЗа, пригласил тогда юного Льва Гладких на должность актера русского сектора.

Теперь Нигмат-ака вспоминает: «Даже в эпизодических ролях он дописывал текст (хотя это не положено), выстраивал логически свои роли. Это, по существу, помогало глубже раскрыть характер персонажа. Он не умел репетировать вполсилы, весь отдавался роли. И что меня радовало, часто я видел его на репетициях и премьерях узбекского сектора. Он интересовался бытом, историей, театральным искусством узбеков, изучал язык. Мы его любили за трудолюбие, преданность делу. Он запомнился мне таким юным, беспокойным, как вихрь, общительным, добрым. Нас радовали его органичность и обаяние — человеческое и сценическое. С ним охотно работал режиссер, народный артист УзССР Н. В. Ладыгин, ценили его друзья и партнеры по сцене, народные артисты УзССР В. А. Султанова и Г. И. Цинкобуров. За каждую роль он получал благодарность с занесением в трудовую книжку, как правило, там значилось: «За создание оригинальных сценических образов...»

Жизнь Льва Гладких складывалась неровно, а порой трагично. Но при любых обстоятельствах любовь к театру, литературе оставалась непроходящей и постоянной.

Он трижды сдавал документы в Ташкентский театрально-художественный институт, но его не принимали, несмотря на то, что он к тому времени уже создал яркие образы на сцене Ташкентского ТЮЗа. Почему не принимали? Не было поддержки. Не хватало то ли смелости, то ли нахальства, хотя характер у него был дерзкий, бойцовский, он лез в драки за других, а себя защитить не умел, и так до конца жизни...

Он работал электриком, связистом, слесарем, инженером, директором парка, инструктором по физкультуре, даже массажистом, и одновременно по вечерам руководил художественной самодеятельностью, непременно там выступал на эстраде с интереснейшими программами как автор и исполнитель своих фельетонов, стихов и песен.

С молодости Лев Гладких занимался самообразованием, читал книги взахлеб, но жизнь знал не по учебникам.

Последние двадцать лет он подчинил себя только литературе. Много писал, переводил с узбекского. Истинный интернационалист это тот, кто, гордясь и возвышая свою нацию, умеет в равной мере возвысить и другие нации.

Он — русский по национальности — родился в Ташкенте и считал Узбекистан своей родиной.

Большую часть произведений Лев Гладких посвятил Востоку — современному и прошлому. Его псевдоним — Лутфулло Гани.

Прекрасно знал восточную культуру, изучил Коран, узбекский язык. В его многочисленных переводах звучат яркие, самобытные стихи узбекских поэтов — известных и начинающих. Они публиковались в газетах, читались на встречах с любителями поэзии. Радоваться бы этому, но вот парадокс — его травлили методично и откровенно. Приходилось отдавать свои пьесы театрам бесплатно, а это вызывало раздражение, потому что многие купленные реперткомом Министерства культуры УзССР пьесы, на которые тратились десятки тысяч рублей, — никто не ставил.

На пьесу в стихах «Последняя ночь» о талантливой узбекской поэтессе Нодире был заключен договор с Министерством культуры Узбекистана, однако автору отказались выплатить гонорар. А спектакль о Нодире до сих пор идет в созданном на общественных началах Литературном

театре Союза театральных деятелей Узбекистана и исполняется на русском языке группой ведущих актеров Узбекского академического театра им. Хамзы.

В жизни Льва Гладких случались и такие «странности». Рукописи лучших его произведений были сданы в издательство «Еш гвардия», пролежали там много лет и исчезли. Его документы, в том числе пять пьес, пропали в Союзе писателей УзССР. Там извинились, но в Союз писателей не приняли.

Он вообще никогда не жаловался, но как-то сказал:

— Мое поколение — это люди потерянные. У меня нет никаких прав. Я не могу ни требовать, ни даже просить. Я — никто. В Союз писателей вступают люди, у которых нет ни единой книги... Со мной же не хотят разговаривать. На мое письмо о приеме в Союз писателей не нашли нужным ответить...

Но он работал как одержимый. Дни и ночи. И в своих произведениях призывал людей к милосердию, не озлоблялся, а наполнял души своих героев добротой и надеждой...

Были минуты отчаяния, когда жизнь виделась бессмысленной. Один из друзей как-то ему посоветовал:

— Лев, у тебя золотые руки. Ты дипломированный связист, электрик, слесарь, ты, наконец, художник, актер, писатель. Поезжай за границу. Ведь многие уезжают. Там ты проживешь безбедно. Ты практически нищенствуешь, голодаешь... Надолго тебя нахватит...

А он ответил:

— Я здесь сдохну, но родины своей не предаю...

Так оно и случилось.

Главная тема в обширном мире образов Льва Гладких — любовь как начало всех начал. В сказке-феерии «Принцесса из Шахрисябза» есть строки:

Любовь, как смерть,
Должна прийти к живущим,
А тот, кого она не посетила,
На свете не жил...

Здесь имеется в виду любовь не только к женщине или мужчине, но любовь к Богу и к родине, к близким, творчеству, друзьям. Любовью как ощущением гармонии бытия наполнены его пьесы о Чехове и Левитане, о Микисе Теодоракисе, о Шалапине, Павле Васильеве.

Вот характерный диалог из пьесы «Мертвые будут жить», посвященной жизни Ван Гога:

Ван Гог. Вы отрицаете, что есть любовь на свете?
Незнакомка. Наоборот, Винсент, я утверждаю,
Что есть одна любовь, а остальное
Природе нашей отдается в дань,
И тысячи людей себя обманом тешат
И умирают, не познав любви.
Ван Гог. Да, к сожалению, много есть семей,
Где муж с женой друг друга ненавидят...
Незнакомка. Их поцелуй — хуже оскорбленья.
Слова любви, как желчная издевка,
А уверенья в верности — обман.
Они прикованы друг к другу...ложью.
Они друг друга истязают лаской...

Эта тема противопоставления истинной любви мнимой проходит в сказке-феерии по мотивам произведений Алишера Навми, в переводах узбекской классической поэзии.

В переводе Л. Гладких знаменитого стихотворения о любви узбекской поэтессы XIX века Увайси уловлена восточная женская уклончивость, недоговоренность, завораживает загадочная глубина мысли:

Любовь познать — не каждый сможет.
И встречи ждать — не каждый сможет.

Чтоб оправдать Меджнуна и Лейли,
Их страсть познать — не каждый сможет.

Любовью заболеть — любой готов.
Любовью исцелять — не каждый сможет.

Мужчина может целый век прожить,
Любви нам дать — не каждый сможет...

Лишь песней Увайси согреть вас,
Любимой научить вас стать — не сможет...

Это был звездный час в жизни Льва Гладких, когда он, уже тяжело больной, смотрел спектакль по своей пьесе «Последняя ночь» в исполнении ведущих артистов Узбекского академического театра драмы им. Хамзы — Рихси Ибрагимовой, Иркили Маликбаевой, Махамджона Абдукундузова, Тиши Муминова, а также Шукурджон Сафаевой, Кахрамона Абдурахимова. Присутствовали режиссер этого спектакля нар. арт. УзССР С. Норбаева, консультанты профессор А. П. Каюмов, засл. деят. искусств УзССР М. Кариев и многие другие. Все эти самоотверженные и талантливые люди, которые работали с Л. Гладких на общественных началах, его друзья и единомышленники горячо поздравляли автора с успехом его пьесы о знаменитой поэтессе, одной из красивейших

и мудрых женщин своего времени, царице Коканда — Нодире, которую вместе с сыновьями убил кровавый палач Насрулло. Изучая жестокое время начала XIX века, время религиозного фанатизма и невиданного произвола, Лев Гладких постигал высоты духа узбекской женщины того времени. Перед смертью Нодира говорит:

«Прокляните, матери, убийство!
Будь проклят Насрулло! Будь проклят!
Все нечистоты памяти людской
Аллах на голову эмира выльет,
Ты будешь Иблисом¹ в глазах потомков,
Ничтожный, злой и темный изувер.
И не дано тебе меня убить!
Не остановишь ты плывущих облаков,
Как и поэзию мою не остановишь...
Она, как хызр² в народе будет жить,
И как Михраб³, укажет человеку
Дорогу к счастью...»

В этой пьесе есть и традиционные словесные соревнования — мушоира, и любовные сцены, и диалоги, отражающие философию власти, но главное — это ослепительный образ одной из лучших дочерей узбекского народа — Нодире, чья песнь оборвалась на самой высокой ноте. Актёров с волнением слушали в Ташкенте, в Приморье, в Чернобыле...

И еще один стрих из истории создания сценического образа Нодире. Первая исполнительница этой роли — актриса театра и кино, лауреат премии Ленинского комсомола Узбекистана Насиба Усманова — горячо взялась за эту роль. Но случилось так, что репетиции пришлось оставить. Когда ее отвезли в роддом, она захватила с собой текст пьесы и не переставала работать над ролью, а после рождения сына она читала отрывки из спектакля соседкам по палате. А однажды вечером, когда собрался и медперсонал, надев длинный халат (все-таки актриса!), читала всю пьесу в лицах.

О! Участь женщины, скрывающей чело!
Ну для чего тебе краса дается?
Чтоб тешить ласками дуреющих мужчин?
Сносить безмолвно униженья, оскорбленья?
Быть вещью в доме? Куклою живой?
Нет! Женщина — достойна уваженья,
Она источник света, клад любви,
И без нее потухнет пламя жизни.
Покуда женщина забита и темна,
Ее народ не может быть великим,
Такой народ способен к вырождению...

Врач, прослушав такой яростный монолог, обращенный к женщинам, поинтересовалась: — Что это, Насибохон, бунт против мужчин? Вероятно, в связи с перестройкой?
— Нет,— ответила Насиба.— Пьеса написана во времена застоя. А мне эта роль дорога потому, что она могла стать моей первой ролью на русском языке. Я думаю, что еще сыграю ее...
Много лет Лев Гладких собирал материалы о Рудаки, перевел множество его газелей на русский язык. Затем они вошли в стихотворную пьесу о великом таджикском поэте.

Касыда о старости, которую Рудаки, «царь поэтов», читает своей любимой, звучит сегодня злободневно:

Я понял к старости, что мир жесток,
Я понял к старости, что одинок,
Я понял к старости, на склоне дней,
Что жизнь свою в огне страданий сжег.
Я понял к старости — богатства блеск
Не скроет от меня, что мир убог.
Я понял к старости — любви щепоть
В пустыне жизни, как воды глоток...
Я понял к старости, что жизнь моя —
Всем притеснителям моим — упрек!
Я понял к старости — стихи мои
Перешагнут судьбы моей порог.
Я понял к старости — любая жизнь —
Прекрасный, удивительный цветок!

Большая часть творчества Л. Гладких посвящена истории. О далеком прошлом — пьеса в стихах «Песнь об Ульяне Тверской» — русской Жанне Д'Арк. Действие этой народной драмы происходит в 1327 году в Твери.

К фольклору, к памятникам русской старины Л. Гладких относился трепетно. Как-то в 70-х годах отправился в командировку в Калинин и Торжок и так был потрясен состоянием памятников, что к отчету приложил свои стихи. Сейчас-то об этом можно писать и говорить, а тогда эта тема была под запретом. Вот это стихотворение:

¹ Иблис — отверженный ангел, сеющий смуту и зло.

² Хызр — чудотворец, хранитель живой воды.

³ Михраб — сводчатая ниша в мечети, указывающая направление к Мекке — священному городу мусульман.

Я никогда в богов не верил
И защищать богов не берусь.
Но я недавно проехал по Твери
И вдруг увидел дедову Русь.
И стало обидно, обидно до боли,
Когда громады святых церквей
Глазами разбитых своих колоколен
Глядят безъязыко вниз на людей.
И просят и молятся всеми богами,
Которых когда-то писали Рублевы,
Арками, сводными потолками,
Известкой и краской тела Христова.
А мы восхищаемся: вот, мол, в Париже
Архитектура, лепной потолок.
А нам спустить бы глаза пониже,
Хотя б на простой городишко Торжок.

Не спору: Монмартры и Лувры —
Предел человеческой красоты.
Но русскому мне — и милей и дороже
Успенский в Старице монастырь.
И нам бы пройти не пижоном столицным,
Руки упрятав в карманы мешки,
Мы б разглядели в ансамблях кирпичных
И гордость, и горечь русской тоски.
Но падают храмы с тяжелым стоном.
Исчезли в них надписи, исчезли лица.
Висит табличка: охраняется законом!
А где он, закон? А закон в столицах!
Богу вверено богово сооружение,
И обыватель щиплет полову реликвию,
Ему невдомек, что за церковь Блаженному
Грозный глаза ваятелю выколот.

Изучая Библию, Коран, философию мировых религий, Л. Гладких перевел на язык поэзии книгу знаменитого Екклесиаста, сына Давидова, где есть немало вечных истин: «Суета сует — все суета», «Восходит солнце, и заходит солнце», «Все произошло из праха, и все возвратится в прах», «Время убивать, время разрушать и время строить», «Время рождаться, и время умирать», «Все-му свое время» и т. д.

Взяв за основу эти строки, Л. Гладких как бы реконструирует строй мышления древнего автора, выводит вместе с ним истину из жизненных наблюдений и размышлений:

Всему свой час, и смерти, и рожденью,
В свой час мы будем убивать и исцелять,
Построив, начинаем разрушенье.
Разрушив, строить начинаем вспять.
Все суета сует, все суета...

Что пользы человеку от трудов,
Восходит солнце и заходит — так
День ото дня и сквозь пласты веков.
Все суета сует, все суета.

То предаемся пляске, то рыдаем,
То обнимаем, то презрением горим,
То отдаем, то силой отбираем,
Лишь для того, чтоб снова подарить.
Все суета сует, все суета.

Что пользы человеку от детей.
Восходит солнце и заходит — так
За сыном сын уходит в мрак и тень.
Все суета сует — все суета.

Храним и тратим, ищем и теряем,
Смеемся, плачем, и молчим, и говорим,
Влюбляемся. Влюбившись — презираем.
А охладевши — заново горим.
Все суета сует — все суета.

Что пользы человеку от любви,
Восходит солнце. И заходит. Так
В реке вода — вода течет в крови.
Все суета сует — все суета.

Что скот, что человек — одно и то же,
Из праха снова превращается он в прах.
Дурак или мудрец погибнет все же,
В свой час придет к ним смертная пора.
Все суета сует — все суета.

Что пользы человеку в житие.
Восходит солнце и заходит — так
Всяк заберет с собою все свое,
Всю суету сует. Всю суету.

Одно лишь только почитаем: мать и хлеб,
И больше ничего святого нет?
А суета сует, а суета?
Она ведь суть всего живого на земле.

Лев Гладких увлекал людей своей мечтой, романтикой, верой в справедливость. Сколько у него было нерастрченных сил, задумок, сколько бы еще он мог написать... Его никто не спас от чудовищного перенапряжения, от нужды, от травли.

Во всех его произведениях, посвященных жизни художников, писателей, музыкантов, проходит мысль о необходимости товарищества, поддержки — только при этом может быть успех, достижение великой цели, — но, к сожалению, нет единства среди коллег, талантливые люди разобщены, одиноки. В пьесе о Ван Гоге есть строки:

Нам всем, отшельникам в искусстве,
Необходима дружба и поддержка.
А мы напрасно силы расточаем
На ссоры, склоки, оскорбленья...

В памяти вновь и вновь вспыхивают искрами яркие, афористично точные его строки:

«Добро — вода, она смывает грязь
Невежества, жестокости и лени...»

«Через познание лжи мы к истине идем...»

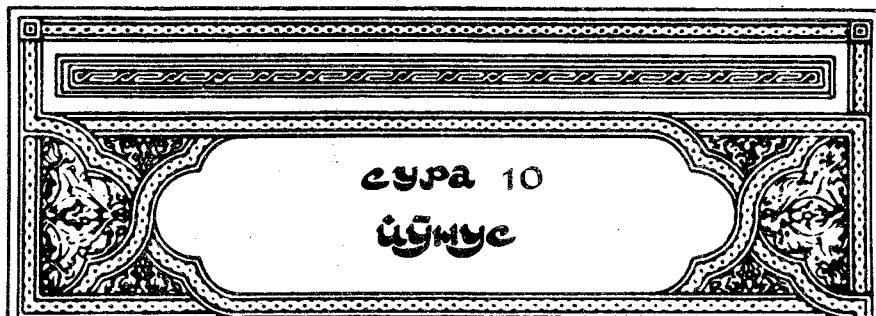
«Художник — птица, — жизнь его в полете».

И слова из его последней пьесы, звучащие пророчески:

«Поэта жизнь
Продлят его стихи...»

М. КОСТИНСКАЯ

Коран

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

1 (1). Алиф лам ра. Это — знамения книги мудрой.

2 (2). Разве для людей — диво, что Мы внушили человеку из них: «Увещай людей и обрадуй тех, которые уверовали, что у них — верное преимущество пред их Господом»? Говорят неверные: «Конечно, это — явный колдун!»²

3 (3). Поистине, Господь ваш — Аллах, который сотворил небеса и землю в шесть дней, потом утвердился на троне, управляя Своим делом. Нет заступника иначе, как после Его позволения. Это для вас — Аллах, ваш Господь, поклоняйтесь же Ему! Разве вы не опомнитесь?

4 (4). К Нему ваше возвращение, всех, по обетованию Аллаха истинному. Вот Он начинает творение, потом повторяет его, чтобы воздать тем, которые уверовали и творили благое, по справедливости. А те, которые не веровали, для них — питье из кипятка и наказание мучительное за то, что они не веровали.

5 (5). Он — тот, который сделал солнце сиянием, а месяц — светом и распределил его по стоянкам, чтобы вы знали число годов и счисление. Аллах сотворил это только по истине, распределяя знамения для людей знающих.

6 (6). Поистине, в смене ночи и дня и в том, что сотворил Аллах в небесах и на земле, знамения для людей богобоязненных!

7 (7). Поистине, те, которые не надеются на встречу с Нами, довольны жизнью ближней и успокаиваются на ней, и те, которые небрегут Нашими знамениями.

8 (8). Это — те, убежищем для которых — огонь за то, что они приобретали.

9 (9). Поистине, те, которые уверовали и творили благое, — Господь их поведет их по их вере; потекут под ними реки в садах благодати.

10 (10). Зов их там: «Хвала Тебе, Боже!», а привет их там: «Мир!»,

11. а конец их зова: «Слава Аллаху, Господу миров!»

12 (11). И если бы Аллах ускорил людям зло, как они ускоряют добро, то их предел был бы уже для них решен. Мы оставляем тех, которые не надеются Нас встретить, скитаться слепо в своем заблуждении.

13 (12). А когда человека коснется зло, он взывает к Нам и на боку, и сидя, и стоя; когда же Мы удалим постигшее его зло, он проходит, как будто бы и не призывал Нас против зла, коснувшегося его. Так разукрашено перед выходящими за пределы то, что они совершают!

14 (13). Мы погубили поколения, которые были раньше вас, когда они стали

несправедливыми и пришли к ним Наши посланники с ясными знаменами, а они не уверовали. Так Мы воздаем людям грешным!

15 (14). Потом сделали Мы вас преемниками после них на земле, чтобы посмотреть, как вы будете действовать.

16 (15). А когда им читаются Наши знаменания ясно изложенными, те, которые не надеются Нас встретить, говорят: «Принеси нам Коран, другой, чем этот, или замени его!» Скажи: «Не быть тому, что я заменю его по своей воле. Я следую только за тем, что открывается мне. Я боюсь, если послушаюсь Господа моего, наказания дня великого».

17 (16). Скажи: «Если бы Аллах пожелал, я не читал бы его вам, и Он не дал бы вам знания о нем. Я ведь целую жизнь провел среди вас до этого³. Разве вы не уразумеваете?»

18 (17). Кто же несправедливее того, кто измышляет лживое на Аллаха или считает ложью Его знаменания? Поистине, не бывают счастливы грешники!

19 (18). И поклоняются они помимо Аллаха тому, что не вредит им и не помогает⁴, и говорят: «Это — наши заступники у Аллаха». Скажи: «Разве вы сообщите Аллаху о чем-либо, чего Он не знает в небесах и на земле? Хвала Ему, и превыше Он того, что они Ему придают в соучастники!»

20 (19). И были люди только единым народом, но разошлись. А если бы не слово, которое было прежде от твоего Господа⁵, то было бы решено между ними то, в чем они разногласят.

21 (20). И говорят они: «Если бы было ниспослано ему знамение от его Господа!» Скажи: «Тайное принадлежит только Аллаху. Ждите, и я с вами ожидаю!»

22 (21). А когда Мы дали вкусить людям милость после зла, которое коснулось их, вот, — у них ухищрение против наших знаменаний. Скажи: «Аллах быстрее хитростью», — ведь Наши посланники записывают ваши хитрости.

23 (22). Он — тот, кто пускает вас в путь по суше и по морю; а когда вы бываете на кораблях... и они текут с ними при хорошем ветре, и радуются они ему; пойдет бурный ветер, и подойдет к ним волна со всех сторон, и подумают они, что их уже окружило, — тогда они взывают к Аллаху, очищая пред Ним свою веру: «Если спасешь Ты нас от этого, мы будем благодарными»⁶.

24 (23). А после того, как Он их спас, вот, — они злочинствуют на земле без права. О люди, ваше злочинство — против вас самих, как пользование ближайшей жизнью; потом к Нам ваше обращение, и Мы сообщим вам то, что вы делали.

25 (24). Жизнь ближайшая подобна воде, которую Мы низвели с неба: смешались с нею растения земли, которыми питаются люди и животные, а когда земля приобрела свой блеск и разукрасилась и думали обитатели ее, что они властвуют над ней, пришло к ней Наше повеление ночью или днем, и Мы сделали ее пожатой, как будто бы и не была она богатой вчера. Так распределяем Мы знаменания для людей, которые размышляют!

26 (25). Аллах призывает к обители мира и ведет, кого пожелает, к прямому пути!

27 (26). Тем, которые добродетели, — доброе и придача; и не покрывает их лица пыль и унижение. Это — обитатели рая, в нем они пребывают вечно.

28 (27). А те, которые приобрели злые деяния... воздаяние за злое деяние — подобным ему. И постигнет их унижение; нет у них никакого защитника от Аллаха! Их лица покрыты точно кусками мрачной ночи. Это — обитатели огня, в нем они пребывают вечно.

29 (28). И в тот день соберем Мы их всех, а потом скажем тем, которые измыслили сотоварищей: «На место, вы и ваши сотоварищи!» И разделим Мы их, а сотоварищи их скажут: «Вы нам не поклонялись».

30 (29). Довольно же Аллаха свидетелем между нами и вами; мы были в небрежении о вашем почитании»⁷.

31 (30). Там испытает всякая душа, что она сделала раньше; обращены они будут к Аллаху, владыке их истинному, и исчезнет от них то, что они измышляли.

32 (31). Скажи. «Кто посылает вам удел с неба и земли? Или — кто владеет слухом и зрением? И кто выводит живое из мертвого и выводит мертвое из живого? И кто правит делом?» И они скажут — «Аллах». Скажи же: «Разве вы не боитесь?»

33 (32). Вот вам Аллах, Господь ваш истинный! Что же после истины, кроме заблуждения? До чего же вы отвращены!»

34 (33). Так оправдалось слово Господа твоего над теми, которые нечестивы, что они не веруют!

35 (34). Скажи: «Есть ли среди ваших сотоварищей тот, кто начинает творение, потом повторяет его?» Скажи: «Аллах начинает творение, потом повторяет его. До чего же вы совращены!»

36 (35). Скажи: «Есть ли среди ваших сотоварищей тот, кто ведет к истине?» Скажи: «Аллах ведет к истине. Тот ли, кто ведет к истине, имеет более прав, чтобы за ним следовали, или тот, кто сам не ведет, если его не будут вести? Что с вами, как вы рассуждаете?»

37 (36). И большинство их следует только за предположениями. Ведь предположение ни в чем не извлекает от истины. Поистине, Аллах знает то, что они делают!
38 (37). И не мог этот Коран быть измышленным⁸ помимо Аллаха, а только — в подтверждение истинности того, что было ниспослано до него, и в изъяснение писания⁹, — в нем нет сомнения! — от Господа миров.

39 (38). Может быть, они скажут: «Измыслил он его». Скажи: «Приведите же суру, подобную ему, и призывайте, кого вы можете, помимо Аллаха, если вы правдивы!»

40 (39). Да, считают они ложью то, знания чего не объемлют и чего толкование еще не пришло к ним. Так считали ложью и бывшие до них. Смотри же, каков был конец неправедных!

41 (40). Среди них есть такие, что верят в Него, и такие, что не верят в Него; Господь твой лучше знает этих нечестивцев.

42 (41). А если они будут считать тебя лжецом, то скажи: «У меня — мое дело, а у вас — ваше; вы непричастны к тому, что я творю, а я непричастен к тому, что вы творите».

43 (42). Среди них есть и такие, что прислушиваются к тебе; разве же ты заставишь слышать глухих, хотя бы они (еще и) не понимали.

44 (43). Среди них есть и такие, что смотрят на тебя; но разве ты можешь вести слепых, хотя бы они (еще и) не видели.

45 (44). Поистине, Аллах ни в чем не несправедлив к людям, но люди несправедливы сами к себе!

46 (45). В тот день, когда Он их соберет, как будто бы они не пробыли и одного часа дня, они узнают друг друга. В убытке будут те, которые считают ложью встречу с Аллахом, и не были они на прямом пути!

47 (46). Мы либо покажем тебе кое-что из того, чем грозим им, или упокоим тебя, и к Нам их возвращение. Потом Аллах засвидетельствует то, что они делают.

48 (47). К каждому народу — свой посланник; и когда придет их посланник, то будет между ними решено по справедливости, и они не будут обижены.

49 (48). Они говорят: «Когда же это обещание, если вы говорите правду?»¹⁰

50 (49). Скажи: «Я не владею для самого себя ни вредом, ни пользой, кроме того, что пожелает Аллах. Для каждого народа есть предел. Когда придет их предел, то они не замедлят на час и не ускорят».

51 (50). Скажи: «Как вы думаете, если придет к вам Его наказание ночью или днем, что ускорят в этом грешники?»

52 (51). Разве потом, когда оно падет, вы уверуете в Него? Да — теперь! А раньше вы это торопили».

53 (52). Потом скажут тем, которые несправедливы: «Попробуйте наказания вечно-сти! Разве вам воздается не за то, что вы сами приобрели?»

54 (53). Они осведомляются у тебя, верно ли это? Скажи: «Да, клянусь Господом моим, это — истина, и вы не в состоянии ослабить!»

55 (54). А если бы у каждой души, которая несправедлива, было все, что на земле, она бы выкупила себя этим; они утаили раскаяние,¹¹ когда увидели наказание. Решено между ними будет по справедливости, и они не будут обижены.

56 (55). О да, ведь Аллаху принадлежит то, что в небесах и на земле! О да, ведь обещание Аллаха — истина, но большинство их не знает!

57 (56). Он оживляет и умерщвляет, и к Нему вы будете возвращены.

58 (57). О люди, пришло к вам увещание от вашего Господа и исцеление от того, что в (ваших) грудях, и прямой путь и милость верующим.

59 (58). Скажи: «По благодати Аллаха и по Его милости», — этому пусть они радуются. Это лучше того, что они собирают.

60 (59). Скажи: «Видели ли вы то, что ниспослал вам Аллах из пропитания, а вы сделали из него запретное и дозволенное?» Скажи: «Аллах ли разрешил вам это, или вы измышляете на Аллаха ложь?»

61 (60). Каково будет предположение тех, которые измышляют на Аллаха ложь, в день воскресения? Поистине, Аллах — обладатель милости для людей, но большая часть их — неблагодарны!

62 (61). В каком бы ты ни был состоянии и что бы ты ни читал из Корана, и какое дело вы ни будете делать, Мы будем свидетелями при вас, когда вы погружаетесь в это. Не укроется от Господа твоего вес пылинки ни на земле, ни в небе, и ни то, что меньше этого, и ни то, что больше, иначе как (это —) в книге ясной.

63 (62). О да, ведь для друзей Аллаха нет страха, и не будут они печалиться.

64 (63). Те, которые уверовали и были благочестивы, —

65 (64). для них — радостная весть в ближайшей жизни и в будущей. Нет перемены словам Аллаха, это — великий успех!

66 (65). Пусть тебя не печалит их слово; ведь величие — все Аллаху; Он — слышащий, ведающий!

67 (66). О да, ведь Аллаху — и тот, кто на небесах, и тот, кто на земле! Чему следу-

ют те, которые призывают помимо Аллаха сотоварищей? Они следуют только за мнением; они только предполагают.

68 (67). Он — тот, кто создал для вас ночь, чтобы вы покоились в ней, и день, чтобы он помогал видеть. Поистине, в этом — знамения для людей, которые слышат!

69 (68). Они сказали: «Взял Аллах Себе ребенка!»¹². Хвала Ему, Он богат! Ему принадлежит то, что в небесах и на земле. Нет у вас на это никакой власти! Неужели вы станете говорить на Аллаха то, чего не знаете?

70 (69). Скажи: «Поистине, те, которые измышляют на Аллаха ложь, не будут счастливы!»

71 (70). Услада — в здешнем мире, потом — к Нам их возвращение, потом дадим Мы им вкусить сильное наказание за то, что они не верили.

72 (71). И прочитай им рассказ про Нуха. Вот сказал он своему народу: «О народ мой! Если тяжко для вас мое пребывание и напоминание о знамениях Аллаха, то на Аллаха я полагаюсь; объедините же ваше дело и ваших сотоварищей, потом пусть ваше дело вас не заботит, потом судите меня, не давайте мне отсрочки!»

73 (72). А если вы отвернетесь, то ведь я не прошу у вас награды: поистине, моя награда — только у Аллаха, и повелено мне быть предавшимся!»

74 (73). Но они сочли его лжецом, а Мы спасли его и тех, кто с ним, в ковчеге, и сделали их преемниками. И потопили Мы тех, которые считали ложью Наши знамения. Смотри же, каков был конец тех, кого увещали!¹³

75 (74). Потом посылали Мы после него посланников к их народу, и они приходили к ним с ясными знамениями, но не оказались те таковыми, чтобы уверовать в то, что считали ложными раньше. Так Мы запечатываем сердца выходящих за пределы!

76 (75). Потом Мы послали после них Мусу и Харуна к Фир'ауну и его знати с Нашими знамениями, но те возвеличились и были людьми грешными.

77 (76). А когда пришла к ним истина от Нас, они сказали: «Конечно, это — явное колдовство!»

78 (77). Сказал Муса: «Неужели вы говорите так об истине, когда она пришла к вам? Разве колдовство это? Не будут счастливы колдующие!»

79 (78). Они сказали: «Не для того ли пришел ты, чтобы отвратить нас от того, в чем мы нашли наших отцов, и чтобы вам обоим было величие на земле? — и ни за что мы вам не поверим!»

80 (79). И сказал Фир'аун: «Приведите мне всякого колдуна знающего!» (80). А когда пришли колдуны, сказал им Муса: «Бросьте то, что вы хотите бросить!»

81 (81). Когда же они бросили, сказал Муса: «То, что вы совершили, — колдовство. Поистине, Аллах уничтожит его; ведь Аллах не устраивает дела распутных!»

82 (82). И утверждает Аллах истину Своими словами, хотя бы и ненавистно это было грешникам».

83 (83). И поверило Мусе только потомство из его народа из страха к Фир'ауну и его знати, чтобы он их не испытал: ведь Фир'аун — велик на земле; ведь он — преступивший пределы.

84 (84). И сказал Муса: «О народ мой, если вы уверовали в Аллаха, то на Него полагайтесь, если вы предавшиеся!»

85 (85). И сказали они: «На Аллаха мы положились: Господи наш, не делай нас испытанием для людей неправедных

86 (86). и спаси нас по Твоей милости от людей неверных!»

87 (87). И внушили Мы Мусе и его брату: «Изберите для вашего народа в Мисре дома, и сделайте дома ваши местом молитвы, и простаивайте молитву, — и обрадуй верующих!»

88 (88). И сказал Муса: «Господи наш! Ты доставил Фир'ауну и его знати красу и богатство в здешней жизни. Господи наш! Пусть они собьются с Твоего пути! Господи наш! Уничтожь их богатство, ожесточи их сердца, чтобы они не уверовали, пока не увидят мучительное наказание».

89 (89). Он сказал: «Я ответил на ваш призыв, стойте же прямо и не следуйте по пути тех, которые не знают».

90 (90). И перевели Мы сынов Исра'ила через море, а Фир'аун и его войска погнались за ними коварно и враждебно. А когда его настиг потоп, он сказал: «Верую, что нет божества, кроме того, в кого веруют сыны Исра'ила, и я — из числа предавшихся!»

91 (91). Да, теперь! А раньше ты слушался и был распространителем нечестия.

92 (92). И сегодня Мы спасаем тебя с твоим телом, чтобы ты был знамением для тех, кто за тобой. Поистине, многие из людей Нашими знамениями небрегут!

93 (93). И Мы поселили сынов Исра'ила в селении истины¹⁴ и даровали им блага. Они не разногласили, пока не пришло к ним знамение. Поистине, Господь твой рассудит их в день воскресения о том, в чем они разногласили!

94 (94). Если же ты в сомнении о том, что Мы ниспослали тебе, то спроси тех, которые читают писание до тебя. Пришла к тебе истина от твоего Господа; не будь же из колеблющихся!

95 (95). И не будь из тех, которые сочли ложью знамения Аллаха, чтобы не оказаться в числе понесших убыток.

96 (96). Поистине, те, над которыми оправдалось слово твоего Господа, не уверуют,

97 (97). даже если бы пришли к ним все знамения, пока не увидят мучительное наказание!

98 (98). Разве ж было какое-нибудь селение, которое уверовало, и помогла ему вера, кроме народа Йунуса?¹⁵ Когда они уверовали, Мы удалили от них наказание позора в здешней жизни и дали им пользоваться до времени.

99 (99). А если бы пожелал твой Господь, тогда уверовали бы все, кто на земле, целиком. Разве ж ты вынудишь людей к тому, что они станут верующими?

100 (100). Не придется душе уверовать, иначе как с соизволения Аллаха. И возложит Он наказание на тех, которые не разумеют.

101 (101). Скажи: «Посмотрите, что на небесах и на земле!» Но не помогут знамения и вестники людям, которые не веруют!

102 (102). Разве они ждут чего-либо, кроме подобного дням тех, которые прошли до них? Скажи: «Ждите, поистине, я с вами ожидаю!»

103 (103). Потом Мы спасем наших посланников и тех, которые уверовали. Так, обязанностью для нас является спасать верующих.

104 (104). Скажи: «О люди, если вы в сомнении в моей вере, то я не поклоняюсь тем, кому вы поклоняетесь помимо Аллаха, но я поклоняюсь Аллаху, который упокояет вас, и мне повелено быть верующим!»

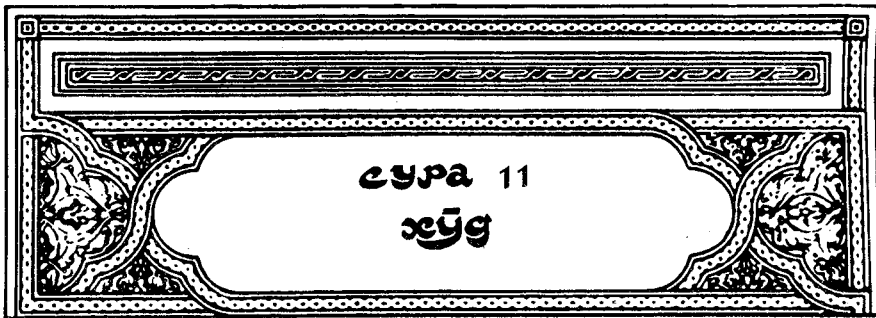
105 (105). Направь свое лицо к вере правой и не будь многобожником!

106 (106). И не призывай помимо Аллаха того, что не поможет тебе и не повредит! А если ты это сделаешь, то ты будешь тогда неправедным.

107 (107). Если Аллах коснется тебя злом, то нет избавителя от этого, кроме Него. А если Он пожелает тебе добра, то нет удерживающего Его милость. Он поражает этим, кого желает, из Своих рабов. Он прощающ, милосерд!

108 (108). Скажи: «О люди! Пришла к вам истина от вашего Господа; и кто идет прямым путем, тот идет прямо для своей души, а кто заблудился, тот заблудился во вред ей; и я не поручитель за вас».

109 (109). Следуй же за тем, что внушается тебе, и терпи, пока Аллах не рассудит: ведь Он — лучший из судящих!

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

1 (1). Алиф лам ра. Писание, знамения которого утверждены, потом ясно изложены от мудрого, вѣдущего,

2 (2). чтобы вы не поклонялись никому, кроме Аллаха,— поистине, я для вас от Него увещатель и вестник!—

3 (3). и чтобы вы просили прощения у вашего Господа, а затем обратитесь к Нему, и Он дарует вам благое достояние до предела назначенного и даст всякому обладателю милости Свою милость. А если вы отвернетесь, то я боюсь для вас наказания дня великого.

4 (4). К Аллаху вам возврат, и Он над каждой вещью мощен!

5 (5). О, они ведь свертывают свою грудь, чтобы скрыть он Него! О, в то время как

6. они закрываются одеянием, знает Он, что они скрывают и что обнаруживают!

7. Ведь Он знает про то, что в груди!²

8 (6). И нет ни одного животного на земле, пропитание которого не было бы у Аллаха. И знает Он его остановку и место пребывания. Все — в книге ясной.

9 (7). И Он тот, который создал небеса и землю в шесть дней, и был Его трон на воде,³ чтобы испытать вас, кто из вас лучше в деле.

10. И если ты скажешь: «Поистине, вы будете воскрешены после смерти», то, конечно, те, которые не веруют, скажут: «Это — только явное колдовство!»

11 (8). А если Мы отсрочим для них наказание на отчисленный срок, они скажут: «Что же его удерживает?» Увы, в тот день, как оно придет к ним, нельзя будет отстранить его от них, и объемлет их то, над чем они смеялись.

12 (9). А если Мы дадим человеку вкусить милость, а потом отнимем ее от него, — поистине, он — отчаивающийся, неверный!

13 (10). А если Мы дадим ему вкусить благоденствие после утеснения, постигшего его, он, конечно, скажет: «Ушли неприятности от меня!» Поистине, он тогда радуется, величается!

14 (11). Кроме тех, которые терпели и творили благо: для этих — прощение и великая награда!

15 (12). Может быть, ты оставишь часть того, что тебе открывается, и стеснена твоя грудь от того, что они говорят: «Почему не спущено ему сокровище или не пришел с ним ангел?» Ты ведь — только увещатель, а Аллах за всякую вещь поручитель.⁴

16 (13). Может быть, они скажут: «Измыслил он его». Скажи: «Приведите же десять сур, подобных ему, измышленных, и призовите, кого вы можете, кроме Аллаха, если вы говорите правду!»

17 (14). Если же они не ответят вам,⁵ то знайте, что ниспослан он по ведению Аллаха и что нет божества, кроме Него. Разве вы не предадитесь?»

18 (15). Кто желает жизни близкой и ее украшений, тому Мы полностью завершим дела в ней, и они здесь не будут обделены.

19 (16). Это — те, для которых нет в будущей жизни ничего, кроме огня, и тщетно то, что они совершили здесь, и пусто то, что они творили.

20 (17). Кто имеет ясное знамение от своего Господа, и следует за ними свидетель⁶ от Него, и пред ним книга Мусы, как руководитель и милосердие, — эти веруют в Него. А кто не верует в Него из разных партий⁷ — огонь — обетование их. Не будь же в сомнении относительно этого; ведь это — истина от твоего Господа, но большая часть людей не веруют!

21 (18). Кто несправедливее того, кто измышляет на Аллаха ложь? Они будут представлены их Господу, и скажут свидетели: «Это — те, которые возводили ложь на своего Господа». О, проклятие Аллаха над неправедными,

22 (19). которые отклоняют от пути Аллаха, стремясь к кривизне в нем,⁸ а в будущую жизнь они не веруют! (20). Они ничего не в силах изменить на земле, и нет у них друзей помимо Аллаха. Удвоено будет им наказание; они не могли слышать и не видели!

23 (21). Это — те, которые нанесли убыток самим себе, и скрылось от них то, что они измышляли!

24 (22). Нет сомнения, что в будущей жизни они окажутся еще в большем убытке!

25 (23). Поистине, те, которые веровали и творили добрые дела и смирились пред своим Господом, они — обитатели рая, в нем они пребывают вечно.

26 (24). Пример для обеих партий — слепой, глухой и зрячий, слышащий. Разве сравниваются они в примере? Неужели вы не опомнитесь?

27 (25). Вот, Мы послали Нуха к его народу: «Поистине, я для вас — увещатель ясный!»

28 (26). Не поклоняйтесь никому, кроме Аллаха: я боюсь для вас наказания дня мучительного!»

29 (27). И сказала знать, те из его народа, которые не веровали: «Мы видим, что ты — только человек такой, как мы, и мы видим, что за тобой следуют только самые низкие среди нас по первой мысли,⁹ и не видим за вами никакого превосходства над нами, но мы думаем, что вы — лжецы».

30 (28). Сказал он: «О народ мой! Размыслили ли вы, если я имею ясное знамение от моего Господа и даровал Он мне милость от Себя, пред которой вы слепы, неужели мы будем ее навязывать вам, раз она вам ненавистна?»

31 (29). О народ мой! Я не прошу у вас за нее богатства: награда моя только у Аллаха. И я не буду прогонять тех, которые уверовали: ведь они встретят своего Господа. Но я вижу, что вы — люди, которые не знают.

32 (30). О народ мой! Кто меня защитит от Аллаха, если я прогону их. Неужели вы не опомнитесь?

33 (31). И я не говорю вам: «У меня сокровищницы Аллаха», ни: «Я знаю сокровенное». И я не говорю: «Я — ангел». И не говорю я тем, кого презирают ваши очи: «Не дает им Аллах никакого добра». Аллах лучше знает, что в их душах; я был бы тогда несправедливым».

34 (32). Они сказали: «О Нух, ты препирался с нами и умножил спор с нами, приведи же нам то, что ты обещаешь, если ты из правдивых!»

35 (33). Он сказал: «Это приведет вам Аллах, если пожелает, и вы не в состоянии изменить».

- 36 (34). И не поможет вам мой совет; если я пожелаю посоветовать вам; если Аллах пожелает вас сбить. Он — ваш господин, и к Нему вы будете возвращены.
- 37 (35). Может они скажут: «Измыслил он его!»¹⁰ Скажи: «Если я измыслил его, то на мне мое прегрешение, и я свободен от того, в чем вы грешите».
- 38 (36). И открыто было Нуху: «Никогда не уверуют из твоего народа больше тех, которые уверовали. Не огорчайся же тем, что они делают!
- 39 (37). И сделай ковчег пред Нашими глазами и по Нашему внушению и не говори со Мною о тех, которые несправедливы: поистине, они будут потоплены!»
- 40 (38). И делал он ковчег, и всякий раз, как проходила мимо него знать его народа, они издевались над ним. Он сказал: «Если вы издеваетесь над нами, то и мы будем издеваться над вами, как вы издеваетесь.»¹¹ (39). Вы узнаете,
41. к кому придет наказание, унижающее его, и кого постигнет наказание пребывающее!»
- 42 (40). А когда пришло Наше повеление и закипела печь,¹² Мы сказали: «Перенеси в него от всего по паре, по двое, и твою семью, кроме тех, о которых опередило слово, и тех, кто уверовал». Но не уверовали с ним, кроме немногих.
- 43 (41). И сказал он: «Плывите в нем, во имя Аллаха его движение и остановка. Поистине, Господь мой прощающ и милосерд!»
- 44 (42). И он плыл с ними в волнах, как горы. И позвал Нух своего сына, который был отдельно: «О сын, плыви вместе с нами и не будь с неверными».
- 45 (43). Он сказал: «Я спасусь на гору, которая защитит меня от воды». Нух сказал: «Нет защитника сегодня от повеления Аллаха, кроме как тем, кого Он помиловал. И разделила их волна, и был он среди потопленных».
- 46 (44). И сказано было: «О земля, поглоти твою воду; о небо, удержи!» И сошла вода, и свершилось повеление, и утвердился он на ал-Джуди,¹³ и сказали: «Да погибнет народ несправедливый!»
- 47 (45). И воззвал Нух к своему Господу и сказал: «Господи! Сын мой — из моей семьи,¹⁴ и обещание Твое — истина, и Ты — праведнейший из судей».
- 48 (46). Сказал Он: «О Нух! Он не из твоей семьи; это — дело не праведное; не спрашивай же Меня, о чем ты не знаешь. Я тебя увещаю не быть из числа неведающих».
- 49 (47). Он сказал: «Господи, я ищу у Тебя защиты, чтобы мне не просить Тебя о том, чего я не знаю. Если Ты не простишь мне и не помилуешь, я буду из числа потерпевших убыток».
- 50 (48). Было сказано: «О Нух! Сойди с миром от Нас и с благословениями над тобой и над народами из тех, что с тобой; а есть народы, которым Мы дадим блага, и потом постигнет их от Нас наказание мучительное».
- 51 (49). Это — из рассказов про сокровенное. Мы открываем их тебе; не знал их ты и твой народ до этого. Терпи же! Поистине, конец — богобоязненным!
- 52 (50). ...И к адитам — брата их Худа.¹⁵ Он сказал: «О народ мой! Поклоняйтесь Аллаху! Нет вам другого божества, кроме Него. Вы только измышляете ложь».
- 53 (51). О народ мой! Я не прошу у вас за это награды: награда моя только у того, кто меня создал. Неужели вы не уразумеваете!
- 54 (52). О народ мой! Просите прощения у вашего Господа, потом обратитесь к Нему; Он пошлет на вас с неба обильный дождь
55. и прибавит вам силы к вашей силе, не отвращайтесь же грешниками!»
- 56 (53). Они сказали: «О Худ! Ты не пришел к нам с ясным знамением, и мы ни за что не оставим наших богов по твоему слову и не станем мы тебе верить».
- 57 (54). Мы говорим только, что тебя поразил один из наших богов злом». Он сказал: «Я призываю в свидетели Аллаха, засвидетельствуйте же вы, что я непричастен к тому, что вы придаете Ему в сотоварищи,
- 58 (55). кроме Него. Хитрите же против меня все, а потом не выжидайте меня».
- 59 (56). Вот, я положился на Аллаха, моего Господа и вашего Господа. Нет ни одного животного, которого Он не держал бы за хохол. Поистине, Господь мой — на прямом пути!
- 60 (57). Если же вы отвернетесь, то я уже передал вам то, с чем послан к вам. И Господь мой заменит вас другим народом, вы ни в чем не причините Ему вреда. Поистине, Господь мой — хранитель всякой вещи!»
- 61 (58). И когда пришло Наше повеление, спасли Мы Худа и тех, которые уверовали вместе с ним по Нашей милости, и спасли их от наказания сурового.
- 62 (59). И вот адиты отвергли знамения своего Господа и ослушались Его посланников и пошли за приказом всякого тирана, строптивного.
- 63 (60). И сопровождаемы они были в этом мире проклятием и в день воскресения. О да! Поистине, адиты отвергли своего Господа. О, да погибнут адиты, народ Худа!
- 64 (61). ...И к самудьям — брата их Салиха.¹⁶ Он сказал: «О народ мой! Поклоняйтесь Аллаху; нет для вас никакого божества, кроме Него. Он вас возрастил из земли и поселил вас на ней. Просите же у Него прощения, потом обратитесь к Нему. Поистине, мой Господь — близок и отвечает!»

65 (62). Они сказали: «О Салих! На тебя мы прежде этого возлагали надежды среди нас. Неужели ты будешь удерживать нас от поклонения тому, чему поклонялись наши отцы? Мы — в сомнении сильном о том, к чему ты нас призываешь».

66 (63). Он сказал: «О народ мой! Думали ли вы, если я имею ясное знамение от Господа моего и Он даровал мне милость, то кто же поможет мне от Аллаха, если я Его слушаю? Вы увеличиваете для меня только убыток.

67 (64). О народ мой! Это — верблюдица Аллаха, для вас знамением. Оставьте же ее есть на земле Аллаха; не касайтесь ее со злом, чтобы не постигло вас близкое наказание».

68 (65). Но ее подрезали, и сказал он: «Наслаждайтесь же в своих жилищах три дня: это — обещание не лживое».

69 (66). И когда пришло Наше повеление, Мы спасли Салиха и тех, которые уверовали вместе с ним по милости от Нас, от позора того дня. Поистине, твой Господь силен, мощен!

70 (67). И постиг тех, которые были несправедливы, вопль, и наутро были они в своих жилищах павшими ниц,

71 (68). как будто и не жили там. О да! Поистине, самудяне отвергли своего Господа, — да погибнут самудяне!

72 (69). И вот пришли Наши посланцы к Ибрахиму с радостной вестью, сказали: «Мир!» И он сказал: «Мир!» — и не замедлил прийти с жареным ягненком.

73 (70). А когда он увидел, что руки их не касаются его, он их не признал и почувствовал к ним страх.¹⁷ Они сказали: «Не бойся, мы посланы к народу Лута».

74 (71). А жена его стояла и рассмеялась; и Мы ее обрадовали вестью об Исхаке и за Исхаком — об Йа'кубе.¹⁸

75 (72). Она сказала: «Горе мне! Неужели я рожу, когда я старуха! И этот муж мой — старик. Поистине, это — дело удивительное!»

76 (73). Они сказали: «Разве ты удивляешься повелению Аллаха? Милость Аллаха и благословение Его над вами, обитатели дома. Он — хвалимый, славный!»

77 (74). И когда страх ушел от Ибрахима и пришла к нему радостная весть, он стал спорить с Нами о народе Лута,¹⁹ — (75). поистине, Ибрахим — кроток, сокрушен, обращен!

78 (76). О Ибрахим! Отвернись от этого, ведь уже пришло повеление твоего Господа, и, поистине, придет к ним наказание неотвратимое!

79 (77). И когда явились Наши посланцы к Луту, огорчен он был ими, и стеснилась его мощь, и сказал: «Это — день тяжкий».

80 (78). И пришел к нему его народ,²⁰ поспешно устремляясь; и раньше они творили зло. Сказал он: «О народ мой! Вот мои дочери, они — чище для вас. Побойтесь же Аллаха и не позорьте меня в моих гостях. Разве нет среди вас человека прямого?»

81 (79). Они сказали: «Ты знаешь, что у нас нет потребности в твоих дочерях, и ты ведь знаешь, чего мы желаем».

82 (80). Он сказал: «Если бы у меня была сила для вас или я бы спасся у могучей опоры!»

83 (81). Они сказали: «О Лут! Мы — посланники Господа твоего, никогда они до тебя не дойдут. Отправься же в путь с твоей семьей после части ночи, и пусть не обернется из вас никто, кроме твоей жены: поистине, ее постигнет то, что постигло их. Назначенный срок для них — утро; разве утро не близко?»

84 (82). И когда пришло Наше повеление, Мы верх его сделали низом и пролили на них дождем камни из глины плотной, (83). меченные у твоего Господа. Не далеко это было от несправедливых!

85 (84). ...И к мадйанитам — брата их Шу'айба. Он сказал: «О народ мой! Поклоняйтесь Аллаху; нет у вас божества, кроме Него. Не убавляйте меры и веса. Я вижу, что вы — во благо, и я боюсь для вас наказания дня объемлющего».

86 (85). О народ мой! Полностью соблюдайте верность в мере и весе, не причиняйте людям урона ни в чем и не ходите по земле, распространяя нечестие.

87 (86). Остаток у Аллаха — лучше для вас, если вы верующие.

88. А я для вас не хранитель».

89 (87). Они сказали: «О Шу'айб! Неужели твоя молитва повелевает нам оставить то, чему поклонялись отцы наши, или поступать с нашим имуществом, как мы пожелаем? Ты ведь сдержанный, ведущий прямо».

90 (88). Он сказал: «Народ мой! Размыслили ли вы, если я имею ясное знамение от Господа моего, и Он даровал мне прекрасный удел, и я не пожелаю послушаться вас в том, что Он вам запретил... Я желаю только исправления, пока могу. Помощь моя только у Аллаха; на Него я положился и к Нему обращаюсь».

91 (89). О народ мой! Пусть раскол со мной не навлечет на вас греха, так что вас постигнет подобное тому, что постигло народ Нуха, или народ Худа, или народ Салиха. И народ Лута от вас не далеко.

92 (90). Просите прощения у вашего Господа, потом обратитесь к Нему. Поистине, мой Господь милосерд, любящ!»

93 (91). Они сказали: «О Шу'айб! Не понимаем мы многого, что ты говоришь; мы видим, что ты слаб среди нас. Если бы не твой род, мы побили бы тебя камнями, ты ведь для нас не дорог».

94 (92). Он сказал: «О народ мой! Разве мой род дороже для вас, чем Аллах, и вы оставили его позади себя (в небрежении) за спиной. Поистине, Господь мой объемлет то, что вы творите!»

95 (93). О народ мой! Творите по своей возможности; я тоже буду делать, и потом вы узнаете,

96. к кому придет наказание, унижающее его, и кто — лжец. Выжидайте же, я вместе с вами жду!»

97 (94). И когда пришло Наше повеление, спасли Мы Шу'айба и тех, кто уверовал вместе с ним по Нашей милости. А тех, которые были несправедливы, постиг вопль,²¹ и оказались они наутро в своих жилищах павшими ниц,

98 (95). точно никогда там и не жили. О, да погибнут маджаниты, как далеки стали и самудяне!

99 (96). И послали Мы Мусу с Нашими знаменами и явной властью (97). к Фир'ауну и его знати. И последовали они за повелением Фир'ауна, но повеление Фир'ауна неправо.

100 (98). Он придет во главе своего народа в день воскресения и отведет их на водопой к огню.²² Скверен водопой, к которому ведут!

101 (99). И сопровождают их здесь проклятием и в день воскресения. Скверен дар, который дается!

102 (100). Это — из вестей про селения, которые Мы тебе рассказываем. Из них одни стоят, другие пожаты.²³

103 (101). Мы их не обижали, но они сами себя обидели, и ни от чего не спасли их боги их, к которым они взывали помимо Аллаха, когда пришло повеление твоего Господа. Они только усилили их гибель!

104 (102). Такова хватка твоего Господа, когда Он схватил селения, которые были неправедны. Поистине, хватка Его мучительна, сильна!

105 (103). Поистине, в этом — знамение для тех, кто опасался наказания будущей жизни. Это — день, для которого собраны будут люди, и это — день, который увидят!

106 (104). И Мы отсрочим его только на отчисленный срок.

107 (105). В тот день, когда он наступит, душа будет говорить только с Его разрешения; из них будут и несчастный и счастливый.

108 (106). А те, которые несчастны,— в огне, для них там — вопли и рев,—

109 (107). вечно пребывая там,— пока длятся небеса и земля, если только не пожелает твой Господь,— ведь твой Господь — исполнитель того, что Он желает!

110 (108). А те, которые достигли счастья,— в раю,— вечно пребывая там,— пока длятся небеса и земля, если только твой Господь не пожелает,— наградой не отсеченной.²⁴

111 (109). Не будь же в колебании относительно того, чему поклоняются эти; поклоняются они только так, как поклонялись отцы их прежде. И поистине, Мы полностью воздадим их удел не отсеченным!

112 (110). Мусе Мы даровали писание, но стали разногласить о нем. И если бы не слово, которое определило от Господа твоего, между ними было бы решено. А они, ведь, в сомнении резко касательно этого.

113 (111). Поистине, всякому полностью воздаст твой Господь за их дела: ведь Он сведущ в том, что они творят!

114 (112). Стой же прямо, как тебе повелено, и те, кто обратится с тобой, и не выходите за границы,— ведь Он видит то, что вы делаете!

115 (113). И не опирайтесь на тех, которые несправедливы, чтобы вас не коснулся огонь. И нет у вас, кроме Аллаха, помощников, и потом не будете вы защищены!

116 (114). Вставай молитву в обоих концах дня и в (близких) часах ночи.²⁵ Поистине, добрые деяния удаляют дурные! Это — напоминание для помнящих.

117 (115). И терпи, потому что Аллах не губит награды добродетельных!

118 (116). Почему из поколений до вас не было обладающих пребывающим, которые удерживали от нечестия на земле, кроме немногих из числа тех, кого Мы спасли? А те, которые были несправедливы, последовали за тем, чем они были одарены, и оказались они грешными.

119 (117). Господь твой не был таким, чтобы погубить селения несправедливо, раз жители их творили благое.

120 (118). А если бы пожелал твой Господь, то Он сделал бы людей народом единым. А они не перестают разногласить, (119). кроме тех, кого помилдовал твой Господь. Для этого Он их создал. И исполнилось речение Господа твоего: «Наполню Я геенну духами и людьми вместе».

121 (120). И все рассказываем Мы тебе из вестей про посланников, чтобы укрепить тебе твое сердце. И в этом явилась к тебе истина, и увещание, и напоминание для верующих.²⁶

122 (121). Скажи тем, которые не веруют: «Творите по своей возможности, мы тоже действуем!» (122). Выжидайте, мы тоже выжидаем!»

123 (123). Аллаху принадлежит скрытое на небесах и на земле; к Нему обращается все повеление. Поклоняйся же Ему и полагайся на Него. Твой Господь не небрежет тем, что вы творите!

КОММЕНТАРИИ

СУРА 10

1. Хронологически сура относится к III мекканскому периоду, прочитана на рубеже 621—622 годов, когда пророк Мухаммад и его последователи подвергались преследованиям со стороны мекканских многобожников.

2. Мекканские многобожники обвиняли Мухаммада в колдовстве.

3. Намек на то, что пророк Мухаммад жил среди мекканцев довольно долго (до 40 лет) как простой человек, до начала проповедей.

4. Речь идет о племенных богах и идолах многобожников.

5. Выражение «А если бы не слово, которое было прежде от твоего Господа», повторяющееся несколько раз и в других сурах, в толкованиях трактуется в смысле откладывания Аллахом решения вопроса о вере и неверии тех или иных народов на судный день.

6. И в ряде других мест Корана имеются описания мореплавания, свидетельствующие о связи степных арабских племен с морем.

7. В аятах 30—45 идет острое изобличение мекканцев, отвергающих проповедь Мухаммада и преследующих его.

8. Ответ мекканцам, обвинившим Мухаммада в измышлении Корана.

9. Коран как изъяснение прежних писаний, т. е. Торы и Евангелия.

10. В аятах 49—55 — полемика о наступлении судного дня.

11. Фраза «они утаили раскаяние» не передает точное содержание, которое по контексту означает: «они глубоко раскаивались, увидев наказание».

12. Вопрос о ребенке Аллаха неоднократно оспаривается в связи с тем, что среди мекканцев были люди, которые пытались сблизить Аллаха, проповедуемого Мухаммадом, со своими племенными богами, трактуя их в качестве детей Аллаха. Но пророк постоянно и в категорической форме отрицает такое родство.

13. В аятах 74—93 — упоминание уже известных легенд о Нухе, Мусе, Харуне.

14. Фраза «в селении истины» не ясна, ибо в тексте слово «сидо» (буквально «истина», «верность») в данном случае употребляется в значении «доброе», «хорошее». Т. е. речь идет о размещении сынов Израиля в доброй, хорошей стране — Палестине.

15. Здесь единственный случай упоминания народа Йунуса (в Торе Иона). Неоднократно упоминается он сам как спутник рыбы или кита. Но нет подробного разъяснения о его народе. В Торе Иона — один из последних малых пророков родом из Галилеи, живший в эпоху израильского царя Иеровоама II. В целях ведения проповеди он отправился в Ниневию (столица Ассирии в последний период ее истории — в VIII—VII вв. до н. э. Развалины Ниневии находятся недалеко от г. Мосула в Ираке), но попал на корабль, с которого матросы выбросили его в море. Однако кит, проглотивший его, повиновался богу и вынес Иону на сушу. Отсюда идут легенды, представляющие Йунуса как спутника кита.

СУРА 11

1. Хронологически сура прочитана в первом году III мекканского периода (вероятнее всего, в 620 г.), когда проповедь велась скрыто, мусульмане собирались в укромных местах, часто за городом. Основное содержание суры — утверждение истинности проповедуемой веры, со ссылками, в качестве примеров, на истории Нуха с его ковчегом (аяты 27—51), адитов и их пророка Худа (аяты 52—63), самудитов и пророка Салиха (аяты 64—71), пророка Ибрахима (аяты 72—78), Лута (аяты 79—84), маджанитов и их пророка Шу'айба (аяты 85—98), и в конце с упоминанием Мусы (аяты 99—112); последние десять аятов представляют собой заключительную часть.

Чтобы не повторяться в дальнейшем, необходимо сказать то, что известно в науке об историчности упоминаемых в Коране пророков и народов, поскольку в нашей науке все они причислялись к легендарным.

Легенда о Нухе идет со II тысячелетия, о Ибрахиме — с I тысячелетия до нашей эры, они

связаны с историей Шумера, Аккада, Вавилона. История Мусы и Фараона также считалась легендой, но есть ученые, которые считают это былью, случившейся в XV веке до нашей эры, в период правления в Египте Фараона Рамзеса II. Историю Лута некоторые ученые связывают с трагедией, случившейся недалеко от Мертвого моря во II тысячелетии до нашей эры.

Арабские пророки и народы, упоминаемые в Коране, также считались легендарными. Но сейчас историческая наука вносит в эти представления свои коррективы: самудские надписи на камнях найдены уже давно и европейские специалисты изучают их. Народ Ад также считался только легендой, поскольку он представлен в Коране в виде великанов. Но, изучая арабскую доисламскую поэзию, ученые обратили внимание на то, что особый вид оружия называется в стихах, относящихся к V—VI векам, адитским. Следовательно, если было адитское оружие, то сами адиты также исторически должны были быть.

2. В аятах 5—7, которые сложны по конструкции, затемнено содержание при переводе. Речь идет о тех, кто пытается скрыть от Аллаха свое внутреннее состояние, размышление, обсуждение, с этой целью они «отворачивают свою грудь», в смысле отворачиваются, перевод этого жеста словом «свертывают» не подходит, поскольку речь о том, как человек отворачивается от Аллаха, чтобы он не раскрыл то, что в его сердце, и даже иногда для этой цели прикрывает голову полами своей одежды. Это своеобразное представление арабов VII века о способе скрыть сокровенное. Смысл фразы сводится к тому, что, несмотря на все попытки человека скрыть то, что у него в сердце, все равно Аллах знает все.

3. Представление о сотворении мира в 6 дней идет от древнего Двуречья, оно было распространено у всех семитских народов. А слова о том, что трон Аллаха стоял на воде, отдельно анализировал выдающийся Абу Райхан Беруни. В толкованиях Корана это представляется так, как будто трон стоял над водой. Но есть толкователи, трактующие это не как реальный трон, а как представление о власти, владычестве Аллаха.

4. Речь идет о некоторых аспектах проповеди, которые не воспринимают многобожники, и у пророка возникает сомнение — может быть, не стоит говорить им вообще об этих вещах. Но повеление Аллаха таково, чтобы Мухаммад не обращал внимания на подобные факты и продолжал свое увещевание, а все остальное решит сам Аллах.

5. Фраза «Если же они не ответят вам» относится к богам, к которым обращаются многобожники, игнорируя Аллаха.

6. Слово «свидетель» здесь относится к Корану.

7. Перевод арабского слова «ахзаб» как «разные партии» несколько смущает читателя, представляющего партию в современном значении. Более уместно переводить его как «группы» или «группировки», поскольку здесь имеются в виду конкретно мекканские многобожники и союзные с ними племена, обитающие в окрестностях города.

8. Перевод «которые отклоняют от пути Аллаха, стремясь к кривизне в нем» не проясняет содержание аята. Фраза «ясуддунан ан сабил Аллах» более точно переводится «они ограждают пути Аллаха», тогда становится ясной и следующая фраза, «чтобы повернуть его к кривизне».

9. Перевод фразы «самые низкие среди нас по первой мысли» затуманивает содержание. Смысл: «самые простые, примитивно мыслящие среди нас».

10. В фразе «Измыслил он его!» имеется в виду Коран.

11. Рассказ об издевательствах знати над Нухом, пока он сооружал ковчег, идет из сюжета «Повести о Гильгамеше», где его имя Ут-Напистим.

12. Фраза «Закипела печь» никак не согласуется с наводнением, хотя «таннур» и означает печь. В самых ранних толкованиях это трактовалось в том смысле, что «все на земле пришло в движение, все заполнилось водой».

13. Кораническое название «ал-Джуди» не определяется географически. Пророк Мухаммад разумел гору в Аравии. В параллельной легенде Торы ковчег Ноя останавливается «на горах Араратских» (Бытие, глава 8, стих 4).

14. Непослушный сын Нуха погибает в потопе, параллель имеет и в Торе. В исламской традиции подтверждается наличие еще трех сыновей Нуха — Сам, Хам, Иафас (библейские Сим, Хам, Иафет), от которых распространились народы.

15. Имя пророка Худа упоминается в надписях Саба (древнего Йемена), имеется упоминание в современных арабских исследованиях и о том, что имеется могила этого пророка с соответствующей надписью.

16. В комментариях академика И. Ю. Крачковского имеется замечание: «Салих, по-видимому, измышление Мухаммада». Но такое мнение было характерным в исследованиях 30—40-х годов. Позже, как уже отмечено, были обнаружены самудские надписи, которые изучаются в настоящее время. В исследованиях арабских авторов отмечен род Салиха, который вел борьбу с киндитскими царями в середине V века, исследования эти основаны на доисламских арабских литературных памятниках, известных под названием «Айям ал-араб» (Дни арабов). В свете этих источников историчность существования самудитов и возможность наличия пророка под именем Салих теперь категорично отрицать невозможно.

17. Здесь речь о том, что руки гостей не касались еды, это Ибрахиму показалось странным, и он почувствовал страх. В толкованиях объясняется, что это были ангелы, они не едят, поэтому они делали только вид, что едят.

18. В аятах 74—76 — рассказ о том, что по велению Аллаха было предопределено рождение Исхака в то время, когда Ибрахиму было более 100 лет, а его жене Саре — 99 лет, и было уведомявлено, что она еще поживет и увидит своего внука Йакуба — сына Исхака.

19. Как видно, Ибрахим заступился за народ Лута, чтобы предотвратить его наказание. Но все было предрешено. Параллель: описание грехопадения Содомы и Гоморры. (Бытие, гл. 19.)

20. Когда неправедный народ ворвался в дом Лута, у него сидели гости, т. е. посланники Аллаха, явившиеся для наказания народа Лута.

21. Фразу «постиг вопль» более точно было бы перевести как «постиг их крик», поскольку здесь имеется в виду мощно вопиющий голос, от которого они умерли павши ниц. В отношении

этих маджанитов в трех местах Корана упоминается три вида наказания: в суре 7, аят 89, как мы уже видели, их постигло землетрясение и они умерли упавшими ниц. В суре 26, аят 189, говорится, что они погибли после того, как покрыли их сверху черные тучи. В толкованиях это объясняется так, что они погибли от всех трех видов наказания, каждое из которых упоминается отдельно в трех сурах.

22. Перевод фразы «и ответит их на водопой к огню» выглядит совершенно неясным, поскольку никак невозможно связать водопой с огнем. При переводе арабского слова «вирд» взято его частное значение — «приход к водопою», но есть и общее значение — «приход с группой людей или с отрядом». Словом, значение фразы простое — «ответит он свой народ к огню», т. е. в геенну.

23. Фраза «Из них одни стоят, другие пожатые» неясна. Речь идет о селениях неверных, некоторые из которых еще существуют, а другие давно разрушены или исчезли.

24. Фразу «наградой не отсеченной» надо понимать как «награду сполна», т. е. то, что заслуживает. Фраза «удел не отсеченным» понимается в том же значении.

25. Предписание совершать молитву (намаз) в начале и в конце дня и начале ночи свидетельствует о том, что в это время (сура прочитана около 620 года, т. е. года два (до хиджры) практиковалось совершение намаза три раза: утренний — субх, вечерний — магриб и ночной — иша, два других дневных намаза (зухр и аср) еще не были введены в практику.

26. Содержание аятов 121—123 отчетливо свидетельствует о целях проповеди — «укрепить сердце верующих» и заставить их во всем «полагаться на Аллаха» в условиях враждебных действий мекканских многобожников относительно Мухаммада и его последователей.

Продолжение следует

П. Д. Джеймс

Перевод с английского Ч. Толстяковой

Неженское ДЕЛО

РОМАН

ГЛАВА 4

Рано утром Корделию разбудил пронзительный птичий гвалт и прозрачный, бьющий в глаза свет ясного дня. Несколько минут она лежала, вытянув ноги в спальном мешке, и с наслаждением вдыхала аромат деревенского утра — тонкий, бодрящий запах земли, влажных трав и навоза. Вымылась на кухне, стоя в цинковом корыте и из ковша обливаясь ледяной водой, — такую ванну, скорее всего, ежеутренне принимал и Марк. Вода обжигала кожу, так что дух захватывало, но деревенская жизнь так или иначе располагала к аскетизму. В Лондоне она ни за что не стала бы купаться в холодной воде — разве что заставили бы силой. А с каким удовольствием вдыхала она запах керосинки, на которой аппетитно шкворчало сало, как наслаждалась первой кружкой крепкого чая!

Полный солнца, дом казался теплым надежным прибежищем от любых превратностей грядущего дня. Этим спокойным, мирным утром ничто в маленькой гостиной не напоминало о трагедии Марка Кэллендэра. Даже крюк посреди потолка выглядел безобидно, словно никогда не служил страшной цели. Ужас, охвативший ее, когда фонарик выхватил темную, разбухшую тень валика, колеблемого ночным ветром, остался далеко позади, точно все это случилось не с ней или во сне. Даже принятые ночью предосторожности при свете дня выглядели нелепо. Она разрядила пистолет, спрятала патроны в нижнем белье, а пистолет — в ветвях старого куста и почувствовала себя полной дурой. Вымывшись, выстирав единственную скатерть и повесив ее сушить-

¹ Окончание. Начало в № 7.

ся, Корделия нарвала в дальнем конце сада фиалок, первоцвета и душицы и поставила букет на стол в одной из ребристых кружек.

Первым делом надо напасть на след няни Пилбим. Возможно, обстоятельства смерти Марка или причины, по которым он оставил колледж, ей неизвестны, зато наверняка найдется что рассказать о его детстве и отрочестве, и, может быть, именно она, как никто другой, знает, что же он был за человек. Она пришла на похороны и заказала дорогой венок, стало быть, судьба его была ей небезразлична. Она приехала в колледж поздравить его с совершеннолетием. Может быть, и он постоянно навещал ее и даже делился с ней своими переживаниями. Ведь он вырос без матери и мог, в каком-то смысле, обрести ее в няне Пилбим.

По дороге в Кембридж Корделия обдумала план действий. Скорее всего, мисс Пилбим живет в пригороде. В самом Кембридже вряд ли — ведь Хьюго видел ее всего один раз. Судя по его описанию она была стара, возможно, бедна. Так что приехать на похороны издалека ей было бы не по возрасту и не по карману. Не входила она, по всей видимости, и в число близких покойного; сэр Рональд не приглашал ее. По словам Хьюго, никто из присутствующих не сказал друг другу ни слова. Не похоже, чтоб старую няню Пилбим почтили как хранительницу семейных традиций, не похоже, чтоб ее считали почти родней. В такой ситуации сэр Рональд не оказал ей даже обычных знаков внимания. Интересно, почему? Какое же место все-таки занимала мисс Пилбим в семье Кэллендэров много лет назад?

Если старушка жила неподалеку от Кембриджа, венки она, вероятно, заказала в одном из городских цветочных магазинов. В деревне услуги такого типа не предоставляют. Венки получился пышный, вычурный: значит, мисс Пилбим была готова отдать за него любые деньги и, наверное, обратилась в большой магазин. Очень может быть, что она заказала его сама. В доме у пожилых дам редко стоит телефон, а кроме того, они предпочитают сами ходить по таким делам, не без оснований подозревая, что говорить надо с глазу на глаз и тщательнейшим образом перечислить все свои требования, иначе не добьешься толку. Если мисс Пилбим приехала поездом или автобусом она, скорее всего, обратилась в один из центральных магазинов. Корделия решила расспросить прохожих, где тут хороший цветочный магазин.

Она уже знала, что Кембридж — не место для автомобилиста. К ее путеводителю прилагалась складная карта и, заглянув в нее, Корделия решила оставить «Мини» на платной стоянке у Паркерз Пис. Поиски могут затянуться, а искать лучше пешком.

Первый час не принес ничего, кроме разочарования. Люди, к которым она обращалась, от всей души старались помочь, но у них были весьма своеобразные представления о хорошем цветочном магазине. Ее посылали к средней руки зеленщикам, которые в качестве сопутствующего товара продавали в день по несколько букетов срезанных цветов, в магазин садово-огородного инвентаря, где продавались саженцы, но венки — никогда, а один отправил ее в похоронное бюро. В двух на первый взгляд приемлемых цветочных магазинах никто не слышал ни о мисс Пилбим, ни о похоронах Марка Кэллендэра. От долгой ходьбы ныли ноги, и, начиная терять терпение, Корделия уж было подумала, что выбрала заведомо ложный путь. Если мисс Пилбим живет в Сент-Эдмундсе или Нью-Маркете, она вполне могла купить венки в своем родном городе.

А вот в похоронное бюро она сходилась не напрасно. Там ей посоветовали обратиться в магазин, где делают «очень качественные венки». Ей сказали: «Мисс, право, лучше не сыщешь». Магазин был расположен дальше от центра, чем рассчитывала Корделия. Когда Корделия открыла дверь, в лицо ей пахнуло теплым воздухом, таким сладким, что запершило в горле. Цветы были всюду. В больших зеленых ведрах вдоль стены стояли букеты лилий, ирисов и тюльпанов, меньшие емкости занимали золотые шары, левкой и желтофиоль, скучные букеты роз с тугими полураспустившимися головками, на гладких, без шипов стеблях — все, как на подбор, одного цвета и размера, словно их вырастили в пробирке.

В подсобном помещении работали две женщины, и Корделия стала наблюдать за ними в открытую дверь. Младшая, анемичная блондинка с нечистой кожей, сортировала обреченные розы и фрезии по длине и цвету, приготавливая их на заклание. Вторая, старше и годами и положением — униформа сидела на ней не в пример лучше, а лицо было спокойное и властное — отрывала цветочные головки, прокалывала каждый изуродованный цветок проволокой и плотно прикручивала к огромному, в форме сердца, выложенному вхок, венку. Корделия отвернулась, чтоб не видеть этот ужас.

Откуда ни возьмись вдруг появилась грудастая дама в розовом халате. Пахло от нее так же нестерпимо, как в магазине, к тому же она предпочитала духи с экзотическим ароматом, справедливо полагая, что цветочный останется здесь незамеченным. Зато запах карри и хвои напрочь отбил у Корделии чувствительность ко всем остальным.

— Я от сэра Рональда Кэллендэра с виллы Гарфорт, — начала Корделия заготовленную речь. — Его сына кремировали третьего июня, и старая няня послала ему венки.

Крест из красных роз. Сэр Рональд хочет отблагодарить ее за доброту, но потерял адрес. Не могли бы вы нам помочь? Ее фамилия Пилбим.

— Пилбим? Третьего июня? Не помню.

— Будьте добры, посмотрите, пожалуйста, в книге.

Внезапно молодая блондинка подняла голову и робко подала голос:

— Это Годдард.

— Что ты сказала Ширли?— недовольно переспросила грудастая.

— Ее настоящая фамилия Годдард. На карточке мы написали — «От няни Пилбим», но венки заказала миссис Годдард. Тут еще одна приходила от сэра Рональда, справлялась насчет миссис Годдард. Я еще ей адрес нашла: Миссис Годдард, Лавандовый дом, Иклтон. Один крест, полтора метра, красные розы. Шесть фунтов. Все в книге, можете посмотреть.

— Большое вам спасибо,— горячо поблагодарила Корделия. Улыбнулась всем троим и поспешила прочь, пока ее не начали расспрашивать о той, другой женщине с виллы Гарфорт. «Наверное, решили, что я сумасшедшая,— подумала она.— Ну да ничего, хоть посудачат вволю».

«Лавандовый дом, Иклтон»,— все повторяла она про себя, пока не отошла от магазина на приличное расстояние и не остановилась записать адрес.

Со всех ног бежала она на стоянку. Усталость как рукой сняло. Вновь развернула карту. Иклтон — деревня в десяти милях от Кембриджа, на границе с Эссексом. Она доедет туда минут за двадцать.

Но выехать из Кембриджа из-за сильного движения оказалось не так-то просто, и только через тридцать пять минут она, наконец, подъехала к чудесной, выложенной булыжником и галькой Иклтонской церкви с высоким шпилем и остановила «Мини» у ворот. Очень хотелось заглянуть внутрь, но нет, сейчас не время. Может быть, миссис Годдард вот-вот уедет в Кембридж. И она пошла искать Лавандовый дом.

Миссис Годдард, собственно, занимала всего полдома — уродливого краснокирпичного особняка, последнего на Хай-Стрит. Узкая полоска травы между парадной дверью и дорогой — и все. Лаванда здесь не росла, ею даже и не пахло. Дверь задрожала от удара тяжелого железного дверного молотка в форме львиной головы. Никто не откликнулся в Лавандовом доме, зато в дверях соседнего появилась старушка: худенькая, беззубая, она едва не утонула в огромном цветастом фартуке. На ногах у старушки были войлочные тапки, на голове — шерстяная шапочка с помпоном, а в глазах светился живейший интерес ко всему на свете.

— Вам, наверное, миссис Годдард?

— Да. Вы не скажете, где мне ее найти?

— На кладбище, где ж ей быть-то в такой погожий денек.

— Я только что была в церкви. Я никого не встретила.

— Господь с вами, мисс, что ей делать в церкви! Нас там уж сто лет как не хоронят. Ее старик на улице Хинкстон, там кладбище, и она с ним рядом ляжет, как пробьет ее час. Да вы не бойтесь, не заблудитесь. Идите прямо, в кладбище и упретесь.

— Я должна вернуться к церкви за машиной,— сказала Корделия.

Старушка, понятное дело, собиралась долго глядеть ей вслед, а потому необходимо было объяснить ей, почему она, Корделия, удаляется в противоположном указанному направлении. Старушка улыбнулась и вышла из ворот, чтоб, опершись на них, лучше видеть, как Корделия станет пересекать пространства Хай-Стрит; при этом она беспрерывно трясла головой, как заводная кукла, и яркий помпон плясал на солнце.

Найти кладбище оказалось действительно нетрудно. Корделия оставила «Мини» на удобной лужайке у знака, показывавшего, как пройти к Даксфорду, и пешком вернулась назад, к железным воротам. Прямо у ворот возвышалась полукруглая с восточной стороны часовенка из мелкозернистого песчаника. Рядом с часовенкой стояла старая деревянная скамейка, зеленая от лишайников, вся в птичьем помете, откуда открывался вид на все кладбище. По обеим сторонам широкой центральной аллеи, покрытой дерном, шли могилы: беломраморные кресты, серые надгробные камни, ржавые колетки железных обелисков, плотную подступивших к нежному дерну, и яркие пятна цветов на свежескопанной земле. Все дышало покоем. Вокруг кладбища росли деревья, и лишь изредка шелестели их листья — так горяч и недвижим был воздух. Только стрекот кузнечиков нарушал глубокую тишину, да иногда доносился звонок с ближнего шлагбаума или тревожно гудел паровоз.

На всем кладбище Корделия заметила одну-единственную старушку, склонившуюся над дальней могилой. Сейчас Корделия встанет со скамейки и тихо подойдет к ней, но прежде нужно собраться с мыслями. Она была уверена, что беседа с няней Пилбим даст ей желанный ключ к разгадке, но, как ни странно, не спешила начать разговор. Она подошла к старушке и встала у могилы. Та по-прежнему не замечала ее.

Старушка была маленькая, хрупкая, вся в черном, к волосам огромной черной

шпилькой была приколата старомодная соломенная шляпка с линялой вуалью. Она стояла на коленях спиной к Корделии, видны были подошвы огромных бесформенных башмаков и тонкие, как спички, ноги. Она пропальывала могилу: юркие, как ящерицы, пальцы сновали по траве, выдергивая крохотные, едва заметные сорняки.

Рядом с ней стояла маленькая корзинка, из которой торчали сложенная газета и садовая лопатка. Время от времени она бросала в корзину пригоршню сорняков. Корделия молча наблюдала. Через пару минут она покончила с прополкой и стала приглаживать траву на могиле, словно надеялась, что покойник под землей почувствует ее ласку. Корделия прочитала надгробную надпись:

«Священной памяти Чарльза Альберта Годдарда, возлюбленного супруга Анни, покинувшего этот мир 27 августа 1962 года в возрасте семидесяти лет. Спи спокойно».

Спи спокойно. Как много их, таких эпитафий. Для поколения Чарльза и Анни Годдард покой был неслыханной роскошью, высшим благом. Чего еще могли они желать?

Женщина на секунду выпрямилась и любовно оглядела могилу. Тут она заметила Корделию, но, видно, присутствие чужого человека не удивило и не смутило ее.

Она обернулась и, просияв всеми морщинами, спросила:

— Правда, хороший камень?

— Да. Я любовалась надписью.

— Глубокая, вот в чем секрет. Сколько заплатила, вспомнить страшно, но тут скупиться нельзя: зато не сотрется. А то тут половина надписей стерлась — такая мелкая работа. Кладбище из-за этого теряет свою прелесть. Я люблю читать надгробные надписи, узнавать, кто под камнем лежит, и откуда, и когда кто помер, и насколько жены пережили мужей. Невольно задумаешься: как же они потом свой век доживали, в одиночестве? Или снова вышли замуж? А что толку в камне, если надпись на нем не прочтешь? А вы видите — снизу оставлено место? Это я для себя оставила: «А также Анни, его жены, покинувшей этот мир...» И дата. Я и деньги вперед заплатила.

— И всё уже придумали эпитафию?

— Нет, нет, зачем же? Спи спокойно — этого довольно нам обоим. Большой милости мы не ждем от Господа.

— Вы послали очень красивый крест из роз на похороны Марка Кэллендэра, — сказала Корделия.

— Вам понравился? А где вы видели его, вы ведь на похороны не ходили, или я не заметила вас? — сказала миссис Годдард и ласково, с интересом посмотрела на Корделию. — Так вы, значит, знали мистера Марка? Может, вы его девушка?

— Нет, но мы с ним дружили. Почему же он никогда не рассказывал о своей старой няне?

— Так я ж его и не нянчила, ну разве что месяц или два. Он был тогда грудной, разве он мог меня запомнить? А вот матушку его вынянчила, голубушку мою.

— Но ведь вы приезжали поздравить Марка с совершеннолетием?

— Так он вам рассказал, да? Я была так рада вновь повидать его после стольких лет, но навязываться ему не стала. Не могла я броситься ему на шею, ведь отец его прогнал меня. Нет, я приехала передать ему подарок от матери, она перед смертью просила меня, я должна была исполнить ее последнюю волю. И знаете, я ведь его двадцать лет не видала — странно, правда, вроде и жили не так далеко — но узнала сразу. Уж очень он, бедняжка, был похож на покойницу мать.

— Расскажите мне, пожалуйста, об их семье. Я спрашиваю не из любопытства, мне это очень нужно.

Опершись на ручку корзины, миссис Годдард с трудом поднялась на ноги. Она сняла с юбок прилипшие травинки, достала из кармана серые нитяные перчатки, надела их, и они с Корделией медленно пошли по дорожке к выходу.

— Так, говорите, вам это нужно? Зачем? Это теперь дело прошлое. И она умерла, и вот сынок ее умер. Сколько было надежд, обещаний, и ничего не осталось, ничего. Я, знаете, никому об этом не рассказывала, ну так ведь никто и не спрашивал.

— Может быть, присядем на скамейку, поговорим?

— Почему бы и нет? Мне теперь некуда спешить. Знаете, дорогая, я вышла замуж в пятьдесят три года, но тоскую по мужу так, словно мы любили друг друга с детства. Мне говорили: дура, влюбилась, в твои-то годы. Но, понимаете, я тридцать лет, еще со школы, дружила с его женой, и я хорошо знала, что он за человек. Вот и подумала: мужчина, который был добр к одной женщине, будет добр и к другой. И не ошиблась.

Они сидели рядышком на скамейке, смотрели на могилу.

— Расскажите мне о матери Марка, — попросила она.

— Ее звали Эвелин, она была из семьи Ботли. Она еще не родилась, когда я поступила к ее матери младшей няней. У Ботли тогда был один сынок, маленький Гарри. Его потом убили на германской войне, в первом же бою убили. Отец был неутешен. Гарри был его любимцем, и вот закатилось его солнышко. Мисс Эви-то хозяин никогда особо не жаловал, а сына обожал. Может оттого, что миссис Ботли умерла, рожая мисс Эви, — не знаю. Говорят, так часто бывает, да только я не верю. Знала я отцов, кото-

рые после такого еще сильнее любили своих малюток. Бедные, безгрешные создания, разве их можно винить? А по мне, так он просто пытался таким образом оправдать свою неприязнь к девчужке.

— Да, и я была знакома с отцом, находившим для себя в точности такие же оправдания. Впрочем, я такое понять могу.

— Жалеть друг друга надо, тогда и жить будет легче. Как не пожалеть родное дитя? Не по-людски это, вот что.

— А она любила его?

— Да как же ей было любить его? Если сам не любишь ребенка, он тебе любовью не ответит. И ни подольститься, ни рассмешить его она не умела. Боялась его — он был грузный, резкий, шумный. А она росла заботой, робкой. Хорошенькая, храбрая вострушка с ним бы легче поладила.

— И что же с ней случилось? Как она познакомилась с сэром Рональдом Кэллендэром?

— Он тогда назывался не сэром Рональдом, а совсем, совсем по-другому. Он был просто Ронни Кэллендэр, сын садовника. Ботли жили в Харрогите¹. Ах, какой у них был прелестный дом, вы себе и представить не можете! Когда я поступила к ним на службу, они держали троих садовников. Это, конечно, было до войны. У мистера Ботли была контора в Бадфорде; он торговал шерстью. Да, так вы спрашивали про Ронни Кэллендэра. Я хорошо его помню, красивый был мальчуган, и забияка такой, но — себе на уме, смывленный! Блестяще выдержал экзамен в среднюю школу, получил стипендию и прекрасно учился.

— И Эвелин Ботли в него влюбилась?

— Может, и влюбилась. Кто теперь скажет, что между ними происходило, пока они были детьми. Но тут началась война, и он пошел воевать. Ей страшно хотелось приносить хоть какую-то пользу, и ее взяли сестрой милосердия, хотя ума не приложу, как разрешили врачам. А потом они снова встретились в Лондоне, как многие во время войны, и вскоре мы узнали, что они поженились.

— И поселились рядом с Кембриджем?

— Только после войны. А тогда она осталась сестрой милосердия, а его послали на континент. На войне он показал себя молодцом: храбро сражался, чуть не погиб, бежал из плена... Гордиться бы мистеру Ботли таким зятем и примириться бы с браком дочери, но не тут-то было. Думаю, он считал, что Ронни женился на Эвелин из-за денег, потому что деньги были, уж я-то знаю. Может, он был и прав, но кто посмеет упрекнуть Ронни? И меня мать, бывало, учила: «Не выходи замуж ради денег, но выходи за парня, у которого они водятся!» Что ж плохого, что он искал денег, лишь бы жили хорошо.

— А они жили хорошо?

— С его стороны я ничего дурного не замечала, а уж она была от него просто без ума. После войны он поступил в Кембридж. Он всегда мечтал стать ученым, а тут, как ветеран, получил субсидию. Отец все же дал Эвелин небольшое приданое, и они купили его теперешний дом, чтоб ему, пока удел Эвелин не пришлось жить в общежитии. Тогда, конечно, дом выглядел совсем по-другому. С тех пор он его изрядно переделал. Они тогда были бедны, и мисс Эви обходилась почти совсем без прислуги, только я с ней была, и все. Иногда навещался мистер Ботли. Как она боялась его приездов, бедняжка родная. Он, понимаете ли, ждал внука, а внука все не было. Тут мистер Кэллендэр закончил университет и получил место учителя. Он хотел остаться в колледже преподавателем, но его не оставили. Он говорил, это оттого, что у него нет связей, но мне кажется — просто способностей не хватило. В Харрогитской школе он был первый ученик, вот мы его умницей и считали. А в Кембридже, наверное, нашлись поумнее.

— А потом родился Марк?

— Да, 25 апреля 1951 года; они были к тому времени уже девять лет как женаты. Он родился в Италии. Мистер Ботли так обрадовался, когда дочь забеременела, что увеличил им содержание, так что они теперь могли по праздникам ездить в Тоскану. Хозяйка любила Италию, всегда любила, и я думаю, ей хотелось, чтоб ребенок родился именно там. Я навестила ее через месяц после возвращения — никогда не видала женщины счастливее! И немудрено: славный родился у нее малыш!

— Но почему вы навестили ее? Разве вы уже больше там не жили и не работали?

— Нет, дорогая. К тому времени я уже несколько месяцев у них не работала. С самого начала беременность протекала тяжело. Я видела, что Эвелин сама не своя, что-то ее, бедняжку, мучило. И вот посылает за мной как-то сэр Рональд и говорит, что я, дескать, стала его жене неприятна, и она меня увольняет. Я сперва не поверила, пошла к мисс Эви, а она прижала руку к груди и говорит: «Прости, няня, так получилось. Лучше тебе уйти».

¹ Фешенебельный курорт с минеральными водами в графстве Йоркшир.

У беременных бывают всякие причуды, я знаю, а ведь им обоим было так важно, чтобы ребенок родился здоровым. Я верила, что потом, после родов, она снова пригласит меня в дом. Так она и сделала, но жить я у них уже не жила. Сняла комнатку в деревне пополам с почтальоншей и четыре раза в неделю приходила на полдня к моей хозяйке, а остальное время работала у других. Деньги платили хорошие, да только очень я по малышу скучала, когда приходилось разлучаться. Я мисс Эви беременной почти не видела. Один раз только встретились в Кембридже. Она уж, должно быть, была на сносях: еле двигалась, бедняжка, тяжело ей было ходить. Она сперва притворилась, будто не замечает меня, но после передумала, подошла. «Няня, мы на той неделе едем в Италию», — говорит. — Правда, здорово?» А я ей: «Смотри, ласточка моя, как бы тебе не родить маленького итальянчика». Ну и смеялась же она.

— А что было потом, когда она вернулась в Англию?

— Через десять месяцев умерла. Здоровье у нее всегда было слабенькое, а тут заболела гриппом. Я помогала ее выхаживать, я при ней и день и ночь оставалась бы с радостью, но сэр Рональд сам взялся выхаживать ее. Никого к ней не хотел подпускать. Только на пять минут, перед самой ее смертью, удалось нам побыть с ней наедине. Тогда-то она и попросила меня передать ее молитвенник Марку в день совершеннолетия. До сих пор помню ее слова: «Отдай мой молитвенник Марку, когда ему исполнится двадцать один. Заверни хорошенько и передай в день совершеннолетия. Ты ведь не забудешь, няня, правда, не забудешь?» «Не забуду, ласточка моя, ты же знаешь», — пообещала я ей. И тут она говорит мне: «Если ты умрешь прежде, или он не поймет — неважно. Значит, так угодно Богу».

— Что же она имела в виду, как вы думаете?

— Откуда она знает, дорогая. Она ведь была такая набожная, моя мисс Эви, чересчур даже набожная, ну да так и жить легче. Я-то считаю, что мы должны сами нести свой крест и отвечать за свои поступки, и проблемы свои решать, а не перекладывать их на плечи Господа нашего, ведь у него хватает своих забот, когда такое творится в мире. Но она просила, и я обещала. И, когда Марку исполнилось двадцать один, узнала, в каком он колледже, и пошла к нему.

— И как он вас встретил?

— Прекрасно. Мы хорошо с ним поговорили. Оказалось, отец никогда не рассказывал ему о матери. Конечно, она умерла, и, может статься, отцу не хотелось беречь старую рану, но разве не должен сын знать, какой она была, его мама? Марк буквально засыпал меня вопросами — отец держал его в полном неведении.

Он был очень рад, когда я подарила ему молитвенник. А через несколько дней сам пришел ко мне в гости и спросил, кто лечил его мать. Старый доктор Гладвин, говорю. Мистер Кэллендэр и Эви другого никогда не приглашали, и, наверное, зря, ведь Эви была такого хрупкого здоровья. Доктору Гладвину тогда было под семьдесят, и хоть некоторым он и был по душе, но я так всегда считала, что врач он никому дышный. А все пьянство, дорогая. Нет, я бы ему мисс Эви не доверила. Теперь-то он, бедняга, должно быть, давно покойник. Ну, как бы там ни было, а я назвала мистеру Марку его фамилию и он ее записал.

— А больше никто не знает об этом молитвеннике?

— Никто на свете, дорогая. По фамилии владелицы цветочного магазина на карточке мисс Лиминг узнала мой адрес. На другой день после похорон она пришла ко мне поблагодарить за венок, но я видела, что она просто так, из любопытства пришла. Уж если они с сэром Рональдом были так рады видеть меня на похоронах, что мешало им подойти поздороваться? А мисс Лиминг говорит: спасибо, мол, что пришли без приглашения. Представляете? Приглашение на похороны! Слыханное ли это дело?!

— И вы ей ничего не сказали?

— Я никому не говорила, кроме вас, дорогая, уж не знаю, почему я вам-то это рассказываю. А ей — нет, ничего не сказала. По правде говоря, она мне никогда не нравилась. Не то чтоб между ней и сэром Рональдом что-то было — во всяком случае, пока мисс Эви была жива, я ничего не слышала. Она снимала квартиру в Кембридже и, надо отдать ей должное, держалась на расстоянии. Они с сэром Рональдом познакомились, когда он учительствовал в сельской школе. Она преподавала там английскую литературу и язык. А уж лабораторию он завел только после того, как мисс Эви умерла, никак не раньше.

— Значит, мисс Лиминг — дипломированный специалист по английской литературе? Я правильно вас поняла?

— Да, дорогая. Она в секретари не готовилась. Она школу бросила, как стала работать на мистера Кэллендэра.

— После того, как миссис Кэллендэр умерла, вы ушли с виллы Гарфорт? Нянить ребенка вы не остались?

— Меня не оставили. Мистер Кэллендэр ясно дал понять, что не желает, чтоб я виделась с ребенком, а ведь, хочешь не хочешь, он в своем праве. Могла ли я воспротивиться его воле? Сызмальства приучить ребенка лгать — нет, это не в моих прави-

лах. Тайком от отца я с ним видаться не хотела. А теперь он мертв и для всех, для всех нас потерян. Коронер сказал: наложил на себя руки. Как знать, может, оно и правда.

— Я так не думаю, — сказала Корделия.

— Не думаете? Вы добрая. Но все равно мальчика не вернуть. Пора нам собираться домой. На чай не приглашаю, вы уж извините, что-то устала я сегодня. Но вы теперь знаете, как меня найти. Захотите прийти — я вам всегда рада.

Через кладбище шли вместе. У ворот расстались. Миссис Годдард на прощание неуклюже потрепала Корделию по плечу — так ласкают пушистого зверька — и медленно пошла к деревне.

Корделия повернула на шоссе, впереди показался переезд. Только что прошел поезд, шабгаумы медленно поднимались вверх. На переезде застряли три машины. По ее приближении последняя рванула с места и, обогнав две другие, медленно переползавшие через рельсы, скрылась из виду. Корделия успела разглядеть ее: это был маленький черный фургон.

Потом Корделия с трудом вспоминала, как добиралась в тот день домой. Ехала быстро, старалась подавить нарастающее возбуждение, сосредоточившись на дороге, коробке передач и тормозах. Подъехала к самому дому — пусть увидят машину, плывать. В доме все оставалось по-прежнему, и пахло так же. Она почти ожидала, что все будет перевернуто вверх дном и молитвенник исчезнет, но, слава богу, белый корешок оставался на старом месте, среди более высоких и темных книг. Корделия открыла молитвенник. Она и сама не знала, что надеялась там обнаружить — дарственную надпись, шифрованное или обычное послание, заложенное меж листов письмо? Но дарственная надпись сама по себе не имела к делу никакого отношения. Нетвердая, старческая рука вывела на странице паучьи лапки букв: «Эвелин Мэри в день конфирмации с любовью от крестной матери, 5 августа 1934 года». Корделия потрясла книгу. Перелистала страницы. Ничего.

Она села на кровать, разом упав духом от разочарования. Может, она напрасно вообразила, что Эвелин не случайно завещала Марку молитвенник? На путаных воспоминаниях старой женщины построила дутую версию, а на самом деле все предельно просто и объяснимо: набожная мать, умирая, оставляет сыну молитвенник. Даже если она и права в своих догадках — где гарантия, что записка осталась в молитвеннике? Если Марк нашел ее между страниц, он мог, прочитав, сжечь ее. Возможно, записку уничтожил кто-то другой и она лежит сейчас горсткой белого пепла среди углей в печке.

Нет, надо собраться с мыслями. Еще не все нити оборваны. Корделия положила молитвенник в сумку. Было около часа. Пообедав в саду сыром и фруктами, Корделия снова поехала в Кембридж. Там в Центральной библиотеке можно полистать медицинский справочник.

Вскоре она уже знала все, что хотела. В книге значился только один доктор Гладвин, который двадцать лет назад (ему тогда было за семьдесят) мог пользоваться Эвелин Кэллендэр. Его звали Эмлин Томас Гладвин, он прошел интернатуру в больнице Святого Фомы и получил докторское звание в 1904 году. Она переписала адрес: Прэттс Уэй, 4. Иксуортское шоссе, Бари Сент-Эдмундс. Сент-Эдмундс! Тот самый город, куда, по словам Изабель, они с Марком заезжали по дороге на море. Нет, все-таки день прошел не зря: она шла по следам Марка. Сгорая от нетерпения, она поспешила в отдел географии посмотреть карту. Было четверть третьего. Если ехать через Ньюмаркет по дороге А-45, минут через сорок она уже будет в Бари Сент-Эдмундсе. Час у доктора, час обратно — в полшестого она сможет вернуться домой.

Сразу за Ньюмаркетом, там, где по обеим сторонам шоссе расстилались скучные, однотонные равнины, она заметила, что за ней едет черный фургон. Он был слишком далеко, чтобы можно было разглядеть водителя, но Корделия решила, что за рулем Ланн и, скорее всего, с ним никого нет. Прибавила скорость, надеясь, что он отстанет, но расстояние между ними сокращалось. Конечно, сэр Рональд вполне мог послать Ланна по делу в Ньюмаркет, но, всякий раз, когда, глянув в зеркало, она видела приземистую черную машину, ей становилось не по себе. Надо оторваться во что бы то ни стало. Можно свернуть на проселочную дорогу, но она совсем не знает здешних мест. Лучше потерпеть до Ньюмаркета и уж там не упустить случая сбросить ненавистный «хвост».

Главная улица города была запружена машинами, на каждом повороте ей грозило попасть в пробку. Только у второго светофора Корделия, наконец, увидела путь к спасению. Черный фургон зажало между машинами метрах в пятидесяти от нее. Когда зажегся зеленый свет, она рванула с места, круто повернула налево, потом направо...

...Минут пять покружив по незнакомым улицам, она остановилась у перекрестка и стала ждать. Черный фургон не появлялся. Неужели удалось? Подождав еще минут пять, она медленно вернулась на главную улицу и влилась в восточный поток машин. Через полчаса она приехала в Бари Сент-Эдмундс и, медленно двигаясь по Иксуорт-

скому шоссе, стала искать Прэттс Уэй. Метров через сорок нашла квартал — шесть оштукатуренных домиков в стороне от стоянки. Вспомнив о кроткой, послушной Изабель, которой было велено отъехать подальше и ждать в машине, остановила свою возле номера четыре. Может быть, Марк считал, что белый «Рено» слишком бросается в глаза? Даже появление «Минни», и то не прошло незамеченным. В окнах верхних этажей появились любопытные лица, невесты откуда небekali дети и, повиснув на ближних воротах, вытаращили на нее пустые глазенки.

Дом номер четыре производил тяжелое впечатление: сад заглох, в гниющем заборе зияли дыры. Краска на стенах облезла до дерева, на парадной двери пузырилась, а местами висела ключьями. Но окна в нижнем этаже сияли, и ажурные занавески на них были кипенно-белыми. Возможно, миссис Гладвин — хорошая хозяйка и изо всех сил старается быть на высоте, но по возрасту уже не справляется с тяжелой работой, а на домработницу не хватает средств. Корделия от души посочувствовала ей. Но женщина, которая через несколько минут отозвалась на ее стук — звонок не работал, — могла вызвать какие угодно чувства, но только не жалость: тяжелый, недоверчивый взгляд, сжатый в складку жесткий рот, костлявые руки, скрещенные на груди, словно чтоб не подпустить к себе, отгородиться от любого человеческого общения. Определить ее возраст было трудно. Собранные в небольшой тугой узел волосы еще не поседели, но лицо избороздили морщины, и шея была тощая, жилистая, старческая. На ней были войлочные тапки и цветастый бумажный халат.

— Меня зовут Корделия Грэй, — представилась Корделия. — Доктор Гладвин дома? Мне нужно поговорить с ним о старой пациентке.

— Дома, где же ему быть. Он в саду. Пройдите через дом.

В нос ударил чудовищный, кислый запах старости, мочи, несвежей пищи. Корделия старалась не смотреть по сторонам, чтоб неосторожным взглядом не обидеть хозяйку.

Доктор Гладвин сидел на солнце в высоком резном деревянном кресле. Никогда Корделия не видела такого глубокого старика. На нем был шерстяной лыжный костюм, распухшие ноги обуты в огромные войлочные тапки, а колени укутаны бахромчатой лоскутной шалью. Кисти свешивались с ручек кресла, словно были слишком тяжелы для хрупких запястий — сухие, ломкие, в пятнах, как осенние листья, дрожащие при легчайшем дуновении ветра. Поросшая редким серым пухом яйцевидная голова казалась хрупкой и маленькой, как у ребенка. В слезящихся, испещренных голубыми прожилками белках плавали мутно-желтые зрачки.

Корделия подошла поближе и тихо окликнула доктора Гладвина, но ответа не последовало. Она присела на корточках у его ног и, заглядывая в лицо, сказала:

— Доктор Гладвин, я хотела бы поговорить об одной из ваших пациенток. Вы много лет назад лечили ее. Миссис Кэллендэр. Вы помните миссис Кэллендэр с виллы Гарфорт?

Старик молчал. Корделия поняла, что ничего от него не услышит. Не стоит и переспрашивать. Миссис Гладвин встала рядом, словно приглашая весь мир полюбоваться на это чудо природы.

— Давайте, спрашивайте, что же вы! Он ведь, знаете ли, все держит в голове. Сам говорил: «Я не из тех, кто ведет истории болезней. Все в голове держу».

— А что случилось с его записями, после того как он ушел в отставку? — спросила Корделия. — Он их кому-нибудь передал?

— Да не было у него никаких записей, он и не вел их никогда, я же вам говорю. А я знать ничего не знаю. Я и парню то же самое сказала. Доктор был не прочь жениться на мне, когда ему понадобилась сиделка, но больных своих со мной обсуждать — ни божья воля. Бывало, все, что зарабатывает, пропьет подчистую, а все твердит о врачебной этике.

Горечь в ее голосе ужаснула Корделию. Она стыдилась смотреть ей в глаза. Вдруг ей показалось, что губы старика зашевелились. Она склонилась над ним, но смогла расслышать всего одно слово: «Холодно».

— По-моему, он хочет сказать, что ему холодно. Может быть, принесете еще одну шаль?

— Холодно?! Да вы поглядите, солнце какое! Всегда-то ему холодно.

— Надо укрыть его одеялом, он согреется. Вам помочь?

— Вы его лучше оставьте, мисс. Хотите ходить за ним — давайте, а я погляжу на вас, как вам понравится — подмывать его да стирать пеленки, он ведь точно ребенок, да белье менять каждое утро. Я могу принести ему еще одну шаль, только он ее сбросит, вот увидите, и пяти минут не пройдет. Он сам не знает, чего хочет.

— Простите, — беспомощно прошептала Корделия.

Можно было бы спросить миссис Гладвин, помогает ли ей кто-нибудь ухаживать за больным, приходит ли к ним патронажная сестра и хлопотала ли она о месте в больнице, но что толку спрашивать, когда и так все ясно? Она одна несла свой тяжкий крест, и отчаяние лишило ее даже сил надеяться, что ее мучения когда-нибудь кончатся.

— Извините, что напрасно побеспокоила вас. Я пойду...

Вместе они прошли через дом. Но оставался вопрос, который Корделия не могла не задать.

— Вы говорили, к вам приезжал молодой человек,— сказала она, когда подошла к воротам.— Его звали Марк?

— Марк Кэллендэр. Спрашивал про мать. А дней через десять еще один пожаловал.

— Кто?

— Важная птица, точно я вам говорю. В дом наш зашел как хозяин. Не назвался, но лицо знакомое, где-то я его видела. Сказал, мне к доктору Гладвину, и я провела его в гостиную. Подошел к доктору и говорит: «Привет, Гладвин!» — громко так, точно слуге. Потом наклонился над ним, заглянул в лицо. С минуту смотрели они друг другу в глаза, потом тот выпрямился, пожелал мне всего хорошего и ушел. И что это к нам так зачастили? Еще немного — и впору будет деньги брать за показ.

Они стояли у ворот. Корделия уже хотела попрощаться, но почувствовала, что хозяйке не хочется, чтоб она уходила. Внезапно миссис Гладвин заговорила — громко и хрипло, глядя прямо перед собой:

— Этот ваш приятель, ну, парень, что приходил... он оставил свой адрес. Сказал, если я захочу отдохнуть, он может как-нибудь в воскресенье приехать посидеть с доктором. Сказал, и поесть приготовит. У меня сестра в Хаверхилле, хочу повидаться. Передайте ему, пусть приезжает, если не раздумал.

Корделия поняла, чего ей стоило выдвигать из себя это неуклюжее, неласковое приглашение, и в порыве сочувствия сказала:

— Хотите, я приеду в воскресенье вместо него? У меня машина, мне проще сюда добираться.

Для Рональда Кэллендэра день будет потерян, но она не возьмет с него денег. И, в конце концов, даже частный детектив в воскресенье имеет право на выходной.

— Такой худышке с ним не справиться. Тут нужен мужчина. А парень, сразу видно, доктору понравился. Скажите ему, пусть приезжает.

— Он бы приехал, обязательно, я знаю. Но он не может. Он мертв.

Миссис Гладвин не проронила ни слова. Корделия тронула ее за рукав. Она не шелохнулась.

— Простите. Я пойду,— прошептала Корделия. «Может быть, я все-таки могу вам чем-нибудь помочь?» — едва не добавила она, но вовремя сдержалась. Миссис Гладвин уже ничем не поможет.

На повороте в Бари она оглянулась. Прямая, неподвижная фигура по-прежнему стояла у ворот.

Сама не зная почему, Корделия решила минут на десять остановиться в Бари и погулять в садах Аббатства. Она почувствовала, что не выдержит дороги в Кембридж, пока немного не придет в себя, и, увидев траву и цветы через большие Норманские ворота, не смогла удержаться. Она оставила машину на Холме Ангелов, садом прошла к реке и присела на берегу погреться на солнце. Кстати, ведь она потратила деньги на бензин, надо бы записать расходы в тетрадь — и Корделия полезла в сумку. Рука наткнулась на белый молитвенник; непроизвольно она вытащила его и задумалась. Попробовала поставить себя на место миссис Кэллендэр: допустим, она хочет сообщить Марку нечто важное, причем так, чтоб он обнаружил ее сообщение, а другие не обратили на него внимание. Где поместить его? Ответ оказался прост как дважды два. Конечно же, на странице с молитвой, проповедью и апостольским посланием ко дню Святого Марка. Он родился двадцать пятого апреля. Его называли в честь святого. Она быстро нашла нужное место. И в ярком, отраженном водой солнечном свете увидела то, что пропустила, наспех листая книгу. Напротив наставления об истинном вероучении, которое должно противиться ереси, была нанесена маленькая шифрованная надпись, такая нечеткая, что могла показаться грязью на бумаге. Но Корделия разглядела в ней буквы и цифры: ЭМК

АА

14.1.52

Первые три буквы, без сомнения, были инициалами матери Марка. Число наверняка указывало на день, когда она написала свое послание: миссис Годдард говорила, что Кэллендэр умерла, когда Марку было около девяти месяцев. Но что значит двойное «А»? И тут она вспомнила карточку в бумажнике Марка. Эти две буквы под инициалами могут обозначать только одно: группу крови. У Марка была группа Б. У его матери — А. Она могла желать, чтоб он узнал об этом по одной-единственной причине. Теперь оставалось только узнать группу крови сэра Рональда Кэллендэра.

Корделия быстро побежала через сад к машине. В Кембридже, немедленно в Кембридж! Хотелось петь от восторга. Она не задумывалась ни о смысле своего открытия, ни о том, насколько убедительны ее доводы. Наконец-то ей было чем заняться, наконец-то она нащупала хоть какую-то нить! Ехала быстро: во что бы то ни стало нужно попасть в город, пока не закрылась почта. Там, если ей не изменяет память, можно

приобрести список адресов и телефонов местных врачей — его выпускает муниципалитет. Слава богу, успела. Со списком в руках Корделия задумалась, откуда лучше позвонить. Она знала только один дом в Кембридже, где могла висеть на телефоне хоть три часа кряду — никто не помешает. И поехала на улицу Норич, 57.

Софи и Дэви играли в шахматы в гостиной — две головы, темная и светлая, низко склонились над доской. Просьбу Корделии воспользоваться телефоном, чтоб сделать несколько звонков, они восприняли как нечто само собой разумеющееся.

— Я, конечно, заплачу. Я себе запишу, сколько раз я звонила и как долго разговаривала.

— Вы, наверное, хотите побыть одна? — спросила Софи. — Дэви, пойдем, закончим партию в саду.

Не выказав ни малейшего любопытства (и слава богу), они аккуратно пронесли доску через кухню и поставили на столик в саду. Корделия придвинула стул к кухонному столу и, устроившись поудобнее, принялась изучать свой список. Он оказался устрашающе длинным. И ни намек, с чего начать, хотя, пожалуй, лучше сперва обзвонить врачей, которые живут и принимают больных ближе к центру города. Да, с них-то она и начнет и будет вычеркивать из списка имена после каждого звонка. Вспомнился очередной перл Многоуважаемого Старшего Инспектора: «Чтобы вести следствие, нужны терпение и настойчивость, почти упрямство». Каким же придирой и занудой он был, боже упаси от такого начальника. Теперь-то он уже старик — сорок пять, никак не меньше. Может, малость и подобрел, все-таки возраст...

Целый час она упрямо звонила — и все зря. Нет, звонки никогда не оставались без ответа: в приемной врача у телефона всегда сидит человек — спасибо и на этом. Но вежливые, грубые или устало-торопливые голоса на другом конце провода, будь то сам врач или дежурившая на телефоне медсестра, повторяли одно и то же: «Нет, сэр Рональд Кэллендэр у нас не лечится».

Но после почти семидесяти минут терпеливых бесплодных попыток ей, наконец, повезло.

— Вы, наверное, ошиблись, — у телефона была жена врача. — Семью сэра Рональда Кэллендэра лечит доктор Винаблз.

Эта была настоящая удача! В ее предварительном списке доктор Винаблз не значился, и она бы наверняка убила еще час, прежде чем добралась до его фамилии. Она быстро нашла его телефон и в последний раз набрала номер.

Трубку сняла медсестра.

— Я звоню по поручению мисс Лиминг с виллы Гарфорт, — начала Корделия заготовленную речь. — Извините за беспокойство, но не могли бы вы напомнить нам группу крови сэра Рональда Кэллендэра? В следующем месяце он едет на конференцию в Хельсинки и хотел бы знать ее заранее.

— Минуточку. — После недолгой паузы послышался звук возвращающихся шагов. — У сэра Рональда группа А. На вашем месте я бы записала. Месяц назад звонил его сын и спрашивал то же самое.

— Спасибо! Я непременно запишу. — Корделия решила пойти на риск. — Я здесь новенькая, помогаю мисс Лиминг. Она просила меня записать еще в прошлый раз, а я вот забыла. Пожалуйста, не выдавайте меня, если вдруг она вам позвонит.

На другом конце провода добродушно рассмеялись: опытная сестра простила молодую неумеху. В конце концов, ей это ничего не стоило.

— Не тревожьтесь, я вас не выдам. Я рада, что у нее наконец-то появилась помощница. Надеюсь, все здоровы?

— Да-да, все в порядке.

Корделия положила трубку. Выглянула в окно и увидела, что Софи и Дэви укладывают фигуры в коробку — они только что закончили игру. Успела. Все ясно, но все-таки надо проверить. Когда-то Берни давал Корделии почитать книгу по судебной медицине, и она кое-что помнила из теории наследственности Менделя, подробно описанной в главе об установлении личности по крови, но этого мало. Конечно, проще и быстрее всего было бы обратиться к Дэви, он знает. Но нет, нельзя раскрывать карты. Слишком все это важно. Значит надо спешить в библиотеку, скорее, пока не закрылась.

Библиотекарь, уже привыкший видеть ее ежедневно, как всегда, оказал ей необходимую помощь. Он быстро нашел нужный справочник. Догадки Корделии подтвердились полностью: у мужа и жены с первой группой крови не мог родиться ребенок со второй группой крови.

Домой Корделия вернулась, полуживая от усталости. Сколько событий за один день, сколько открытий! Подумать только, ведь и двенадцати часов не прошло с тех пор, как она отправилась на поиски няни Пилбим с неясной надеждой, что няня, если только ее удастся найти, поможет найти ключ к характеру Марка, расскажет о том, как он рос. И вдруг... Невероятно! Удачный день окрылил ее, нетерпелось продолжить

работу, но ум ее был слишком изможден, чтобы она могла распутать клубок догадок, туго свернувшийся где-то на задворках сознания. Ей пока не удалось связать между собой разрозненные факты; она еще не выработала теории, могущей разом объяснить тайну рождения Марка, ужас Изабель, причастность Софи и Хьюго, болезненный интерес мисс Марклэнд к флигелю, подозрения сержанта Маскеля, которому явно не хотелось никого подозревать, странности и неразгаданные загадки, окружавшие смерть Марка.

С энергией, которую могла дать лишь запредельная душевная усталость, она сновала по флигелю; вымыла пол на кухне, сложила дрова в камине — вдруг завтра похолодает, — прополола цветочную клумбу, потом сделала себе омлет с грибами и съела его за непокрытым скатертью столом — так, должно быть, ужинал и он. Напоследок достала пистолет из тайника и положила на прикроватный столик. Она тщательно заперла заднюю дверь и задернула занавески, еще раз проверив, на месте ли наклейки. Но кастрюлю на дверь в спальню ставить не стала. Сегодня эта предосторожность показалась ей ненужной и детской. Зажгла свечу у изголовья и подошла к окну выбрать книгу. Был безветренный вечер, душистый, недвижный воздух не колебал пламени свечи. За окном еще не совсем стемнело, но все в саду дышало покоем, лишь нарастающий шум машины вдали, на шоссе, да крик вечерней птицы временами нарушали тишину. И тут у калитки показалась смутно различимая в сумерках человеческая фигура. Это была мисс Марклэнд. Опустив руку на задвижку, женщина стояла в нерешительности, словно не знала, заходить ей или нет. Корделия скользнула в сторону и замерла, прислонившись к стене. Мисс Марклэнд стояла неподвижно, словно почуяла, что кто-то наблюдает за ней, и застыла, как испуганное животное. Пару минут спустя она отошла от калитки и скрылась меж деревьев. Корделия с облегчением выбрала одну из стоявших на подоконнике книг Марка и забралась в спальный мешок. Через полчаса она задула свечу и вытянулась в удобной позе, чтоб без сопротивления отдаться сну.

Она проснулась и мгновенно очулась ото сна. С широко открытыми глазами лежала в полутьме: время замедлило свой бег, в прозрачном воздухе таилось предвкушение нового, полного неожиданностей дня. Было слышно тиканье лежавших на прикроватном столике наручных часов; рядом с ними Корделия разглядела вселившийся в душу спокойствие неровный контур револьвера, темный цилиндр фонарика. Она лежала, вслушиваясь в ночь. Так редко доводится пробуждаться и жить в эти тихие часы, что человек вступает в них неискушенным и беззащитным, как новорожденным. Но страха не было, лишь всепоглощающий покой и легкая усталость. Ее дыхание наполняло комнату, и спокойный чистый воздух, казалось, колеблется в такт с ее легкими.

И вдруг она поняла, что же разбудило ее. К дому приближались посетители. Должно быть подсознательно, в какой-то краткий миг тяжелого сна она узнала шум подъезжающей машины. И теперь услышала скрип калитки, шелест шагов, легкий, быстрый, словно в траве пробирался к дому зверь, услышала, как кто-то переговаривается вполголоса. Выскользнув из мешка, она подбежала к окну. Стекла не мыли уже много лет. Не вымыл их и Марк: может, у него не хватало времени, а может, его устраивало, что грязь скрывает его от любопытных глаз. В отчаянии Корделия начала пальцами тереть окно, в надежде соскрести жирный, липкий налет, пока, наконец, не ощутила прохладную гладь стекла. От движения ее пальцев по стеклу возник отвратительный звук, высокий, тонкий, точно писк крысы, и такой громкий, что Корделия испугалась, как бы ее не обнаружили до времени. Прильнув к узенькой прозрачной полоске, она стала вглядываться в предрассветную полутьму сада.

«Рено» был почти не виден за высокой изгородью, но у калитки матово светилась передняя часть капота, и две лужицы света от боковых фар озаряли переулок, как две равновеликих луны. На Изабель было что-то длинное, облегающее; ее бледная фигура трепетала, как волна на черном фоне изгороди. Рядом с ней Хьюго казался лишь темной тенью, но потом повернулся, и Корделия увидела, как вспыхнула белым рубашка. Оба были в вечерних костюмах. По тропинке шли молча, у парадной двери коротко посоветовались и двинулись в сторону, намереваясь обогнуть дом.

Схватив фонарик, Корделия вскочила, бесшумно ступая босыми ногами, сбежала вниз по лестнице и бросилась стремглав через гостиную, чтобы отпереть заднюю дверь. Ключ легко повернулся в замке. Не смея дышать, она отступила назад, к подножию лестницы, в темноту. И вовремя. Дверь открылась, впустив в комнату неверный предутренний свет.

— Погоди, сейчас зажгу спички, — услышала она голос Хьюго.

Спичка зажглась, на краткий миг неярко осветив два мрачных, настороженных лица, огромные глаза Изабель, в которых застыл ужас. Погасла. Корделия услышала, как Хьюго, тихо выругавшись, стал чиркать новой спичкой о коробку. На этот раз он высоко поднял ее. Она осветила стол, и безгласный, обвиняющий крик, и молчаливого

наблюдателя у подножия лестницы. Хьюго судорожно глотнул воздух, рука дернулась, спичка погасла. И тут же раздался истошный вопль Изабель.

— Какого черта... — Голос Хьюго звенел от злости и страха.

Корделия зажгла фонарик и выступила вперед:

— Это я, Корделия.

Но Изабель уже ничего не соображала. Ее вопли становились все громче и пронзительней, и Корделия забеспокоилась, как бы ее не услышали Марклэнды. Человеческое существо не способно издавать такие звуки, то был крик обезумевшего зверя. Однако он прекратился по мановению руки Хьюго: послышался звук пощечины, потом всхлип. На секунду воцарилась полная тишина, после чего Изабель без сил повисла на шее у Хьюго и разрыдалась. Хьюго повернулся к Корделии вне себя от гнева:

— Какого черта вы это сделали?

— Что именно?

— Спрятались там, напугали ее. И вообще, что вы здесь делаете?

— А вы?

— Мы приехали забрать картину Антонелло — Изабель оставила ее у Марка, когда навещала его, — а также исцелить ее от предубеждения против этого дома. Ничего себе, исцелили! Мы были на балу в Питт-клубе. И угораздило же нас заехать сюда! Идиоты! Здесь есть что-нибудь выпить?

— Только пиво.

— Господи, Корделия, может все-таки найдется что-нибудь покрепче? Пиво ей не поможет.

— Нет, крепче ничего нет, но я сварю кофе. Зажгите камин.

Она поставила фонарь на стол и засветила лампу, привернув фитиль; потом усадила Изабель в кресло у камина.

Ее била дрожь. Корделия достала толстый свитер Марка и укутала ей плечи. Щепы быстро занялись, и вскоре в камине запылал огонь. Корделия отправилась на кухню варить кофе. Сбоку на подоконнике пристроила фонарь, так, чтобы свет падал на керосинку, зажгла более сильную конфорку, достала с полки коричневый керамический кувшин, две кружки с голубым ободком и чашку для себя. В чашку с отколотой ручкой насыпала сахар. На то, чтобы вскипятить полчайника и залить кипятком кофейные зерна ушло не более двух минут. Из гостиной доносился голос Хьюго — низкий, настойчивый, утешающий — и односложные реплики Изабель. Не дождавшись, пока кофе по-настоящему сварится, она поставила кувшин на старый жестяной поднос с обшарпанной, полустертой картинкой Эдинбургского замка и, пройдя в гостиную, устроила поднос внизу, на камине.

Трещали, разгораясь, сучья и рассыпались дождем огненных искр так, что платье Изабель вспыхивало звездным рисунком. Но вот пламя лизнуло полено потолка, и камин запылал глубоким, щедрым жаром.

Наклонившись помешать кофе, Корделия увидела, как по краю одного из небольших поленьев в отчаянной попытке спастись от огня карабкается маленький жук. Она вытащила из камина не тронутый пламенем прут и протянула жуку, чтобы помочь ему вылезти. Но это еще больше сбilo его с толку. В панике он повернул назад и быстро пополз в самое пекло; потом, сообразив, что ползет не туда, снова вернулся на прежнее место, но упал в трещину дерева. Корделия представила себе, как он падает в черную, пылающую бездну и содрогнулась. Какой ужасный конец! Подумать только, достаточно всего лишь поднести спичку к дровам, чтоб вызвать такие муки.

Она протянула Изабель и Хьюго кружки, сама же взяла чашку. Аромат свежего кофе успокаивал нервы, пахло смолой. Керосиновая лампа бросала на их лица неяркий, палевый отсвет, на кафельный пол ложились в золотистом полумраке длинные тени. Никогда подозреваемых в убийстве не допрашивали в более приятной обстановке. Даже Изабель уже не казалась испуганной. Рука ли Хьюго, обнимавшего ее за плечи, придала ей уверенности, а может, ей вернуло силы кофе, тепло и уютное потрескивание дров в камине, — но она, похоже, чувствовала себя почти как дома.

— Вы говорили, что у Изабель было мрачное предубеждение против этого дома, — обратилась Корделия к Хьюго. — Отчего?

— Ну, это вы у нас железная. А Изабель очень чувствительна.

В глубине души Корделия считала красивых женщин именно железными — иначе как им выжить? — и полагала, что, случись им с Изабель померяться силами, еще неизвестно, кто кого. Но не стоит разрушать иллюзии Хьюго. Этим ничего не добьешься. Красота хрупка, непрочна, уязвима. Чувствительность Изабель нуждается в защите. Сильные женщины могут постоять за себя сами.

— Вы утверждаете, что Изабель лишь единожды побывала в этом доме, — продолжала Корделия. — Я знаю, что Марк умер в этой комнате, но неужели вы думаете, что я верю; будто она горюет по Марку? Вы оба что-то знаете, и вам же лучше не запыряться далее, иначе я буду вынуждена доложить сэру Рональду Кэллендэру, что вы, Изабель и ваша сестра замешаны в смерти его сына, а там уж ему решать, звать ли

полицию. Я не сомневаюсь, что Изабель легко расколлет самый добрый полицейский инспектор. А вы?

Даже Корделии ее маленькая речь показалась высокопарным нравоучением, бездоказательным обвинением, пустой угрозой. Она ждала, что Хьюго сейчас опровергнет ее слова и посмеется над ней. Но он лишь посмотрел на нее долгим взглядом, словно взвешивая, можно ли ей довериться. Потом спокойно сказал:

— Неужели вы не можете поверить мне на слово, что Марк сам наложил на себя руки, и, если вы и в самом деле вызовете полицию, это решительно никому и ничему не поможет, но причинит его отцу и друзьям большое горе?

— Нет, Хьюго, не могу.

— Хорошо. Ну а если мы вам все расскажем, обещаете, что кроме вас об этом никто не узнает?

— Я могу лишь обещать поверить вам, не больше.

— Ах, да расскажи ты ей, Хьюго! — вдруг воскликнула Изабель. — Теперь уж все равно.

— По-моему, вы просто обязаны мне все рассказать, — сказала Корделия. — У вас нет выбора.

— Пожалуй. Ну что ж.

Он поставил свою кружку на камин, глядя на огонь, начал:

— Я, помнится, говорил вам, что в тот вечер, когда умер Марк, мы — Софи, Изабель, Дэви и я — ходили в Художественный театр; как вы, возможно, догадались, это было правдой лишь на три четверти. Когда я заказывал билеты, у них оставалось только три свободных кресла, и мы предназначили их тем из нас, кто действительно способен насладиться спектаклем. Изабель ходит в театр не для того, чтобы посмотреть, а скорее для того, чтоб смотрели на нее, скучает, если в пьесе меньше пятидесяти действующих лиц, так что мы решили не брать ее с собой. Такое небрежение со стороны теперешнего ее любовника вполне естественно побудило ее искать утешение у очередного.

— Марк не был моим любовником, Хьюго, — сказала Изабель со своей всегдашней безличной улыбкой. Без злобы, без обиды. Просто констатировала.

— Я знаю, Марк был романтиком. Он никогда не укладывал девицу в постель, пока не убеждался, что между ними установился подобающий личностный контакт. Может, это он, правда, по-другому называл, не знаю. По-моему, так нечестно. Мой папаша любит такие вот омерзительные, ничего не значащие фразы. Но Марк усматривал в них некий смысл. Он должен был верить, что они с девицей любят друг друга, иначе секс не приносил ему ровно никакого удовольствия. Необходимая прелюдия, как раздевание. Их отношения с Изабель, как мне кажется, не достигли должной глубины, не дошли до подлинной эмоциональной гармонии. Все это, конечно, было делом времени. Мужчины охотно впадают в самообман, когда появляется Изабель, и Марк не исключение. — Голос Хьюго дрожал от ревности.

— Марк никогда не занимался со мной любовью, Хьюго, — медленно, терпеливо, как мать, увещающая непослушное, бестолковое дитя, сказала Изабель.

— Я об этом и говорю. Бедный Марк! Он променял суть на призрак!

— Что же произошло в тот вечер?

Корделия обратилась к Изабель, но ответил Хьюго.

— Изабель приехала сюда примерно без двадцати восемь. Заднее окно было зашторено, через окно в фасаде ничего не видно, но дверь была открыта. Она вошла. Марк был уже мертв. Его тело свешивалось на ремне с крюка. Но он выглядел не так, как наутро, когда его обнаружила мисс Марклэнд.

Он повернулся к Изабель:

— Расскажи ты.

Она колебалась. Хьюго наклонился вперед и нежно поцеловал ее в губы.

— Расскажи, расскажи. В мире есть неприятные вещи, от которых все Папочкины деньги не в силах тебя укрыть, и это, голубка, одна из них.

Изабель внимательно оглядела все четыре угла комнаты, словно хотела удостовериться, что их никто не подслушивает. Радужки ее чудесных глаз в свете камина казались багровыми. Потом наклонилась к Корделии с видом сельской кумушки, смакующей последнюю сплетню. От бывшего страха не осталось и следа. Бесхитростная, примитивная душа Изабель не умела долго мучиться, ее бурные переживания были скоротечны, и успокоить ее оказалось нетрудно. Хьюго велел ей держать язык за зубами, и она хранила тайну, но теперь обрадовалась, что он разрешил ей нарушить обет молчания. Возможно, инстинкт подсказывал ей, что история, если ее рассказать, отчасти утратит свой зловещий смысл.

— Я решила поехать к Марку, — начала она, — думала, может, поужинаем вместе. Мадемуазель де Конже заболела, Хьюго и Софи ушли в театр, и мне было скучно. Я подошла к задней двери — Марк говорил, что передняя не открывается. Думала, он

в саду, но его там не было, только лопата торчала в земле да у двери стояли его сапоги. Я открыла дверь. Стучать не стала, думала, вот Марк удивится, что я приехала.

Она потупилась, не решаясь продолжать, и стала разглядывать кофейную кружку, перекатывая ее в ладонях.

— Ну а потом?

— А потом я увидела его. Он висел на ремне, ремень был привязан вот к этому крюку в потолке, и я поняла, что он мертв. Господи, Корделия, какой ужас! Он был одет в женское белье — черный лифчик и черные кружевные трусики. Больше на нем ничего не было. А лицо! Он покрасил губы, ярко-ярко так намазался, как клоун. Я не знала, кричать или смеяться. Он был сам на себя не похож. Он вообще был не похож на человека. А на столе лежали три фотографии. Гадкие фотографии, Корделия. Фотографии голых женщин.

Огромные глаза уставились на Корделию потерянно, непонимающе.

— Да не смотрите вы так, Корделия,— сказал Хьюго.— Изабель пережила тогда страшные минуты, ей и сейчас неприятно вспоминать об этом. Но такое случается нередко. Половое извращение — кстати, довольно безобидное, ведь в нем участвовал он один. Наверное, пряжка соскользнула, вот он и оказался в петле. Шансов на спасение у него не было.

— Не верю,— сказала Корделия.

— Я знал, что вы не поверите. Но это правда, Корделия. Хотите, поедем с нами, позвоним Софи. Она подтвердит.

— Мне не нужно, чтоб кто-то подтверждал рассказ Изабель. Ее слов мне вполне достаточно. И все же не могу поверить, что Марк покончил с собой.

Зря она это сказала. Надо было скрыть свои подозрения. Но сказанного не воротишь, к тому же нужно задать им несколько вопросов.

Она увидела, как потемнело лицо Хьюго: он не ожидал, что она окажется такой тупой, такой несговорчивой. Едва уловимо атмосфера в комнате изменилась. Что тому причиной — раздражение, страх, разочарование? Она обратилась прямо к Изабель:

— Вы сказали, дверь была открыта. Вы заметили ключ?

— Он торчал изнутри. Я увидела его, когда выходила.

— А занавески?

— Они были задернуты, как сейчас.

— А где была помада?

— Какая помада, Корделия?

— Помада, которой Марк покрасил губы. Ее не было в карманах его джинсов, иначе полиция обнаружила бы тюбик. Так куда же она исчезла? Вы видели ее на столе?

— На столе лежали только фотографии.

— Какого цвета была помада?

— Лиловая. Старушечьего цвета. Ни одна девушка не стала бы краситься такой.

— А нижнее белье, вы можете описать его?

— Конечно. От Маркса и Спенсера.¹ Я сразу узнала его.

— Вы хотите сказать, что узнали белье на Марке? Это было ваше белье?

Вряд ли Изабель приходилось часто покупать в универмаге Маркса и Спенсера, зато она как никакой другой свидетель обращала внимание на мелочи, особенно в одежде, и тут ее показаниям можно было доверять безоговорочно. Легко представить, какой ужас она испытала тогда, и все равно заметила, откуда белье. И уж если она говорит, что не видела помады, значит помады там не было.

— Вы до чего-нибудь дотрагивались? — неуверенно продолжала Корделия.— Трогали тело Марка, чтобы убедиться, что он мертв?

Изабель была потрясена. Она была слишком полна жизни, чтоб спокойно относиться к смерти.

— Как я могла дотронуться до Марка! Я ни к чему не притрагивалась. Я и так видела, что он мертв.

— Степенный, благоразумный, законопослушный гражданин уж, конечно, нашел бы поблизости телефон и вызвал полицию,— сказал Хьюго.— По счастью, Изабель не отягчена вышеперечисленными достоинствами. Инстинкт привел ее ко мне. Она дождалась конца пьесы и встретила нас у театра. Когда мы вышли, она вышагивала взад-вперед по тротуару на противоположной стороне улицы. Дэви, Софи и я вернулись сюда вместе с ней в ее «Рено». Мы только ненадолго заехали на улицу Норич взять фотоаппарат Дэви и вспышку.

— Зачем?

— Это я придумал. Как вы понимаете, мы не собирались трепаться и не хотели, чтоб сэр Рональд узнал, как умер его сын. Мы решили инсценировать самоубийство: умыть Марка, одеть по-человечески и оставить, пока кто-нибудь не обнаружит тело.

¹ Фирменный магазин по торговле одеждой и продовольственными товарами.

Нам и в голову не пришло сфабриковать предсмертную записку; на такой изыск у нас не хватило ни ума, ни душевных сил. Мы взяли фотоаппарат, чтоб сфотографировать его так, как он умер. Мы не знали, какой именно закон собираемся нарушить, инсценируя самоубийство, но ведь есть, наверное, закон на этот случай. В наше время нельзя оказать другу даже мелкой услуги: всегда найдется полицейский сыщик, который превратно истолкует твои действия, и тебя же еще притянут, так что нам нужна была страховка на случай неприятностей. Каждый из нас по-своему любил Марка, но все же не настолько, чтоб ради него получить срок за убийство. Как бы там ни было, нам все равно не удалось осуществить свои добрые намерения. Кто-то пришел сюда прежде нас.

— Расскажите мне об этом поподробнее.

— Рассказывать, собственно, нечего. Мы велели девушкам ждать в машине: Изабель — потому что она уже видела все и с нее было явно достаточно, Софи — потому что Изабель была слишком напугана, чтоб ее можно было оставить одну. Кроме того, мы решили не пускать Софи из уважения к памяти Марка — не нужно ей было видеть его таким. Вам не кажется странным, что люди так предупредительны к мертвым?

Думая об отце и о Берни, Корделия ответила:

— Наверное, только когда человек умирает, можно безбоязненно показывать, как он тебе дорог: он уже никогда не сможет извлечь выгоду из твоей любви.

— Цинично, но верно. Короче, нас опередили. Мисс Марклэнд на следствии подробно описала и комнату и тело; мне нечего добавить, все было именно так. Дверь незаперта, занавески зашторены. Марк висел по пояс голый, в голубых джинсах. Помада исчезла с его лица, и со стола исчезли фотографии. Но из машинки торчала предсмертная записка, а в камине появилась горка пепла. Похоже, посетитель продумал все до мелочей. Мы не стали задерживаться. В любую минуту мог прийти кто-то еще — например, Марклэнд. Было уже очень поздно, но гость к Марку шел косяком: сперва Изабель, потом неизвестный самаритянин, потом мы...

«Нет, Изабель пришла не первая,— подумала Корделия.— Прежде нее у Марка побывал убийца».

— Кто-то глупо подшутил надо мной вчера вечером,— сказала она.— Когда я вернулась от Изабель, на крюке висел диванный валик. Кто это сделал? Вы?

Нужно было быть великим актером, чтобы изобразить такое неопровержимое удивление.

— Ну конечно, нет! — воскликнул Хьюго.— Я думал, вы живете в Кембридже, откуда мне знать, что вы здесь. Да и зачем мне это?

— Чтоб отпугнуть меня.

— Но я же не сумасшедший! Даю голову на отсечение, вас это только раззадорило. Такую женщину, как вы, запугать не так-то просто. Мы хотели внушить вам, что в смерти Марка нечего расследовать. Такая шутка лишь убедила бы вас в обратном. Нет, отпугнуть вас хотел кто-то другой. Возможно, именно он и опередил нас тогда.

— Понимаю. Кто-то пошел на риск. Он не хотел, чтоб я разнюхала, как было дело. Но он мог избавиться от меня более разумным способом — открыв мне правду.

— Откуда ему знать, что вы заслуживаете доверия? Что вы теперь будете делать, Корделия, вернетесь в город?

Хьюго старался, чтоб вопрос прозвучал как бы между прочим, но в его голосе Корделия почувствовала скрытую тревогу.

— Да, наверное,— ответила она.— Надо будет поговорить с сэром Рональдом.

— И что вы ему скажете?

— Не волнуйтесь, что-нибудь придумаю.

На востоке забрезжил рассвет; дружным пением приветствовали новый день ранние птицы. Хьюго и Изабель уехали, забрав с собой Антонелло. С грустью смотрела Корделия, как картину снимают со стены, словно вместе с ней частица души Марка покидала дом. Прежде чем сунуть картину под мышку и унести с собой, Изабель внимательно осмотрела ее оценивающим взглядом профессионала. Наверное, она щедро раздавала ей принадлежавшее, будь то картины или люди, но лишь напрокат, с условием, что они будут возвращены по первому требованию и в прежнем состоянии. Хьюго медленно вывел «Рено» из тени изгороди. Корделия стояла у калитки. Из чувства приличия помахала им вслед, как измученная хозяйка, выпроваживающая засидевшихся гостей, и пошла в дом.

Без Хьюго и Изабель гостиния показалась ей пустой и холодной. Камин догорал, она поспешно запихнула туда последние поленья и стала раздувать огонь. Потом беспокойно заметалась по комнате. Ложиться спать было бессмысленно, все равно не уснет.

На душе было смутно и тягостно — и не только оттого, что не выспалась. Впервые с тех пор, как она поселилась здесь, ей было по-настоящему страшно. В мире существует зло,— внушали ей в монастыре, и теперь она знала, что это правда. Рядом с ним меркли жестокость, безнравственность, беспринципность. Зло. Она не сомнева-

лась, что Марка убили, но с какой дьявольской ловкостью! Если Изабель расскажет правду, кто усомнится, что он погиб, хоть и случайно, но по своей вине? Нет нужды вспоминать книгу по судебной медицине, и так понятно, как отнесутся к ее рассказу в полиции. Как говорил Хьюго, такие случаи не так уж редки. Сын психиатра, он слышал или читал о них. Кто еще мог знать об этом? Наверное, любой образованный человек. Но Хьюго не убивал Марка. У Хьюго алиби. Софи и Дэви... Нет, она просто отказывается верить, что они могли участвовать в таком гнусном преступлении. Как, однако, характерно, что они не позабыли захватить фотоаппарат! Дружба дружбой, но свои интересы прежде всего.

Она пошла на кухню поставить чайник, радуясь, что может хоть ненадолго избавиться от зловещего крюка в потолке. Прежде она едва замечала его, но со вчерашнего вечера не могла оторвать от него глаз. Он увеличился в размерах и, когда она смотрела на потолок, казался все больше и больше. Комната, напротив, сузилась, из храма превратилась в одиночную келью, где, как в пыточной камере, каждый предмет кричал об убийстве так, что хотелось бежать, бежать отсюда прочь. Даже в прозрачном утреннем воздухе ощущалось дыхание зла.

Пока не вскипел чайник, заставила себя продумать, что нужно сделать сегодня. Строить гипотезы было по-прежнему рано: ум ее, парализованный ужасом, был не в состоянии распорядиться новой информацией. Рассказ Изабель не пролил света на дело Марка Кэллендэра, а лишь усложнил его. Но существовали еще не выясненные факты, и она решила продолжать действовать по ранее задуманному плану. Сегодня она поедет в Лондон и ознакомится с завещанием старого Ботли, деда Марка.

Надо было как-то убить два часа до отъезда. Она решила оставить машину на вокзале в Кембридже и поехать в Лондон поездом — проще и быстрее. С раздражением думала, что придется провести в городе целый день, когда ключ к разгадке здесь, но впервые покидала флигель без сожаления. Ей было жутко, и, не зная, куда себя деть, она бесцельно переходила из комнат в комнату, бродила по саду. Скорей бы уехать, как медленно тянется время. Под конец, в отчаянии, она взяла лопату и докопала незаконченную Марком грядку. Наверное, зря: ведь прерванная работа была одной из улик. Но грядку видели и другие, в том числе сержант Маскелл, если понадобится, они подтвердят, а ей невозможно смотреть на недоделанную работу, на все торчащую из земли ручку лопаты.

Наконец настало время ехать. Утренний прогноз погоды обещал грозовые дожди на юго-востоке, и она надела костюм — теплее у нее с собой ничего не было. Последний раз она надевала его в день похорон Берни, и теперь обнаружила, что юбка стала широка в талии. Похудела. Поразмыслив, она достала из чемодана с вещественными доказательствами ремень Марка и дважды обернула вокруг талии, затянула... Нет, она не чувствовала отвращения. Разве мог испугать или расстроить ее принадлежавший ему предмет, вещь, к которой он прикасался? Сквозь тонкую ткань Корделия ощущала прохладную тяжесть крепкой толстой кожи и успокаивалась, вновь обретая уверенность в своих силах, словно ремень был таинственным талисманом.

ГЛАВА 5

Гроза разразилась, как раз когда Корделия сходила с 11-го автобуса у Сомерсет Хаус¹. Вспыхнула молния, и почти тут же ее оглушил мощный, как пушечный залп, раскат грома. Она бежала сквозь стену воды между рядами стоявших во внутреннем дворике машин, ледяные струи, как пули, отскакивали от бульжников и хлестали ее по щиколоткам. Распахнув дверь, она громко, с облегчением, рассмеялась. Ковер тут же промок от стекавшей с нее воды. Два-три посетителя оторвались от завещаний, которые изучали, и улыбнулись ей, а женщина за стойкой по-матерински оглядела ее и сочувственно зацокала. Корделия вытрясла над ковром свой пиджак и попыталась, правда безуспешно, насухо ветереть волосы носовым платком, прежде чем подойти к стойке.

Узнав, что Корделии нужно, участливая женщина показала на полки в центре зала, заставленные пухлыми томами, и объяснила, что это индекс завещаний, расположенных по фамилиям завещателей, а также в порядке поступления завещаний в Сомерсет-Хаус. Корделии осталось лишь узнать номер в картотеке и принести нужный том: они немедленно пошлют за оригиналом, и она сможет с ним ознакомиться, уплатив 20 пенсов.

Задача предстояла не из легких, так как Корделия не знала, когда умер Джордж Ботли. Наверное, поскольку дедушка оставил состояние Марку, завещание было все же написано после его рождения. Или, по крайней мере, после того, как Эвелин забеременела. Но он оставил часть своего состояния также и дочери, и оно, после ее смерти,

¹ Сомерсет-Хаус — большое здание на берегу реки Темзы; в нем размещается управление налоговых сборов, а также королевский колледж и некоторые другие государственные учреждения.

перешло к мужу. Скорее всего старый Ботли умер прежде дочери, иначе он наверняка написал бы новое завещание. Корделия решила начать поиски с 1951 года — года рождения Марка.

Она оказалась права. Джордж Альберт Ботли умер 26 июля 1951 года, через три месяца и один день после рождения Марка и всего через три недели после того, как оставил завещание. Скончался скоропостижно? Или знал, что умирает, и поторопился с завещанием? Он оставил состояние в три четверти миллиона фунтов. Интересно, как ему удалось нажить такие деньги? Она передала толстый том через стойку, клерк выписал на белый бланк инвентарный номер и указал Корделии дорогу к кассе. После того, как она оплатила, на ее взгляд, весьма небольшую сумму, ей в считанные минуты принесли оригинал, и вот она уже сидит за столом у окна и при свете настольной лампы изучает завещание.

После рассказа няни Пилбим у нее осталось крайне неприятное впечатление о Джордже Ботли, и, надо сказать, ознакомившись с его последней волей, она лишь утвердилась в своем мнении. Она боялась, что документ окажется длинным, сложным и ей будет трудно его понять, но он был на удивление коротким, простым и ясным. Мистер Ботли распорядился продать все свое имущество, не желая, «чтобы родные и близкие перегрызлись из-за старого хлама». Он оставил скромные суммы работавшим у него в то время слугам, но Корделия обратила внимание, что садовник не был упомянут в завещании. Половину состояния, свободного от долгов и завещательных отказов, он передавал своей дочери в полное, безраздельное владение, «коль скоро она сумела доказать, что хоть чем-то похожа на нормальную женщину». Оставшуюся половину должен был получить его любимый внук Марк Кэллендэр по достижении двадцатипятилетнего возраста, «ибо если к этим летам он не научится ценить деньги — по крайней мере, будет уже достаточно взрослым, чтоб никто не смог злоупотребить его доверчивостью». Доход с капитала мистер Ботли завещал шести родственникам, с некоторыми из которых состоял, по-видимому, в очень дальнем родстве. Завещанием утверждалась доверительная собственность; в случае смерти одного из сонаследников, его доля распределялась между оставшимися в живых. Завещатель был уверен, что подобное распоряжение пробудит у сонаследников живейший интерес к здоровью друг друга, равно как и к своему собственному; желая непременно пережить других, кое-кто, возможно, станет знаменитым на весь мир долгожителем — а ведь в наш век нелегко добиться известности. Если Марк не доживет до двадцати пяти лет, доверительная собственность просуществует до смерти всех сонаследников, после чего капитал будет распределен между внушительным числом благотворительных организаций, выбранных, как могла заметить Корделия, не потому, что завещатель был озабочен их дальнейшим процветанием в силу личных симпатий, но скорее потому, что они были широко известны и успешно вели дела. Похоже было, что мистер Бетли попросил адвокатов представить ему список наиболее надежных благотворительных учреждений: ему было все равно, что станет с его состоянием, если умрет его внук. Это было странное завещание. Мистер Ботли ничего не оставил зятю, хотя его, по-видимому, не тревожило, что муж может стать наследником его слабой здоровьем дочери. В чем-то это было завещание игрока, и Корделия вновь задумалась, как же мистер Ботли нажил свое состояние. Завещатель цинически издевался над наследниками, но был справедлив и щедр. В отличие от иных богачей, ни в коем случае не желающих отдать в немилые руки ни пенса, мистер Ботли не пытался следить за своими огромными деньгами из могилы. И дочь, и внук вольны были делать с наследством все, что им вздумается. Любить мистера Ботли было невозможно, но он вызывал невольное уважение. Его завещание преследовало предельно ясные цели. Смерть Марка не могла быть выгодна никому, кроме уважаемых благотворительных учреждений.

Корделия законспектировала основные пункты завещания, больше следуя советам Берни о необходимости вести тщательную документацию, чем из боязни их забыть, вложила в тетрадку квитанцию об уплате двадцати пенсов, на странице расходов записала цену дешевого билета до Лондона и обратно, прибавила стоимость проезда на автобусе и вернула завещание клерку. Ливень кончился быстро. Солнце уже сушило окна, на омытом дождем дворике блестели лужи. Корделия решила провести остаток дня в конторе, а с сэра Рональда взять не пять, а два с половиной фунта. Может быть, пришли письма. Возможно даже, ее ждет новое дело.

Решение оказалось ошибочным. Контора показалась ей еще более убогой, чем в день отъезда. После свежего запаха озона было особенно противно вдыхать кислый воздух комнат. Мебель покрылась толстым слоем пыли, а кровавое пятно на ковре зловеще побурело. В почтовом ящике ничего не было, кроме счетов за электричество и из магазина канцелярских принадлежностей.

Корделия выписала чек за электричество, вытерла пыль и предприняла очередную обреченную попытку очистить ковер. Потом заперла контору и пешком пошла на Трафальгарскую площадь искать утешения в Национальной галерее.

Поезд отходил в шесть шестнадцать, так что домой она добралась только около

восьми. Оставив «Мини», как обычно, в рощице, она обошла дом кругом, с минуту поколебалась, забирать ли оружие из тайника, но потом решила, что с этим можно и подождать. Она была голодна и перво-наперво решила приготовить поесть. Утром, прежде чем уехать, она тщательно проварила, заперта ли задняя дверь, и наклеила на окна полоски скотча, чтобы тайный посетитель не застал ее врасплох. Клейкая лента оставалась на месте. Она нашарила в сумке ключ и, наклонившись, вставила его в замок. Вне дома Корделия чувствовала себя в полной безопасности. Лишь за полсекунды до нападения она почувствовала приближение врага, но поздно. На голову упало одеяло, шею захлестнула проволока, и рот и ноздри закрыла горячая, липкая шерстяная маска. Она открыла рот, чтобы вдохнуть, и языком ощутила сухие пахучие волокна. Грудь пронзила жгучая боль, и все погрузилось во тьму.

Очнувшись. Одеяло сорвали. Неужели свобода? Но то была лишь короткая передышка. Она так и не увидела своего врага. Глоток пьянящего, живительного воздуха, быстрый, едва осознанный промельк золотистого неба сквозь листву — и, потерянная, беспомощная, она летит вниз, в холодную тьму. Может быть, это сон? В детстве ей, случалось, снились такие кошмары. Она сильно стукнулась о воду, и ледяные пальцы потащили ее в водоворот ужаса. Инстинктивно она закрыла рот... Потом была отчаянная, долгая борьба — выбраться, во что бы то ни стало выбраться из бесконечной, холодным обручем сжимающей тело черноты. Вынырнув, она встряхнулась и, как ни щипало глаза, заставила себя посмотреть наверх. В конце длинного черного тоннеля над ее головой светилась голубая луна. Но тут крышка колодца медленно поползла назад, луна уменьшилась вдвое, превратилась в ущербный месяц, пока, наконец, не осталось ничего, кроме восьми тоненьких лучиков света.

Она попыталась нащупать дно. Дна не было. Усилием воли заставляя себя не поддаваться панике, лихорадочно шарила по стенам колодца — может, рука наткнется на выступ, куда можно поставить ногу. Тщетно. Кирпичная кладка, гладкая, скользкая от влаги, обступала со всех сторон, точно ее заживо замуровали в круглой башне-гробнице. Корделия все смотрела вверх, а стены колодца извивались, вибрировали, волнообразно расширялись и кружились, словно желудок чудовищной змеи.

И тогда спасительный гнев снизошел на нее. Нет, она не позволит себя утопить, не погибнет, одинокая, дрожащая, в этом ужасном месте. Колодец глубок, но узок, чуть больше метра в диаметре. Главное, не терять голову и не спешить, можно упереться в стены колодца руками и ногами, ничего, вылезет.

Во время падения она не ушиблась о стены колодца, не потеряла сознания. Чудом не сломала себе шею, не потеряла рассудок. Она живучая. Выкарабкается и на этот раз.

Она легла на спину и, плечами прижавшись к холодным стенам, раскинула руки и попыталась втиснуть локти в промежутки между кирпичами. Сбросила туфли и уперлась ступнями в противоположную стену. И тут почувствовала, что прямо под водой один кирпич чуть выдается вперед. Она уцепилась за него. Не слишком надежная опора, но для начала и это неплохо. Теперь она могла приподняться над водой и хоть ненадолго снять напряжение с мышц спины и бедер.

И начался долгий путь наверх. Сперва она одну за другой передвигала ноги, потом подтягивала туловище. Ступни скользили, каждый дюйм отзывался резкой болью. Кирпич... еще кирпич... Она заставляла себя не смотреть ни вниз, ни наверх, лишь, не отрывая глаз от полукруглой стены, считала кирпичи. Сколько времени прошло? Она не могла разглядеть цифр на часах Берни, хотя тикали они неестественно громко, как настоящий метроном, считающий удары ее бешено колотившегося сердца, каждый хрипкий, свистящий выдох. Боль в ногах становилась все нестерпимей, теплая жидкость приятно щекотала спину — Корделия знала, это кровь. Только не смотреть ни вниз, ни наверх, где все шире становится тонкая полоска света. Если хочет выжить, надо вложить всю энергию в следующий мучительный дюйм.

Прошла вечность. Господи, когда же это кончится? Так, наверно, корчатся в тяжелых родах. Спускались сумерки. Полоска света на крышке колодца сделалась шире, но бледней. Она попыталась уговорить себя, что ей было вовсе не трудно карабкаться наверх. Просто одиноко и страшно, вот и устала. Если бы такое нужно было проделать в школьном спортзале, она бы справилась без труда. В памяти возникли утешительные образы — брусья, маты, гимнастический конь, пятый класс, скандирующей: «Ма-ла-дец! Ма-ла-дец!» Вот и сестра Перепетуя пришла. Но отчего же она не смотрит на Корделию? Почему отвернулась? Корделия окликнула ее, женщина медленно обернулась и улыбнулась ей. Только это не сестра Перепетуя. Это мисс Лиминг усмехается из-под белой вуали, прикрывающей впалье, бледные щеки.

И тут, когда стало ясно, что она не в силах двигаться дальше, ей открылся путь к спасению. Невысоко над головой она увидела нижнюю ступеньку короткой деревянной лестницы. Она сперва подумала, что грезит, что это мираж, порожденный усталостью и отчаянием. На несколько минут она закрыла глаза, губы ее шевелились. Потом открыла их вновь. Лестница не исчезла и, хотя Корделия с трудом могла разглядеть ее в угасающем свете, лестница показалась ей крепкой, надежной. Она подняла к ней

бессильные руки, зная, что не дотянется. Лестница спасла бы ей жизнь, достань у нее сил доползти до нее. Силы иссякли.

Именно тогда она вспомнила о ремне. Дотронулась рукой до тяжелой медной пряжки, расстегнула ее. Длинная кожаная змея сползла с талии. Первые три попытки окончились неудачей — металл лишь оцарапал дерево. На четвертый раз ей, наконец, удалось перебросить конец с пряжкой через нижнюю ступеньку. Когда пряжка опустилась настолько, что Корделия смогла достать до нее рукой, она застегнула ремень. Получилась крепкая петля. Она потянула ее к себе, сперва легонько, потом сильнее, пока не повисла на ремне всей тяжестью, и почувствовала несказанное облегчение. Оперлась на кирпичную кладку, собирая силы перед последним, триумфальным восхождением. И тогда случилось непредвиденное: гнилая ступенька с треском надломилась, оторвалась и полетела вниз, едва не обрушившись ей на голову. Прошло несколько долгих минут, прежде чем послышался далекий всплеск и эхом загудел в каменной трубе колодца.

Она расстегнула ремень и попробовала снова. Следующая ступенька висела на полметра выше, и добросить до нее пряжку было еще трудней. Даже небольшое усилие теперь давалось Корделии тяжело, и она решила немного перевести дух. Каждый неудачный бросок истощал силы, и все трудней становилось повторить его. Она не считала, сколько сделала неудачных попыток, прежде чем, наконец, пряжка перелетела через ступеньку. Когда пряжка оказалась в пределах досягаемости, Корделия обнаружила, что едва может застегнуть ремень. Следующая ступенька слишком высоко. Если эта обломится — конец.

Но ступенька выдержала. Полчаса прошли как в тумане, но все же она доползла до лестницы и пристегнулась к опорным стойкам. И в первый раз почувствовала себя в безопасности. Пока лестница держится, она может не бояться упасть. На короткое время она позволила себе отключиться. Потом вновь пришла в себя после чудесного забытья и начала обдумывать дальнейшее. Тяжелую деревянную крышку ей, понятное дело, одной не сдвинуть. Она уперлась в нее обеими руками, но крышка не поддавалась, а ее вогнутая форма не позволяла навалиться плечом. Остается надеяться на постороннюю помощь, но до утра помощи ждать нечего. Может статься, и утром никто не придет, подумала она. Но тут же отогнала от себя неприятную мысль. Рано или поздно во флигель наведается мисс Марклэнд. Кто-нибудь придет и спасет ее. Привязанная к лестнице, она сможет продержаться несколько дней. Даже если потеряет сознание, все-таки не исключено, что ее найдут живой. Мисс Марклэнд знает, что она живет во флигеле, там остались ее вещи. Мисс Марклэнд придет.

Но как привлечь внимание? В щель между досок можно просунуть что-нибудь твердое, например, пряжку, надо только затянуться потуже. Но это — завтра. Сейчас у нее ни на что не хватит сил. Сейчас ей надо расслабиться и уснуть, пока не явится спаситель.

И тут ужас охватил ее. Нет, ей не дожидаться спасения. Кто-то тайно, бесшумно прокрадется к колодцу под покровом ночи. Но это будет ее убийца. Он должен вернуться, так задумано. Он вовсе не глуп. И вернется сегодня же — отодвинуть крышку колодца. Завтра или через несколько дней сюда забредет мисс Марклэнд и обнаружит, что случилось. И никто не докажет, что Корделия упала в колодец не случайно. Припомнились слова сержанта Маскелла: «Подозрения мало, убеждает лишь то, что можно доказать». Но у кого на этот раз возникнут подозрения? Молодая, порывистая, чрезмерно любопытная женщина живет во флигеле без ведома владельца. Решила исследовать колодец. Сорвала замок, сдвинула крышку при помощи веревки, которую убийца оставит на видном месте и, поддавшись искушению, стала спускаться вниз по лестнице, пока последняя ступенька не подломилась у нее под ногами. На лестнице будут обнаружены только ее отпечатки пальцев, если кто-нибудь вообще удосужится их снимать. Вряд ли кто увидит, как возвращался ее убийца — место безлюдное. Скоро, очень скоро послышатся его шаги, его тяжелое дыхание и на месте отодвинутой крышки покажется его лицо.

После того, как утих первый страх, Корделия решила ждать смерти без борьбы. Чувствуя, что обречена, она даже успокоилась. Она была пристегнута к опорным стойкам, как готовая к закланию жертва; временами впадала в короткое забытие и молила бога, чтоб он лишил ее сознания, когда вернется нанести последний удар убийца. Ей уже не хотелось знать, кто он. Она не унижится перед ним, не станет просить сохранить ей жизнь, не будет молить о пощаде человека, который задушил и повесил Марка. Она знала: пощады не будет.

Но когда крышка медленно пошла в сторону, она была в сознании. Над ее склоненной головой забрезжил свет. Щель все расширялась. И тогда она услышала голос, голос женщины, низкий, настойчивый, звеневший от ужаса:

— Корделия!

Она посмотрела наверх. У края колодца на коленях стояла мисс Марклэнд; ее

бледное лицо казалось огромным, лишенным тела, точно призрак в кошмарном сне, и в глазах застыл такой же дикий страх, как в глазах Корделии.

Через десять минут Корделия уже лежала в одном из кресел у камина и не могла унять дрожь. Тонкая блузка прилипла к ободранной спине, и каждое движение причиняло боль. Мисс Марклэнд разожгла камин и теперь варила кофе. Корделия слышала, как она ходит взад-вперед по маленькой кухне, чувствовала запах включенной на полную мощность керосинки, и вскоре до нее донесся бодрящий аромат. Привычная обстановка и эти звуки, такие знакомые, должны были бы успокоить ее, но сейчас она сгорала от нетерпения остаться одной. Скоро вернется убийца. Он должен вернуться, и когда это произойдет, Корделия встретит его у колодца. Мисс Марклэнд принесла две кружки кофе и вложила одну в дрожащие руки Корделии. Тяжело поднялась наверх, спустилась со свитером Марка и укутала девушке плечи. Ужас покинул ее; она была возбуждена, как молодая девушка, которой не терпится поведать о первом любовном опыте. В глазах светилось безумие, все тело трепетало от предвкушения. Усевшись прямо напротив Корделии, она вперила в нее цепкий, вопрошающий взгляд.

— Как это случилось? Вы должны мне рассказать.

Но Корделия, слава богу, сохранила способность соображать.

— Не знаю. Я упала в воду, а что было дальше, не помню. Наверное, решила обследовать колодец и потеряла равновесие.

— Но крышка! Крышка была на месте!

— Я знаю. Наверное, кто-то закрыл колодец.

— Зачем? И кто мог прийти сюда?

— Откуда мне знать. Видно, кто-то увидел крышку не в порядке и решил вернуть ее на место.— И добавила более мягко: — Вы спасли мне жизнь. Как вы заметили, что случилось?

— Я пришла во флигель посмотреть — может, вы уехали. Я и раньше заходила, но не застала вас. На тропинке лежал моток веревки — наверное, вашей,— и я об него споткнулась. Тут я заметила, что крышка немного сдвинута, а замок сорван.

— Вы спасли мне жизнь,— вновь повторила Корделия.— Но теперь, прошу вас, уйдите, оставьте меня. Мне уже лучше, честно, я хорошо себя чувствую.

— Но не настолько, чтоб оставить вас одну. А этот человек — тот, что закрыл колодец крышкой,— ведь он может вернуться. Здесь, видно, всякие ходят, а вы одна. Не дело это.

— Поверьте, мне ничего не угрожает. Кроме того, у меня пистолет. Просто мне надо отдохнуть. Пожалуйста, не волнуйтесь за меня! — в отчаянии взмолилась Корделия. Она была близка к истерике. Но мисс Марклэнд, казалось, не слышала. Она вдруг опустилась перед Корделией на колени и страстно, взволнованно начала изливаться ей душу. Она рассказала девушке свою жуткую историю — о том, как ее сын, четырехлетний ребенок, которого она родила от возлюбленного, пролез через изгородь и утонул в колодце. Корделии захотелось спрятаться от этих безумных глаз. Наверняка мисс Марклэнд сочиняет. Она сошла с ума. А если не сочиняет, то это так немислимо, так ужасно, что она просто отказывается слушать. Настанет день, когда она вспомнит все, каждое слово, станет думать о ребенке, его последнем страхе, представит, как в отчаянии он зовет мать, и вода — холодная, безжалостная — смыкается над его головой. Его муки будут являться ей в кошмарных снах, и она вновь переживет свои собственные муки. Но это будет потом. В потоке покаянных фраз Корделия уловила нотку облегчения. Мисс Марклэнд спасла Корделию и чувствовала, что теперь освободилась от проклятья. Жизнь за жизнь. И тут у Корделии лопнуло терпение.

— Хватит! Хватит! — грубо оборвала она мисс Марклэнд.— Вы спасли мне жизнь, я ваша вечная должница, но избавьте меня от ваших излияний. Оставьте меня. Ради бога, уходите!

Всю жизнь Корделия будет помнить лицо этой женщины, ее молчаливый уход. А сейчас она даже не обратила внимания, как та исчезла, бесшумно прикрыв за собой дверь. Наконец-то одна!

Дрожь унялась, но она все никак не могла согреться. Поднялась наверх, натянула брюки, надела свитер Марка. Теперь никто не увидит кровавых пятен на блузке. Ей сразу стало теплее. Она быстро собрала патроны, взяла фонарик и вышла через заднюю дверь. Пистолет был там, где она его оставила,— в дупле дерева. Она зарядила его; тяжесть оружия придавала храбрости. Потом спряталась в кустах и стала ждать.

В темноте было невозможно разглядеть циферблат наручных часов, но пришлось неподвижно простоять в своем укрытии не менее получаса, прежде чем она услышала, как по переулку движется машина. Корделия затаила дыхание. Шум мотора нарастал, потом стал тише, еще тише. Машина не остановилась. Обычно с наступлением темноты движение в переулке замирало. Кто бы это мог быть? Она глубже спряталась в тени старого куста, прислонилась к толстой ветке. Она так крепко сжимала пистолет, что

заныло правое запястье. Корделия переложила пистолет в другую руку и стала разминать кисть и затекшие пальцы.

Она ждала. Время остановилось. В саду было тихо, лишь маленький ночной зверек прошуршал в траве быстрыми лапками да один раз дико ухнула сова. И тут в отдалении она снова услышала шум мотора. На этот раз он не приблизился: водитель остановил машину на дороге.

Она взяла пистолет правой рукой, левой придерживая дуло. Как громко колотится сердце! Оно может выдать ее. Тонко скрипнула калитка. Или ей кажется? Но звук приближающихся шагов она узнала безошибочно. А вот и он — коренастый, широкоплечий, темный. Он шел прямо на нее, и она увидела свою сумочку у него на плече. Это еще зачем? Она совсем забыла о сумке. Ах, вот оно в чем дело, он обыскал ее и теперь принес обратно: сумку должны найти в колодце вместе с телом. Он приближался — медленно, на цыпочках, раскорячив длинные, обезьяньи руки — ни дать, ни взять ковбой перед дракой. У края колодца остановился и начал озираться по сторонам; лунный свет выхватил из темноты яркие белки его глаз. Потом наклонился и в траве нашарил моток веревки. Корделия положила моток туда, где нашла его миссис Марклэнд, но что-то все же изменилось в нем, может, он был чуть иначе свернут, и убийца насторожился. Он выпрямился и с минуту стоял в нерешительности с веревкой в руке. Корделия старалась не дышать. Казалось, он вот-вот услышит, почует или увидит ее; он так похож на хищника, что звериным инстинктом должен в темноте обнаружить врага. Но вот он снова наклонился и продел веревку в железный обруч.

Ее час настал. Она шагнула из темноты. В руке у нее был пистолет, и она держала его крепко и прямо, как учил Берни. Мишень на этот раз была совсем близко. Она знала, что не станет стрелять, но теперь понимала, что может побудить человека к убийству. И громко произнесла:

— Добрый вечер, мистер Ланн.

Она так и не узнала, видел ли он пистолет. Но никогда не забудет его лица, на краткий миг освещенного выплывшей из-за облака луной: перекошенный от страха рот, и ненависть, и отчаяние... Он хрипло вскрикнул, швырнул наземь веревку и сумочку и побежал через сад, не разбирая дороги. Она побежала за ним — зачем? Она толком не знала, знала только, что ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он приехал на виллу Гарфорт раньше нее. Пистолет еще не выстрелил ни разу.

Но у него, как оказалось, было преимущество. Выбежав из ворот, она увидела, что он оставил машину впереди, метрах в пятидесяти от виллы Марклэндов, и не выключил мотор. Она было бросилась за ним, но поняла, что это бесполезно. Догнать его можно только на машине. Она рванула вниз по переулку, на ходу шаря в сумочке. Записная книжка и молитвенник исчезли, но ключи, слава богу, оказались на месте. Она открыла «Мини», быстро села за руль и на бешеной скорости выехала на дорогу. Впереди, метрах в ста, светились фары черного фургона. Она не знала, каковы его возможности, но, скорее всего, у «Мини» мотор мощнее. Корделия нажала на педаль акселератора и начала преследование. Выехала на параллельную дорогу. Фургон был впереди, и расстояние между ними не сокращалось. Вот он свернул направо, на несколько секунд она потеряла его из виду. Сейчас, наверное, подъезжает к Кембриджскому шоссе. Она еще не доехала до перекрестка, как услышала взрыв, от которого задрожали заборы и затряслась маленькая машина. Корделия вцепилась в руль, резко затормозила и побежала к перекрестку. Впереди сотнями огней светилось Кембриджское шоссе. Из каждой машины выскакивали люди и бежали к многотонному грузовику, перегородившему дорогу. Его передние колеса расплющили фургон, как игрушку. Пахло бензином, хрипло кричала женщина, отовсюду был слышен визг тормозов. Корделия медленно подошла к грузовику. Водитель все еще сидел за рулем, тупо уставившись перед собой, на лице застыло угрюмо-сосредоточенное выражение. Люди орали на него, негодуяще размахивали руками. Он не двигался.

— У него шок. Надо вытащить его из кабины,— сказал мужчина в толстом кожаном пальто и защитных очках.

Из толпы вышли трое, дружно навалились, крикнули от натуги и вынесли из машины неподвижного, как манекен, водителя. Колени не разгибались, растопыренные руки сжимали огромный руль. Склоненные спины троих сомкнулись над ним, оберегая от любопытных глаз.

Разбитый фургон кольцом обступила толпа. Вспыхивали и гасли кончики сигарет, на секунду высвечивая дрожащие руки и округлившиеся от ужаса глаза.

— Он мертв? — спросила Корделия.

— А как по-вашему? — вопросом на вопрос ответил мужчина в защитных очках.

— Кто-нибудь вызвал скорую? — послышался взволнованный девичий голос.

— Вызвали, вызвали. Тот парень, что приехал на «Кортине», побежал звонить.

Люди стояли в нерешительности. Девушка и юноша, к которому она прижималась, собрались уходить. Остановилась еще одна машина. Сквозь толпу пробирался высокий мужчина. Корделия услышала громкий, властный голос:

— Я врач. Кто-нибудь вызвал скорую?

— Да, сэр,— почтительно ответили ему.

Толпа расступилась, чтобы пропустить специалиста. Он повернулся к Корделии, наверное, потому, что она стояла ближе всех, и сказал:

— Если вы, барышня, не видели, как произошла катастрофа, лучше ступайте своей дорогой. А вы все отойдите. Вам тут делать нечего. И потушите сигареты!

Осторожно ступая, как выздоравливающий больной, который заново учится ходить, Корделия медленно побрела к машине. По обочине объехала место катастрофы и вывела «Мини» на шоссе. Слышался нарастающий вой сирен. Когда же свернула с магистрали, боковое зеркальце вдруг полыхнуло заревом, до нее донесся далекий гул, в унисон застонала толпа, пронзительно, коротко вскрикнула женщина... Над дорогой поднялась огненная стена. Доктор предупредил их слишком поздно. Фургон горел. Теперь Ланну конец. Впрочем, он и так был обречен.

Корделия ехала, не разбирая дороги. Проезжавшие мимо машины сигналили ей, мигали фарами, а один замедлил ход и грубо выругался. Увидев ворота, она заехала в них и выключила мотор. Стояла полная тишина. Ее влажные руки дрожали. Она вытерла их носовым платком и положила на колени, чувствуя, что они более не повинуются ей. Она не заметила, как мимо проехала машина, и затормозила невдалеке. В окне возникло лицо мужчины. Язык у него заплетался, но он все же пытался с ней заигрывать. От него разило перегаром. Корделию передернуло от отвращения.

— Вам помочь, мисс?

— Не надо. Я просто остановилась отдохнуть.

— Отлично, лапочка, отдохнем вместе.— И он взялся за ручку двери. Корделия выхватила из сумочки пистолет и сунула ему под нос.

— Он заряжен. Убирайтесь, или я буду стрелять,— процедила она и сама содрогнулась от жестокости своей угрозы.

Бледное, потное лицо от испуга совсем утратило человеческие очертания, челюсть отвисла.

— Простите, мисс,— ошарашенно забормотал он, отступая,— ошибочка вышла, не сердчайте.

Корделия подождала, пока его машина скрылась из виду, и завела мотор. Но нет, она не может ехать дальше, нет сил. Она снова выключила мотор. Вдруг нахлынула такая усталость и так захотелось измученной душой и истерзанным телом отдаться во власть бесшумному, сулящему блаженство потоку, что, не в силах противиться, Корделия уснула, уронив голову на руль.

ГЛАВА 6

Долго спать Корделии не пришлось. Она не знала, что ее разбудило — свет ли фар скользнул по глазам или же само подсознание отмерило всего полчаса, чтобы она смогла завершить начатое, прежде чем усталость вновь смежит ей веки. Она выпрямилась и тотчас же почувствовала болезненное покалывание в затекших мышцах. Спина зудела под коркой засохшей крови. Извилисто убегавшая вперед дорога казалась липкой в свете фар. Густой ночной воздух жарко дышал ароматами дня. Но тело Корделии, скованное знобкой ломотой, благодарно нежилось в тепле свитера Марка. Только сейчас — в первый раз с тех пор, как надела, она увидела, что он темно-зеленый. Странно, что она не замечала этого раньше.

Остаток пути вела машину как новичок — вцепившись в руль, нога на тормозе, прямая спина — и не сводила глаз с дороги, пока, наконец, не подъехала к воротам виллы Гарфорт. В зыбком свете фар закрытые ворота, казалось, стали выше, а узоры на них — причудливей. Корделия выскочила из машины и бросилась к ним, моля бога, чтобы они оказались не заперты. Путь ей преградила тяжелая железная щеколда, но после нескольких отчаянных рывков она поддалась, и ворота беззвучно распахнулись внутрь.

Машин на подъездной аллее не было, и Корделия поставила «Мини» рядом с домом. Окна были темны, и только сквозь открытую парадную дверь струился мягкий, гостеприимный свет. С пистолетом в руке Корделия бесшумно вошла в холл. Она устала еще больше, чем когда пришла сюда впервые, но сегодня словно заново увидела виллу Гарфорт, напряженными нервами вбирая каждую мелочь. В холле было пусто, воздух застыл в предчувствии грядущего. Казалось, дом ждет ее. В нос ударил знакомый аромат роз и лаванды; она заметила, что лавандой пахнет огромная китайская ваза на столике сбоку. Как и в прошлый раз, настойчиво тикали часы, но лишь сегодня она обратила внимание на изящный резной корпус, замысловатые завитки и спирали на циферблате.

С пистолетом в руке Корделия стояла посреди холла и смотрела вниз. Ее шатало.

Перед глазами кружился пестрый рисунок ковра — коричневато-зеленые, голубые, малиновые геометрические фигуры, каждая напоминала коленопреклоненную тень. Так и тянет опуститься на колени. Может, это восточный коврик для намаза?

В оцепенении она наблюдала, как по лестнице тихо спустилась мисс Лиминг в длинном, до щиколоток, красном шелковом понюждаре, подошла к ней и решительно взяла пистолет. Лишь почувствовав легкость в безвольно повисшей руке, девушка поняла, что у нее отобрали оружие. Впрочем, не важно. Все равно ей никогда не защитит себя с его помощью, никогда не выстрелит в человека. Она поняла это, преследуя смертельно напуганного Ланна.

— Здесь вам ничто не угрожает, мисс Грэй, — сказала мисс Лиминг.

— Я приехала отчитаться перед сэром Рональдом. Где он?

— Там же, где в прошлый раз, — в кабинете.

Как и тогда, сэр Рональд сидел за письменным столом с диктофоном в правой руке и что-то наговаривал. Увидев Корделию, он выключил диктофон и выдернул вилку из розетки. Потом вернулся к столу. Они сели друг напротив друга. Круг света от настольной лампы высвечивал его сплетенные пальцы. Он поднял глаза, и она едва не вскрикнула от ужаса: перед ней сидел живой мертвец — такие лица порой причудливо отражаются в грязных окнах ночных поездов. Не изменился лишь голос.

— Полчаса назад я узнал, что умер Крис Ланн. Он был лучший мой лаборант. Я забрал его из приюта 15 лет назад. Родителей своих он не знал. Трудный подросток: имел судимость, получил срок условно. В школе им не занимались. Но естественником Ланн был первоклассным. Получи он образование, смог бы работать не хуже меня.

— Почему же вы не дали ему возможность учиться и проявить себя?

— Мне он был полезнее как лаборант. Да, он мог бы стать не хуже меня. Ну и что? Знаете, сколько их, таких ученых? А вот лаборантов, как Ланн, больше нет. Волшебник. Он равнодушно посмотрел на Корделию.

— Вы, как я понимаю, пришли сообщить о результатах работы. Уже очень поздно, мисс Грэй, я устал. Может, отложим до завтра?

Он почти умолял. Но Корделия была непреклонна:

— Нет, — сказала она, — я тоже устала. Но я хочу закончить дело сегодня, сейчас.

Он взял со стола нож из слоновой кости и попытался уравновесить в таком положении.

— Тогда, ответьте, почему мой сын покончил с собой? Насколько я понимаю, вам есть что рассказать. Едва ли вы стали бы врывать сюда в столь поздний час без важных новостей.

— Ваш сын не покончил с собой. Он был убит человеком, которого хорошо знал, без колебаний впустил в дом. Человек этот пришел подготовленным. Он задушил Марка веревкой или подушкой, а потом повесил на ремне. В довершение, убийца покрасил ему губы, надел на него женское нижнее белье, а на столе разбросал порнографические фотографии. Убийство должно было выглядеть как случайная смерть во время сексуального эксперимента — такие случаи не так уж редки.

На полминуты в комнате воцарилось молчание.

— Кто же убил его, мисс Грэй? — холодно осведомился сэр Рональд.

— Вы. Вы убили своего сына.

— Интересно. И зачем же мне понадобилось убивать его? — вопрошал сэр Рональд, словно неумолимый экзаменатор.

— Марк узнал, что ваша жена ему не мать и что деньги, оставленные ей и ему дедом, получены обманным путем. Он не хотел больше ни дня пользоваться этими деньгами, равно как и получать наследство через четыре года. Вы боялись, что он может обнародовать свое открытие. Как бы в таком случае поступили в Фонде Уолвингтона? Если бы правда выплыла наружу, они бы не дали вам ни пенни. Под угрозой оказалось будущее вашей лаборатории. Вы не могли рисковать.

— Кто же, в таком случае, снова раздел его, напечатал эту предсмертную записку, смыл помаду с лица?

— Я догадываюсь, кто, но вам не скажу. Вы ведь именно за этим меня наняли — чтобы узнать, кто это сделал, верно? Эта загадка не давала вам покоя. Но Марка убили вы. Вы даже позаботились об алиби — на тот случай, если оно понадобится. Вы велели Ланну позвонить вам в колледж и назваться вашим сыном. Полностью положиться вы могли только на него. Не думаю, чтобы вы открыли ему правду — он был всего лишь лаборант. Но ему и не нужно было ничего объяснять: он слушался вас, как верный пес. Вы подготовили себе алиби, но воспользоваться им не решились, поскольку точно не знали, когда было обнаружено тело Марка. Если его нашли и переодели прежде, чем вы якобы говорили с ним по телефону, ваше алиби лопнуло бы, как мыльный пузырь, и вас стали бы подозревать. Поэтому вы рискнули поговорить с Бенскином и изложили ему суть дела. Вы сказали ему, что звонил вам не сын, а Ланн. В случае чего Ланн, без сомнения, подтвердил бы, что звонил он. Но допустим, он захотел бы вас выдать — что это меняло? Да ничего. Ему бы никто не поверил.

— Ну а вам и подавно не поверят. Я отдаю вам должное: вы из кожи вон лезли, чтоб отработать мои деньги, мисс Грэй. Ничего не скажешь, хитро придумано, местами даже весьма правдоподобно. Но мы-то с вами знаем, что ни один полицейский в мире не примет вашу версию всерьез. К несчастью для вас, вы не допросили Ланна. Теперь поздно. Он мертв. Сгорел в автомобиле.

— Знаю, видела. Сегодня он покушался на мою жизнь — вы знали об этом? А еще раньше пытался припугнуть, чтобы я прекратила расследование. Может, догадался, что вам угрожает опасность?

— Если он и в самом деле пытался убить вас, значит он несколько шире истолковал мои указания. Я всего лишь попросил его приглядывать за вами. Если помните, я нанял вас с условием, что вы будете расследовать только это дело и посвящать ему все свое время. Я хотел удостовериться, что ваши услуги стоят моих денег. В известном смысле я вами доволен. Но не давайте волю воображению за пределами этой комнаты. Не советую. Полиция и суды не станут слушать клеветнические бредни неврастенички. Да и какие у вас доказательства? Никаких. Мою жену кремировали. И никто в мире — живой ли, мертвый — не докажет, что Марк ей не сын.

— Вы побывали у доктора Гладвина, — сказала Корделия. — Хотели лично убедиться, что он слишком дряхл и не может свидетельствовать против вас. Стоило ли тревожиться: ведь он так никогда ничего и не заподозрил, правда? Вы приглашали его к жене, потому что он стар и ничего не смыслил в медицине. А улика против вас у меня была — Ланн вез ее вам.

— Вот и берегли бы ее, свою улику. А теперь, после катастрофы, от Ланна не осталось ничего, кроме костей.

— Вы забыли о женском белье — черных трусиках и бюстгальтере. Продавец может вспомнить покупателя, особенно мужчину.

— Ерунда. Мужчинам случается покупать белье для женщин. Ни одна замотанная продавщица в огромном, многолюдном универмаге не вспомнит покупку, за которую заплатили наличными, — у нее и вещи и люди, все сливается перед глазами в часы пик. Не стоит и гримироваться — для продавщиц все покупатели на одно лицо. А тут еще столько времени прошло — да она в жизни никого не опознает. А хоть и бы и опознала — ну и что, ведь этого белья у меня нет. Запомните, мисс Грэй: я работаю чисто, и случись мне убить, никто бы меня не подловил и даже не заподозрил. Если полиция и узнает, в каком виде был найден мой сын — а это вполне вероятно, поскольку, очевидно, помимо вас об этом знает кто-то еще, — это только лишний раз подтвердит версию самоубийства. Смерть Марка была необходима и, в отличие от большинства смертей, служила достижению некоей цели. В человеческих существах неистребима страсть к самопожертвованию. Они жертвуют жизнью в силу каких-то причин или без таковых вовсе, умирают за бессмысленные абстрактные понятия — патриотизм, справедливость, мир, за чужие идеи, чужую власть, за несколько пядей земли. Вот вы, без сомнения, отдали бы жизнь, чтобы спасти ребенка или найти лекарство от рака.

— Наверное. По крайней мере, хочется думать, что я бы смогла так поступить. Но я отдала бы свою, а не чужую жизнь, и сделала бы это по своей воле.

— Понимаю. Это принесет вам необходимое эмоциональное удовлетворение. Но никак не повлияет ни на самый факт вашей смерти, ни на ее результат. И не говорите, что моя работа не стоит одной-единственной человеческой жизни. Избавьте меня от подобного лицемерия. Вы не знаете, да и едва ли способны понять, насколько ценны исследования нашей лаборатории. Что вам-то до смерти Марка? Вы и не слышали о нем никогда, пока не приехали на виллу Гарфорт. Вам должно быть все равно.

— Гэри Уэбберу не все равно, — сказала Корделия.

— Значит, я должен потерять все, ради чего родился, чтоб Гэри Уэбберу было с кем поиграть в скуош или поговорить об истории.

Внезапно он пристально посмотрел на Корделию и резко спросил:

— В чем дело? Вы больны?

— Нет, не больна. Я знала, что на верном пути. Но все же отказываюсь верить, что в человеке может быть столько зла.

— Если вы можете представить меня убийцей, почему же я не могу убить? Неужто вам до сих пор не приходилось сталкиваться с подобными мне? Ведь человек по своей природе греховен.

Корделия вдруг почувствовала, что больше не может терпеть это циничное пустозвонство, и, не сдержавшись, пылко воскликнула:

— Зачем же украшать мир, в котором нет места любви?

Наконец ей удалось вывести его из себя:

— Любовь! — в гневе вскричал он. — Самое затасканное слово в человеческом языке, я вообще не понимаю, что оно означает. О какой вы говорите любви — христианской? Почитайте-ка исторические хроники, мисс Грэй, и вы увидите, к каким ужасам, к какому насилию, ненависти и гонениям привела человечество религия любви. Или же, как женщина, видите любовь в служении любимому существу? Но страстно

любящий всегда начинает ревновать и пресмыкаться. Любовь разрушительней ненависти. Я предпочитаю служить идее.

— А как же родительская любовь, любовь отца к ребенку?

— Если они друг друга любят, им же хуже. Но если отец не любит сына, это уж навсегда. Где нет любви, нет и обязательств — их накладывает только любовь.

— Но зачем было убивать его?! Ведь деньги его не интересовали. Он знал, что вам они необходимы, и не стал бы раскрывать семейной тайны!

— Да что вы, право! А как объяснить отказ от громадного состояния? Люди, полагающиеся на так называемую совестьливость других, всегда в опасности. Мой сын был самодовольным ханжой. Неужто вы думаете, что я мог бы спокойно спать, зная, что и я, и дело моей жизни — в его руках?

— Но теперь вы в моих руках, сэр Рональд.

— Ошибаетесь. Я по-прежнему совершенно свободен. К несчастью для вас, мой магнитофон выключен. Свидетелей нет. Наш разговор не пойдет дальше этой комнаты. А если вы проболтаетесь, мне, как ни печально, придется сломать вам жизнь. Никто никогда не возьмет вас на работу, мисс Грэй. И прежде всего я разорю ваше жалкое предприятие. Как я понял из рассказа мисс Лиминг, это будет несложно. Клевета — дорогое удовольствие, вам оно не по карману. Помните об этом и держите язык за зубами. И еще: глупыми разговорами вы навредите себе, потревожите память Марка, но мне они не страшны.

Корделия так и не узнала, долго ли стояла в темном дверном проеме высокая женщина в красном пеньюаре. Она так и не узнала, что слышала мисс Лиминг и когда успела незаметно отлучиться и так же тихо вернуться. И теперь в ужасе, не в силах пошевелинуться, смотрела, как по ковру бесшумно скользит красная тень с прижатым к груди пистолетом и неотрывно смотрит на человека за письменным столом. Что последует за этим, не оставляло сомнений. Все случилось в три секунды, хотя казалось — прошла вечность. Наверное, еще оставалось время предостеречь, прыгнуть вперед и выхватить пистолет из этой твердой руки. Он успел бы крикнуть. Но он молчал, лишь растерянно привстал со стула и, не веря своим глазам, уставился на дуло пистолета. Потом повернул голову и с мольбой посмотрел на Корделию; последний взгляд навеки врезался ей в память: в нем не было ни ужаса, ни надежды. Он проиграл.

Казнь свершилась аккуратно, неспешно, словно обряд. Пуля вошла ниже правого уха. Сэр Рональд нелепо подпрыгнул, потом уронил плечи, весь как-то обмяк, словно кости превратились в воск, и, наконец, марионеткой с обрезанными ниточками рухнул на стол. «Вещь, неодушевленный предмет, — мелькнуло в голове у Корделии. — Как Берни, как отец».

— Он убил моего сына, — сказала мисс Лиминг.

— Вашего сына?

— Ну да. Марк мой сын. Наш сын — его и мой. Я думала, вы догадывались.

Она стояла с пистолетом в руке, устремив невидящий взор через открытое окно на лужайку. Наступила тишина. Все замерло. Наконец мисс Лиминг нарушила молчание:

— Он говорил, что под него не подкопаетесь. Это правда. Доказательств нет.

— Как же вы могли убить его? — ужаснулась Корделия. — Почему вы решили, что убийца — он?

Все так же крепко сжимая пистолет, мисс Лиминг сунула руку в карман пеньюара и, достав оттуда какой-то предмет, бросила его на стол. Маленький, позолоченный цилиндр покатился по полированной поверхности к Корделии и, качнувшись несколько раз, замер.

— Моя помада, — сказала мисс Лиминг. — Только что нашла в кармане его фрака. В последний раз он надевал фрак в колледж на банкет. У него была дурная привычка: машинально совал в карман всякую мелочь, как сорока тащит все, что блестит.

— Но помаду могли подбросить, чтобы навести подозрение! Это мог сделать Ланн.

— Ланн тут ни при чем. Когда Марк умер, мы с ним лежали в постели. Он отлучился только на пять минут, позвонить. Это было после восьми.

— Вы любили Ланна!

— Ну что вы на меня так смотрите! всю жизнь я любила одного человека — я застрелила его на ваших глазах. Да что говорить, вы все равно не поймете. Любовь не имеет никакого отношения к тому, что связывало нас с Ланном.

— В доме есть еще кто-нибудь? — спросила Корделия после недолгой паузы.

— Нет. Слуги в Лондоне. Из лаборатории сегодня все рано разошлись.

И Ланн мертв.

— Вызывайте полицию, — сказала мисс Лиминг с покорностью смертельно уставшего человека.

— Хотите в тюрьму?

— Теперь это уже не имеет никакого значения.

— То есть как это не имеет? Ведь вас посадят, вы лишитесь свободы. И потом — неужели вы хотите, чтобы правда выплыла наружу? Слушание дела будет открытым, и все узнают, как умер ваш сын и кто его убил. А Марк — он бы ни за что не допустил, чтобы законность восторжествовала такой ценой.

— Да. Марк считал, что зло нельзя искоренить наказанием. Скажите, что я должна делать.

— Нам нужно не торопиться и все тщательно продумать. Мы должны доверять друг другу и действовать с умом.

— Умом ни меня, ни вас бог не обидел. Так что же нам делать?

Корделия вынула новый платок и, накрыв им пистолет, забрала оружие у мисс Лиминг и положила на стол. Потом, крепко схватила мисс Лиминг за тонкое запястье и, как та ни упиралась, заставила приложить одеревеневшие от отвращения живые пальцы к вялой, податливой ладони мертвеца.

— На тот случай, если полиция будет настаивать на баллистической экспертизе. Я не слишком в этом разбираюсь, но лучше перестраховаться. А теперь вымойте руки и принесите мне тонкие перчатки. Торопитесь!

Не проронив ни слова, мисс Лиминг вышла. Оставшись одна, Корделия взглянула на мертвеца. Он лежал в неестественной, нескладной позе, упершись подбородком в стол и безвольно уронив руки вдоль туловища, и, казалось, хотел уничтожить взглядом невидимого врага. Корделия не могла смотреть ему в глаза, хотя не чувствовала к убитому ни ненависти, ни гнева, ни жалости. Очертания распростертого тела стали размываться, и перед Корделией явственно возник другой образ: вытянувшийся в петле труп юноши со свернутой шеей, пальцы ног безжизненно устремлены в пол. Она подошла к открытому окну и окинула взглядом сад. Недвижный воздух источал тепло. Через открытое окно время от времени долетал аромат роз, то приторный до тошноты, то едва уловимый, как полубылое воспоминание.

На душу снизошел покой. Но это продолжалось недолго. Надо было срочно придумать план действий. Вспомнилось дело Кландона. В памяти живо всплыла картина: они с Берни сидят верхом на поваленном бревне в Эппингском лесу, куда выбрались на пикник, и завтракают. Она словно наяву чувствовала запах дрожжевого теста, исходящий от свежих булочек, аромат масла и острого сыра, обволакивающую пахучую сырость летнего леса. Жуя бутерброд с сыром, Берни положил пистолет на бревно посередине и сказал с набитым ртом:

— Ну-ка, покажи, как ты у меня застрелишься! Допустим, ты решила выстрелить под правое ухо. Давай!

Взяв пистолет правой рукой, Корделия легко надавила указательным пальцем на спусковой крючок и, не без труда изогнув руку, прижала дуло к шее.

— Так, что ли?

— Нет, так у тебя ничего не получится. А если ты умеешь обращаться оружием, такой способ вообще исключен. Ту же ошибку допустила миссис Кландон и чуть было не угодила на виселицу. Она застрелила мужа из его собственного револьвера — как раз под правое ухо — а потом пыталась инсценировать самоубийство. Вот только к спусковому крючку она прижала не тот палец. Если бы он действительно выстрелил себе справа в шею, ему бы пришлось нажимать на спусковой крючок не указательным, а большим пальцем, и револьвер бы он держал обратной стороной, то есть повернул бы к себе. Я отлично помню это дело: это было первое убийство, которое я расследовал с Начальником — тогда он еще был простым инспектором. В конце концов миссис Кландон созналась.

— А что с ней сделали, Берни?

— Ее приговорили к пожизненному заключению. Но, если бы она не пыталась провести суд, возможно, и статья обвинения была бы другая — непредумышленное убийство. Суд нашел бы смягчающие обстоятельства: присяжные не пришли в восторг, узнав о наклонностях покойного майора Кландона.

Но мисс Лиминг так дешево не отделаться — или придется рассказать правду о смерти Марка.

Теперь она вернулась в комнату и протягивала Корделии пару тонких нитяных перчаток.

— Вы лучше выйдите, — сказала Корделия. — Меньше знаешь — крепче спишь. Итак, что вы делали в холле?

— Я вышла пропустить стаканчик виски перед сном.

— Значит, так: со стаканом виски вы поднимаетесь к себе в комнату и снова встречаете меня — я выхожу из кабинета. Теперь возьмите стакан и поставьте на столик в холле. Такую деталь полиция непременно заметит.

Оставшись одна, Корделия взяла пистолет. Удивительно, каким зловецким казался ей теперь этот кусок мертвого металла. Странно, что когда-то он казался ей безвредной игрушкой. Она задумчиво протерла его платком, уничтожая отпечатки пальцев мисс Лиминг. Потом сжала оружие в руке. Пистолет ее, и совершенно очевид-

но, что кроме отпечатков мертвеца там должны быть найдены и следы ее пальцев. Она положила оружие на стол и натянула перчатки. Теперь предстояло самое сложное. Осторожно держа пистолет, она вложила его обратной стороной в руку убитого, крепко прижала его большой палец к спусковому крючку, стиснула холодную покорную кисть, заставив мертвеца обхватить рукоятку покрепче, и отпустила. С глухим стуком пистолет упал на ковер. Корделия сняла перчатки и, тихо прикрыв за собой дверь кабинета, вышла в холл к мисс Лиминг.

— Вот. Отнесите перчатки туда, где вы их взяли. Полиция не должна их здесь видеть.

Женщина ушла и скоро вернулась.

Корделия стала объяснять, что делать дальше.

— А теперь проиграем эту ситуацию в лицах. Мы сталкиваемся, когда я выхожу из кабинета,— у сэра Рональда я пробыла около двух минут. Вы ставите стакан с виски на столик в холле, идете со мной до парадной двери и говорите... Что вы мне говорите?

«Он вам заплатил?»

«Нет. За деньгами я должна прийти утром. Жаль, что ничего не вышло, но расследование продолжать я не хочу. Я сказала сэру Рональду».

«Как знаете, мисс Грэй. По мне — так и начинать не стоило».

Они уже выходили из парадной двери, как вдруг мисс Лиминг повернулась к Корделии и, уже без наигрыша, взволнованно сказала:

— Вот еще что — вам лучше об этом знать. Это я первая нашла Марка и инсценировала самоубийство. Он позвонил мне в день смерти и просил прийти. Но раньше девяти я уйти не смогла — из-за Ланна. Он мог что-нибудь заподозрить. Решение я приняла мгновенно. Очень спешила — боялась, кто-нибудь вдруг зайдет. Сложнее всего было с посмертной запиской. Я знала, что Блэйка он держит где-то в доме и что выбранный мной отрывок убедительней, чем обычная предсмертная записка. Неестественно громко стучали в тишине клавиши машинки, и я с ужасом думала: а вдруг услышат. Марк вел что-то вроде дневника, но читать уже не оставалось времени, и я сожгла его в камине в гостиной. В последнюю очередь я собрала одежду и фотографии, принесла домой и бросила в лабораторный мусоросжигатель.

— Одну из фотографий вы обронили в саду. Кроме того, вам не удалось полностью стереть с лица помаду.

— Значит, вот почему вы догадались?

Корделия медлила с ответом. Что бы ни случилось, нельзя впутывать в это дело Изабел де Ластери.

— Кто обнаружил Марка первый, я точно не знала, но многое указывало на вас. Вы были против расследования. Вы изучали английский язык и литературу в Кембридже и, следовательно, знали, где найти цитату Блэйка. Вы — опытная машинистка и, хотя и пытались прикинуться любителем вроде Марка, я догадалась, что письмо отпечатано профессионалом. Когда я впервые приехала на виллу Гарфорт и спросила о предсмертной записке, вы прочитали наизусть всю цитату Блэйка — машинописный же вариант был на десять слов короче. Я это обнаружила, когда пришла в полицейский участок и увидела записку. Тогда-то я сразу подумала о вас. Это было главная улика.

Они остановились у машины.

— Больше терять время нельзя,— сказала Корделия.— Нужно звонить в полицию. Выстрел могли услышать.

— Вряд ли. До деревни довольно далеко. А теперь мы его слышим?

— Да. Мы услышали выстрел,— сказала Корделия и после секундного размышления продолжила: — Что это? Похоже на выстрел.

— Не может быть. Наверное, автомобильный выхлоп.

Мисс Лиминг говорила напыщенно и неуверительно, как плохая актриса. Но главное, она произнесла эти слова и запомнит их.

— Да нет, машин не видно. Звук был со стороны дома.

Они переглянулись и, сорвавшись с места, через открытую дверь вбежали в холл. Мисс Лиминг помедлила и, прежде чем отворить дверь кабинета, в упор взглянула на Корделию. Она вошла первой, за ней — Корделия.

— Он убит! Нужно вызвать полицию,— сказала мисс Лиминг.

— Нет, не так!— воскликнула Корделия.— Старайтесь вести себя естественно! Сначала вы подходите к телу, а потом говорите:

— Он покончил с собой! Нужно вызвать полицию.

Мисс Лиминг равнодушно смотрела на тело когда-то любимого человека, потом скользнула взглядом по комнате и, уже выйдя из роли, сказала:

— Зачем вы сюда вошли? Ведь могут остаться отпечатки пальцев.

— Не волнуйтесь. Я уже обо всем позаботилась. Запомните главное: вы не знали, что у меня есть оружие, когда я в первый раз приехала на виллу в Гарфорт, вы не знали, что сэр Рональд взял его у меня. До этой минуты вы не видели пистолета. Я приехала, вы проводили меня в кабинет, и мы снова встретились, когда я оттуда выходила.

Потом мы вместе прошли к машине и разговаривали. Потом услышали выстрел — и повели себя в точности как сейчас. Об остальном — забудьте. Когда вас будут допрашивать, не бойтесь сказать, что чего-то не помните. А теперь — звоните в полицию.

Через три минуты они уже стояли у открытой двери и ждали полицейских.

— Нам не стоит при них общаться, — сказала мисс Лиминг. И после — тоже. Убить мы могли только вместе. Что нас связывает? До сегодняшнего дня мы виделись всего раз и в общем-то недолюбливаем друг друга.

Она права, подумала Корделия. Они недолюбливали друг друга. В принципе ей было все равно, что станет с Элизабет Лиминг. Но она — мать Марка, и этим все сказано. Пусть никто не узнает правду о его смерти. Глупо, конечно. Ему теперь все равно, да и при жизни он не слишком дорожил чужим мнением. Но Рональд Кэллендэр осквернил его тело после смерти; он хотел сделать из него паяца, достойного в худшем случае — презрения, в лучшем — жалости. Она бросила вызов Рональду Кэллендэру. Нет, она не желала ему смерти и едва ли смогла бы сама нажать на спусковой крючок. Но он умер, и ей не было жаль его. Не ей осуждать убийцу, не ей карать. В летней ночи, в ожидании полицейских сирен, Корделия вдруг поняла, как важно, как справедливо ее решение. Ни разу в жизни она не пожалела потом, что уберегла мисс Лиминг и память Марка Кэллендэра от равнодушия судей.

— Вы, наверное, хотите поговорить со мной? — прервала молчание мисс Лиминг. — Что ж, вы вправе задать мне любые вопросы. Окончится следствие, можем встретиться в часовне Королевского колледжа в воскресенье после вечерни. Я пройду через ширму в алтарь, а вы стойте в нефе. Подозрений, думаю, не возникнет — мы вполне могли встретиться там случайно. Если, конечно, нас еще не посадят, — добавила она.

Видимо, эта мысль не давала покоя мисс Лиминг. Корделия с интересом взглянула на нее.

— Не беспокойтесь, — ответила она. — Если мы будем держать себя в руках, все будет в порядке.

На миг наступило молчание, потом мисс Лиминг сказала:

— Они будут с минуты на минуту.

Свет автомобильных фар скользнул по дороге, осветил каждый камешек, выхватил маленькие растения на краю грядки, искупал в лучах голубое кружево глициний и ударил по глазам, ослепив их. Потом фары потускнели: машины мягко затормозили перед домом. Из них возникли темные силуэты и не спеша, но решительно двинулись вперед. Холл внезапно заполнился крупными, спокойными людьми в форме и в штатском. Корделия вжалась в стену, а мисс Лиминг шагнула к ним, что-то тихо сказала и повела в кабинет.

В холле остались два человека в форме. Они беседовали, не обращая внимания на Корделию. Их коллеги не торопились. Они, видимо, позвонили из кабинета, потому что к дому стали подъезжать новые машины с людьми. Первым прибыл судебный врач — его сразу можно было узнать по сумке.

— Добрый вечер, док. Сюда, пожалуйста.

Сколько раз его, должно быть, приветствовали этими словами! Быстро шагая через холл, он на секунду задержал взгляд на Корделии — толстый, взъерошенный человечек с помятым, капризным лицом разбуженного среди ночи ребенка. Вслед за ним приехал фотограф с камерой, треногой и кофром, потом — дактилоскопист и еще двое в штатском. Корделия, которую Берни посвятил во все тонкости полицейской работы, сразу определила, что это оперативники. Значит, подозревают убийство? Что ж, правильно делают.

Хозяин дома был мертв, зато сам дом, казалось, внезапно ожил. Полицейские переговаривались — их голоса звучали ровно и обыденно. Профессионалы, они работали бок о бок со смертью и выполняли привычное дело легко и непринужденно. Они знали так много, что жертвы не внушали им страха. В своей жизни они навидались трупов. Для полицейских это всего-навсего очередной случай из практики.

Корделия сидела одна и ждала. На нее внезапно нахлынула усталость. Упасть бы на стол и забыться. Через холл в гостиную прошла мисс Лиминг с высоким полицейским. Никто не заметил маленькую фигурку в огромном шерстяном свитере, привалившуюся к стене. Усилием воли Корделия отогнала сон. Теперь она знает, что говорить.

Скорей бы уж сняли показания и отпустили спать.

Но только когда фотограф и дактилоскопист закончил работу, к ней подошел один из старших полицейских. После ей не удавалось вспомнить его лицо, но запомнился голос — осторожный, ровный, бесстрастный. У него на ладони, на носовом платке, лежал ее револьвер.

— Вы узнаете это оружие, мисс Грэй? — спросил он, протягивая к ней руку.

«Оружие. Почему не пистолет?» — подумала Корделия.

— Скорее всего.

— Вы не уверены?

— Думаю, это мой пистолет — если только у сэра Рональда не было такого же. Он забрал его у меня четыре дня назад, когда я впервые сюда приехала. Завтра он обещал расплатиться со мной и вернуть пистолет.

— Значит, вы в этом доме второй раз?

— Да.

— Раньше вы когда-нибудь встречали сэра Рональда Кэллендэра или мисс Лиминг?

— Нет. Я познакомилась с ними, когда сэр Рональд попросил меня расследовать это дело.

Полицейский ушел. Корделия оперлась головой о стену и на минуту вздремнула. Пришел другой полицейский. На этот раз вместе с ним был человек в форме, который что-то записывал. Ей снова задали вопросы. Корделия изложила приготовленный рассказ. Они молча записали и ушли.

Видимо, она снова задремала, а проснувшись, обнаружила, что над ней склонился высокий полицейский.

— Мисс Лиминг на кухне готовит чай, — сказал он. — Пойдите помогите ей. Нам тут нужно кое-что доделать.

Хотят унести тело, подумала Корделия.

— Я не знаю, где кухня, — ответила она.

В глазах его зажегся огонек.

— Не знаете? Ах да! Туда, пожалуйста.

На кухне пахло пряностями, маслом и томатным соусом. Запахи напомнили Корделии Италию, отца, совместные обеды. Мисс Лиминг доставала чашки из большого шкафа. Из носика электрического чайника уже валил пар. Полицейский не уходил. Значит, одних их не оставят.

— Помочь? — спросила Корделия.

— В коробке есть печенье, — ответила мисс Лиминг, не глядя на нее. — Выложите на поднос. Молоко в холодильнике.

Машинально Корделия принялась за работу. Бутылка молока в руках казалась мраморной колонной, усталые пальцы никак не могли справиться с жестяной коробкой с печеньем, и открыть ее удалось лишь сломав ноготь. На стене висел календарь с изображением святой Терезы Авильской — неестественно удлинненное, бледное лицо, словно портрет мисс Лиминг, причисленной к лику святых. Рядом, на полке, стоял фарфоровый ослик с двумя корзинками искусственных цветов: понуро опущенная морда, крохотная соломенная шляпка между ушей — и огромная синяя чашка с корицевыми яйцами.

На кухонном столе лежали два подноса. Констебль взял у мисс Лиминг тот, что побольше, и пошел в холл. Корделия шла за ним со вторым подносом, высоко прижав его к груди, словно ребенок, которому разрешили помочь матери. Вокруг уже обитали полицейские. Она взяла себе чашку с чаем и возвратилась на прежнее место.

К дому подъехала еще одна машина. В гостиную влетела женщина средних лет в сопровождении шофера в униформе. Сквозь пелену усталости Корделия услышала ее писклявый поучающий голос.

— Элайза, дорогая, это просто ужасно! Ты сегодня же должна вернуться на университетскую квартиру. Нет, я настаиваю. Начальник полиции здесь?

— Нет, Марджори, но эти господа отнесли ко мне с большим участием.

— Оставь им ключ. Запрут дом, когда все закончат. Тебе нельзя ночевать здесь одной.

Потом кто-то с кем-то знакомился, впопыхах совещались с полицейскими, решительная дама не умолкала ни на минуту. Вместе с ней мисс Лиминг поднялась наверх и минут через пять появилась вновь с маленьким чемоданчиком и пальто, переброшенным через руку. Женщины пошли к машине с шофером и одним из сыщиков. Никто из них не взглянул на Корделию.

Пять минут спустя к Корделии подошел инспектор. В руке он держал ключ.

— Мы запрем дом на ночь, мисс Грэй. Вы, наверное, собирались домой? Переночуете во флигеле?

— Да, если майор Марклэнд не возражает, я бы пожила там еще пару дней.

— Вид у вас усталый. Мой человек отвезет вас в вашей машине. А завтра я хотел бы получить от вас письменные показания. Вы могли бы подойти в участок сразу после завтрака? Знаете, где это?

— Знаю.

Первой выехала патрульная машина, а за ней — «Мини». Полицейский вел маленькую машину быстро, и на поворотах ее заносило. Корделия откинулась на спинку сиденья, и время от времени ее голова падала на руку водителя. Он был без пиджака, и сонная Корделия всякий раз ощущала приятное тепло тела через рукав рубашки. Окно машины было открыто, и она чувствовала, как по лицу пробегает горячий ночной воздух, видела бегущие по небу облака и изумительные краски нарождающегося дня,

обagrившие восток. Дорога казалась ей незнакомой. Машина внезапно остановилась. Недоуменно осмотревшись, Корделия наконец узнала высокую изгородь, угрожающей тенью нависшую над дорожкой, и ветхую калитку. Она была дома.

— Все правильно, мисс? — спросил водитель.

— Да-да. Но я обычно ставлю машину дальше по дорожке справа. Вон там, возле кустарника, есть спуск с основной дороги.

— Хорошо, мисс.

Он вышел из машины и перебрался парой фраз с другим шофером. Машина медленно преодолела последние метры пути. А потом полицейские уехали, и она осталась одна. Плющ густо оплетал калитку и, с трудом отворив ее, Корделия, пошатываясь, точно пьяная, подошла к черному ходу. Ей не сразу удалось вставить ключ в замок, но это было последнее испытание. Больше не нужно прятать пистолет, заклеивать окно изолентой. Ланн мертв, а она жива. Корделия всегда приходила во флигель усталая, но сегодня просто валилась с ног. Как лунатик, она поднялась наверх и, не в силах залезть в спальный мешок, укрылась им и провалилась в сон.

И вот, наконец, через несколько дней (хотя Корделии казалось, что прошли месяцы) ее пригласили на повторное следствие — неспешное, обыденное, формальное. И все же теперь все проходило иначе, чем когда умер Берни. В отличие от немногочисленных зевак с жалостливыми лицами, проскользнувших на задние скамейки, чтобы в тепле узнать подробности, сегодня в зале были видны скорбные лица коллег и друзей, слышались приглушенные голоса, шепот переговаривающихся судейских чиновников и полицейских, и надо всем этим витало неподдающееся определению ощущение большого события. Мисс Лиминг появилась в сопровождении какого-то седого человека — Корделия догадалась, что это ее адвокат. Она наблюдала его за работой: вежливо, но с достоинством общался со старшими полицейскими, был заботлив и внимателен к клиенту и внушал собравшимся уверенность, что все они выполняют пусть скучную, но необходимую формальность, ритуал такой же привычный, как утренняя молитва.

Мисс Лиминг была очень бледна. На ней был тот же серый костюм, что и в день знакомства, но сегодня она надела черную шляпку и черные перчатки, а вокруг шеи повязала черный шифоновый шарф. Они даже не взглянули друг на друга. Корделия одиноко присела на краешек скамьи. Никто не знал ее, лишь один из полицейских помоложе, словно жалея, ободряюще улыбнулся ей.

Мисс Лиминг давала показания первой. Голос ее звучал глухо и сдержанно. Она не стала присягать на Библии, чем заметно огорчила адвоката. Впрочем, ему было больше не о чем тревожиться. Она засвидетельствовала, что сэр Рональд был подавлен смертью сына и проклинал себя за то, что не распознал причину терзаний Марка. Он сообщил ей, что собирается обратиться к частному сыщику, и именно она беседовала с мисс Грэй и привезла ее на виллу Гарфорт. Мисс Лиминг заявила, что она была против расследования, справедливо считая, что оно бессмысленно и будет лишь напоминать сэру Рональду о невозполнимой утрате. Она не знала, что у мисс Грэй есть оружие и что сэр Рональд забрал его у нее. Беседовали они наедине. Сэр Рональд повел мисс Грэй показывать комнату сына, в то время как она, мисс Лиминг, ушла искать фотографию мистера Кэллендэра, которую попросила мисс Грэй.

Следователь осторожно спросил ее о той ночи, когда умер сэр Рональд.

Мисс Лиминг ответила, что мисс Грэй приехала доложить о первых результатах расследования около одиннадцати. Находившаяся в это время в холле мисс Лиминг сказала ей, что уже поздно, но мисс Грэй ответила, что хочет отказаться от дела и вернуться в город. Она проводила мисс Грэй в кабинет, где работал сэр Рональд. Ей кажется, что они пробыли вместе меньше двух минут. Потом мисс Грэй вышла из кабинета, и она пошла проводить ее до машины; они успели перемолвиться лишь парой слов. Мисс Грэй сказала, что сэр Рональд попросил заехать за деньгами утром. Об оружии она не упоминала.

Всего за полчаса до того сэру Рональду позвонили из полиции и сообщили, что его лаборант Кристофер Ланн погиб в автомобильной катастрофе. Она не сообщила мисс Грэй о смерти Ланна — как-то не пришло в голову. Девушка почти сразу же пошла в кабинет к сэру Рональду. Мисс Лиминг сказала, что они стояли у машины и беседовали и вдруг услышали выстрел. Сначала она подумала, что это автомобильный выхлоп, но потом поняла, что звук раздался со стороны дома. Обе бросились в кабинет и обнаружили сэра Рональда распростертым на столе. Револьвер выпал из его руки на пол.

Нет, сэр Рональд никогда не давал волю чувствам. После смерти сына он сделался сам не свой. В последнее время очень много работал. Но мисс Лиминг никак не ожидала, что сэр Рональд способен на такое.

После нее показания давали полицейские — почтительно, деловито, но давая

понять, что их ничем не удивишь: за свою жизнь они навидались самоубийц, и сколько еще увидят!

Затем выступали врачи, в том числе патологоанатом, сообщивший суду, что девятиграммовая пуля пагубно воздействует на человеческий мозг.

— На спусковом крючке оружия был найден отпечаток большого пальца сэра Рональда, а на рукоятке — смазанный след его ладони. Какой вывод вы могли бы сделать из этого факта? — обратился к нему следователь.

Патологоанатом несколько изумился: неужели он еще должен делать какие-то выводы? — но ответил, что, по-видимому, сэр Рональд направил пистолет себе в голову и нажал на спусковой крючок большим пальцем правой руки. По мнению патологоанатома, держать оружие таким образом было наиболее удобно, более того, только так и можно было его держать, учитывая, куда вошла пуля.

Корделия поднялась на свидетельскую кафедру и, положив руку на Библию, поклялась говорить правду, только правду и ничего кроме правды. Она сразу почувствовала, что, хотя судьи поражены ее молодостью, в целом производит славное впечатление. Впервые интеллигентная речь и безупречный выговор, который она поневоле приобрела за шесть лет в монастыре (как он раздражал ее отца!), сослужили ей добрую службу. Она надела костюм, а голову повязала черным шифоновым шарфом. Не забыть бы обращаться к следователю «сэр»...

После того, как Корделия подтвердила показания мисс Лиминг, коротко рассказав, как занялась делом Марка Кэллендэра, к ней обратился следователь:

— А теперь, мисс Грэй, будьте добры объяснить суду, что произошло в ночь смерти сэра Рональда Кэллендэра.

— Я решила прекратить расследование. Четыре дня прошли впустую, и я подумала, что продолжать бессмысленно. Мало того, получалось, что я вмешиваюсь в личную жизнь Марка Кэллендэра и еще беру за это деньги. Нужно было немедленно известить сэра Рональда, и я поехала на виллу Гарфорд. Добралась поздно, в 22.30, но мне не терпелось вернуться в Лондон на следующее утро. В холле увидела мисс Лиминг — она провела меня прямо в кабинет.

— Пожалуйста, опишите суду вашу встречу с сэром Рональдом.

— Мне показалось, что он устал и подавлен. Я пыталась объяснить, почему отказываюсь от дела, но едва ли он меня слышал. Велел приехать за деньгами утром; я сказала, пусть мне оплатит расходы и довольно, напомнила, что он должен вернуть мне мой пистолет. Но он махнул рукой, дав мне понять, что разговор окончен, и повторил: «Завтра утром, мисс Грэй, завтра утром».

— И вы ушли?

— Да, сэр. Мисс Лиминг проводила меня до машины, и я уже собиралась уезжать, как вдруг мы услышали выстрел.

— Вы не видели оружия у сэра Рональда, когда беседовали с ним в кабинете?

— Нет, сэр.

— Он говорил с вами о смерти мистера Ланна? Может быть, чем-то выдал намерение покончить с собой?

— Нет, сэр.

Следователь что-то отметил в блокноте и, не глядя на Корделию, спросил:

— А теперь, мисс Грэй, будьте добры объяснить суду, каким образом к сэру Рональду попало ваше оружие?

Вопрос был каверзный, но Корделия предвидела его и успела продумать ответ. В Кембриджской полиции следствие вели очень скрупулезно, одни и те же вопросы задавали по несколько раз, так что она неоднократно рассказывала, как именно оказалась у сэра Рональда ее пистолет. Вспомнился совет Далглиша, который некогда цитировал Берни, — ей еще показалось, что он годен скорее для преступника, чем для сыщика: «Никогда не лги без необходимости. Правда — великая сила. Самые хитроумные убийцы попадались не потому, что лгали по существу, а потому, что лгали и в мелочах».

— Пистолет принадлежал моему партнеру, мистеру Горду, — сказала она, — и он очень им гордился. Когда мистер Горд покончил с собой, я поняла, что он оставляет пистолет мне. Именно поэтому он вскрыл себе вены, а не застрелился, что было бы быстрее и проще.

Следователь испытующе посмотрел на нее.

— А вы были с мистером Гордом, когда он покончил с собой?

— Нет, сэр. Но я обнаружила тело.

Члены суда сочувственно зашептались.

— Вы знали, что на оружие нет разрешения?

— Нет, сэр, не знала, но догадывалась. Я взяла пистолет с собой в Кембридж, потому что не хотела оставлять в конторе. Кроме того, с ним спокойнее. Собиралась проверить наличие разрешения сразу по возвращении. У меня и в мыслях не было, что придется им воспользоваться. Я никогда не видела в пистолете орудия убийства. Просто это мое первое дело, а с пистолетом как-то надежнее.

— Понятно,— сказал следователь.

Возможно, ее совершенно невероятный рассказ и впрямь убедил и следователя, и суд. Впрочем, немудрено: она говорила правду. Теперь они станут верить ей, даже если она солжет.

— Так при каких обстоятельствах ваш пистолет все-таки оказался в руках у сэра Рональда?

— Это случилось в мой первый приезд на виллу Гарфорт, когда сэр Рональд показывал мне спальню сына. Он знал, что я стала единственной владелицей Агентства: по его мнению, работа частного детектива слишком трудна и опасна для женщины. Я ответила, что не боюсь, но на всякий случай ношу с собой пистолет Берни. Узнав, что пистолет у меня в сумочке, сэр Рональд потребовал отдать его. Он сказал, что не хочет нанимать человека, от которого исходит угроза чужой или собственной жизни, не может взять на себя такую ответственность — и забрал у меня оружие и патроны.

— И что он сделал с вашим пистолетом?

Корделия подготовилась и к этому вопросу. Очевидно, что сэр Рональд не стал бы выходить с пистолетом на лестницу, где его могла увидеть мисс Лиминг. Хорошо бы сказать, что он положил его в ящик прикроватного столика, но она не помнила, есть ли там ящики.

— Он вышел с ним из комнаты,— соврала она,— а куда — не знаю. Отсутствовал буквально минуту, а потом мы вместе спустились вниз.

— И больше вы не видели пистолета, пока не нашли на полу рядом с телом сэра Рональда?

— Нет, сэр.

Корделия свидетельствовала последней. Был быстро вынесен вердикт; похоже, судьям хотелось угодить любившему точность ученому покойнику. Вердикт гласил, что сэр Рональд сам свел счеты с жизнью, однако установить, был ли помрачен его рассудок, не представляется возможным. Затем следователь по необходимости прочел пространную лекцию о том, сколько опасностей таит в себе оружие. Из пистолета, сообщил он суду, можно убить человека. Особенно часто смертоносные пули вылетают из пистолетов, хранимых без разрешения.

Корделию он впрямую не обвинял, но было видно, что подобная сдержанность дается ему с трудом. Наконец он встал, и вместе с ним поднялись члены суда.

После того как следователь покинул зал, присяжные разбились на группки и зашептались. Мисс Лиминг тотчас же окружили. Корделия наблюдала, как ей пожимают руки, выражают соболезнования. Мисс Лиминг молча, мрачно выслушивала первые робкие предложения устроить торжественное прощание с телом. Прежние страхи теперь казались Корделии смехотворными — разве мисс Лиминг могли в чем-нибудь заподозрить? Корделия стояла поодаль, словно преступница. Она знала, что ее обвинят в незаконном хранении оружия. Правда, накажут нестрого, если накажут вообще. Но отныне она обречена оставаться той самой девушкой, из-за легкомыслия и наивности которой Англия потеряла одного из самых выдающихся своих ученых.

Как говорил Хьюго, все кембриджские самоубийцы подавали большие надежды. Сэра Рональда после смерти, должно быть, причислят к лику гениев.

Незамеченная, она в полном одиночестве вышла из зала суда и пошла к Маркет-Хилл. Хьюго, наверное, уже ждет ее. Она не ошиблась.

— Ну как?

— Нормально.

— Он действительно застрелился?

— Застрелился.

— Из вашего пистолета?

— Вы, наверное, знаете, если были в суде. Хотя я вас не видела.

— А меня там и не было. Ходил на консультацию. Но об этом уже говорят. Да вы особо не переживайте. Рональд Кэллендэр не так значителен, каким его делают.

— Был человек, а теперь его нет — вот что значительно.

— Вы не правы, Корделия. Смерть — наименее значительное событие в нашей жизни. Вспомните слова Джозефа Холла и утештесь: «Уже с рожденья мы на грани смерти, и наша колыбель стоит в могиле».

Бок о бок, без всякой цели, они шли по Сент-Эдвардскому проезду к Королевской площади — Корделии хотелось просто идти, все равно куда, ее спутник тоже не торопился.

— А где Изабель?— спросила Корделия.

— В родном Лионе. Вчера неожиданно объявился папашка и обнаружил, что зря платил мадемуазель. Папашка решил, что его дорогое дитя извлекает из своих занятий в Кембридже намного меньше, чем ожидал. Да вы за нее не волнуйтесь. Изабель теперь в полном порядке. Даже если полицейские решат, что им не мешает прокатиться до Франции и задать ей кое-какие вопросы — хотя, с другой стороны, зачем?—

толку от этого не будет. Папашка возведет вокруг нее стену адвокатов. Он уже сыт по горло английскими глупостями.

— Ну а вы? Если вас теперь вдруг спросят, как умер Марк, неужто вы расскажете правду?

— Вы меня обижаете. Ни мне, ни Софи, ни Дэви ничто не угрожает. Когда речь идет о серьезных вещах, на меня можно положиться.

Хорошо, если бы на него можно было положиться и в менее серьезных вещах, подумала Корделия.

— Вам жаль, что Изабель уехала?— спросила она.

— Напротив. Красота смущает ум, так что и самые здравомыслящие теряют голову. Я, к примеру, никак не мог поверить, что Изабель всего лишь мотовка, лентяйка и дурочка. Казалось, такая красавица должна обладать тайной мудростью и всем существом постигать жизнь много тоньше, чем умом. Каждый раз, когда она открывала свой аппетитный ротик, я ожидал откровения. А она только и могла говорить, что о тряпках.

— Бедняжка Хьюго.

— Отчего же? Я всем доволен. Главное — никогда не желать невозможного.

Молодой, обеспеченный, умный, хоть и не слишком, красивый. Ему практически не в чем себе отказывать.

— А то оставайтесь в Кембридже на недельку-другую, — услышала она его голос. — Я вам город покажу. У Софи есть лишняя комната, сможете там пожить.

— Спасибо, Хьюго. Мне пора возвращаться в Лондон.

В Лондоне ей делать нечего, но тем более нечего делать в Кембридже с Хьюго. Правда, ей предстоит встреча с мисс Лиминг, так что до воскресенья придется ночевать во флигеле. Но после этого, во всяком случае для нее, дело Марка Кэллендэра будет закрыто навечно.

Воскресная вечерня закончилась, и прихожане, в почтительном молчании слушавшие, как один из лучших хоров в мире поет ответствия, псалмы и гимны, поднялись и начали самозабвенно вторить, вознося последнюю на этой службе хвалу Господу. Корделия тоже встала, и голос ее слился с хором.

Она выбрала место на задней скамье рядом с затейливой ширмой, откуда был виден алтарь. Одежания певчих сверкали белизной и багрянцем, в парящих кругах золотого света мерцали огоньки. В зыбком отблеске двух тонких, длинных свечей картина Рубенса над главным алтарем распадалась на малиновые, синие, золотые пятна. Прочли молитву, пропели аминь, и хор чинно потянулся из алтаря. Дверь южного входа была отворена, в церковь лился солнечный свет. Присутствовавшие на службе преподаватели и студенты нестройной толпой поспешили за настоятелем и членами совета, на фоне броских вельветовых и твидовых костюмов стихари разом потускнели и приобрели поношенный вид. Большой орган засопел, застонал, как больное животное, и из него полились чудные звуки фуги Баха. Прихожане шли по главному проходу — группки перешептывающихся людей в яркой летней одежде, серьезные молодые люди в приличествующих случаю черных костюмах, туристы с красочными путеводителями в руках смущенно придерживают назойливо выпирающие фотоаппараты, несколько монахинь со спокойными, просветленными лицами.

Мисс Лиминг шла в белом льняном платье и белых перчатках. На плечи она небрежно набросила белый шерстяной жакет: в церкви было прохладно. Увидав Корделию, она притворилась удивленной, но это, пожалуй, было излишне: за ней никто не следил. Они вместе вышли из церкви.

На усыпанной гравием дорожке у портала толпились люди. Слышались приглушенные голоса, их перекрывала пронзительная скороговорка японцев, увешанных фотокамерами и кофрами. Отсюда не было видно серебристой ленты Кема, лишь у далекого берега сновали, словно в кукольном театре, крохотные плоскодонки; люди-куколки поднимали руки с шестом и вонзали за спиной, как в ритуальном танце. Большую лужайку заливал солнечный свет. В воздухе пахло травой. По лужайке, прихрамывая, ковылял хрупкий старичок — преподаватель колледжа, в мантии и академической шапочке. Налетел ветер, рукава мантии затрепетали, и старичок стал похож на огромную ворону, которая пытается взлететь.

— Это член совета колледжа, — сказала мисс Лиминг, хотя Корделия ее ни о чем не спрашивала, — а потому его нога не может осквернить священный дерн.

Они молча прошли мимо парфюмерного магазина «Гиббз». Когда же мисс Лиминг заговорит?

— Надеетесь преуспеть?— вдруг спросила мисс Лиминг и, почувствовав удивление Корделии, нетерпеливо пояснила:

— Я имею в виду Агентство. Думаете, справитесь?

— Должна. Ничего другого я делать не умею.

Она не станет рассказывать мисс Лиминг о своей привязанности к Берни, преданности его делу. Как может мисс Лиминг понять ее, если она сама себя не вполне понимает?

— Дорогое удовольствие.

Слова прозвучали как приговор.

— Вы имеете в виду контору и машину?

— Да. Непонятно, как вы собираетесь сводить концы с концами. Одному не под силу отдавать распоряжения, печатать письма и распутывать дела. С другой стороны, насколько я понимаю, помощник вам не по карману.

— Пока нет. Собиралась договориться с телефонной службой, чтоб отвечали на звонки. Впрочем, клиенты предпочитают приходить прямо в контору и там обсуждать дела. Если тратить деньги только на самое необходимое, можно покрыть расходы даже небольшими гонорарами.

— Гонорары еще надо получить.

Ответить было нечего. Некоторое время шли молча. Потом мисс Лиминг сказала:

— Вот, возьмите деньги.

— Я не хочу брать денег за это дело.

— Понимаю. Помнится, вы говорили сэру Рональду, что ваши условия — честная игра, так что, строго говоря, вознаграждение вам и не полагается. Но все равно, возьмите деньги, будет подозрительно, если вы откажетесь. Тридцати фунтов хватит?

— Вполне, спасибо.

Они дошли до угла лужайки и повернули к Королевскому мосту.

— Я теперь ваша вечная должница. Унизительно. Я не привыкла чувствовать себя кому-то обязанной.

— Я думала не о вас, а о Марке.

— Мне казалось, вы спасли меня во имя справедливости или другого столь же абстрактного принципа.

Они дошли до моста и, встав рядом, перегнулись через перила и стали смотреть на воду. Несколько минут на дорожках, ведущих к мосту, никто не появлялся. Мисс Лиминг начала свой рассказ:

— Притвориться беременной нетрудно. Достаточно надеть свободный корсет и постепенно подкладывать в него что-нибудь. Конечно, если женщина бесплодна, такое притворство унизительно. К Эвелин никто специально не присматривался. Она была застенчивой, сдержанной женщиной. Никого не удивляло, что она так неохотно говорит о своей беременности. На вилле Гарфорт всегда были друзья и родственники, которые в любое время из любви к ней могли выразить свои чувства к ней, погладив ее живот. Конечно, надо было срочно избавиться от этой глупой зануды, няни Пилбим.

— Миссис Годдард говорила мне, что Марк был необычайно похож на мать, — сказала Корделия.

— С ней станется. Сентиментальная дура.

Корделия промолчала. После долгой паузы мисс Лиминг заговорила вновь:

— Я обнаружила, что забеременела от Рональда, когда лондонский врач подтвердил наши догадки о том, что Эвелин, скорее всего, никогда не родит. Я хотела ребенка, Рональд мечтал о сыне, отец Эвелин так безумно желал иметь внука, что готов был расстаться с полумиллионом фунтов, если Эвелин забеременеет. Я оставила школу и переехала в Лондон, где меня никто не знал. Эвелин сказала отцу, что наконец-то ждет ребенка. Мы с Рональдом считали, что надуть Джорджа Ботли — святое дело. Он был высокомерный, жестокий, самодовольный дурак, считавший, что без его потомка жизнь на земле разом прекратится. На имя Эвелин посыпались чеки, каждый — с письмом, где он умолял ее заботиться о своем здоровье, советоваться с лучшими лондонскими докторами, побольше бывать на солнце. Она всегда любила Италию, и Италия была включена в план. Мы втроем встречались в Лондоне каждые два месяца и летели в Пизу. Рональд снимал небольшую виллу под Флоренцией, и там мы менялись ролями — я становилась миссис Кэллендэр, а Эвелин — мисс Лиминг. Прислуга у нас была проходящая, так что им не было нужды заглядывать нам в наши паспорта. Они привыкли к нашим приездам, привык к нам и наблюдавший меня местный врач. Итальянцам льстило, что англичанка так любит Италию и, несмотря на приближающиеся роды, приезжает каждый месяц.

— Но как же она могла это вынести, жить с вами под одной крышей, смотреть на вас рядом с мужем, зная, что вы носите его ребенка?

— Она любила Рональда и до смерти боялась потерять. Эвелин была далеко не красавица, и случилось ей остаться без мужа, куда бы она делась? Вернуться к отцу она не могла: ведь он заплатил ей в надежде, что она подарит ему внука. Если бы она вышла из игры, Рональд разошелся бы с ней, чтобы жениться на мне.

— Лучше мыть полы, чем терпеть такое.

— Эвелин была религиозна, следовательно, самообман был привычным состоянием ее души. Она убила себя, что так будет лучше для ребенка.

— А отец? Он так и не догадался?

— Он считал Эвелин неспособной на обман. Кроме того, он так хотел иметь внука, что ему бы и в голову не пришло, что желанного ребенка могла родить не Эвелин. Кроме того, ему представили справку от врача. Приехав в Италию в третий раз, мы сказали доктору Сартори, что отец миссис Кэллендэр обеспокоен состоянием ее здоровья. По нашей просьбе он написал, что беременность протекает благополучно. За две недели до рождения Марка мы вместе поехали во Флоренцию. К счастью, он появился на свет дня за два — за три до срока. Мы предусмотрительно отодвинули предполагаемую дату рождения, чтобы люди подумали, будто у Эвелин случились преждевременные роды. Доктор Сартори принял ребенка как нельзя лучше, и мы возвратились домой с малышом и со свидетельством о рождении, выписанном на нужное имя.

— А через девять месяцев миссис Кэллендэр умерла.

— Он ее не убивал, не думайте. Он не был таким чудовищем — по крайней мере тогда. Но в каком-то смысле мы оба ее погубили. Надо было пригласить к ней хорошего врача, конечно, не такого, как этот неуч Гладвин. Но хороший врач мог обнаружить, что она не рожала, и мы панически боялись, как бы правда не выплыла наружу. Эвелин тревожилась вместе с нами. Она запретила приглашать другого врача. Она полюбила ребенка. Так и умерла, ее кремировали, и мы решили, что наша тайна погребена навечно.

— Перед смертью она оставила Марку записку, всего лишь несколько букв в молитвеннике, сообщив свою и сэра Кэллендэра группу крови.

— Мы знали, что группы крови не совпадают — Рональд заставил нас сделать анализ. Но после смерти Эвелин мы уже не страшились разоблачения.

Наступила долгая тишина. Корделия смотрела, как по дорожке к мосту шествует группка туристов. Наконец мисс Лиминг сказала:

— Рональд никогда по-настоящему не любил его. Какая насмешка! Вот дед обожал Марка, тут все сошло гладко. Половину состояния он завещал Эвелин, потом деньги автоматически перешли к ее мужу. Другую половину должен был получить Марк, когда ему исполнится двадцать пять. Но Рональду было наплевать на сына. Он, видите ли, не мог полюбить его, а мне это было не позволено. Я только наблюдала, как он растет, ходит в школу. Вязала ему бесконечно свитера. Он рос, а я придумывала все новые рисунки для очередных свитеров. Бедный Марк! Он, должно быть, считал меня сумасшедшей.

— Во флигеле остались свитера. Что с ними делать?

— Возьмите себе или отдайте. Может, вы считаете, что я должна распустить их и связать что-нибудь другое?

— Я найду им применение. А что делать с книгами?

— Что хотите. Больше я во флигель не войду.

Туристы, переговариваясь на ходу, уже почти поравнялись с ними. Мисс Лиминг вытащила из кармана конверт и протянула Корделии.

— Здесь моя исповедь. Нет, я ничего не писала ни о Марке, ни о том, как он умер и кто убил его. Просто признаю, что я застрелила Рональда Кэллендэра как только вы уехали с виллы Гарфорт, а потом принудила вас подтвердить мой рассказ. Спрячьте куда-нибудь. Может, пригодится.

Корделия увидела, что на конверте написано ее имя. Она не стала его распечатывать.

— Слишком поздно, — сказала она. — Если вы сожалеете о том, что все завершилось именно так...

— Я ни о чем не жалею. Я рада, что все завершилось именно так. У Рональда очень могущественные друзья, очень влиятельные. Так вот, время от времени у них возникает желание доказать, что все еще что-то могут.

— У вас есть зажигалка? — вдруг спросила Корделия.

Не проронив ни слова, мисс Лиминг открыла сумку и протянула ей изящный серебряный цилиндр. Корделия не курила и не привыкла к зажигалкам. Ей удалось высесть пламя лишь с третьей попытки. Перегнувшись через парапет моста, она подожгла уголок конверта.

Яркое пламя потерялось в ослепительном свете солнца. Корделия видела лишь узкую дрожжащую алую полоску на занявшейся огнем бумаге, быстро обугливавшиеся края. Ветерок разогнал едкий запах дыма. Когда пламя стало лизать пальцы, Корделия бросила еще горящий конверт, и он, кувыркаясь, поплыл вниз, маленький и хрупкий, как снежинка, пока наконец не исчез в водах Кема.

— Запомните навсегда: ваш любовник застрелился, — сказала она.

Больше они не заговаривали о смерти Рональда Кэллендэра — просто молча шли

по аллее вязов к паркам и лужайкам колледжей. Лишь однажды мисс Лиминг взглянула на Корделию и с раздражением воскликнула:

— Как хорошо вы выглядите!

Женщина средних лет негодовала на жизнеспособность девушки, так быстро оправившейся от физического потрясения. События прошедших двух недель не отразились на ее внешности. А вот мисс Лиминг... Гладкие, цвета платины волосы были, как всегда, безупречно уложены, костюм сидел безукоризненно, с виду она была все та же — уверенная в себе помощница знаменитого профессора. Но впервые лицо ее показалось Корделии постаревшим и измученным.

Они прошли через Королевские Ворота и повернули направо. Машина Корделии стояла в нескольких ярдах от ворот, а «Ровер» мисс Лиминг — чуть дальше, на улице Королевы. Она быстро, крепко пожала руку Корделии и без улыбки, равнодушно попрощалась, точно они были знакомы по Кембриджу, случайно встретились на вечерне и вот теперь чопорно расстаются. Корделия смотрела вслед удалявшейся фигуре. Мисс Лиминг ни разу не оглянулась. Доведется ли еще свидеться? Трудно поверить, что они встречались всего четыре раза. У них не было ничего общего, но они были женщины, и, с тех пор как убили Рональда Кэллендэра, Корделия узнала цену женской солидарности. Как говорила мисс Лиминг, они недолюбливали друг друга. И все же, каждая держала в руках судьбу другой. Временами Корделию прошибал холодный пот при мысли о безмерности их общей тайны. Но подобные минуты были редки, а теперь их станет еще меньше. Время неизбежно измелечит их. Жизнь продолжается. Память не отпустит, пока они живы, но настанет день, когда, случайно увидев друг друга в театре, ресторане или в метро на встречных эскалаторах, они на миг встретятся взглядами и верно подумают: а было ли на самом деле то страшное, о чем сейчас вспомнилась? Убийство Рональда Кэллендэра постепенно становилось частью прошлого, хотя расследование окончилось всего четыре дня назад.

Больше ничто не удерживало Корделию во флигеле. Целый час как одержимая она прибирала и мыла комнаты, куда еще долго никто не войдет. В гостиной на столе стояла кружка с первоцветами, Корделия долила туда воды. Через каких-нибудь три дня они завянут, и никто этого не заметит, но у нее рука не поднялась выбросить еще живые цветы. Потом зашла в сарай и долго думала, что же делать с бутылкой скисшего молока и тушеной говядиной. Поначалу хотела выбросить все в туалет, но ведь это вещественные доказательства. Они ей больше не понадобятся, но нужно ли их уничтожать? Берни много раз предупреждал ее: «Никогда не уничтожай вещественные доказательства». В запасе у инспектора Далглиша всегда было вдосталь назидательных историй о печальной судьбе тех, кто пренебрег этим правилом. Поэтому она, в конце концов, решила сфотографировать продукты на кухонном столе, обратив особое внимание на выдержку и освещение. До чего же бессмысленное, нелепое занятие! Закончив работу, Корделия с облегчением вздохнула и опорожнила дурно пахнущие бутылку и сковородку. Потом тщательно вымыла и оставила на кухне.

Наконец собрала сумку и вместе с книгами и свитерами снесла в машину. Укладывая свитера из толстой шерсти, она представила, как сидит в своем саду доктор Гладвин и солнце не в силах согреть его руки с иссохшими венами. Вот кому пригодились бы свитера, но отвезти их ему Корделия не могла: такой подарок он мог принять только от Марка.

Корделия заперла дверь и сунула ключ под камень. Она страшилась встречи с мисс Марклэнд, а отдавать ключ ее брату или невестке не хотела. Поедет в Лондон, оттуда черкнет коротенькое письмецо мисс Марклэнд: дескать, спасибо за все, ключ найдете там-то. В последний раз прошлась по саду. Ноги сами понесли ее к колодцу. Она подошла ближе и ахнула. Земля вокруг него была вычищена, вскопана, полита и по окружности засажена анютиными глазками, маргаритками, камеником и лобелией — яркий оазис среди буйства сорняков. Получилось красиво, но нелепо и жутковато.

В душе Корделии боролись жалость и отвращение. Наверное, это дело рук мисс Марклэнд. Колодец, который долгие году внушал ей страх, угрызения совести, теперь стал святилищем. Жалкое зрелище! Лучше б она этого не видела. Корделия вдруг испугалась, что сейчас встретит мисс Марклэнд, увидит ее безумные глаза. Она почти выбежала из сада, с трудом захлопнула обвитые плющом ворота, села в машину и, не оглядываясь, поехала прочь. Дело Марка Кэллендэра было завершено.

ГЛАВА 7

На следующее утро ровно в девять Корделия пришла в контору на улице Кингли. Жара наконец спала. Когда она открыла окно, подул прохладный ветерок и пыль, толстым слоем лежавшая на столе и каталожном шкафу, пришла в движение. Ее ждало

всего одно письмо. На плотном, длинном конверте она прочла адрес адвоката сэра Рональда Кэллендэра. Адвокат был предельно краток:

«Мадам,— писал он,— к настоящему письму приложен чек на 30 фунтов, которые причитаются Вам за проведенное по поручению покойного сэра Рональда Кэллендэра расследование обстоятельств смерти его сына Марка Кэллендэра. Если Вас устраивает вышеозначенная сумма, пожалуйста, распишитесь на квитанции и пошлите ее мне».

Что ж, как сказала мисс Лиминг, эти деньги помогут ей выплатить штраф, хотя бы частично. Кое-что у нее еще оставалось — месяц продержаться можно. А там, если не предложат нового дела, вернется в машбюро или займется (конечно, временно) чем-нибудь другим.

В конторе было покойно и тихо, и когда вдруг резко зазвонил телефон, Корделия вздрогнула от неожиданности. Несколько секунд недоуменно, почти со страхом смотрела она на телефонный аппарат, потом нерешительно потянулась к трубке. И услышала спокойный, уверенный голос. Говоривший не угрожал, но каждое его слово для Корделии было наполнено зловещим смыслом.

— Мисс Корделия Грэй? Хорошо, что вы уже приступили к работе. Говорят из Скотланд-Ярда. Приходите к нам сегодня в любое удобное для вас время. С вами хочет побеседовать старший инспектор Далглиш.

— Может быть, посоветуетесь с адвокатом, мисс Грэй?— вкрадчиво спросил инспектор Далглиш.

— У меня нет адвоката.

— Коллегия готова порекомендовать вам весьма достойных, надежных адвокатов. На вашем месте я бы задумался над этим всерьез.

— Адвокату придется платить. Зачем он мне, если я говорю правду?

— Когда начинаешь говорить правду, как раз и нужен адвокат.

— Я всегда говорю правду. К чему мне лгать?

Не стоило задавать риторический вопрос. Он ответил на него серьезно, словно ей и в самом деле хотелось знать — к чему ей лгать.

— К примеру, чтоб защитить себя — впрочем, это вряд ли возможно. Или — чтоб защитить другого. Ко лжи вас могли побудить любовь, страх и чувство справедливости. Вы, насколько мне известно, слишком недолго общались с людьми, проходившими по этому делу, чтобы успеть к ним привязаться,— так что любовь отпадает. Отпадает и страх: вы, по-моему, не из тех, кого легко запугать. Остается чувство справедливости. Опасная область, мисс Грэй.

Ее допрашивали и раньше. В кембриджской полиции был на редкость въедливый следователь. Но впервые ее допрашивал человек, которому было известно все — и что она лжет, и что Марк Кэллендэр не покончил с собой, и многое, многое другое. Нет, отчаиваться нельзя, надо взять себя в руки. Знать наверняка он не может — может только догадываться. У него нет доказательств, нет и не будет. Кроме нее и мисс Лиминг, живых свидетелей не осталось. А они будут молчать, чего бы ей это ни стоило. Пусть Далглиш пытается вытянуть из нее правду, пусть сокрушает ее своими неопровержимыми доводами, вежливостью, добротой — на здоровье. Ничто в мире не заставит ее раскрыть рот.

— Ну что ж,— весело сказал Далглиш, поняв, что не дождется ответа,— посмотрим, что мы имеем. Вы заподозрили, что Марк Кэллендэр был убит. Мне вы в этом не признались, но в разговоре с сержантом Маскеллом из кембриджской полиции ясно дали понять, что не верите в самоубийство. Вы напали на след старой няни миссис Кэллендэр и узнали от нее о детстве Марка, о браке его родителей, о смерти его матери. Потом посетили терапевта, лечившего миссис Кэллендэр перед смертью. По телефону узнали группу крови сэра Рональда Кэллендэра. Группа крови могла вам понадобиться только в одном случае: вы заподозрили, что Марк Кэллендэр не был сыном Рональда и Эвелин Кэллендэр, урожденной Ботли. Вслед за тем вы отправились в Лондон и изучили завещание мистера Джорджа Ботли. Грамотный ход, я поступил бы так же. Подозреваешь убийство — подумай, кому оно выгодно.

Итак, он узнал о поездке в Сомерсет-Хаус и о звонке доктору Винаблзу. Что ж, этого следовало ожидать. Он отдавал должное ее уму: сам он вел бы дело так же. Корделия молчала.

— Вы не рассказали мне, как упали в колодец,— сказал Далглиш.— А вот мисс Марклэнд рассказала.

— Это произошло случайно. Я ничего не помню, но, должно быть, я решила осмотреть колодец — он казался мне загадочным,— я потеряла равновесие.

— Не думаю, что это случайность, мисс Грэй. Без веревки вы бы не смогли поднять крышку. Но веревка была аккуратно смотана и спрятана в траве — об нее споткнулась мисс Марклэнд. Неужели вы стали бы отвязывать ее от ручки крышки, собираясь всего лишь заглянуть в колодец?

— Не понимаю, какое отношение эта история имеет к смерти сэра Рональда Кэллендэра.

— Прямое. На вашу жизнь покушались, возможно — один из обитателей виллы Гарфорт.

— Но почему?

— Покушение было вероятно связано с расследованием. Вы стали опасны, и вас решили убить. Убийство — дело серьезное. Профессионалы и даже дилетанты идут на него только в самых крайних случаях. Видимо, вы стали не просто опасны, а очень опасны. Колодец закрыли крышкой, мисс Грей. Вы не могли провалиться сквозь дерево.

Она не проронила ни слова. После недолгой паузы он заговорил вновь:

— Мисс Марклэнд рассказала, что не хотела оставлять вас одну, после того как помогла выбраться из колодца. Однако вы заставили ее уйти — сказали, что не боитесь, потому что у вас пистолет.

Какое маленькое предательство и как сильно оно может испортить все дело! Но стоит ли винить мисс Марклэнд? Обходительный Далглиш наверняка вытянул из нее признание, убедив, что ее откровенность поможет Корделии. Что ж, теперь и Корделия вправе выдать тайну мисс Марклэнд. На сей раз она скажет правду.

— Хотелось поскорей от нее избавиться. Она рассказала мне жуткую историю о том, как много лет назад в колодце утонул ее незаконнорожденный ребенок. А ведь я сама только что едва не погибла. Каково мне было слышать такое? Я наврала ей про пистолет — только бы она ушла. Я не просила ее изливать мне душу. Она искала сочувствия, а у меня совсем не было сил.

— А может, вы прогнали ее по другой причине. Вы ведь знали: чтобы ваша смерть выглядела случайной, убийце необходимо снять с колодца крышку, значит, он непременно вернется.

— Если бы я и вправду чего-то боялась, я бы умолила ее взять меня с собой на виллу Летний Сад. Я бы ни за что не осталась во флигеле безоружной!

— Охотно верю, мисс Грей. Без оружия и впрямь вы не рисковали бы там остаться. Впервые Корделии сделалось по-настоящему страшно. Дело принимало нешуточный оборот. Если ее перехитрят и, заморочив голову, заставят сознаться, она попадет за решетку как соучастница. Сколько лет дают за укрывательство убийцы? Каково сидеть в тюрьме, она знает: читала. У нее отберут одежду. Запрут в одиночке. Могут, правда, выпустить досрочно — за хорошее поведение, — но разве можно хорошо вести себя в тюрьме? И как ей после этого жить? Кто возьмет ее на работу? Преступница!

Как там мисс Лиминг? Где она теперь? Спрашивать у Далглиша боязно, а сам он упомянул ее имя лишь вскользь. А может, и ее сейчас допрашивают в одной из бесчисленных комнат Скотланд-Ярда? А вдруг на нее станут давить и она проговорится? Устроят им очную ставку? Вот сейчас распахнется дверь и войдет мисс Лиминг — пристыженная, во всем раскаявшаяся, продавшаяся фараонам...

Старший инспектор вновь заговорил. В его голосе ей послышалось неподдельное участие:

— То, что в ту ночь у вас был пистолет, утверждает не только мисс Марклэнд. Один автомобилист заявил, что на дороге, милях в трех от виллы Гарфорт, он заметил машину, а когда остановился и предложил помощь, сидевшая за рулем молодая женщина стала угрожать ему пистолетом.

Корделия тотчас вспомнила густой сладкий аромат тихой летней ночи, внезапно заглуженный горячим, вонючим дыханием.

— Он был пьян. Наверное, его остановил полицейский патруль и попросил дышать в трубку — вот он и наплел невесте что, только бы оправдаться. Это вранье. Никакого пистолета у меня не было. Его отобрал сэр Рональд, когда я приехала на виллу Гарфорт в первый раз.

— Полиция задержала этого человека, когда он подъезжал к Лондону. Думаю, он будет настаивать на своей версии. Правда, он пока не опознал вас, но малолитражку вашу описал точно. Он решил, что у вас неполадки с машиной, и остановился помочь. Вы же неверно истолковали его намерения и стали угрожать пистолетом.

— Я совершенно верно истолковала его намерения. Но никаким пистолетом не угрожала.

— Что вы сказали ему, мисс Грэй?

— Убирайтесь или я убью вас.

— Пустая угроза — ведь пистолета с вами не было.

— Если б он у меня был, я бы и тогда не привела угрозу в исполнение. Но она подействовала.

— Что же произошло на самом деле?

— В машине лежала монтировка, и когда он сунулся в окно, я пригрозила ему монтировкой. Только спяну можно было принять ее за пистолет.

Итак, единственный человек, видевший у нее пистолет в ту ночь, был пьян. Маленькая, но победа! Корделия поборола искушение изменить свою версию. Берни был

прав. Она припомнила его совет — совет старшего инспектора Адама Далглиша. В ушах явственно зазвучал низкий, с хрипотцой голос Берни: «Всегда придерживайся первоначальной версии. Ничто не убеждает судей сильнее, чем последовательность. Случалось, адвокаты выигрывали заведомо безнадежное дело только потому, что обвиняемый настаивал на своем до конца. Как бы там ни было, любое обвинение — всего лишь чьи-то слова, а значит, их вполне можно поставить под сомнение».

И вновь заговорил старший инспектор. Корделия пыталась сосредоточиться на его словах, но тщетно. Последние десять дней она почти не спала, вот откуда эта усталость и тяжесть в голосе. Она слышала голос Далглиша как сквозь вату:

— Думаю, что вас в тот вечер навестил Крис Ланн. В противном случае — как он оказался на Кембриджском шоссе? Один из свидетелей катастрофы заявил, что черный фургон Ланна выехал с дороги, ведущей на виллу Марклэнда. Он мчался на бешеной скорости, словно за ним гнались все черти ада. За ним гнались вы, мисс Грей.

— Мы с вами уже говорили об этом. Я ехала к сэру Рональду.

— В такой час? И в такой спешке?

— Я должна была срочно сообщить ему, что продолжать расследование не буду. Я не могла ждать.

— Не могла ждать? А как же вы заснули на обочине? Вы ведь именно поэтому добрались до виллы Гарфорт только через час после того, как вас видели на месте катастрофы.

— Мне нужно было немного поспать. Я очень устала — ехать дальше в таком состоянии было небезопасно.

— А вот спать вы могли, ничего не опасаясь, — и вы об этом знали. Тот, кого вы боялись, был мертв.

Корделия не ответила. На комнату опустилась тишина — не враждебная, а ласковая. Господи, как же она устала! Как ей хотелось рассказать кому-нибудь правду о смерти сэра Рональда Кэллендэра. Берни? Он не придал бы значения нравственному выбору, перед которым поставило ее это преступление, более того — считал бы, что она намеренно усложняет дело. Легко вообразить, как он прошелся бы насчет интрижки Ланна с Элайзой Лиминг. Но старший инспектор Далглиш мог бы понять ее. Вот где ее слабое место — не искушение признаться, но потребность поделиться, излить душу. Интересно, знает инспектор Далглиш, что она чувствует? Может быть, это одна из его бесчисленных уловок?

В дверь постучали. Вошел полицейский в форме и передал Далглишу записку. В тишине он прочел ее. Корделия заставила себя взглянуть ему в лицо. Он был мрачен и рассеянно разглядывал листок бумаги, хотя уже давно должен был бы понять содержание.

— Это касается вашей знакомой, мисс Грэй, — прервал он молчание. — Элизабет Лиминг погибла. Два дня назад ее машина свалилась в кювет близ Амальфи. Ее опознали.

Нахлынула волна облегчения, такая, что Корделии едва не сделалось дурно. Она сжала кулаки, на лбу выступил пот. Ее бил озноб. Она ни на секунду не заподозрила инспектора во лжи. Она знала, что он хитер и безжалостен, но была уверена: ей он лгать не станет.

— Я могу идти домой? — прошептала она.

— Да. Думаю, вам бессмысленно здесь оставаться.

— Она не убивала сэра Рональда. Он отобрал у меня пистолет. Он отобрал... Спазм сжал ей горло.

— Я так и понял. Нет нужды снова повторять то, о чем мы с вами уже говорили.

— Когда мне теперь прийти?

— Можете не приходите вообще — если, конечно, не захотите сообщить что-нибудь еще. Вас попросили помочь следствию. Вы помогли. Спасибо.

Дом на улице Кингли не изменился и, вероятно, так будет всегда. У дверей конторы ждал мужчина средних лет в тесном синем костюме: пороссячьи глазки-буравчики утопали в жирных складках лица.

— Мисс Грэй? А я уж и ждать перестал. Моя фамилия Фрилинг. Увидел тут вашу табличку, дай, думаю, попробую удачу. Правда, — его глаза похотливо заблестели, — вы не очень похожи на частного сыщика.

— Чем могу помочь, мистер Фрилинг?

Он воровато огляделся.

— Есть у меня подружка, — начал он. Мерзкий вид лестничной площадки, вероятно, придал ему уверенности. — Сдается мне, что она погуливает. Узнать бы поточней... Понимаете?

Корделия вставила ключ в замок.

— Конечно, мистер Фрилинг. Заходите, пожалуйста.

Зиновий Рыбак

СОПЕРЕЖИВАНИЯ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

— Ура! — во всю мощь своего зычного голоса закричал писатель Утыков ранним утром, на рассвете, отрываясь от письменного стола, на котором вразброс лежали страницы нарождающегося романа-эпопеи «Подвиг на ферме».

— Проснись, милашка! — позвал он жену, которая вышла из спальни, на ходу протирая заспанные глаза и поправляя прическу, ибо больше почти нечего было поправлять.

— Тише, дружок, дети еще спят. Что с Ним? — встревоженно спросила она.

— Он отчаянно влюбился! — воскликнул писатель. — И, вероятно, навсегда!

— Да ты что? Разве так в жизни бывает? — усомнилась супруга.

— Что ты мелешь? — обиделся супруг. — Разве наша любовь не вечна?

— Ну, во-первых, прошел всего десяток лет, а, во-вторых, может, это нетипично...

— И ты знаешь, милашка, — не обращая внимания на замечания жены, восхищенно произнес писатель. — Он даже в любви признавался, как я. Помнишь? Я решительно подошел к тебе в читальном зале библиотеки и, бросаясь на колени, выпалил: «Вы верите в любовь со второго взгляда?» На меня кругом дружно зашикали, а ты... ты шепотом ответила: «Верю...»

— А он как? — с интересом спросила «милашка», разливая кофе по чашкам за кухонным столом.

— Понимаешь, здесь другая обстановка, — вроде оправдываясь, промолвил творец романа. — У нас с тобой был читальный зал, а здесь птицеферма, где работает Она. А все остальное очень похоже на наше. А помнишь?..

И сколько же было этих «а помнишь?» с обеих сторон.

Шли дни за днями. На письменном столе писателя росла горка исписанных страниц. Вместе с Ним — главным героем романа — самого творца обуревали радости и сомнения, триумфы и огорчения, надежды и печали. Однажды, зайдя в кабинет мужа, «милашка» застала его в кресле с опущенной головой. Он еле взглянул на жену, безнадежно махнув рукой.

— Что с Ним? — участливо спросила супруга.

— Перестраховщики! — заорал творец. — Чинодралы! Они наложили на Него взыскание. Ни с того ни с сего, понимаешь?

— Ничего страшного, — успокоила его жена. — Ведь взыскания через год снимаются. Так что потерпи.

— Ты так думаешь? — внезапно просветлев, промолвил писатель. — Ну что же, потерпим...

Однажды из кабинета раздалось громовое:

— Ура! Свистать всех наверх! У нас громадная радость!

Он схватил в объятия зашедшую в кабинет жену:

— Ты представляешь? Он женится! Женится!

Тут же было решено созвать на вечер всех «своих» и устроить пир по поводу Его свадьбы.

Надо сказать, что сообщение о женитьбе героя несколько не удивило «своих», ибо они были в курсе всех дел писателя.

— Дорогие товарищи!— начал речь хозяин дома, поднимая бокал.— Я должен вам сообщить приятную новость: Он женится. Пожелаем же молодоженам повышения яйценоскости их кур и увеличения привесов у породистых быков!..

Все перипетии вокруг создаваемого шедевра литературы будоражили не только самого творца и его жену, но и весь небольшой городок, где жил писатель.

Как-то поздно ночью Утыкин, работая над очередной главой романа, вдруг помрачнел, вскочил из-за стола и побежал к супруге:

— Плохо дело, милашка, очень скверно,— мрачно произнес он.

Проснувшись жена сочувственно спросила:

— Что с Ним?

— С кормами катастрофа. Начался падеж. Что-то надо предпринимать.

— А знаешь,— посоветовала супруга,— ты поднимай печаль...

Писатель помчался к телефону. Редактор местной газеты, хотя и неохотно простился со сном, все же выслушал творца и тут же ответил:

— Примем меры!

Наутро газета вышла с аршинными шапками-призывами: «Все силы и знания — заготовке кормов!», «Ни одной головы падежа среднего и даже мелкого рогатого скота!» Был объявлен субботник по заготовке травы в парках, дворовых цветниках и цветочных клумбах. А следующей ночью Утыкин снова поднял редактора с постели:

— Все в порядке, коллега! Отбой! — радостно произнес он.— Привезли комби-корм...

Как-то в разгар выходного дня, как разорвавшаяся бомба, раздался голос Утыкина.

— Как она смела? Как она смогла?!

Жена бросилась к романисту.

— Что, что с Ним?

— Она... она, понимаешь, разлюбила Его, — произнес писатель,— тупо глядя на очередную страницу романа.

— А ты же говорил о вечной любви...— с горечью произнесла хозяйка.

— Знаешь, милашка,— признался муж,— вечной любви не может гарантировать даже автор...

И грянул гром... Роман близился к концу. Несмотря на поздний час, автор, возбужденный, широкими шагами ходил по кабинету, напевая веселую мелодию «А на кладбище все спокойненько» и потирая руки от удовольствия. «Еще одна, может, две страницы, и рукопись...»— счастливая мысль гуляла в творческой голове. Сел за стол. Не отрываясь, стал заполнять свободное пространство белых листов. И вдруг... Жена услышала пронзительный вопль и влетела в кабинет, поправляя модную прическу, ибо больше на ней поправлять было нечего. Муж в полубормоке лежал на диване и большим пальцем правой руки чертил круги, изображая диск телефонного аппарата. Это означало: «Вызывай «скорую». Что и сделала перепуганная супруга.

«Скорая», как обычно, прибыла нескоро. Жена успела надеть свое лучшее платье, ибо в городе на «скорой» обычно дежурили мужчины. Дети, считая, что уже наступило утро, усердно чистили зубы в ванной, брызгая друг на друга водой.

Прибывший врач, осмотрев эффектное платье хозяйки, спросил у нее:

— Валерианка найдется? Накапайте ему двадцать четыре капли. Это оптимальная доза.

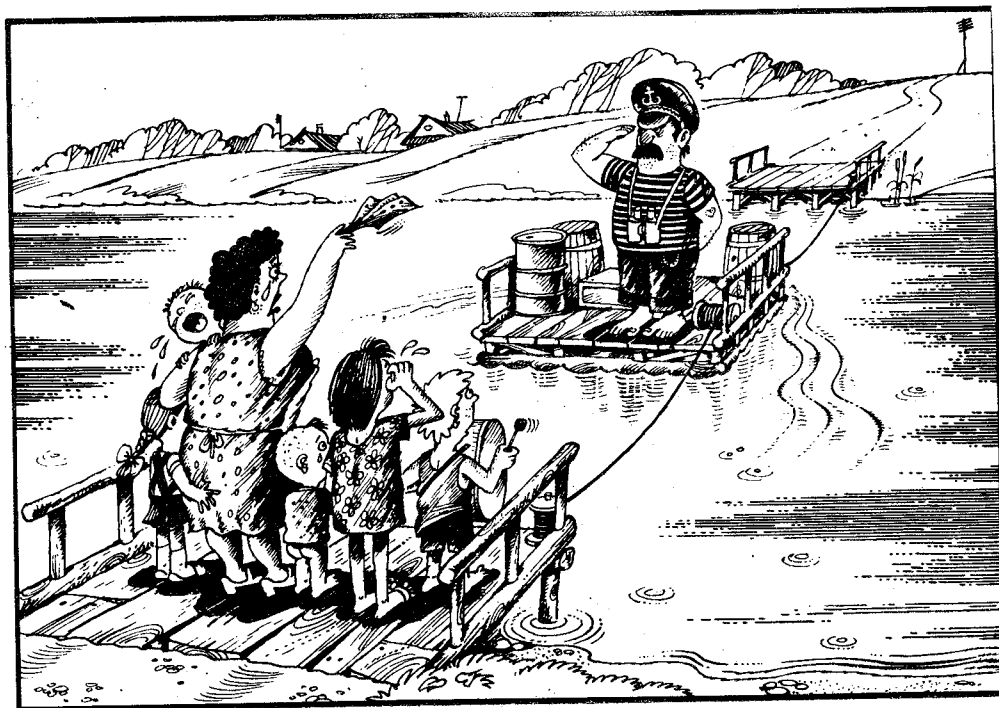
Затем доктор спокойно обратился к писателю:

— Что с Ним?

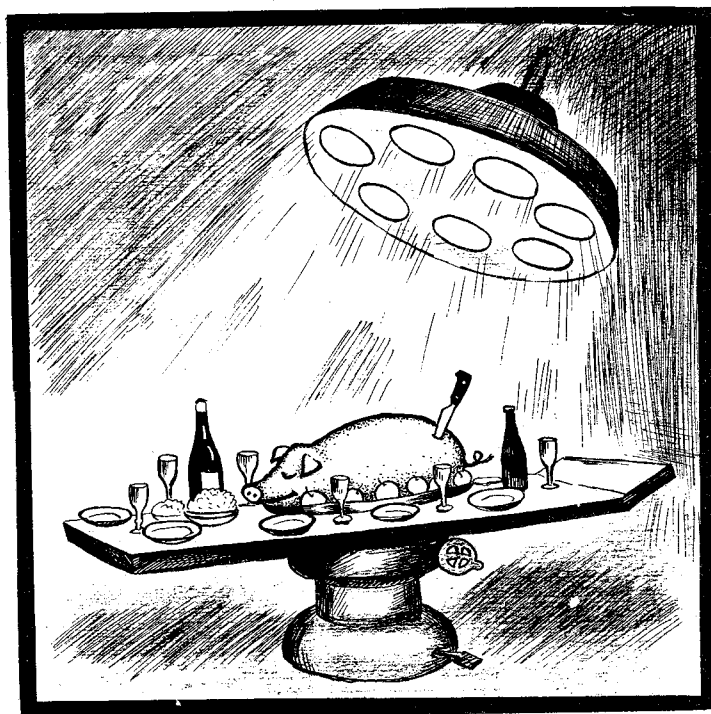
Писатель указал на письменный стол. Доктор взял последнюю страницу романа и прочел вслух: «План не дотянули. Обязательство провалили. Его сердце сжалось, и он, теряя сознание, уцепился за шею породистого красавца-бычка...»

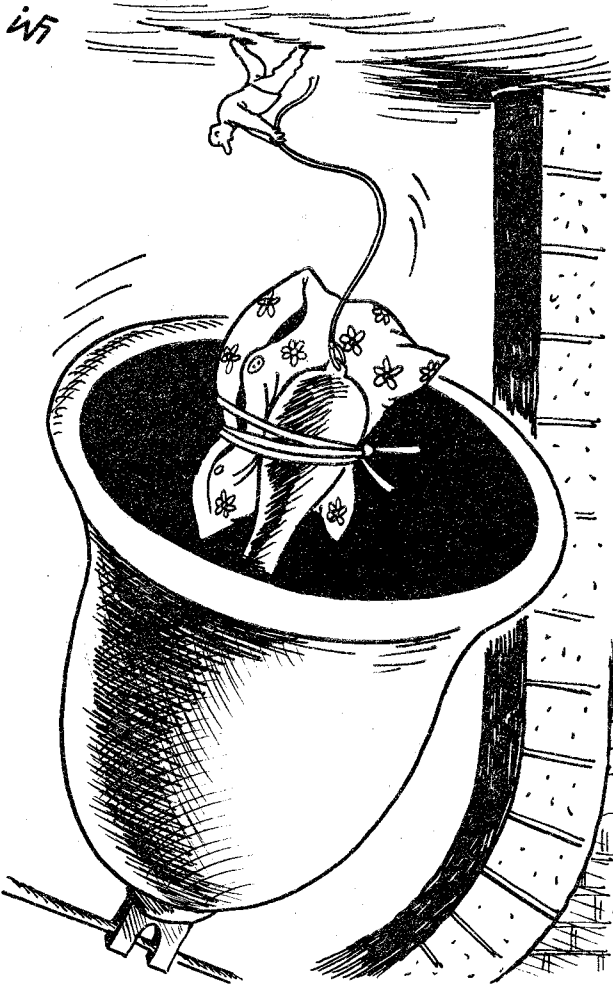
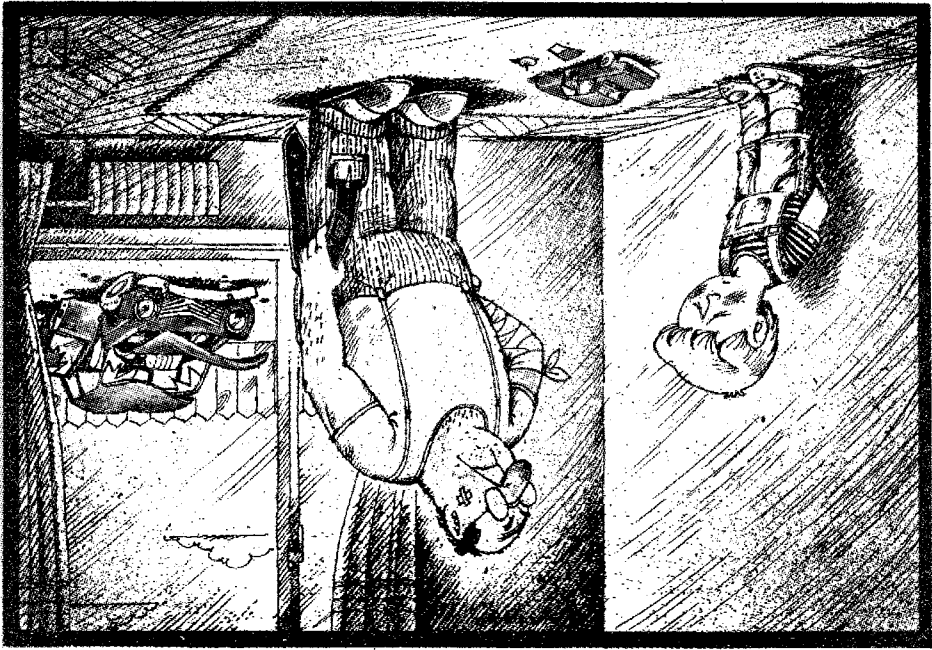
— Садитесь за стол! — приказал врач больному.— Дописывайте.

Автор взял авторучку и под диктовку доктора написал: «И вдруг яркая мысль пронзила его голову, он вспомнил афоризм греческого мудреца: жизнь дается лишь однажды. Он вскочил на спину породистого красавца-бычка и галопом помчался по полю к любимой ферме. «Какая это все-таки удивительная вещь — жизнь!» — подумал Он...»

РИСУНКИ. В. Уборевич-Боровского, А. Умярова, М. Кицкотая.

О НАШИХ АВТОРАХ

МУХАММАД АЛИ (Мухаммат-Али Ахмедов) родился в 1942 году в Андижанской области. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Произведения поэта переведены на русский и многие другие языки.

В 1976 году за книгу стихов и поэм «Земля отцов», «Поэмы» и «Голоса жизни» Мухаммад Али был удостоен звания лауреата премии Ленинского комсомола Узбекистана.

РОГОВ Игорь Федорович родился в Оренбурге в 1929 году. Закончил военное училище и филологический факультет Ташкентского государственного университета. Работал в редакциях газет «Ташкентская правда» и «Правда Востока», в издательстве «Еш гвардия». Печатался в периодических изданиях. Автор сборников рассказов «Последний день лета», «С утра до вечера», «Двое в лодке», повестей «Глубокий горизонт», «Февраль — месяц весенний», «Долина горных духов» и других произведений.

Член Союза писателей СССР.

АЗИМ СҮЮН (Азимбай Алимович Суюнов) родился в 1950 году в селении Кушилиш Нуратинского района Самаркандской области.

Стихи Азима Суюна публикуются с 1975 года. Он автор поэтических сборников «Мое небо», «Удар», «Судьба земли». Перевел на узбекский язык стихи А. Пушкина, И. Гете, Э. Межелайтиса, Н. Хазри, Р. Гамзатова, Г. Эмина и других авторов.

БЕРЕЗИКОВ Евгений Ефимович родился в селе Бороковка Туганского района Томской области в 1935 году. Закончил Ташкентскую специализированную школу милиции и Московскую Высшую школу Министерства внутренних дел. Работал в милиции, в комсомольских и партийных органах. Кандидат юридических наук. Автор повести «Я сделал выбор», романа «Красная Бухара» и других произведений. Член Союза писателей СССР.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию издательства по адресу: 700000, ГСП, ул. Газеты «Правда», 41.

Всеми вопросами подписки и доставки журнала занимаются отделения «Союзпечати» на местах.

Технический редактор Ф. Я. Викнянская.
Корректор З. Г. Байбазарова.

Адрес редакции: 700000, Ташкент, ГСП, ул. Газеты «Правда», 41.

Телефоны: главного редактора — 33-42-68, заместителя редактора и отв. секретаря — 33-40-43; отделов: прозы, поэзии — 33-77-64, публицистики, литературной критики — 33-07-78.

Рукописи объемом менее печатного листа не возвращаются.

Сдано в набор 4.06.90 г. Подписано к печати 12.07.90 г. Р—00017. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага тип. № 2. Офсетная печать. Условных печ. л. 18,2+0,35 (вкл.). Усл. кр.-отт. 19,95. Уч-изд. л. 20,95+0,35 (вкл.). Тираж 212228. Заказ № 3304. Цена 1 рубль.

Ордена Трудового Красного Знамени
типография Издательства ЦК Компартии Узбекистана.
Ташкент, ГСП, ул. Газеты «Правда», 41.